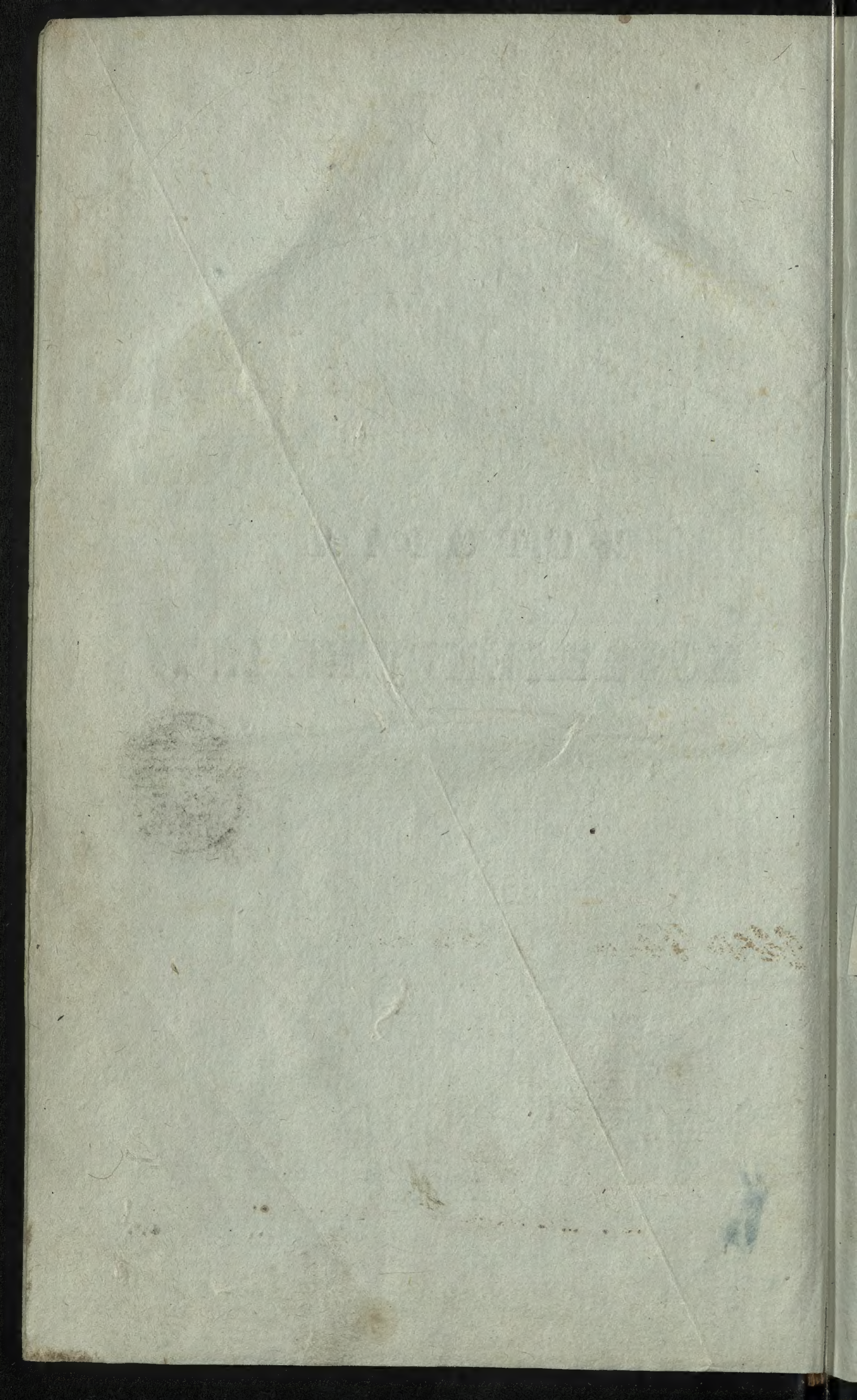

ИСТОРІЯ

КОРАБЛЕКРУШЕНІИ.

ИСТОРІЯ КОРАБЛЕКРУШЕНІЙ,

или

СОБРАНІЕ

Любопытнѣйшихъ Повѣствованій о Кораблекрушеніяхъ, Зимованіяхъ, Пожарахъ, Голодѣ и другихъ нещастныхъ Приключеніяхъ, случившихся на морѣ, извѣстныхъ свѣту отъ пятагонадесяте вѣку до нынѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Перевелъ съ Французскаго

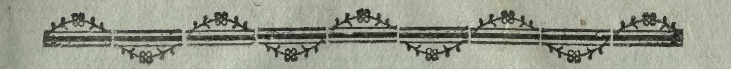
МОСКВА, 1800.

Въ Университетской Типографіи,

у Ридигера и Клаудія.

Съ дозволенїя Московской Цензуры.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Повѣствованій, содержащихся во второй Части.

Стран.

I. *Кораблекрушеніе* Иммануила Созы *и его жены* Элеоноры Гарціи Салы, *случившееся у восточныхъ береговъ Африки, въ 1553 году.* - 1

II. *Жалостное Состояніе экипажа на Французскомъ кораблѣ* Іяковѣ, *при возвращеніи его изъ Бразиліи во Францію, по причинѣ чрезмѣрнаго голоду и поврежденности самаго судна, въ 1558 году.* - - - 17

III. *Кораблекрушеніе, которое претерпѣлъ Адмиралъ* Фернандо Мендоца *и прочій экипажъ Португальскаго корабля* Св. Іякова, *разбившагося о скалы, называемыя* Байксосъ де Жуйда, *за 70 миль*

Стран.
отъ восточнаго берега Африки, въ 1586 году. - - 58
IV. Кораблекрушеніе двухъ Португальскихъ судовъ, одного у береговъ острова Фіурмы, близъ Суматры, а другаго на пустомъ острову въ Китайскомъ морѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ Макао, въ 1605 году. - - - 68
V. Кораблекрушенія двухъ Англійскихъ судовъ, Вознесенія и Соединенія; перваго у береговъ Камбаи, въ Индѣйскомъ морѣ въ 1609; втораго у береговъ Великобританіи, близъ Одіерна, въ 1611 годахъ. - - - 108
VI. Описаніе Пожара, погубившаго Голландской корабль, Новый-Горнъ, близъ пролива Зондскаго, на Индѣйскомъ морѣ; и путешествій Бонтекоевыхъ, въ 1619 году. 155
VII. Повѣствованіе о кораблекрушеніи Голландскаго судна, Батавіи, бывшаго подъ командою Франциска Пель-

Стран.
сарта, *при скалахъ* Фридерика Уштмана, *близъ береговъ Согласія въ Новой Голландіи, въ 1630 году,* - 228
VIII. *Кораблекрушеніе Голландскаго судна,* Спарровъ-Гавкъ, *у береговъ острова* Кельпаерта, *на морѣ Корейскомъ, въ 1653 году.* - 255
IX. *Повѣствованіе о кораблекрушеніи Португальскаго судна близъ* Коморинскаго мыса, *на Индѣйскомъ морѣ, въ 1645 году. Трогательный примѣръ супружней любви. Благородные поступки нѣкоторыхъ Французскихъ Дворянъ и Вицероя владѣній Португальскихъ въ Индіи.* - - - - - 307
X. *Кораблекрушеніе Голландскаго судна,* Драгона, *у береговъ нѣкоторой неизвѣстной* Южной Земли *въ 1658 году.* - - - - - 322
XI. *Кораблекрушеніе Голландскаго судна,* Коромtotemанделя,

Стран:
въ заливѣ Бенгальскомъ, въ 1660 году. - - - - 340
XII. Разбитїе шлюпки съ Французскаго корабля, Торо, въ въ нѣкоторомъ заливѣ близъ Зеленаго Мыса, у Западнаго берега Африки, въ 1665 году. 354
XIII. Кораблекрушенїе Голландскаго судна Лосдюна, въ устьѣ рѣки Гангеса, въ 1672 году; и приключенія Лестры, Французскаго путешественника. - - - - 374
XIV. Повѣствованїе о кораблекрушенїи Ишпанскаго фрегата, у береговъ Новой Ишпанїи, между островомъ Дель-Каньо и гаванью ла Калдера, на Южномъ морѣ, въ 1678 году. - - - - 422

I.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Иммануила Созы и его жены, Элеоноры Гарціи Салы,

случившееся у восточныхъ береговъ Африки, въ 1553 году.

Иммануилъ Соза де Сепульведа, отрасль одной изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ фамилій въ Португалліи, прославился въ Индіи своею храбростію и другими превосходными душевными качествами. Около половины шестагонадесять вѣка онъ былъ сдѣланъ Губернаторомъ крѣпости Діу, которое званіе дается только людямъ заслуженнымъ и испытанной храбрости. Онъ носилъ на себѣ сіе званіе много лѣтъ; но наконецъ, будучи побуждаемъ сильнымъ желаніемъ видѣть свою отечественную страну, сѣлъ на корабль въ

Кохинской гавани. Судно его было нагружено великими сокровищами, которыя частїю ему принадлежали, а частїю разнымъ другимъ Офицерамъ и пассажирамъ, сопровождавшимъ его въ семъ пути. Соза взялъ съ собою свою жену, Элеонору Гарцїю, дочь Салы, бывшаго въ то время Португальскимъ Генераломъ въ Индїи; — дѣтей своихъ; — Панталеона Салу, своего шурина; также нѣсколько другихъ Офицеровъ и дворянъ. Число матросовъ, слугъ и невольниковъ было весьма велико, и весь экипажъ состоялъ почти изъ 600 человѣкъ.

Частые опыты довольно уже показали, что мѣсяцъ Генварь есть самое благопрїятное время для плаванїя изъ Индїи въ Европу.

Сала задержанъ былъ нѣкоторыми покупками въ Куланѣ, и для того наши мореплаватели не могли отправиться прежде Февраля. Апрѣля 13 го, они увидѣли Кафрской берегъ; оттуда корабль благополучно продолжалъ плаванїе даже до Мыса Доброй Надежды. Но тутъ поднялся сильный сѣверный вѣтеръ, и скоро перемѣнился въ ужаснѣйшїй ураганъ, какой когда-либо бывалъ въ сихъ моряхъ. Вдругъ небо помрачилось; волны поднимались до об-

лакъ и грозили каждую минуту поглотить корабль: страшная тьма прерываема была только безпрестанною молнїею и ужасными громовыми ударами. Ужасъ объялъ сердца самыхъ смѣлыхъ людей. Сначала разсуждаемо было, не дожидаться ли имъ на морѣ, пока буря пройдетъ; но послѣ видя, что она болѣе и болѣе усиливается, и ненадѣясь уже въ такое время года пройти сей ужасный Мысъ, рѣшились единодушно плыть назадъ въ Индїю. Сїе ихъ намѣренїе было не меньше нещастливо: казалось, что необузданные вѣтры заклялись противъ сего бѣднаго корабля, уже весьма поврежденнаго; тщетно кормчїй и матросы употребляли всѣ усилїя, чтобы избавить его отъ ихъ ярости. Скоро треснули бока корабля, будучи безпрестанно ударяемы морскими валами съ великою силою; сдѣлалась большая течь, и не можно было выкачать воды насосомъ; брошены были товары въ море, но и сїе не уменьшило опасности: они были, какъ казалось, безъ надежды, и каждая волна грозила имъ погибелью. Наконецъ спустя много дней, послѣ продолжавшейся безпрестанно бури, Южной вѣтеръ рѣшилъ ихъ судьбу: корабль разбился о камень — самое

меньшее нещастіе, какое только могло съ ними случиться!

Тотчасъ бросили якорь въ недальнемъ разстояніи отъ земли; спущены въ море шлюпки, последняя ихъ надежда. Соза, его жена и дѣти, также знатнѣйшіе изъ экипажу, захвативши съ собою наскоро, что могли, бросились въ оныя; опасность слѣдовала за ними; страшныя волны готовы были погрузить ихъ въ бездну. Наконецъ послѣ многихъ трудовъ и опасностей они достигли берега. Но не всѣ изъ экипажу были равно щастливы; два или три раза удалось переплыть на шлюпкахъ, но послѣ иныя были потоплены, иныя разбились о подводные скрытые камни. Въ тожъ самое время порвался якорной канатъ; и такъ оставшимся на кораблѣ не было другаго средства къ спасенію, какъ броситься въ море и плыть къ берегу. Иные ухватились за бочки и за ящики, другіе положились на свою силу и искусство плавать. Однако весьма не многіе были столько щастливы, и спасли жизнь свою: около 300 человѣкъ погибло. — Не успѣли они достигнуть до берега, какъ корабль потонулъ. Это повергло бѣдныхъ странниковъ въ величайшее отчаяніе; они могли бы изъ остат-

ковъ корабля построить родъ бригантины, и когда бы время позволило, то отправились бы искать себѣ помощи въ Софалѣ или Мозамбикѣ; но теперь лишились и сей послѣдней надежды.

Та страна, гдѣ они претерпѣли кораблекрушенїе, находилась подъ 31мъ градусомъ Южной широты. Соза велѣлъ развести большой огонь, чтобъ осушить и согрѣть бѣдныхъ своихъ спутниковъ, которые чрезвычайно мучились стужею, голодомъ и ранами. Онъ раздѣлилъ также между ними небольшое количество муки, которую удалось имъ спасти отъ потопленїя; но и она была много испорчена морскою водою. Состоянїе ихъ было самое жалостное. Не видно было въ той сторонѣ ничего, кромѣ песковъ и голыхъ скалъ. Однако послѣ многихъ исканїй нашли источникъ пресной воды, что имъ весьма помогло. Тотчасъ стали огораждать себя ящиками и большими камнями, чтобы провести ночь въ безопасности. Въ семъ случаѣ Соза исполнялъ всѣ обязанности честнаго гражданина и благодѣтельнаго человѣка. Онъ удержалъ въ семъ мѣстѣ экипажъ до того времени, пока всѣ отдохнули отъ понесенныхъ трудовъ, надѣясь при-

томъ собрать нѣсколько провизіи, которую волны прибивали къ берегамъ. Наконецъ стали думать, куда имъ направить свой путь, и всѣ единодушно положили итти вдоль по берегу даже до той рѣки, которую Лаврентій Маркезецъ назвалъ рѣкою Св. Духа; ибо въ тѣхъ мѣстахъ Португальцы изъ Софалы и Мозамбика производили большой торгъ.

Отъ сей рѣки они отдалены были почти но 180 миль. Какъ скоро намѣреніе было положено, то Соза старается ободрить своихъ спутниковъ, и убѣждаетъ ихъ какъ словами, такъ и своею примѣрною неустрашимостію не предаваться отчаянію, но болѣе и болѣе исполняться бодростію. „Прежде нежели *хотимъ мы повѣрить себя морю*, говоритъ онъ, надобно рѣшиться переносить и голодъ и жажду, всякія потери и всякія неудобства и трудности. При всемъ томъ не только не должно унывать, но еще ожидать всего, и принимать все вмѣсто должнаго наказанія, заслуженнаго нашими грѣхами. Онъ присовокупилъ, что въ настоящемъ ихъ нещастіи не столько должно скорбѣть о томъ, что уже потеряно, сколько заботиться о томъ, что удалось имъ спасти; что великая потеря

ихъ сокровищь можетъ еще болѣе усугубиться потерею ихъ жизни; что онъ наиболѣе совѣтуетъ имъ, не заботиться о частномъ благѣ; что частныя выгоды должны быть пренебрежены, когда дѣло идетъ о благѣ общемъ; что въ личности и въ раздѣлѣ нѣтъ ничего вѣрнаго, ничего полезнаго, а напротивъ при единодушіи и добромъ согласіи, имъ нѣчего бояться.„ Онъ кончилъ рѣчь свою прозьбою, которую внушила ему любовь къ его женѣ и къ дѣтямъ, и молилъ нещастныхъ своихъ спутниковъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ полу жены, и къ малолѣтнему возрасту дѣтей. Всѣ отвѣчали ему, что нѣтъ ничего справедливѣе, какъ то, чтобы крѣпкіе и сильные помогали слабѣйшимъ; просили вести себя куда ему угодно; клялись слѣдовать за нимъ повсюду, и быть всегда ему покорными.

Такимъ образомъ они вскорѣ отправились въ путь. Все ихъ общество состояло изъ Созы, Элеоноры, его жены, отличавшейся мужественнымъ характеромъ, ихъ дѣтей, которые еще не были способны знать опасности своего состоянія, Андрея Фазеца, корабельнаго хозяина, и 80 Португальцовъ; за сею толпою слѣдовали около ста слугъ, которые поперемѣнно несли на

себѣ дѣтей и мать на носилкахъ; за ними шли матросы и служанки; наконецъ Панталеонъ съ нѣсколькими Португальцами и невольниками заключали всю толпу.

Нѣсколько дней шли они по мѣстамъ весьма опаснымъ, и послѣ были остановлены неприступными утесами и быстрыми ручьями, наводнившимися отъ дождей въ то время года. Стараясь найти удобной путь, принуждены были пройти больше ста миль вмѣсто тридцати, оставшихся имъ до назначеннаго мѣста, естьли бы имъ можно было держаться берега. Скоро оказался у нихъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; они стали питаться дикими плодами, которые въ тѣхъ странахъ служатъ пищею скотамъ.

Странствуя четыре мѣсяца, наконецъ пришли къ рѣкѣ Св. Духа, однако ея не узнали; ибо въ той сторонѣ есть три различные рукава, которые вмѣстѣ соединяются, прежде нежели впадаютъ въ море.

Ихъ сомнѣнія разрѣшилъ Король той страны: онъ былъ весьма хорошо расположенъ къ Португальцамъ, особливо потому, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ въ миролюбіи производилъ торговлю съ Лаврентіемъ Марке-

зецомъ и Антоніемъ Калдеромъ. Сей Государь принялъ весьма ласково Созу и его спутниковъ, и объявилъ имъ, что Король, живущій въ его сосѣдствѣ, крайне сребролюбивъ и коваренъ, и что они въ его царствѣ подвергнутъ себя великимъ опасностямъ. Не смотря на то, желаніе найти какое нибудь мѣсто, обитаемое Европейцами, ослѣпило нашихъ странниковъ, и они какъ будто не хотѣли усмотрѣть тѣхъ нещастій, отъ которыхъ предостерегалъ ихъ сей доброй Государь; но скоро раскаялись, что перешли другой рукавъ рѣки.

На другой день увидѣли 200 Кафровъ, шедшихъ прямо къ нимъ. Хотя же силы ихъ и весьма истощились отъ трудностей дороги, однако они взялись за оружїе и приготовились защищаться. Видя же, что Кафры шли къ нимъ тихо, и показывали больше желанія узнать ихъ, нежели вредить имъ, они ободрились, и старались получить отъ нихъ съѣстныхъ припасовъ за деньги, или вымѣнять на разные инструменты, къ которымъ сей народъ отмѣнно падокъ. Взаимная довѣренность умножалась болѣе и болѣе, судя по наружности, и Португальцы нуждаясь въ житейскихъ потребностяхъ, не могли ни-

чего подозрѣвать со стороны Кафровъ; напротивъ дѣлались къ нимъ болѣе и болѣе привержены. Но сіи варвары тотчасъ поняли, что имѣютъ удобной случай ограбить пришельцевъ, и лишить ихъ всего того, что имъ столько льстило. А чтобы удобнѣе успѣть въ своемъ злодѣйскомъ замыслѣ, то объявили Португальцамъ, что естьли они придутъ къ жилищу ихъ Царя, то будутъ приняты весьма хорошо. Португальцы не имѣя ни малѣйшаго подозрѣнія, и чувствуя крайнюю усталость, болѣе же всего боясь терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, приняли сіе предложеніе Кафровъ. Они слѣдовали за ними къ жилищу ихъ начальника; но сей повелѣлъ имъ остановиться въ одномъ перелѣскѣ случившемся на дорогѣ. Тамъ пробыли они нѣсколько дней, и въ сіе время могли покупать разную грубую пищу, мѣняя на товары, избавленные отъ потопленія. Соза, обманувшись наружною ихъ искренностію и притворною добротою, рѣшился дожидаться въ сихъ мѣстахъ пріѣзду купцовъ изъ Софалы, и для того просилъ у Короля позволенія, остаться въ его землѣ и построить нѣсколько хижинъ для себя и для сво-

ихъ спутниковъ, коихъ число гораздо уменшилось послѣ такого многотруднаго пути.

Король, будучи больше хитръ, нежели можно было подозрѣвать, велѣлъ сказать Созѣ: „что двѣ причины воспрепятствовали ему принять Португальцовъ такъ благосклонно, какъ онъ прежде хотѣлъ; первая, дороговизна и малое количество съѣстныхъ припасовъ; а вторая, страхъ, какой его подданные имѣютъ въ разсужденіи ихъ шпагъ и оружій; что естьли Соза отдастъ всѣ оружія, дабы пользоваться жизнію мирною и спокойною, то онъ согласится на его прозьбу.„

Благоразуміе внушало Португальцамъ, отвергнуть такое требованіе; но желаніе, найти конецъ своимъ нещастіямъ, превозмогло, и принудило ихъ принять сіе предложеніе. Тщетно Элеонора припоминала Созѣ тѣ неблагопріятныя извѣстія, какія первой Король подалъ имъ о семъ Государѣ; онъ презрѣлъ прозьбы и напоминанія своей жены, и къ погибели своей легковѣрно склонился на хитрыя представленія сего Государя. Всѣ прочіе послѣдовали примѣру своего Начальника, и отдали свое оружіе вѣроломному Королю. Скоро они раскаялись въ своемъ легко

мыслїи: ибо Кафры немедленно захватили всѣ ихъ сокровища, которыя они сберегли съ толикими трудами, и даже сняли съ нихъ все платье. Тѣ, которые осмѣлились имъ воспротивиться, были безъ милосердїя побиты сими варварами.

Одна Элеонора мужественно имъ противилась; но что можетъ сдѣлать женщина противъ такихъ дикихъ чудовищь? они сорвали съ нее все платье. Нещастная Элеонора, стыдясь оставаться нагою передъ глазами сихъ безчеловѣчныхъ и передъ своими собственными людьми, бросилась въ ровъ, находившїйся неподалеку, и, такъ сказать, погребла себя въ пескѣ, рѣшившись не выходить оттуда. Хотя же усталость и горесть совершенно лишили ее силъ, однако она не могла удержаться, чтобъ не сказать Андрею Фазецу и нѣкоторымъ другимъ Португальцамъ, не хотѣвшимъ ее оставить: „Вотъ, друзья, „мои, плоды смѣшнаго вашего легко„вѣрїя! Оставьте меня; мнѣ не нуж„на ваша помощь; думайте толь„ко о себѣ, и естьли Небо попуститъ „васъ нѣкогда увидѣть наше отече„ство, не забудьте разсказать тѣмъ, „которые вспомнятъ о нещастной Эле„онорѣ и ея мужѣ, что мы своими

Вотъ, друзья мои! плоды смѣшнаго вашего легковѣрія!

„грѣхами навлекли на себя гнѣвъ Не-
„бесъ, и ввержены въ сїю бездну золъ.„
Ея рыданїя прервали сїю рѣчь; она не могла продолжать, только устремила нѣжные взоры на мужа своего и на дѣтей. Между тѣмъ смущенный Соза, пораженный своимъ неразумїемъ и плачевными его слѣдствїями, стоялъ какъ окаменѣлый неподвижно. Уже Кафры удалились съ добычею, его товарищи разсѣялись, дабы избѣгнуть смерти, коею были они угрожаемы, а онъ еще не опомнился. Наконецъ, какъ бы пробудившись отъ сего ужаснаго безчувствїя, бѣгалъ по всѣмъ сторонамъ, ища плодовъ, чтобы продлить жизнь своей жены и бѣдныхъ дѣтей; но будучи нагъ и не имѣя никакого оружїя, что могъ онъ найти въ странѣ, опустошенной варварами и сожженной зноемъ солнечнымъ? Часто приходилъ назадъ утомленъ и въ безсилїи; наконецъ возвратившись въ послѣднїй разъ, нашелъ жену свою и дѣтей, умершихъ отъ голоду и жажды. Еще имѣлъ столько твердости — похоронилъ ихъ. Потомъ не медля бѣжалъ сего ужаснаго мѣста, и скрылся въ степяхъ, гдѣ безъ сомнѣнїя и умеръ; ибо никто уже не имѣлъ объ немъ ни малаго извѣстїя. Можетъ быть растерзали его дикїе

звѣри, которыхъ въ сей землѣ великое множество. —

Такой печальный конецъ имѣло путешествіе Созы, въ 1553 году. Бѣдные, оставшіеся изъ его экипажу, коихъ числомъ было наконецъ только 26 человѣкъ — прочіе отъ трудовъ и нещастій жалостно погибли — долго скитались въ той странѣ, и напослѣдокъ стали невольниками Дикихъ. Они всѣ окончили бы дни свои въ семъ тягостномъ и позорномъ состояніи, естьли бы одинъ Португальской купецъ, пріѣхавшій туда изъ Мозамбика покупать слоновой кости, не купилъ ихъ у Кафровъ, давши за каждаго по четыре сестерціи. Въ числѣ сихъ избавленныхъ былъ Панталеонъ Сала: онъ умеръ въ Лиссабонѣ отъ удару апоплексическаго въ глубокой старости.

Бѣдственная участь Созы возбудила въ его соотечественникахъ великое соболѣзнованіе, но не научила ихъ лучшей осторожности. Въ слѣдующемъ году вышли пять другихъ кораблей изъ Кохинской гавани, намѣреваясь отправиться въ Португаллію. Фернандъ Алваръ Капралъ надъ ними начальствовалъ. Одинъ только изъ сихъ кораблей прибылъ въ Лиссабонъ, претер-

пѣвши безчисленныя опасности; не извѣстно, что случилось съ другими, кромѣ одного называвшагося Св. Бенедиктомъ, которой былъ такъ тяжело нагруженъ, что матросы почти не могли имъ управлять. На серединѣ дороги у Мыса Доброй Надежды застала его сильная буря; порывистой вѣтръ пригналъ его къ землѣ, гдѣ онъ ударился о каменистой берегъ, называемый Наталь. Двѣсти человѣкъ бросились въ море, и хотѣли вплавь достигнуть берега, однако погибли въ волнахъ.

Мескита Перестрелле, спасшій жизнь свою при семъ нещастіи, оставилъ намъ подробное описаніе онаго; онъ увеличиваетъ ужасъ своихъ спутниковъ, говоря, что они видѣли души, изшедшія изъ нещастныхъ потопленныхъ матросовъ, и слышали ихъ жалобной стонъ. Сіи бѣдные, избавившіеся отъ кораблекрушенія, испытали равныя нещастія, какъ и экипажъ Созы; ибо послѣдуя почти по ихъ стопамъ, они переносили крайній голодъ и жажду. Наконецъ изъ 300 человѣкъ, сколько ихъ прежде было, осталось только 23, которые почти полумертвы отъ слабости и голода попались въ плѣнъ къ

Кафрамъ, и сдѣлались ихъ невольниками. Спустя нѣсколько мѣсяцовъ купцы, привлеченные въ ту страну коммерцїею, выкупили ихъ, и привезли въ Софалу и Мозамбикъ, куда они и прибыли, претерпѣвъ премного нещастїй.

II.

ЖАЛОСТНОЕ СОСТОЯНІЕ

Экипажа на Французскомъ кораблѣ, Іаковѣ, при возвращеніи его изъ Бразиліи во Францію, по причинѣ чрезмѣрнаго голоду, и поврежденности самаго судна, въ 1558 году.

Изъ всѣхъ золъ, могущихъ постигнуть мореходцовъ на открытомъ морѣ, самое ужаснѣйшее есть безъ сомнѣнія недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Въ описаніяхъ путешествій мы встрѣчаемъ много тому примѣровъ, но одинъ изъ трогательнѣйшихъ находится въ исторіи возвращенія корабля Французскаго *Іакова* изъ Бразиліи (1) во Францію. Жанъ *де Лери* былъ свидѣтелемъ и почти жертвою упоминаемаго нами нещастія: онъ повѣствуетъ о семъ приключеніи съ подробнѣйшими обстоятельствами, и поражаетъ ужасомъ сердце читателя. Прежде нежели мы заимствуемъ изъ него сіе повѣствованіе, за нужное щитаемъ кратко упомянуть о томъ, что случилось прежде его возвращенія во Францію.

ВЪ 1557 году, Николай *Дюрандъ де Вилльганьонъ*, Мальтійской КавалерЪ, и ВицЪ-АдмиралЪ Британскій, прельстясь мнѣніями новыхЪ сектЪ, и вѣроятно также, будучи раздраженЪ какими нибудь непріятностями вЪ отправленіи своей должности, принялЪ намѣреніе завести вЪ Америкѣ колонію ПротестантовЪ. Сей КавалерЪ былЪ весьма храбрЪ, предпріимчивЪ, имѣлЪ великой умЪ и такія свѣденія, какихЪ обыкновенно не ожидаемЪ мы вЪ человѣкѣ военномЪ. Его намѣреніе представлено было Двору вЪ такомЪ видѣ, будто онЪ хочетЪ основать Французское селеніе вЪ НовомЪ Свѣтѣ, по примѣру ПортугальцовЪ и ИспанцовЪ. ПодЪ симЪ предлогомЪ онЪ получилЪ отЪ Генриха II. три корабля, хорошо снаряженные, и выбралЪ себѣ экипажЪ изЪ КальвинистовЪ явныхЪ или скрытныхЪ. ВЪ мѣсяцѣ Маѣ отправился изЪ ГаврЪ-де-Граса, но прибылЪ вЪ Бразилію не прежде Ноября. Вошедши вЪ устье нѣкоторой рѣки, лежащей почти подЪ тропикомЪ Козерога, завладѣлЪ тамЪ небольшимЪ островомЪ, на которомЪ построилЪ крѣпость и назвалЪ ее *Крѣпостію Колиньи*. При самомЪ началѣ сего дѣла онЪ отправилЪ корабли назадЪ во Францію, и вЪ пись-

махЪ репортовалЪ Двору о своемЪ положенiи. Кромѣ того послалЪ еще письма кЪ нѣкоторымЪ друзьямЪ своимЪ вЪ Женеву.

Сiи письма произвели желанный имЪ успѣхЪ. Женевская церковь ревностно приняла сей случай, утвердиться и распространиться вЪ отдаленной странѣ, гдѣ по всѣмЪ вѣроятностямЪ она надѣялась имѣть полную свободу, каковой лишена была во Францiи. Особенно же принялся за сiе дѣло АдмиралЪ Колиньи, ихЪ явный покровитель, которому ВилльганьонЪ не упустилЪ сообщить своего намѣренiя. Дабы лучше успѣть вЪ семЪ предпрiятiи, онЪ всемѣрно старался склонить Филиппа *Коргильера*, стараго дворянина, извѣстнаго наиболѣе подЪ именемЪ *Дюпонта*, принять на себя начальство надЪ эмигрантами, отправлявшимися вЪ Бразилiю. Сей ДюпонтЪ удалился вЪ Женеву незадолго передЪ тѣмЪ, и признаваемЪ былЪ отЪ всѣхЪ человѣкомЪ отмѣнно умнымЪ и привязаннымЪ ревностно кЪ своей сектѣ. ОнЪ сперва отрекался принять на себя сiе намѣреваемое дѣло, извиняясь своею старостiю и далекимЪ путемЪ; однако наконецЪ уступилЪ усильнымЪ убѣжденiямЪ Кальвиниста,

Какъ скоро сїе дѣло было рѣшено, то слава и доброе имя сего Начальника привлекла весьма много частныхъ людей всякаго состоянїя, которые желали предпринять съ нимъ намѣреваемое путешествїе. Консисторїя выбрала также двухъ священниковъ, извѣстныхъ своими достоинствами: одинъ назывался Петръ *Ришеръ*, и былъ 50 лѣтъ, а другой Вельгельмъ *Шартїеръ*.

Впрочемъ Дюпонтъ не скрывалъ отъ всѣхъ предлагавшихъ свои услуги, что имъ должно совершить дальнїй путь, больше двухъ тысячь миль моремъ и 150 миль сухимъ путемъ; не скрывалъ и того, что Бразилїя, сїя обѣтованная земля, весьма необработанна и не совсѣмъ здорова. Это устрашило многихъ: большая часть возвратились назадъ; осталось только четырнадцать человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ *Жанъ де Лери*, молодой человѣкъ двадцати двухъ лѣтъ, Авторъ повѣствованїя о семъ путешествїи. Они вмѣстѣ съ двумя священниками не перемѣнили своего намѣренїя, и 10 го Сентября 1556 года, отправились всѣ изъ Женевы.

Имъ надобно было сѣсть на корабли въ Гонфлюрѣ; они отправились

туда черезъ Руанъ, и въ семъ городѣ набрали еще нѣсколько пассажировъ.

Всѣ они сѣли на три военные корабля, вооруженные иждивенїемъ Короля, и порученные въ команду *Боале-Конту* въ качествѣ Вицъ-Адмирала: онъ былъ племянникъ Виллыганьона.

Дабы не удалиться отъ нашей цѣли, мы не станемъ описывать подробно, какъ они выѣхали, какъ продолжалось ихъ плаванїе, какїя бури они испытали, какъ завладѣли нѣкоторыми Португальскими мѣлкими судами, какъ терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и другїя нещастїя, обыкновенно случающїяся во время путешествїя.

7 го Марта 1557 года, флотъ ихъ вошелъ въ устье рѣки Янейро. При пушечной пальбѣ выбѣжали колонисты, и съ обѣихъ сторонъ радость была чрезмѣрна.

Виллыганьонъ обнималъ всѣхъ пассажировъ, бывшихъ на флотѣ, и принялъ ихъ дружески. Его ласковость продолжалась болѣе мѣсяца; „но какъ „почти не возможно носить на себѣ „маску долгое время, говоритъ Лери, „то мы скоро примѣтили, что мало „можно полагаться на такого прозелита, каковъ Виллыганьонъ.„ Хотѣлъ ли онъ того, чтобы примириться съ

Дворомъ, отъ котораго получилъ жестокїе выговоры за перемѣну своей религїи, или онъ и отъ природы былъ непостояннаго нраву; только новые пришлецы съ удивленїемъ увидѣли, какъ онъ входилъ въ споры объ ученїи Кальвина, а особенно относительно до святой тайны Причащенїя. Каждой день требовалъ отъ священниковъ новыхъ перемѣнъ въ богослуженїи и въ отправленїи таинствъ. Наконецъ совершенно снялъ маску, и оставилъ свое прежнее ласковое обхожденїе съ Протестантами. Даже не рѣдко клялся тѣломъ Св. Іакова — обыкновенная его клятва! — что онъ раздробитъ голову, переломаетъ и руки и ноги первому, кто осмѣлится его огорчить; тогда никто не отважился къ нему являться.

Лери разсказываетъ много примѣровъ жестокости Виллѣганьона; онъ признается также, что естьлибы Протестанты, коихъ число было довольно велико, не удерживаемы были уваженїемъ къ Адмиралу Колиньи, то бы нашли не одинъ случай освободиться отъ такого коварнаго и безчеловѣчнаго начальника. Но они оставались довольны и тѣмъ, что дѣлали свои сходбища безъ его соучастїя, а особливо выбирали время ночное для празднованїя

святой Вечери. Однако сїе не долго пребыло въ тайнѣ: Виллыганьонъ узналъ о томъ, и наконецъ объявилъ, что не будетъ терпѣть Протестантовъ въ своей крѣпости.

„Такимъ образомъ, присовокупляетъ Лери, мы помогши ему построить крѣпость, принуждены изъ нея выйти и даже должны были оставить островъ, и ожидать отъѣзду одного Гаврскаго корабля, прїѣхавшаго за грузомъ красильнаго дерева. Мы удалились на морской берегъ, по лѣвую сторону отъ устья рѣки, въ мѣсто называемое Французами *ла Брикетери*, за полмили отъ рѣки. Дикїе, имѣя больше человѣколюбїя, нежели Виллыганьонъ, принесли намъ пищи. Они были единственное наше прибѣжище чрезъ цѣлые два мѣсяца.„

Въ томъ мѣстѣ, куда Протестанты уклонились, было построено нѣсколько хижинъ для жилища Французамъ, прїѣжжавшимъ на сей берегъ для рыбной ловли, или по другимъ какимъ причинамъ. Протестанты могли бы избрать сїе убѣжище мѣстомъ своего пребыванїя, и на всегда основать тамъ свои жилища, естьлибы надѣялись быть въ независимости отъ Виллыганьо-

на, поставленнаго начальникомъ отъ самаго Короля.

По прошествіи нѣсколько времени, между тѣмъ какъ они жили въ Брикетъ тери, нѣсколько человѣкъ изъ поселенцовъ, раздражены будучи жестокостію Виллыганьона, день ото дня увеличивавшеюся, оставили его, и присоединились къ Протестантамъ. Тогда Виллыганьонъ опасаясь, чтобы и другіе не послѣдовали тому примѣру, воспользовался своимъ правомъ, и поспѣшилъ наискорѣе удалить всѣхъ Протестантовъ въ отечество. И для того писалъ къ *Фарибану*, Капитану одного корабля, стоявшаго на устьѣ рѣки на якорѣ, что онъ можетъ безъ всякаго опасенія взять ихъ на корабль и везти во Францію; даже прислалъ имъ пашпортъ за подписью своей руки. Но Лери и въ семъ случаѣ замѣчаетъ его коварное злоумышленіе. „Корабельному хозяину, говоритъ онъ, далъ Виллыганьонъ маленькой ящичекъ, обвернутой въ клеенку, для безопасности на морѣ; въ немъ были письма ко многимъ особамъ во Францію, а между прочими тудаже положенъ и формальной процессъ, будтобы произведенный противъ насъ, съ повелѣніемъ первому судьѣ, которому сообщенъ будетъ тотъ про-

цессъ во Франціи, задержать насъ и сжечь какъ еретиковъ, каковыми онъ насъ почиталъ. „ — Сей корабль по имени *Іаковъ*, нагруженъ будучи красильнымъ деревомъ, перцомъ, хлопчатою бумагою, обезьянами, попугаями, и другими произведеніями той земли, былъ въ готовности отправиться въ путь 4 Генваря 1558 года. Тотчасъ всѣ сѣли на корабль, и въ тотъ же день снялись съ якоря. Всего экипажу было 45 человѣкъ матросовъ и пассажировъ, не щитая Капитана и Мартына *Бодуэня* уроженца Гаврскаго, хозяина корабельнаго.

Теперь послушаемъ повѣствованія самаго Лери о возвращеніи ихъ во Францію: мы увидимъ неразрывную связь самыхъ странныхъ приключеній; только постараемся очистить нѣсколько его слогъ и сократить продолжительность.

„Намъ надобно было, говоритъ онъ, миновать большую мѣль, усѣянную подводными скалами, и простирающуюся въ морѣ почти на 30 миль. Вѣтеръ не столько былъ благопріятенъ, чтобы можно было оставить землю не плывши нѣсколько вдоль берега; и мы принуждены были отважиться войти въ устье рѣки. Послѣ плаванія, продолжавшагося 7 или 8 дней, случилось въ

одну ночь, что матросы не могли выкачать воды насосомъ изъ корабля, хотя и употребляли все возможное усилїе. Корабельщикъ дивясь сему случаю, коего никто не опасался, сошелъ на дно корабля, и къ крайнему своему ужасу не только примѣтилъ въ немъ множество скважинъ, но даже можно было чувствовать, что онъ мало по малу какъ бы опускался въ воду. Всѣ ужаснулись; почти не надѣялись уже никакого спасенїя; погибель была очевидна, и потому многїе готовились уже къ смерти.

„Однако нѣкоторые, и въ томъ числѣ былъ я, рѣшились употребить всѣ средства, дабы продлить жизнь хотя на нѣсколько минутъ. Неутомимо работая у двухъ насосовъ, поддержали мы корабль даже до полудня, то есть почти 12 часовъ; но послѣ того вода стала прибывать въ такомъ количествѣ, что мы не могли ея уменьшить. Она подмочила Бразильское дерево и сдѣлалась красна какъ кровь. Наконецъ удалось плотнику, съ помощїю матросовъ, найти самыя опасныя щели, которыя и были задѣланы свинымъ саломъ, свинцемъ и сукнами.

„Скоро потомъ мы увидѣли землю; а какъ вѣтеръ былъ попутной, то всѣ

рѣшились, возвратиться назадъ и спастись на берегъ. Тоже думалъ и плотникъ, нашедши, что корабль весь проточенъ червями. Но корабельной хозяинъ, боясь, чтобы матросы, сошедши на берегъ, совсѣмъ его не оставили, лучше хотѣлъ подвергнуть опасности свою жизнь, нежели товары, и для того объявилъ, что рѣшился продолжать путь. Однако пассажирамъ предложилъ барку, отдавая на волю, кто изъ нихъ пожелаетъ возвратиться въ Бразилію. Но Дюпонтъ, котораго мы не переставали почитать своимъ начальникомъ, отвѣчалъ при семъ случаѣ, что онъ также хочетъ ѣхать во Францію, и совѣтуетъ всѣмъ послѣдовать его примѣру. Кормчій объяснилъ, что сверхъ *опасностей въ плаваніи*, путь ихъ будетъ продолжителенъ, и что корабль не довольно запасенъ всѣми потребностями для жизни. Только шестеро, въ коихъ числѣ былъ и я, боясь подвергнуться и опасностямъ кораблекрушенія и голода, вознамѣрились плыть назадъ къ берегу, отъ котораго были отдалены не больше какъ на девять или на десять миль.

„Намъ дали барку, и мы нагрузили ее всѣмъ, что намъ принадлежало; взяли также небольшое количе-

ство муки и прѣсной воды. Между тѣмъ какъ мы прощались съ нашими друзьями, одинъ изъ нихъ, будучи ко мнѣ отмѣнно привязанъ, сказалъ мнѣ, протягивая руку къ баркѣ, куда я уже сошелъ: „прошу васъ, останьтесь съ „нами. Подумайте, естьли мы и не „можемъ прїѣхать во Францїю, по „крайней мѣрѣ больще имѣемъ надежды „спастись на берегахъ Перу или на „какомъ нибудь другомъ островѣ, не„жели подъ властїю Виллььганьона, отъ „котораго никогда не можемъ надѣят„ся никакой милости.„ Сїи слова столько меня тронули, что я немедленно возвратился на корабль, и даже часть своего багажу оставилъ въ баркѣ, потому что не было времени долѣе мѣшкать. Пятеро остальные, а именно *Бурдонъ, Дю Бордель, Вернюль, ла Фондъ* и *ла Бальїоръ*, простились съ нами проливая слезы, и возвратились въ Бразилїю. Сколько я долженъ благодарить Бога, внушившаго мнѣ послѣдовать совѣту моего друга! Сїи пять человѣкъ, хотя послѣ многихъ трудностей и достигли до берегу, но Вилльганьонъ такъ худо ихъ принялъ, что первыхъ трехъ предалъ смерти.

„И такъ Нормандской корабль, распустивъ парусы, продолжалъ свое

медленное плаваніе, точное имѣя сходство съ гробомъ, въ которомъ заключенные не столько надѣялись жить, сколько ожидали того, что будутъ погребены въ волнахъ морскихъ. Каждая минута казалась имъ послѣднею въ жизни. Несказанныя претерпѣли трудности, проходя черезъ мѣли. Январь мѣсяцъ бѣдствовали отъ непреставившихъ никогда бурь. Между тѣмъ вода часъ отчасу болѣе лилась въ корабль. Скоро онъ погрузился бы въ море, естьли бы люди хотя на минуту отошли отъ насосовъ.

„Въ такомъ состояніи мы удалились на 200 миль, и наконецъ увидѣли необитаемой островъ, крутой какъ башня, имѣвшій въ окружности около полумили. Проходя весьма близко мимо его, такъ что онъ оставался отъ насъ влѣво, могли мы разглядѣть, что на немъ было много деревъ, пріятно зеленѣющихся, и множество птицъ, изъ коихъ нѣкоторыя прилетали къ намъ, садились на мачты и давали брать себя руками; иныя были черныя, иныя сѣрыя, бѣловатыя и иныхъ цвѣтовъ, всѣ не извѣстныя въ Европѣ. На лету казались крупны, пойманныя же и ощипанныя были не больше воробьевъ. Мы

примѣтили надводные камни съ весьма острыми вершинами. Имѣли причину бояться, что такіе же скрываются подъ водою. Послѣднее бы то было наше нещастіе: конечно избавило бы насъ на всегда отъ несноснаго труда при насосахъ; однако же миновали сіе мѣсто. Во все время нашего плаванія, продолжавшагося почти пять мѣсяцовъ, мы не видали никакой иной земли, кромѣ малыхъ сихъ островковъ, которыхъ кормчій нашъ не нашелъ и на картѣ; можетъ быть никто и никогда ихъ не проплывалъ.

„Февраля 3 го, мы находились на три градуса отъ Экватора, и слѣдовательно почти въ семь недѣль нашего плаванія не совершили еще третей части пути. А какъ у насъ оскудѣли запасы, то нѣкоторые предложили привалить къ Сент-Рошскому мысу, гдѣ иные старые матросы надѣялись найти что нибудь годное въ пищу. Но большинство голосовъ превозмогло; условились ѣсть попугаевъ и другихъ птицъ, которыхъ мы везли съ собою великое множество.

„Къ умноженію нашего нещастія произошелъ раздоръ между корабельнымъ лоцманомъ и кормчимъ. Въ

досаду одинъ другому примѣтно не радѣли о своихъ должностяхъ. Двадцать шестаго Марта, когда кормчїй въ свою очередь начальствовалъ надъ кораблемъ, и велѣлъ распустить всѣ парусы: то внезапной порывъ жестокаго вѣтра повалилъ судно на бокъ, такъ что онъ закраиною черпнулъ воду, закрылъ отъ глазъ нашихъ одну половину мачтъ и райнъ. Канаты, клѣтки съ птицами и не крѣпко привязанные сундуки попадали въ море. Удивительно, какъ не переворотилось и самое наше судно вверхъ дномъ. Наша поспѣшность послужила намъ спасенїемъ: тотчасъ мы обрубили всѣ снасти, отъ чего корабль самъ собою помалу поднялся. Но и сїя крайняя опасность, грозившая всѣмъ намъ погибелью, не могла примирить враговъ: и лишь только она миновалась, они кинулись одинъ на другаго и дрались съ бѣшенствомъ.

„Таково-то было наше состоянїе! Но это было только начало тѣхъ нещастїй, какїя мы послѣ испытали. Спустя нѣсколько дней плотникъ и другїе наши ремесленники, стараясь всячески облегчить работающихъ при насосахъ, такъ неосторожно двинули нѣкоторыми звеньями на низу корабля,

что сдѣлали большую скважину; и вдругъ вода стремительно полилась въ великомъ количествѣ. Они выбѣжали безъ души на палубу, крича: . . . : погибаемъ! погибаемъ! Тогда Капитанъ, корабельной лоцманъ и кормчій, не сомнѣваясь о великой опасности, тотчасъ принялись спускать съ корабля ботъ, начали бросать въ него Бразильское дерево и другіе товары, и были готовы кинуться въ него и спасти жизнь свою. Уже кормчій спустился въ него, и опасаясь, чтобъ за нимъ не послѣдовало больше, нежели надобно людей, и не затопили бы ботъ, взялъ въ руку ножъ и кричалъ: : : : : первому, кто отважится спускаться въ ботъ, ножъ въ горло! . . . И такъ принуждены мы были поручить себя въ волю Бога, спасшаго уже насъ отъ перваго кораблекрушенія. Бросились всѣ къ насосамъ, чтобы хотя немного удержать корабль отъ потопленія. Усилія наши имѣли въ томъ успѣхъ. Но всѣхъ больше ободрялъ насъ нашъ плотникъ, смѣлой молодой человѣкъ, которой ни на минуту не отходилъ отъ помянутой большой скважины. Онъ растянулъ вдоль по ней койку, придерживая ее съ одного конца руками, а съ другаго ногами. Сильное стремленіе

воды не однажды подымало его и съ койкою. Между тѣмъ во все горло кричалъ намъ, чтобъ несли къ нему его платье, постели бумагою набитыя, и другія вещи, чтобъ затыкать скважину, а между тѣмъ вставить бы задѣлку. Все доставлено съ великою поспѣшностію, и это одно было нашимъ спасеніемъ.

„Мы продолжали плаваніе то на востокъ, *то на западъ*, хотя и не туда намъ плыть надлежало. Нашъ кормчій не искусенъ былъ въ своемъ дѣлѣ, не зналъ и самъ, куда ему держать надобно. Такимъ образомъ плыли мы въ неизвѣстности даже до тропика Рака, гдѣ пятнадцать дней принуждены были пробираться по морю, покрытому *травою такъ, что должно было прорубаться* топорами. Тутъ новое нещастіе едва не погубило насъ; пушкарь нашъ сушилъ порохъ въ желѣзномъ котлѣ, и по неосторожности такъ долго держалъ его надъ огнемъ, что онъ вспыхнулъ; пламя распространилось съ одного краю до другаго, и обняло парусы и всѣ снасти. Легко бы могло случиться, что загорѣлось бы и дерево, особливо намазанное смолою, и мы бы сгорѣли живые посреди воды. Четверо изъ насъ обгорѣли, изъ коихъ

одинъ скоро умеръ. Тоже самое было бы и со мною, естьлибъ я не закрылъ лица шляпою; обгорѣли только у меня мочки у ушей и на головѣ волосы.,,

Лери называетъ сей случай только предвѣстникомъ наступающихъ нещастій. ,,Апрѣля пятагонадесять, продолжаетъ онъ, оставалось намъ до береговъ Франціи еще около пяти сотъ миль. Уже съ давняго времени, по причинѣ оскудѣнія съѣстныхъ припасовъ, уменьшена была наша порція; но теперь еще уменьшили ее цѣлою половиною; однако и то не помогло: въ концѣ мѣсяца совершенно истощилась провизія. До сего бѣдственнаго состоянія дошли мы по невѣжеству нашего кормчаго, по счисленію коего надлежало намъ быть близъ Испанскаго мыса Финистерра, а въ самомъ дѣлѣ мы находились на высотѣ Азорскихъ островъ, которые отдалены отъ того мыса больше нежели на 300 миль. Такая гибельная ошибка принудила насъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, то есть обметать тотъ анбаръ, гдѣ лежала мука и сухари: хотя въ пыли сей болѣе было червей и мышачьяго помету, нежели хлѣбныхъ и мучныхъ крошекъ. Однако и то дѣлили ложками. Варили въ водѣ, и дѣлали похле-

ѣку, которая была такъ черна и горька, какъ разболтанная сажа. Тѣ, у которыхъ еще оставались попугаи (ибо многіе давно уже своихъ съѣли); принуждены были раздѣлить ихъ всѣмъ на пищу. Въ началѣ мѣсяца Мая, когда не оставалось уже никакой обыкновенной провизіи, двое изъ насъ умерли съ голоду и брошены въ море; а чтобъ живѣе представить тогдашнее наше положеніе; скажу въ примѣръ объ одномъ матросѣ, именемъ Harpe: — онъ стоялъ, прислоняясь къ большой мачтѣ; нижнее платье у него спустилось; и онъ не въ силахъ былъ его поднять и на себѣ оправить. Я не могъ утерпѣть, чтобъ не бранить его, для чего не помогаетъ прочимъ въ подниманіи паруса при наставшемъ тогда небольшомъ попутномъ вѣтрѣ. Бѣднякъ вздохнулъ; слабымъ и жалостнымъ голосомъ сказалъ: : : : „Не могу!„ и въ туже минуту палъ мертвъ.

„Между тѣмъ вѣтеръ усилившись, превратился въ самую лютую бурю. А какъ у насъ не было силъ направлять парусы; то принуждены были ихъ собрать и даже привязать кормило. Такимъ образомъ оставленъ корабль на произволъ вѣтровъ и волнъ. Пропала послѣдняя наша надежда нало-

вить сколько нибудь рыбы, что иногда дѣлали мы въ тихую погоду. Крайность, мать вымысловъ, научила насъ обдирать кожи, ихъ варить, и тѣмъ уменьшать сколько нибудь голодъ. Другіе ее подпекали на угольяхъ. У кого по щастію было нѣсколько кожицы, вшитой въ карманахъ, или индѣ гдѣ либо въ платьѣ, тотъ почиталъ себя наравнѣ съ имѣющими милліоны. Многіе ѣли также воротники, обшлага съ кафтановъ и башмаки. Отъ малолѣтныхъ дѣтей не уцѣлѣли фонарные концы, дѣлаемые обыкновенно изъ скотскихъ роговъ; крали сальныя свѣчи. Но не взирая ни на слабость нашу, ни на голодъ, не должно было опускать рукъ при насосахъ, и мы не отходили отъ нихъ ни днемъ, ни ночью.

„Мая 12 го дня, пушкарь нашъ наѣлся сырыхъ кишокъ попугая; однако же не утолилъ голода и умеръ. Эта потеря мало насъ устрашила: ибо мы не только не думали бы о защищеніи; но охотно желали бы попасть въ руки какого нибудь разбойника, которой бы далъ намъ пищи. Однако чрезъ все наше бѣдственное плаваніе видѣли только одно судно, да и къ нему не могли приближиться.

„Пожравъ, можно сказать, все, что ни было у насъ кожаное, не исключая и обойки сундуковъ, были мы уже при послѣднемъ концѣ жизни. Но нѣкоторымъ вспало на мысль ловить мышей; что было очень легко, потому что сїи животныя, сами не находя уже нигдѣ ничего съѣстнаго, бѣгали по палубѣ кучами, какъ полумертвыя. Мы такъ усердно принялись ихъ ловить, что оставалось и ихъ очень мало. Даже ночью искали ихъ вытаращивши глаза, какъ кошки. Одна крыса стоила не меньше, какъ бы купить быка на землѣ. Ихъ варили въ водѣ вмѣстѣ съ кишками, лапами и костьми.

„Изошла у насъ вся вода. Остался только боченокъ яблочнаго квасу, которой наши начальники берегли тщательно. Всякой разъ, когда шелъ дождь, растягивали мы холстъ, и клали по срединѣ его пушечное ядро, чтобы вода удобнѣе стекала. Даже сбирали и ту, которая стекала по палубѣ, хотя она и была мутнѣе лужевой. Въ повѣствованїи Жана Леона читаемъ мы, что купцы, проѣжжая Африканскїя степи, доходя до крайняго недостатка въ питьѣ, убиваютъ верблюдовъ, и находя въ кишкахъ сихъ животныхъ воду, сцѣживаютъ ее и дѣлятъ между собою. Онъ

же повѣствуетъ, что одинъ богатой человѣкъ, проѣжжая тѣ степи, и умирая отъ жажды, заплатилъ своему извощику за одну небольшую чарку воды десять тысячь червонныхъ. Все это объясняетъ, какъ непреодолима сила жажды. Но тотъ же Писатель прибавляетъ, что сїе не избавило ихъ отъ смерти: оба умерли отъ жажды. До нынѣ еще видна ихъ гробница въ степи, и на большомъ камнѣ начертано повѣствованїе ихъ бѣдственной смерти. Что касается до насъ, то крайность наша была такъ велика, что мы должны были наконецъ прибѣгнуть къ Бразильскому дереву, хотя рѣдкое такъ сухо, какъ оно; однако же мы его грызли и сосали. Коргильеръ Дюпонтъ, жуя кусокъ сего дерева, глубоко вздохнувъ сказалъ мнѣ; . . . . . „Лери, другъ мой! во Францїи есть „люди, должные мнѣ четыре тысячи „франковъ. О! какъ бы охотно разо„дралъ я теперь ихъ обязательства за „копѣячный хлѣбъ и одну рюмку вина!„

„Духовникъ нашъ, умершїй за нѣсколько передъ симъ въ городѣ Ларошели, лежалъ на палубѣ въ крайней слабости, растянувшись, и едва дышалъ. Не могъ поднять головы, не могъ

произнести ни одного молитвеннаго къ Богу слова.

„Упомяну здѣсь мимоходомъ, что я не только на другихъ замѣтилъ, но самъ на себѣ испыталъ, что люди, мучимые нестерпимымъ голодомъ, становятся бѣшены, и даже готовы въ безумiи броситься на своихъ ближнихъ, на жену, на дѣтей, и ихъ пожрать. Читаемъ, что при осадѣ Сансера отецъ и мать питались плотiю своего младенца; а нѣкоторые солдаты ѣли тѣла убитыхъ непрiятелей, и хотя каялись послѣ въ семъ грѣхѣ на исповѣди, однако тогда же признавались, что естьлибъ голодъ продолжился, то бы они начали бросаться на живыхъ, какъ голодные дикiе звѣри. Въ подобномъ состоянiи находились и мы: мысли наши были такъ мрачны, чувствованiя такъ ужасны, что мы почти не могли говорить одинъ съ другимъ не злобясь, и даже — Богъ да проститъ намъ сiе прегрѣшенiе! — смотрѣли другъ на друга съ отчаяннымъ желанiемъ насытиться плотiю нашихъ ближнихъ.

„Мая 15го и 16го, умерли у насъ еще двое матросовъ отъ голоду. Особливо жаль намъ было одного по имени ***Рольвиля***, отмѣнно веселаго человѣка; въ самыхъ горестнѣйшихъ нашихъ бѣд-

ствїяхъ онъ всегда говаривалъ: . . . .
„Не робейте друзья! все пройдетъ!„

Что касается до меня, то я хотя терпѣлъ голодъ выше силъ моихъ; однакоже берегъ у себя большаго попугая величиною съ гуся, которой такъ чисто произносилъ слова, какъ человѣкъ, на Французскомъ и Бразильскомъ языкахъ, а притомъ имѣлъ прекрасныя перья. Мнѣ крайне хотѣлось поднести его въ даръ нашему Адмиралу; почему я скрывалъ его дней пять или шесть; но необходимость и боязнь, чтобъ ночью его не украли, заставили не пощадить и сей дорогой птицы. Мы бросили одни только перья; а все прочее, то есть, не только мясо, но также кишки, ноги, когти и кривой его носъ служили мнѣ и друзьямъ моимъ пищею дня на четыре. Впрочемъ я послѣ каялся, что не поберегъ его: потому что въ пятой день мы усмотрѣли землю. Сїи животныя могутъ питаться одною водою, и мнѣ стоило бы не больше трехъ орѣховъ, прокормить его въ это время.

„Наконецъ Богъ простеръ къ намъ десницу своего милосердїя. Всѣ мы до одного лежали безъ чувствъ на палубѣ, какъ 24 го Мая 1558 года, представился взору нашему берегъ Бретанской. Бывъ толикократно уже обмануты

кормчимъ нашимъ, не смѣли вѣрить крику его: . . . . „Земля, земля!

„Но скоро увѣрились, увидя передъ собою наше отечество. Принесли благодаренїе Богу; корабельный хозяинъ открылся намъ, что естьли бы еще одинъ день не появилась земля, то рѣшился уже онъ умерщвлять насъ не по жеребью, какъ то случилось черезъ четыре или пять лѣтъ потомъ на кораблѣ возвращавшемся изъ Флориды (*); но не сказавъ никому ни слова, зарѣзать того, на комъ было еще мяса сколько нибудь, и тѣмъ кормить прочихъ. Я бы конечно остался живъ; развѣ кому вздумалось бы отвѣдать вкуса въ однихъ костяхъ и кожѣ.

„Мы находились близъ города Ларошеля, гдѣ наши матросы и прежде желали остановиться, чтобы продать тамъ Бразильское дерево. Корабельной хозяинъ велѣлъ стать на якорѣ за двѣ

(*) Лери повѣствуетъ, что въ 1564 году, экипажъ возвращавшїйся изъ Флориды, будучи изнуренъ нестерпимымъ голодомъ, дошелъ до такой крайности, что умертвилъ одного нещастнаго, по имени Шера, и напитался теплою его кровїю. Сей Авторъ ссылается на Флоридскую Исторїю, въ которой и дѣйствительно описанъ сей случай въ 8 главѣ.

или за три мили отъ земли; и тотчасъ сѣвши на шлюпку съ Дюпонтомъ и нѣкоторыми другими, отправился въ Одіерну, откуда мы недалеко находились, для запасенія себя съѣстными припасами. Двое изъ тѣхъ, которые съ ними поѣхали, лишь только вышли на берегъ, тотчасъ разбѣжались; слышны были на долгое время страшныя ихъ заклинанія, что никогда уже въ жизнь свою не поставятъ ноги своей ни на какомъ морскомъ суднѣ.„

Много времени спустя послѣ сего, одинъ изъ сихъ двухъ, прочитавши первыя изданія путешествія Г. Лери, писалъ къ нему въ Женеву, объявляя, какого труда стоило ему возстановить свое здоровье. — Прочіе скоро возвратились съ разною пищею, и совѣтовали голоднымъ не слишкомъ нападать на нее.

„Послѣ чего стали немедленно думать, какъ бы скорѣе приближиться къ Ларошелю: но одинъ Французской корабль, проходя мимо насъ на такое разстояніе, что можно было съ него слышать голосъ, увѣдомилъ насъ, что весь сей берегъ обезпокоиваемъ морскими разбойниками. Почему не надѣясь защититься отъ нихъ по нашему безсилію, рѣшились мы слѣдовать за тѣмъ

кораблемъ, отъ котораго получили сїе извѣстїе. Такимъ образомъ не теряя его изъ виду, мы стали на якорѣ, 26 го числа, въ прекрасной гаванѣ Блаветской.„

Для наставленїя путешественниковъ сообщимъ здѣсь замѣчанїе Г. Лери, и притомъ собственными его словами. „Въ Ларошельской гаванѣ находился тогда между многими военными кораблями одинъ изъ Сентъ-Мало, приведшїй съ собою плѣнное Испанское судно, возвращавшееся изъ Перу и нагруженное дорогими товарами, по цѣнѣ на шестьдесятъ тысячь червонныхъ. Разнесшїйся о томъ слухъ привлекъ множество торговыхъ людей изъ Парижа, Лїона и иныхъ городовъ Францїи. Проплывая мимо насъ, увидѣли жалостное наше состоянїе, остановились. Спустили шлюпки и подъѣхали къ нашему кораблю. Взошли на него, и взявъ каждаго изъ насъ подъ руки, развезли къ себѣ. Болѣе всего совѣтовали намъ не вдругъ нападать на пищу. Приказали варить похлебку съ курицами, давъ имъ раскипѣть; также давали намъ козьяго молока и другихъ легкихъ снѣдей, удобныхъ размягчить наши кишки, которыя почти уже совсѣмъ ссохлись. Послѣдовавшїе полезному сему совѣту, мало по малу подкрѣпляли свои

силы и слабое здоровье. Но которые съ алчностію напали на всякую пищу безъ разбору и ею пресыщались, изъ тѣхъ болѣе половины скоропостижно померли. Насъ произвольныхъ пассажировъ было 15 человѣкъ, и всѣ мы остались живы, хотя походили больше на мертвецовъ, нежели на живыхъ людей. Какъ скоро сошли на берегъ, то получили мы отвращеніе отъ всякой мясной пищи. Когда въ первой разъ подали мнѣ рюмку вина, то я поднесши ее къ носу, упалъ безъ чувствъ и растянулся на полу. Всѣ думали, что испустилъ уже послѣднее дыханіе. Положили меня на постель; и я спалъ почти цѣлыя сутки безпросыпу.

„Четыре дня отдыхали мы въ Блавѣ. Потомъ поѣхали въ Ганнебонъ, малой городокъ, разстояніемъ не болѣе двухъ миль оттуда. По совѣту врачей надобно было лѣчиться. Умѣренность въ пищѣ и питьѣ не избавила большую изъ насъ часть отъ опухоли по всему тѣлу. Четыре только человѣка, между коими былъ и я, опухли отъ пояса до пятъ. Послѣ страдали мы столь жестокимъ поносомъ, что не помогало никакое лѣкарство. По щастію напали на одно, которое насъ излѣчило. За нужное почитаю упомянуть

объ немъ здѣсь. Взять травы плющу и сарачинскаго пшена, положить вмѣстѣ въ горшокъ и налить водою; крѣпко обвязать многими тряпицами и дать увариться; потомъ толкнуть туда же нѣсколько яичныхъ желтковъ; все то выложить на блюдо, поставить на жаровню и мѣшать. Этой смѣси давали намъ ложками, и сїе помогло намъ тотчасъ совершенно освободиться отъ нашей болѣзни, которая причинила бы намъ неизбѣжную смерть, естьли бы продолжилась еще нѣсколько дней.„ —

Но кромѣ того новая опасность предстояла Лери и его спутникамъ. Здѣсь вспомнитъ Читатель, что Вилльганьонъ при отправленїи корабля изъ Америки вручилъ корабельному хозяину ящичекъ съ письмами, между которыми онъ вложилъ также формальной процессъ, будто бы учиненной противъ Протестантовъ, отправившихся на томъ кораблѣ. Сей ящикъ былъ распечатанъ и открытъ въ Ганнебонѣ; ибо Вилльганьонъ, будучи родомъ изъ Бретани, писалъ ко многимъ особамъ въ сей Провинцїи. Немедленно процессъ отданъ былъ судьямъ. Но Дюпонтъ зналъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣвшихъ привязанность къ Женевской церкви,

и сїи - то не только скрыли процессъ; но еще и оказали всякое вспомоществованїе тѣмъ, коихъ жизнь могла бы быть въ опасности по ненавистнымъ обвиненїямъ Виллыганьоновымъ.

Они оставили Ганнебонъ и отправились въ Нантесъ, и будучи еще весьма слабы, никакъ не могли сносить скорой поѣздки, почему, и принуждены были имѣть при себѣ провожатыхъ, которые вели лошадей за узду. „Наши чувства, говоритъ Лери, были совершенно разстроены„ Въ Нантѣ мучились они цѣлую недѣлю тѣмъ, что мало могли слышать, и глаза ихъ помутились, такъ что они боялись, чтобъ не оглохнуть и не ослѣпнуть. Однако ихъ такъ хорошо лѣчили, что по прошествїи мѣсяца они не чувствовали ни малой слабости зрѣнїя; равно и слухъ ихъ совершенно укрѣпился. Но желудокъ Гна. Лери все былъ очень слабъ; и новыя нещастїя такого же роду, испытанныя имъ при осадѣ Сансера, совершенно погубили его здоровье. Онъ не повѣствуетъ, куда удалился, оставивши Нантесъ. Но другїя обстоятельства заставляютъ думать, что онъ возвратился въ Женеву.

Впрочемъ онъ не опустилъ прибавить нѣкоторыхъ объясненїй, касатель-

но до заведеній, учиненныхъ Французами въ крѣпости Колиньевой. Онъ говоритъ, что Виллыганьонъ, котораго нѣкто назвалъ Каиномъ Американскимъ, оставилъ сїе мѣсто, и по своей неосторожности попался въ руки Португальцамъ вмѣстѣ съ Французскою артиллерїею. Послѣ уже возвратился во Францїю, и не преставалъ гнать послѣдователей Кальвиновыхъ. Умеръ въ 1571 году, въ мѣсяцѣ Декабрѣ, въ нѣкоторомъ Коммандорствѣ Мальтійскаго ордена, называемомъ Beauvais en Gatinois, близъ Сентъ-Жанъ де Немуръ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Бразилїя* есть обширная страна въ Южной Америкѣ, занимающая самую Восточную оной часть, между Экваторомъ и тропикомъ Козерога. Въ 1500 году открылъ ее Винцентъ Іанецъ *Пинсонъ*, сопровождавшій Христофора Колумба въ первомъ его путешествїи. Въ тотъ же самой годъ открыта она еще донъ Педромъ Алварецомъ *Кабраломъ*, Португальцемъ.

Бразилїя граничитъ къ сѣверу и къ востоку съ моремъ; къ западу съ Амазонскою землею, а къ югу съ

Парагваемъ. Самая большая ея широта отъ западной стороны до восточной 325 миль, а пространство ея отъ сѣвера къ югу 875 миль. Сія богатая страна находилась прежде во владѣніи Испанцовъ; послѣ Голландцы завладѣли сѣверною ея частію; но въ 1660 году, послѣ продолжительной войны, она уступлена Португальцамъ. Съ того времени они одни владычествуютъ во всей Бразиліи, которая и доставляетъ имъ важнѣйшіе доходы. Старшій сынъ Короля Португальскаго обыкновенно имѣетъ титулъ Принца Бразильскаго.

Воздухъ въ сей странѣ весьма здоровъ, и жары тамъ никогда не бываютъ чрезмѣрны, хотя Бразилія лежитъ и въ жаркомъ поясѣ; вода въ ней прекрасна. Тамъ родится великое множество сахарнаго тросшнику, и нигдѣ нѣтъ его въ такомъ обиліи: тамошній сахаръ почитается наилучшимъ; а за нимъ слѣдуетъ дѣлаемый на островахъ Антильскихъ. Каждой годъ вывозятъ оттуда въ Европу отъ 30 до 32 милліоновъ пудъ сахару. Въ сей странѣ находятся цѣлые лѣса Бразильскаго дерева, столь извѣстнаго своего краскою, много рудниковъ золотыхъ, и великое обиліе алмазовъ,

также прекрасные топазы и смарагды. Оттуда также получаемъ мы гипекакуану, лѣкарство столь извѣстное и полезное въ Медицинѣ, также превосходный бальзамъ копагу, который достаютъ надрубая дерево, называемое копаиба. Привезенныя туда изъ Азїи коришневыя деревья размножились весьма удачно.

Сїя страна доставляетъ хлопчатую бумагу, табакъ, маисъ, ваниль, какао, кофе, камедь, сѣрую амбру, ананасы и прочее. Животныхъ, растѣнїй и плодовъ разнаго роду находится тамъ великое множество. Бразильскїя обезьяны и попугаи довольно у насъ извѣстны.

Въ сей странѣ находятъ также великое множество золотаго песку, остающагося на днѣ рѣкъ. Повѣствуютъ, что каждой годъ собираютъ онаго на 40 или на 50 миллїоновъ, изъ коихъ пятая часть принадлежитъ Королю Португальскому. Также находятъ и алмазы на поверхности земли, въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ прежде катились съ горъ ручьи, но послѣ изсякли. Они не столько крѣпки, чисты, и меньше имѣютъ огня и игры, нежели алмазы получаемые изъ Восточной Индїи, но вмѣсто того Бразиль-

скіе гораздо бѣлѣе; будучи равны вѣсомъ, десятою долею уступаютъ они въ цѣнѣ Индѣйскимъ. Величайшій алмазъ, извѣстный во всемъ свѣтѣ, находится у Короля Португальскаго, и полученъ изъ рудниковъ Бразильскихъ; вѣсомъ онъ 1680 кратъ, или 12 унцій съ половиною. Хотя онъ и не самой хорошей воды, однако цѣнится въ 1298 милліоновъ.

Одни только берега сей страны находятся во владѣніи Португальцовъ, а внутрь земли владычество ихъ простирается меньше нежели на 100 миль. Вообще во внутренности Бразиліи обитаютъ множество дикихъ націй, не зависящихъ отъ Португальцовъ. Знатнѣйшія изъ нихъ суть: Маргаяты, Топинамбинцы, Тапуясы, Гюаракасы, Петигуары, Тупинабы, Молопаки, Каройцы, Тапигуиры, Лопи, Кумпегайцы, Петивары, Гаимюры *и проч.* Изъ всѣхъ сихъ народовъ многолюднѣйшимъ почитаются Тапуясы: ихъ щитаютъ до 76 колѣнъ. Тапигуиры суть подлинные Пигмейцы, однако весьма крѣпкаго сложенія. Сіи народы жестоки, мстительны, находятся всегда въ войнѣ между собою и употребляютъ въ пищу людей, выключая Кумпегайцовъ, которые почти одни изъ всѣхъ не лю-

доѣды. Бразильцы живутъ въ шалашахъ и спятъ въ сѣточкахъ, плетеныхъ изъ хлопчатой бумаги и повѣшенныхъ на воздухѣ; сей обычай вошелъ къ нимъ отъ того, что они должны обезпечить себя отъ нападенія львовъ и леопардовъ, коихъ находится въ лѣсахъ великое множество; также сырость земли заставляетъ ихъ прибѣгнуть къ симъ воздушнымъ жилищамъ. Нѣтъ у нихъ ни законовъ, ни Государей, и до сего времени не нашли признаковъ никакой религіи. Обыкновенныя ихъ упражненія состоятъ въ охотѣ, рыбной ловлѣ и пляскѣ.

Народы, населяющіе Бразилію, по справедливости почитаются самыми дикими во всей Америкѣ; однако, естьли вѣрить Гну. Лери и Книвету, Англійскому путешественнику, издавшему въ свѣтъ нѣкоторыя описанія о различныхъ народахъ Бразильскихъ, то кажется, что большою частію все то, что объ нихъ повѣствуютъ относительно до сего предмета, весьма увеличено и неимовѣрно. Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя изъ сочиненій сихъ двухъ путешественниковъ, подадутъ читателю вѣрное понятіе о характерѣ и нравахъ сихъ народовъ.

Вообще Бразильцы ростомъ похожи на Европейцовъ, но гораздо ихъ крѣпче, и меньше подвержены болѣзнямъ. Между ними почти не видно ни разслабленныхъ, ни уродовъ, ни слѣпыхъ, ни хромыхъ, ни обезображенныхъ другими какими либо природными недостатками. Они всегда веселы, не знаютъ ни заботъ, ни страстей, кромѣ только мстительности, господствующей ихъ страсти, въ которой они не имѣютъ никакихъ границъ. Цвѣтъ ихъ лица точно такой же, какъ у Испанцовъ и Португальцовъ. Они раскрашиваютъ тѣло разными красками, только ноги и колѣни чернятъ. Красотою лица почитается у нихъ имѣть плоской носъ, и для того отцы при самомъ рожденіи младенца стараются сдѣлать ему сію важную услугу.

Почти у всѣхъ народовъ, населяющихъ Бразилію, оба пола ходятъ нагіе, выключая въ праздничные дни и въ воинское время. Но нѣкоторые, живущіе ближе къ селеніямъ Европейцовъ, начинаютъ образоваться и, хотя до пояса, закрываются.

Мущины носятъ волосы вкружокъ, и прокалываютъ у себя нижнюю губу; въ нее кладутъ камень изъ роду зеленаго ясписа: это странное укра-

шенїе дѣлаетъ ихъ весьма безобразны-ми; ибо кажется, будто у нихъ два рта. Во время войны и праздниковъ они укрѣпляютъ липкою смолою на лбу и на щекахъ небольшїя перья нѣкоторой черной птицы, называемой у нихъ шуканомъ. Въ тѣ торжественные дни, въ которые они располагаются ѣсть человѣческое мясо, дѣлаютъ для себя родъ шапочки изъ перьевъ зеленыхъ, красныхъ и желтыхъ, и ими же испещряютъ руки; на плечахъ прикрѣпляютъ струсовыя перья, привязывая ихъ шнуркомъ снизу около поясницы, и такъ изукрашаютъ себя, что похожи на птицъ облинявшихъ.

Женщины ходятъ нагїя, какъ и мущины. Только отращиваютъ волосы, и распускаютъ ихъ по плечамъ: иногда раздѣляютъ ихъ на двое и перевязываютъ краснымъ шнуркомъ. Бразилянки не прокалываютъ себѣ ни губъ, ни щекъ, а только уши, къ которымъ привѣшиваютъ пребольшїя раковины-такъ что сїи достаютъ до плечь и до живота.

Лице подкрашиваютъ разными красками. Носятъ запястья изъ маленькихъ косточекъ, весьма красиво склеенныхъ вмѣстѣ посредствомъ камеди. Бразильцы воюютъ не всегда для какой

либо добычи или для славы. Весьма часто берутъ оружїе, желая отмстить за смерть своихъ родныхъ или друзей, попавшихся въ руки ихъ враговъ и ими сожранныхъ. Мщенїе есть въ нихъ такая сильная страсть, что они не знаютъ никакой пощады, никакого помилованья. Однако тѣ изъ нихъ, кои имѣютъ съ Европейцами какую нибудь связь, мало по малу укрощаютъ свою лютость.

Впрочемъ замѣчено, что хотя Бразильцы и великїе охотники до человѣческаго мяса, однако они не ѣдятъ никого, кромѣ однихъ своихъ непрїятелей, да и то живыхъ, попавшихся въ плѣнъ, не прикасаясь къ трупамъ умершихъ, и даже не трогаютъ умирающихъ на полѣ сраженїя. Послѣ битвы, приводятъ плѣнныхъ въ алдежа т. е. въ хижины побѣдителя, гдѣ ихъ стерегутъ и стараются откормить какъ можно лучше. Сїи алдежа суть жилья въ Бразилїи: они состоятъ изъ многихъ хижинъ, которыя дѣлаются изъ древесныхъ вѣтвей и устилаются травою даже до земли. Онѣ бываютъ очень длинны, и издали кажутся похожи на решетчатыя алеи. Пока ихъ плѣнные остаются еще въ живыхъ, въ это время даютъ женщинъ мущинамъ,

но мущинъ никогда не даютъ женщинамъ. День смерти сихъ нещастныхъ назначается не въ одно время: ибо въ семъ случаѣ смотрятъ на то, хорошо ли откормлены плѣнные; тогда съ великимъ торжествомъ ихъ умерщвляютъ и пожираютъ.

Не смотря на то, сія жестокость Бразильцовъ не мѣшаетъ имъ жить между собою мирно и согласно. Также они принимаютъ ласково иностранцовъ, приходящихъ въ ихъ деревни. Лери во время своего пребыванія въ Америкѣ имѣлъ случай замѣтить, что Бразильцы соблюдаютъ весьма строго чистоту брачнаго ложа, и ихъ нагота никогда не подаетъ случая къ нарушенію цѣломудрія. Онъ также утверждаетъ, что прелюбодѣйство почитается величайшимъ порокомъ между всѣми Бразильскими націями; и хотя позволено всякому имѣть много женъ, но одна особенно имѣетъ сей титулъ, и жены должны быть вѣрны своимъ мужьямъ, иначе же умерщвляютъ ихъ безъ милосердія.

Бразильцы вообще очень трезвенны. Они обыкновенно употребляютъ въ пищу два рода корней, эпи и маньокъ. Сіи растѣнія бываютъ въ землѣ не бо-

лѣе трехъ мѣсяцовъ, и выростаютъ въ полфута вышиною и въ кулакъ толщиною. Они питаются также маисомъ. Рыбная ловля и охота доставляютъ имъ вмѣстѣ и пріятное упражненіе и обильную пищу.

У Бразильцовъ есть особенное обыкновеніе пить и ѣсть въ розное время, такъ что они не ѣдятъ тогда, когда пьютъ, и не пьютъ когда ѣдятъ. За столомъ отлагаютъ всѣ заботы и дѣла свои; даже забываютъ на время и самую ненависть и мщеніе.

Берегъ Бразильской раздѣленъ на пятнадцать округовъ или начальствъ: изъ нихъ три находятся на сѣверѣ, а именно: округъ Пара, Мараньянъ и Сіара; двенадцать лежатъ въ востоку, отъ сѣвера на югъ, а именно: Ріо-Гранде, Параиба, Таморака, Фернамбукъ, Сережиппе, всѣхъ Святыхъ или Санъ-Салвадоръ, Ріосъ досъ Итеосъ, Порто-Сегуро, Спириту-Санто, Ріо-Янейро, Сентъ-Винцентъ, провинція Рей.

Главнѣйшія рѣки въ сей странѣ суть три: Сентъ Франсуа, Реаль и Дольче.

Столица Бразиліи есть Санъ-Салвадоръ: городъ большой, богатой, много-

людной и купечественной. Въ немъ щитаютъ до 2000 домовъ. Гавань его весьма спокойна. Въ семъ городѣ имѣетъ свою резиденцїю Вицерой Бразильской, также Архїепископъ. Жители въ немъ почитаются развратными, лѣнивцами и святошами. — Изъ другихъ городовъ достойны быть замѣчены Рїо-Янейро или Сентъ-Себастїанъ, Пара, Параиба, Олиндъ или Фернамбукъ и Сентъ-Винцентъ.

III.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ,

Которое претерпѣлъ Адмиралъ Фернандо Мендоца и прочій экипажъ Португальскаго корабля Св. Іакова, разбившагося о скалы, называемыя Байксосъ де Жуйда, за 70 миль отъ восточнаго берега Африки, въ 1586 году.

Португальцы сохраняли еще въ концѣ шестнадцатаго вѣка ту славу, которую они снискали въ Индіяхъ своими пріобрѣтеніями и примѣрною храбростію. Но отъ времени до времени ихъ щастіе было прерываемо разными противностями и бѣдствіями, изъ коихъ многія приписываемы были упрямству и невѣжеству ихъ корабельныхъ Капитановъ.

Іоаннъ Гюгесъ *де Линскотъ*, Голландецъ, въ исторіи своего плаванія въ Восточную Индію, разсказываетъ тому жалостной примѣръ.

Мая 1586 года, получено въ Гоѣ подтвержденіе о томъ извѣстіи, что Адмиральской корабль *Св. Іакова* пре-

терпѣлъ кораблекрушенїе. Онъ отправленъ былъ изъ Португаллїи въ Индїю. На немъ находилось около тысячи матросовъ и пассажировъ. Начало ихъ плаванїя было благополучно. Они совершили уже половину своего пути, проѣхали Мысъ Доброй Надежды; и тогда Капитанъ, не боясь уже ни подводныхъ камней, ниже другихъ опасностей, пустилъ корабль на всѣхъ парусахъ, и мало обращалъ вниманїя на ландкарты. Попутной вѣтеръ несъ корабль поспѣшно, и наконецъ удалилъ его отъ прямаго пути, и пригналъ къ подводнымъ скаламъ, называемымъ **Баксосъ де Жуйда**, находящимся въ разстоянїи на 50 миль отъ острова Св. Лаврентїя, или Мадагаскара, и на 70 *миль отъ твердой земли*, въ прямой линїи съ Софалою подъ $22\frac{1}{2}$ градусомъ Южной широты, за 90 миль отъ Мозамбика. Сїи скалы состоятъ по большой части изъ острыхъ камней, черныхъ, зеленыхъ и бѣлыхъ.

Нѣкоторые изъ пассажировъ, коимъ случилось плавать по симъ морямъ, примѣтили, что корабль ихъ находится недалеко отъ сихъ камней. Они объявили то Капитану, и представляли ему, что весьма опасно пускать корабль на всѣхъ парусахъ, а особливо

ночью, и притомъ въ такое время, въ которое бури весьма часто случаются. Упрямой Капитанъ презрѣлъ сіи благоразумные совѣты, и приказалъ кормчимъ не слушаться никого, кромѣ одного себя. Наконецъ въ тотъ же самой день корабль набѣжалъ на камни, и сѣлъ на нихъ такъ, что никакъ не возможно было его высвободить. Тогда поднялся крикъ и рыданіе всего множества людей, бывшихъ на кораблѣ, которые видя передъ глазами свою погибель, вопили жалостнѣйшимъ образомъ. Тщетны были всѣ старанія освободить корабль отъ сей опасности. Тотчасъ Адмиралъ *Фернандъ* Мендоца, Капитанъ, трое кормчихъ и человѣкъ десять или двенадцать бросились въ ботъ со шпагами въ рукѣ, и кричали, что они пойдутъ искать на сихъ камняхъ удобнаго мѣста, гдѣ бы можно было собрать остатки корабля, и послѣ построить изъ нихъ такое судно, чтобы весь экипажъ могъ на немъ помѣститься и доплыть до твердой земли. Въ самомъ дѣлѣ сіи 15 человѣкъ пристали къ скаламъ; но не могши найти мѣста, удобнаго для произведенія въ дѣйство своего намѣренія, рѣшились не возвращаться на корабль, а плыть къ твердой землѣ. Они раздѣ-

лили между собою нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, которые имъ удалось наскоро взять въ ботъ, и направили путь свой къ Африкѣ. Семнадцать дней боролись со всѣми ужасами бури и скудости; наконецъ прибыли туда благополучно.

Оставшїеся на кораблѣ видя, что ботъ не возвращается, предались отчаянїю, не находя нигдѣ своего спасенїя. Къ большему ихъ нещастїю корабль разбился между обѣими палубами, и большой ботъ былъ весьма поврежденъ отъ безпрестанныхъ ударовъ морскихъ волнъ. И самые искусные работники не надѣялись сдѣлать его годнымъ къ употребленїю. Тогда одинъ Италїанецъ, *Кипрїанъ Гримальди*, вскочилъ въ него съ 90 человѣками экипажу и старался поправить его, чтобъ можно было спустить въ море: онъ тотчасъ принялся за работу, и большая часть изъ тѣхъ, которые за нимъ послѣдовали, стали ему помогать.

Нещастные, не могшїе броситься въ ботъ, смотрѣли со слезами, какъ онъ отъ нихъ удалялся, и провожали его воплемъ и рыданїемъ. Многїе изъ тѣхъ, кои умѣли плавать, кинулись въ море, и старались догнать ботъ вплавь; иные были уже столько ща-

стливы, что къ нему приближились; но находившіеся въ ботѣ, боясь, чтобы отъ множества людей онъ не потонулъ, и не погибли бы всѣ они безвозвратно, подавили въ сердцѣ своемъ чувствованія жалости, отгоняли бѣдныхъ приплывшихъ къ нимъ; и даже отрубали топорами руки у тѣхъ, которые хватались за ботъ и не хотѣли опускать его. Не можно изобразить крайняго отчаянія бѣдныхъ оставшихся страдать на разломкахъ корабля, носимыхъ морскими волнами. Будучи свидѣтелями сего варварскаго зрѣлища; и видя себя безъ надежды погибающими; они наполняли воздухъ крикомъ и воплемъ; и могли бы пронуть сердца самыя безчувственныя.

Съ другой стороны не меньше жалостно было состояніе находившихся въ ботѣ: ихъ многолюдство, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ; отдаленность отъ земли; и поврежденное состояніе бота, представляло имъ ужасную судьбу; коей они подверглись. Не смотря на то, нѣкоторые изъ нихъ, желая избѣгнуть безпорядка и раздора, которой бы довершилъ ихъ погибель, предложили своимъ спутникамъ избрать себѣ Капитана. Всѣ прочіе на сіе согласились, и немедленно избрали сво-

имъ начальникомъ одного метиса (*), и поручили ему власть неограниченную. Сей начальникъ тотчасъ воспользовался своею властію, и велѣлъ бросать въ море слабѣйшихъ людей, на которыхъ онъ указывалъ пальцемъ. Въ томъ числѣ былъ одинъ плотникъ, помогавшій починивать ботъ; онъ подвергся своей участи, и только просилъ нѣсколько вина и конфектъ; а потомъ, не говоря ни слова, далъ себя бросить въ море. Другой, осужденный на туже смерть, избавленъ былъ любовію брата своего, оказавшаго въ семъ случаѣ рѣдкой примѣръ братской дружбы. Уже другіе схватили его и готовы были ввергнуть въ бездну, какъ вдругъ младшій его братъ просилъ себя выслушать. Онъ представилъ, что старшій его братъ былъ искусенъ въ своемъ ремеслѣ; что отецъ ихъ и мать достигли уже глубокой старости; а сестры ихъ еще не выданы за мужъ: предложилъ, что онъ самъ не можетъ имъ быть столько полезенъ, сколько его братъ, и просилъ наконецъ, чтобы они позволили ему снять на себя не-

---

(*) Такъ называется тотъ, которой родился отъ Европейца и Индіанки, или отъ Европейки и Индѣйца.

щастную судьбу, назначенную его брату, естьли уже непремѣнно должно кому нибудь оной подвергнуться. Его прозьба была удовлетворена; но небо послало ему руку помощи. Сей молодой человѣкЪ, будучи вЪ силахЪ, и умѣя искусно плавать, слѣдовалЪ за ботомЪ больше шести часовЪ неослабно, безпрестанно силясь ухватиться за него, то сЪ одного боку, то сЪ другаго. Бросившїе старались удалить его шпагами. Но сїе-то самое, хотя должно было ускорить его погибель, однако послужило ему спасенїемЪ. ОнЪ бросается на шпагу, хватается за лезвїе, и не опускаетЪ его, сколько ни старались ворочать шпагу; не взирая ни на какую боль, онЪ крѣпко держался за нее. Всѣ тронулись симЪ жалостнымЪ зрѣлищемЪ, и уважая безпримѣрную его любовь кЪ брату, рѣшились единодушно спасти жизнь сего нещастнаго юноши, приняли его на ботЪ, и перевязали его раны. НаконецЪ претерпѣвши голодЪ, жажду, и всѣ опасности бурь, достигли они берега Африки вЪ двадцатой день послѣ случившагося кораблекрушенїя, и соединились сЪ тѣми, которые прежде ихЪ приплыли туда на ботЪ.

Оставшіеся изъ экипажу на разбитомъ кораблѣ, покусились также плыть къ твердой землѣ: они собрали и сплотили доски и другіе корабельные отломки, сдѣлали себѣ родъ плота, называемаго Португальцами *жангадасъ*, и пустились въ море. Но тщетно: они были опрокинуты и погибли всѣ, выключая только двухъ, которымъ посчастливилось достигнуть до земли.

Всѣ сіи избавленные еще не окончили своихъ нещастій; едва избѣгли погибели на морѣ, едва сошли на берегъ Африки, какъ попались въ руки Кафровъ, жестокаго, безчеловѣчнаго народа, которые ихъ совершенно ограбили и оставили въ жалостнѣйшемъ положеніи. Но они не лишались бодрости; собрали остатокъ силъ своихъ, и послѣ многихъ трудностей достигли того мѣста, въ которомъ Португальской факторъ изъ Софалы и Мозамбика имѣлъ свое пребываніе. Онъ принялъ ихъ весьма ласково; нѣсколько дней они отдыхали; потомъ отправились въ Мозамбикъ, откуда благополучно прибыли въ Индію. Только 60 человѣкъ спаслись изъ всѣхъ бывшихъ на кораблѣ Св. Іякова; другіе погибли на морѣ отъ трудностей или отъ голода. Такъ-

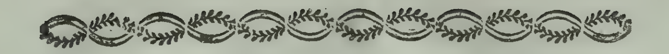
то неразумїе одного человѣка было причиною погибели знатнаго корабля и больше четырехъ сотъ пятидесяти человѣкъ!

Когда сей Капитанъ возвратился въ Европу, то нещастныя вдовы и сироты вопили противъ него, и принесли жалобы: онъ былъ арестованъ и посаженъ въ темницу; но вскорѣ потомъ его опять освободили. Сїе нещастное приключенїе не довольно научило этого гордаго и упрямаго человѣка. Въ 1588 мъ году, онъ взялся еще начальствовать надъ другимъ кораблемъ, и едва было въ томъ же мѣстѣ не претерпѣлъ подобнаго кораблекрушенїя: къ его щастїю, при восходѣ солнечномъ, онъ примѣтилъ тѣ подводные камни, къ которымъ несся его корабль, равно какъ и въ первой разъ. Но на возвратномъ своемъ пути изъ Индїи въ Португаллїю, проѣжжая Мысъ Доброй Надежды, онъ погибъ вмѣстѣ съ своимъ кораблемъ; достойное наказанїе за его неразумїе и упрямство! —

Тотъ же Авторъ прибавляетъ, что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Августѣ узнали въ Гоѣ о кораблекрушенїи Португальскаго корабля, называемаго *Гоя-Вїаженъ*. Сей корабль потонулъ неподалеку отъ Мыса Доброй Надежды: ибо

былъ слишкомъ тяжело нагруженъ, какъ то часто случается, что глупые матросы по корыстолюбїю своему не объявляютъ всѣхъ товаровъ, какїе берутъ съ собою. Между прочими, бывшими на томъ кораблѣ, погибли и многїе Офицеры, отправившїеся ко Двору, просить награды за свою службу, также Посланникъ Персидскаго Царя Ксатамы. Сей Посланникъ отправленъ былъ въ Европу для конфирмацїи трактата между Португальцами и Персїянами, и ихъ взаимнаго союза противъ Турокъ, общихъ ихъ непрїятелей. Можно представить, какой убытокъ понесли Португальцы погибелью сего корабля: ибо онъ былъ болѣе нагруженъ, нежели обыкновенные корабли, отправляющїеся изъ Кохина въ Лиссабонъ, изъ коихъ грузъ самыхъ меньшихъ цѣнятъ въ миллїонъ золотомъ.

IV.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Двухъ Португальскихъ судовъ; одного у береговъ острова Фіурмы, близъ Суматры; а другаго на пустомъ островѣ въ Китайскомъ морѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ Макао, въ 1605 году.

Мишельбурнъ, Англійской Кавалеръ, во время путешествія своего въ Восточную Индію, собралъ порознь остатки двухъ Португальскихъ экипажей претерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Мы сообщимъ краткія извѣстія о нещастіи ихъ, изданныя отъ него въ свѣтъ, съ описаніемъ главныхъ приключеній его путешествія. Зависть, существовавшая тогда между Англіею и Португаллією въ разсужденіи Индѣйской торговли, и благородные поступки сего славнаго путешественника, суть такія занимательныя обстоятельства, которыхъ не можно умолчать отъ чувствительнаго Читателя.

Эдуардъ Мишельбурнъ былъ Англійской пребогатой дворянинъ, коего врожденная охота къ похожденіямъ и

желанїе умножить свои богатства, заставили снарядить два корабля. Онъ самъ принялъ надъ ними команду. 5 го Декабря 1604 го года, поднялъ парусы изъ пристани Кавесъ, въ островѣ Вейтѣ. Съ перваго дня объявилъ онъ обоимъ экипажамъ, что будучи не весьма опытенъ въ коммерческихъ дѣлахъ, надѣялся только на щастїе и отважность.

Онъ говоритъ о своемъ грузѣ, не объявляя намъ, изъ чего онъ состоялъ; но имена двухъ кораблей были *Тигръ* и *Уельлъ*. При немъ находился Капитанъ *Дависъ*, искусный мореходецъ, служившїй уже въ качествѣ кормчаго при двухъ путешествїяхъ, учиненныхъ въ Восточную Индїю: въ первомъ предпринятомъ Голландскимъ флотомъ въ 1598 мъ; а во второмъ, въ 1601 мъ году Англїйскимъ флотомъ, подъ предводительствомъ Адмирала Ланкастера.

Мишельбурнъ прибылъ 23 го Декабря къ острову Тенерифу, гдѣ сталъ на якорь въ Аратанской рейдѣ. До самаго 16 го Генваря, какъ онъ прошелъ полуденную Линїю, много претерпѣлъ отъ чрезмѣрнаго жару и частыхъ бурь.

22 го Генваря, 1605 го, флотъ прищалъ къ острову Лоронгѣ, лежащему

подъ четвертымъ градусомъ широты, близъ береговъ Африки. Волнованіе моря было тамъ столь сильное, что шлюпка была опрокинута при приближеніи своемъ къ берегу. *Рикардъ Мишельбурнъ*, Адмираловъ родственникъ, имѣлъ нещастіе утонуть, не могши получить помощи. Черезъ три дня послѣ того подобное нещастіе приключилось одной длинной баркѣ, и при семъ случаѣ погибли два матроса. Хотя сей островъ для путешественниковъ и весьма выгоденъ по своему положенію, однако ничего нѣтъ опаснѣе его береговъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Голландской корабль, которой зашелъ туда, нуждаясь въ водѣ и въ дровахъ, потерялъ свою шлюпку, которая разбилась о камень, причемъ также погибло и много матросовъ.

13 го Февраля поутру, флотъ прошелъ въ виду острова, или лучше сказать, скалы Вознесенія подъ осьмымъ градусомъ, тридцатью минутами южной широты. Апрѣля 1 го, усмотрѣли берегъ Африки, держась Юго-Юго-Востока, хотя по вычисленіямъ кормчихъ они находились на сорокъ миль отъ него отдаленными. 8 го, бросили якорь въ губѣ Салданской, и всѣмъ дана была свобода выходить на берегъ.

Земля, окружающая сей заливЪ, столько запасена всякаго рода провизїею, что ни вЪ какой сторонѢ Дикїе не наслаждаются такимЪ изобилїемЪ. ТамЪ водится множество быковЪ и барановЪ, которые встрѢчаются тамЪ большими стадами, такЪ какЪ вЪ ЕвропѢ; сверхЪ того есть много козЪ, сернЪ, лисицЪ, зайцовЪ, журавлей, струсовЪ, цаплей, гусей, утокЪ, фазановЪ, куропатокЪ, и много другихЪ родовЪ прекрасныхЪ птицЪ. Сїя страна орошаема безчисленными источниками и рѢчками, которыя катясь сЪ вершинЪ многихЪ высокихЪ горЪ, дѢлаютЪ долины прїятными и плодородными. ТамЪ находятЪ вдоль береговЪ дерево, весьма похожее на буковое, но гораздо тверже его; пальмы тамЪ вЪ изобилїи.

Лишь только Англичане сошли на землю, какЪ увидѢли жителей той страны несущихЪ кЪ нимЪ сЪ поспѢшностїю сЪѢстныя вещи всякаго рода. Жирной теленокЪ стоилЪ имЪ не болѢе полуфунта желѢза, а за два или за три гвоздя покупали они барана. Но во всемЪ свѢтѢ нѢтЪ можетЪ быть людей столь грубыхЪ и столь ограниченнаго ума, какЪ сїи Негры. У нихЪ нѢтЪ иной одежды, кромѢ звѢриной кожи, накинутой на плеча, а око-

до пояса другой лоскутъ, едва закрывающій ихъ наготу. Во время пребыванія флота въ заливѣ, они питались внутренностями, и всѣми животныхъ частями, выбрасываемыми отъ Англичанъ, не чистили ихъ и не дѣлали имъ инаго приготовленія, какъ только покрывали на минуту горячимъ пепломъ, послѣ чего отрясши нѣсколько, съ жадностію пожирали полусырое и съ пепломъ смѣшанное сіе кушанье. Они питаются также и кореньями, которые въ ихъ странѣ родятся изобильно.

Хорошая, свѣжая пища возвратила здоровье и силы всѣмъ матросамъ, которые весьма страдали скорбутомъ съ тѣхъ поръ, какъ проѣхали Линію. Поплыли опять 3 го Мая, проживши двадцать пять или шесть дней въ губѣ Салданской. 7 го, находились на двенадцать миль выше Мыса Доброй Надежды, и прошли благополучно во время ночи камни Игольнаго мыса. 9 го, поднялась буря, которая разлучила оба корабля на сорокъ четыре дня, и сопровождаема была ужаснымъ громомъ. Португальцы называютъ сіе мѣсто морскимъ львомъ, не только потому, что тамъ безпрестанныя бываютъ грозы, но и по причинѣ нѣкотораго реву, производимаго тамъ волнами, и поселяющаго

ужасъ въ самыхъ неустрашимыхъ сердцахъ.

Флотъ, несомый благопрїятнымъ вѣтромъ, открылъ 24 го, въ разстоянїи семи или осьми миль, островъ Дїего, лежащїй подъ девятнадцатымъ градусомъ, сорокью минутами южной широты, и подъ девяносто осьмымъ градусомъ, тридцатью минутами долготы. Хотѣли было на ономъ отдохнуть, но вѣтръ, усилившїйся во время ночи, принудилъ оставить сїе намѣренїе. 12 го Iюня, перешли Линїю, подъ которою безвѣтрїе, жаръ, громъ и молнїи причинили много утружденїя и безпокойства флоту.

19 го, открыли землю, за которою усмотрѣли безчисленное множество другихъ, кои Мишельбурнъ призналъ за острова, лежащїе на высотѣ Суматры. Морскїя волны разбиваются тамъ съ такимъ усилїемъ, что кормчїе не осмѣлились пристать туда, хотя жители развели на берегу большїе огни для ободренїя ихъ чрезъ сїе приглашенїе; даже казалось, нѣкоторые звали ихъ знаками, и будучи совершенно одѣты, походили на Европейцевъ, кои по видимому оставлены были въ томъ мѣстѣ для собиранїя кокосовыхъ орѣховъ, которыми должно имъ было запастись

къ прїѣзду кораблей своей нацїи. 26 го стали на якорь близь большаго пустаго острова, называемаго Бата, на двадцать минутъ къ Югу. На немъ есть много лѣсу и рѣкъ; лебедей находится превеликое множество, и еще другой родъ птицъ, коихъ называютъ Батайскими нетопырями. Мишельбурнъ убилъ изъ нихъ одну, длиною съ зайца, а ростомъ съ бѣлку. У ней съ обѣихъ сторонъ виситъ кожица, которую она разширяетъ, перескакивая съ одной вѣтьви на другую, и которая весьма походитъ на крылья. Она имѣетъ чрезвычайную легкость, и часто перебѣгаетъ всѣ сучья одного дерева помощїю только одного хвоста.

4 го Августа, Мишельбурнъ поплылъ опять при благопрїятномъ вѣтрѣ. 9 го усмотрѣлъ, близъ города, называемаго Тику, восемь паросовъ или Индѣйскихъ барокъ. Надѣясь найти тамъ корабль, котораго онъ искалъ, немедленно послалъ туда Дависа съ шлюпкою. Это были Индѣйцы, которые его увѣрили, что есть одинъ Англїйской корабль въ Прїаманѣ, и что сей городъ отдаленъ не болѣе, какъ на шесть миль.

Онъ спѣшилъ принесть сїе прїятное извѣстїе Адмиралу. Пустились на всѣхъ парусахъ, чтобъ прїѣхать въ

пристань Прïаманскую прежде ночи. Но едва проѣхали одну милю, какъ попали на песчаную отмѣль подъ скалою, которую можно было почесть по ея цвѣту за бѣлой кораллъ. Досада Англичанъ была равна ихъ нетерпѣливости. Однако съ помощïю трудовъ и старанïй освободились они довольно скоро и вступили того же дня въ Прïаманскую рейду, гдѣ первой предметъ, представившïйся ихъ глазамъ, былъ Уельпъ, о которомъ они такъ много безпокоились. Въ первомъ восторгѣ радости своей они салютовали другъ друга изъ всей артиллерïи. Капитанъ прïѣхалъ на шлюпкѣ къ Адмиралу, и разсказалъ ему всѣ бѣдствïя, какïя претерпѣлъ онъ послѣ ихъ разлуки. Онъ встрѣтился съ однимъ Португальскимъ кораблемъ о сорокѣ пушкахъ, который гнался за нимъ два дня, и отъ котораго онъ вытерпѣлъ многïе выстрѣлы, подвергавшïе его крайней опасности. Мишельбурнъ бросилъ якорь въ виду Прïамана на прекрасное дно. Сей городъ лежитъ подъ сорокью минутами Южной широты.

Испросивши у Губернатора позволенïе купить перцу и взять свѣжихъ припасовъ въ его землѣ, послалъ онъ ему знатной подарокъ, въ намѣренïи

видѣть его самаго, и согласиться съ нимъ въ нѣкоторыхъ условїяхъ, которыя онъ судилъ полезными для безопасности Англичанъ. Но хотя подарокъ его и депутаты хорошо были приняты, однако онъ не могъ получить конференцїи, сколько о томъ ни просилъ. Губернаторъ отвѣчалъ на сїе предложенїе, что вȯйна, которою Королевство Англїйское было къ нещастїю озабочено, обязываетъ его быть осторожнымъ. Англичане разсудили по сему отказу, что нѣчего имъ было ожидать въ мѣстѣ, столь мало спокойномъ; и 21 го, они отправились къ Бантаму.

Тотъ же день встрѣтили двѣ Индѣйскїя барки, изъ коихъ люди побросались тотчасъ въ воду. Мишельбурнъ, удивясь такой пужливости Индѣйцовъ, кои должны быть привычны къ виду Европейцовъ, далъ приказъ своимъ людямъ навѣдаться въ ихъ баркѣ. Нѣсколько Англичанъ приближились къ шлюпкѣ безъ дальней предосторожности. За парусами остались многїе Индѣйцы, которые опасно ранили тѣхъ, кои первые показались, и бросившись вплавь избѣжали наказанїя, ими заслуженнаго. Однако Дависъ, хотя и онъ былъ также нѣсколько раненъ стрѣлою въ руку, понудилъ гребцовъ за ними

гнаться. Не смотря на оборотливость, съ какою они украдались ныряючи, поймали изъ нихъ двухъ. Дависъ, имѣвшій въ прежнихъ своихъ путешествіяхъ случай выучить нѣсколько словъ ихъ языка, не дожидался толмача для ихъ распрашиванія. Они не утаили отъ него, что ѣздили по морю и грабили безъ разбору всѣхъ, кто казался имъ слабѣе ихъ, и жили симъ разбойничествомъ. Дависъ, не удовольствовавшись симъ отвѣтомъ, потому что они начали бѣжать прежде, нежели Англичане сдѣлали нападеніе, повезъ ихъ на флотъ, и велѣлъ сдѣлать имъ другой допросъ черезъ толмача. Угрозы, которыя къ тому присовокуплены были, вынудили у нихъ странное признаніе. Они показали, что на одномъ изъ малыхъ острововъ, находящихся въ великомъ числѣ въ окружностяхъ Суматры, имѣютъ они остатки Европейскаго корабля, претерпѣвшаго кораблекрушеніе на ихъ берегахъ, и что спасши изъ него многихъ мущинъ и нѣсколько женщинъ, держатъ ихъ у себя. Мишельбурнъ весьма ревностно желалъ узнать достовѣрно о семъ дѣлѣ. Онъ разсудилъ, что нѣтъ такой Европейской націи, которая бы не обязана была, не взирая на войну или коммерцію, помо-

гать другимъ въ такомъ нещастномъ состоянiи. Четыре человѣка, которыхъ онъ посадилъ въ одну барку съ двумя Индѣйцами, служили флоту проводниками; они поднялись выше Прiамана, и прiѣхали къ вечеру, между многими другими островами, къ тому острову, откуда выѣхали Индѣйцы.

КОРАБЛЕКРУШЕНIЕ

Перваго Португальскаго корабля на берегахъ острова Фигурмы.

Между многими жителями, показавшимися на берегу, явились два человѣка, одѣтыхъ по Европейски. Англичане легко признали ихъ за Португальцевъ. Это было причиною, что они нѣсколько сомнѣвались, подать ли имъ помощь; но великодушiе Мишельбурна убѣдило его не пренебречь долгу человѣчества. Онъ велѣлъ бросить якорь на пятьдесятъ шаговъ отъ берега, и Дависъ былъ посланъ въ шлюпкѣ для развѣдыванiй.

Скоро возвратился онъ съ тѣми двумя Европейцами, которыхъ прежде замѣтили. Это были Португальцы,

которые зная, что Англійская нація имѣетъ справедливыя причины быть недовольна Португальцами, тотчасъ стали просить съ покорностію Адмирала принять въ уваженіе не то, изъ какой они націи, но болѣе то, что они такіеже люди, и притомъ нещастные; убѣждали его сжалиться надъ ихъ бѣдствіями. Они расказали ему, что отправившись изъ Терната въ Каликутъ, Капитанъ ихъ съ упорствомъ захотѣлъ остановиться въ пристани Ахемской, по одному любопытству, желая пристать къ такому мѣсту, котораго онъ никогда не видалъ; и что проѣжжая малые острова, окружающіе полуденной берегъ Суматры, не могъ защититься отъ силы морскихъ теченій, которыя разбили корабль объ островъ Фіурму; что изъ тридцати двухъ человѣкъ, составлявшихъ экипажъ, спаслись только семеро съ тремя женщинами, изъ которыхъ одна была Марія Пратенкосъ, молодая вдова, жена покойнаго Португальскаго Губернатора Бранкора; что жители не отказали имъ въ нужныхъ къ жизни пособіяхъ; но три женщины весьма дорого заплатили за гостепріимство; что Правитель острова, начальникъ надъ шайкою разбойниковъ, подъ покровительствомъ Короля Персидскаго,

принудилъ молодую вдову быть его женою, а двое изъ его чиновниковъ сдѣлали такоеже насилїе и другимъ двумъ Португалянкамъ; что болѣе пяти мѣсяцовъ они томятся въ печальнѣйшемъ рабствѣ, безпрестанно изыскивая средства перейти на островъ Суматру, дабы принять убѣжище въ областяхъ Короля Ахемскаго; что находясь такъ близко отъ сего послѣдняго острова, они конечно нашли бы не одинъ случай туда переѣхать, естьли бы не удерживало ихъ чувствїе сострадания къ тремъ женщинамъ, которыя заклинали ихъ ежедневно, не оставлять ихъ въ семъ бѣдственномъ состоянїи; что Правитель Индѣйской, пылая сильною страстїю къ своей новой женѣ, не спущаетъ ея съ глазъ ни на минуту; что они многократно предпринимали намѣренїе убить его, — и не находили къ тому случая; что на островѣ находится около осмидесяти Индѣйцовъ, изъ коихъ половина всегда бываетъ при немъ, между тѣмъ какъ прочїе разбойничаютъ на морѣ, или грабятъ сосѣднїе берега, и мало дѣлаютъ пощады подданнымъ Короля Ахемскаго; что естьли Англичане тронутся сожалѣнїемъ къ тремъ дамамъ, то нѣтъ сомнѣнїя, что при одномъ звукѣ огнестрѣльнаго оружїя, разбой-

ники согласятся на все ихъ требованія. Чтожъ касается до нихъ, то Адмиралъ можетъ располагать ихъ жизнію; но что естьли онъ будетъ столько великодушенъ, и забывши, что они Португальцы, освободитъ ихъ изъ такого злощастнаго положенія, то можетъ быть уверенъ, что они добровольно не пощадятъ ни одной капли своей крови въ его службе.

Мишельбурнъ столько былъ тронутъ сею речью, что решительно положилъ тотчасъ сделать высадку. Имея сто двенадцать человекъ на двухъ своихъ корабляхъ, не могъ онъ опасаться неудачи въ своемъ предпріятіи; однако нужно было принять хорошія меры, дабы обезопасить жребій трехъ женщинъ и всехъ Португальцевъ, чтобы островитяне куда нибудь ихъ не увезли. Какъ скоро ночь наступила, то пятьдесятъ Англичанъ, хорошо вооруженныхъ, учинили высадку подъ предводительствомъ Дависа; и следуя советамъ двухъ Португальцевъ, приблизились къ самому дому Правителя, которой былъ выстроенъ изъ тростнику по тамошнему обычаю. Все Индейцы тамъ были собраны, и движенія ихъ показывали, что они решились защищаться. Дависъ поставив-

ши людей своихъ въ двѣ шеренги, далъ имъ приказъ быть въ готовности къ стрѣльбѣ попремѣнно, такъ чтобы одна только часть изъ нихъ всегда находилась съ порожними ружьями. Потомъ пославши двухъ Португальцевъ къ Индѣйцамъ, для удостовѣренія себя въ ихъ положеніи, вознамѣрился ожидать дня, которой почти уже наступалъ. Одинъ изъ двухъ Португальцевъ скоро возвратился назадъ съ двумя другими товарищами своими; они донесли, что не проникая намѣренія Англичанъ, и по одному побужденію своей недовѣрчивости, Правитель намѣренъ перейти въ ближній островъ съ Индѣйскими и Португальскими женами; но что легко бы было ихъ перехватить на пути, а иначе не можно будетъ догнать ихъ барокъ прежде дня. Дависъ нимало не опасался послѣдовать совѣту Португальцевъ, разсудивши, что они больше всѣхъ другихъ должны радѣть о успѣхѣ его предпріятія для собственной своей пользы. Онъ велѣлъ вести себя туда, гдѣ долженъ проходить Правитель. Скоро увидѣли его идущаго съ великимъ числомъ женщинъ, и лишь только показались ему весьма близко, то навели такой страхъ на всю толпу, что Правитель первой

побѣжалъ со всѣми своими женщинами и Индѣйцами; остались только три Португалянки съ двумя мущинами ихъ же націи. Дависъ, для умноженія ужаса въ бѣжавшихъ, велѣлъ сдѣлать нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, безъ всякаго намѣренія имъ вредить. Такимъ образомъ онъ привелъ благополучно трехъ женщинъ на корабль, между тѣмъ какъ два другіе Португальца, которые притворно остались съ толпою Индѣйцовъ, какъ будто для споспѣшествованія выходу Правителя, возвратились также къ морю другою дорогою.

Мишельбурнъ, утѣшивши трехъ дамъ своими ласками, обѣщался ихъ высадить въ Пріаманъ, гдѣ онѣ могли надѣяться найти какихъ нибудь Португальцевъ, или отвесть ихъ даже въ Бантамъ. Онѣ избрали послѣднее изъ двухъ сихъ предложеній, какъ самое безопасное, хотя казалось, что нѣчего было имъ бояться и въ пристани Пріаманской, какъ въ городѣ благоустроенномъ и преданномъ Королю Ахемскому.

2 го Сентября, флотъ встрѣтился съ небольшимъ Гузаратскимъ судномъ, на которомъ грузу было около осмидесяти бочекъ. Онъ овладѣлъ имъ безъ сопротивленія, и добыча, хотя умѣ-

ренная, полезна была тремъ Португалянкамъ, потому что наибольшая часть состояла въ Индѣйскихъ матерiяхъ, изъ коихъ подарилъ имъ Мишельбурнъ наилучшiя штуки для сдѣланiя себѣ платьевъ. Онъ остановился тогоже дня подъ четвертымъ градусомъ Южной широты въ Силибарской Рейдѣ, гдѣ привело его въ удивленiе великое число Индѣйскихъ барокъ, которыя безпрестанно туда приходили. Индѣйцы привлекаемы были туда изобилiемъ въ запасахъ; тамъ запасались они свѣжею водою, лѣсомъ, сарачинскимъ пшеномъ, говядиною и козьимъ мясомъ, цыплятами, кореньями и рыбою всякаго рода. Тамошнiе жители берутъ въ замѣну полотны и матерiи, которыя они гораздо предпочитаютъ деньгамъ; но они слывутъ величайшими ворами на семъ берегу, и иностранцы должны безпрестанно ихъ остерегаться, и за ними примѣчать. Такимъ образомъ Англичане мѣняли тутъ свою добычу, полученную ими столь легко, и запасались свѣжими припасами; почему и пробыли въ сей гавани даже до 28 го числа. Потомъ продолжая плыть далѣе, прибыли черезъ два дня на три мили отъ Бантама, откуда послали шлюпку въ пристань сего города. Они

надѣялись найти тамъ еще флотъ Миддлетона; но онъ выѣхалъ оттуда за три недѣли передъ тѣмъ.

Конторскіе факторы спѣшили видѣть своихъ соотечественниковъ. Они ихъ увѣдомили, что по отъѣздѣ Миддлетона, Голландцы не преставали имъ дѣлать всякихъ оскорбленій; описывая ихъ молодому Бантамскому Королю, какъ разбойниковъ или злодѣевъ, ищущихъ единственно случая вредить имъ хитростію или насильствомъ. У нихъ стояло еще семь кораблей въ рейдѣ, изъ коихъ на одномъ было грузу семь или восемь сотъ бочекъ, но большая часть другихъ были гораздо меньшіе.

Мишельбурнъ, раздражившись такими несправедливостями со стороны Голландцевъ, и полагаясь на свою исправную артиллерію, рѣшился поступить съ ними безъ пощады. Онъ послалъ одного изъ людей своихъ къ Адмиралу, принесть ему жалобы отъ имени Англійской націи, и объявить ему, что естьли Голландцы захотятъ сдѣлать помѣшательство въ его намѣреніи, стать у тѣхъ береговъ на якорь, то онъ всѣхъ суда потопитъ. Адмиралъ не далъ никакого отвѣта на сію смѣлую рѣчь; однако это не помѣшало

Англичанамъ войти въ рейду, и стать на пушечной отъ нихъ выстрѣлъ.

Во все время ихъ тамошняго пребыванія, которое продолжалось болѣе мѣсяца, Голландцы были такъ тихи и покорны, что почти ни одинъ изъ нихъ не выходилъ на берегъ.

Мишельбурнъ, нагрузивши свои корабли тѣми товарами, какіе казались ему нужны по его коммерческимъ спекуляціямъ, оставилъ Бантамъ и отправился въ Патану. Между Малакою и Подра-Бранкою встрѣтилъ онъ три барки съ Индѣйцами, коихъ страхъ заставилъ тотчасъ поспѣшно плыть къ берегу. Онъ приглашалъ ихъ къ себѣ приближиться; но видя, что это было безполезно, посадилъ осьмнадцать человѣкъ въ шлюпку съ повелѣніемъ гнаться за ними до самой земли, и взять у нихъ за цѣну кормчаго, которой бы способенъ былъ проводить ихъ въ Пуло-Тимаку. Но Индѣйцы, бывшіе въ великомъ числѣ на баркахъ, видя два корабля, стоящіе на якоряхъ, разстояніемъ отъ нихъ далѣе мили, съ гордостію отвергли всякія предложенія. Дависъ тотчасъ рѣшился ихъ атаковать, и въ полчаса принудилъ одну изъ нихъ сдаться. Другая ушла. Третья дѣлала долго сопротивленіе, и

сдалась не прежде, какъ на другой день на разсвѣтѣ. Эта была самая богатая; она нагружена была роснымъ ладономъ, стираксою, макомъ, и Китайскимъ фарфоромъ. Мишельбурнъ, досадуя во время сраженія, что не могъ приближиться съ своими кораблями, послалъ столько людей, сколько могъ посадить на лодки. Безъ сего пособія сраженіе продолжалось бы гораздо долѣе. Онъ потерялъ на немъ только двухъ человѣкъ, и узнавши, что Индѣйцы были Яванцы, возвратилъ имъ всѣ ихъ товары, довольствуясь взятьемъ отъ нихъ двухъ кормчихъ. Они ѣхали изъ Палимбана, возвращаясь въ Гризи приморской городъ острова Явы, на Сѣверо-Востокѣ.

26 го, Англичане открыли къ Сѣверо-Западу нѣкоторые острова, которыхъ имена новые кормчіе не могли имъ сказать, и вѣтръ оказался столь противенъ ихъ направленію, что принуждены были рѣшиться безъ дальнаго разсмотрѣнія къ онымъ пристать. Но чѣмъ болѣе къ нимъ приближались, тѣмъ болѣе видъ оныхъ казался непріятенъ. И такъ, бросивши якорь разстояніемъ отъ южнаго берега на милю, послали шлюпку для осмотрѣнія береговъ. Нашлось, что это были не ос-

трова, а остатокъ нѣкоторой земли, поглощенной моремъ, на которой видны были въ иныхъ мѣстахъ вершины деревъ и обнаженные холмы. Впрочемъ не нашли тамъ никакого рода животныхъ. А какъ вѣтеръ все еще не былъ попутный, то оба корабля приближились къ берегу, которой показался имъ болѣе другихъ возвышеннымъ. Бросили тамъ якорь на прекрасное дно, и болѣе любопытство, нежели нужда, заставило Мишельбурна вытти на берегъ. Тамъ нашелъ источникъ самой чистой воды, и нѣкоторые слѣды, по коимъ онъ судилъ, что мѣсто сїе не всегда было пусто и необитаемо. Впрочемъ дурная погода принудила его провесть тамъ семь или восемь дней.

Подняли якорь 2 го Декабря, и силились съ великою трудностїю, безпрестанно держать къ Патанѣ. 22 го, проходя мимо Пуло-Лаора, Уелпъ открылъ три судна, которыхъ величины не могъ онъ распознать. Для развѣданїя ихъ отрядили шлюпку; но сильное стремленїе моря и порывы вѣтра скоро унесли ее изъ виду, и цѣлую ночь безпокоились о ея участи. Однако на ней посажено было пятнадцать смѣльчаковъ, которые, приближившись къ одному изъ трехъ судовъ, имѣли ща-

стїе имъ завладѣть, хотя на немъ было грузу около ста бочекъ и осьмнадцать человѣкъ экипажу. На другой день они явились съ своею добычею. Это былъ жонкъ, Японское судно, нагруженное сарачинскимъ пшеномъ и макомъ, и плывшее изъ Пангангa въ Бантамъ. Такая добыча показалась Мишельбурну недостойною его. Онъ взялъ у Индѣйцевъ только два небольшїе куска литаго металла, за которые заплатилъ имъ настоящую цѣну; и не видя много пользы отъ тѣхъ кормчихъ, которыхъ отнялъ у Яванцевъ, выпросилъ одного у Капитана пойманнаго судна, въ награжденїе за свое великодушїе, отдавши какъ бы въ замѣну двухъ своихъ.

Приближаясь къ Патанѣ, Англїйской флотъ встрѣтился съ жонкомъ, въ коемъ были Японскїе разбойники, которые производили свои грабежи на берегахъ Китайскихъ и Камбайскихъ. Сїи разбойники, лишившись своего кормчаго, такъ неискусно управляли судномъ, что попали на мѣль при великомъ островѣ Борнео. Но ненависть, какую имѣютъ къ нимъ во всѣхъ странахъ Индїи, не допустила ихъ пристать къ острову; они спаслись въ шлюпкѣ, лишившись своего судна;

они нашли Патанской жонкѣ, нагруженной сарачинскимъ пшеномъ, на которомъ экипажъ побили; и положивши въ него свои отломки, намѣревались возвратиться въ Японію, какъ вдругъ попались на встрѣчу Англичанамъ. Ихъ было числомъ девяносто, и ихъ малое судно едва могло сдержать такое множество народу. Большая часть изъ нихъ были одѣты гораздо щеголеватѣе, нежели прилично матросамъ. Хотя былъ у нихъ начальникъ, ими управлявшій, но казалось, что они всѣ равны; изъ чего Англичане заключили, что они люди не подлаго состоянія. Грузомъ былъ у нихъ великой запасъ сарачинскаго пшена; но оно отъ влажности весьма испортилось, потому что въ жонкѣ со всѣхъ сторонъ была течь.

Англичане, бросивши якорь передъ небольшимъ островомъ близъ Патаны, провели тамъ съ добычею своею два дня, въ которые поступали съ плѣнниками своими весьма ласково. Они надѣялись получить отъ нихъ познаніе о разныхъ мѣстахъ и о проѣздѣ какихъ нибудь Китайскихъ кораблей, дабы по тому направить собственной свой путь. Но сіи отважные удальцы видя, что имъ нѣтъ надежды возвратиться въ Японію

въ такомъ худомъ суднѣ, каково было у нихъ, рѣшились отважить жизнь свою опасности для овладѣнія лучшимъ изъ двухъ Англійскихъ кораблей. Даже и то не устрашало ихъ, что кромѣ пяти или шести человѣкъ, у всѣхъ прочихъ оружіе было отобрано. Мишельбурнъ получилъ нѣкоторое подозрѣніе, видя, что они пользуясь его честностію, съ какою онъ ихъ принималъ, стали приходить иногда на корабли его въ числѣ двадцати пяти или тридцати человѣкъ, далъ приказаніе Давису сдѣлать тщательной осмотръ ихъ жонка, чтобъ удостовѣриться, не скрываютъ ли они у себя другихъ оружій; также велѣлъ отнять у нихъ даже тѣ самыя, которыя имъ были оставлены. Но Дависъ обманулся ложными ихъ доказательствами дружбы и спокойствія. Онъ осмотрѣлъ судно съ оплошностію, и нашелъ на немъ только небольшее количество стираксы и бенжуана. Онъ все это взялъ: но сіе-то и было, какъ бы сигналомъ, по которому они предприняли обнаружить свое намѣреніе. Тѣ, кои были на жонкѣ, побили тамъ, или сбросили въ воду небольшое число Англичанъ. Почти одинъ Дависъ успѣлъ проворно броситься въ шлюпку. Между тѣмъ равная тревога оказалась на ко-

рабдѣ Адмиральскомъ, и въ то самое время, когда Дависъ хотѣлъ въ него войти, чтобъ всѣхъ людей приготовить къ оборонѣ, то поразили его пятью или шестью ударами, отъ коихъ онъ почти тотъ же часъ умеръ. Сей бунтъ произошелъ отъ Японцевъ, кои находясь въ разныхъ каютахъ корабля въ числѣ тридцати человѣкъ или около, какъ скоро услышали шумъ на своемъ жонкѣ, тотчасъ бросились на первое оружїе, какое могли захватить, и грозили погубить всѣхъ Англичанъ.

Но къ щастїю Мишельбурнъ находился со многими изъ своихъ людей на палубахъ, и имѣлъ столько присутствїя духа, что соскочилъ въ мокъ, гдѣ онъ безъ трудности пресѣкъ имъ выходъ. Четверо или пятеро, предупредившїе его, нашедши передъ собою на палубахъ множество Англичанъ, не видѣли другаго средства къ спасенїю, какъ броситься вплавь; но и того не могли сдѣлать не умертвивши злощастнаго Дависа, которой въ ту самую минуту входилъ въ корабль. Между тѣмъ Мишельбурнъ удержалъ другихъ въ моковомъ проходѣ въ повиновенїи, хотя дерзость ихъ была столь велика, что они хватались одною рукою за конецъ Англїйскихъ копьевъ, а другою спа-

рались колоть шпагами. Изъ нихъ убили пять или шесть самыхъ смѣлыхъ. Такое сраженїе продолжилось бы и долѣе, естьли бы не усмотрѣли, что въ Капитанской каютѣ, въ которой ихъ было большее число, старались они зажечь корабль.

Въ такой крайней опасности Мишельбурнъ вспомнилъ, что были у него подъ полу-палубою двѣ небольшїя полевыя пушки, отнятыя имъ у другихъ Индѣйцевъ. Онъ велѣлъ зарядить ихъ картечами, пулями и всѣмъ тѣмъ, что имъ попадалось. Подвергаясь самъ опасности погибнуть, велѣлъ поставить ихъ отверстїями прямо противъ перегородокъ. Трескъ былъ страшной. Ничто не могло защитить Японцевъ, не только отъ заряду обѣихъ пушекъ, но и отъ отломковъ, которые иныхъ раздробили, а прочихъ всячески изуродовали. Бѣшенство ихъ столь было упорно, что они лучше хотѣли изрублены быть въ куски, нежели здаться. Одинъ только изъ нихъ, видя себя безъ раны, нашелъ средство уйти къ корабельному борту, и броситься въ море; но видя, что жонкъ былъ уже очень отдаленъ, и потерявъ надежду догнать его, приплылъ назадъ и просилъ пощады. Мишельбурнъ не далъ своимъ

людямъ убить его; онъ велѣлъ взять его опять въ корабль, и упрекая его въ измѣнѣ, спрашивалъ, какое было ихъ намѣренїе? „Порѣзать васъ всѣхъ, отвѣчалъ онъ съ гордостїю, и завладѣть вашимъ кораблемъ.„ На всѣ другїе вопросы ничего не отвѣчалъ, и просилъ одной только милости, чтобъ его скорѣе закололи.

На другой день, исправивши нѣсколько поврежденной корабль, велѣлъ Мишельбурнъ повѣсить сего бѣшенаго Японца. Онъ тому ни мало не противился; но когда палачь его оставилъ, то онъ еще такъ сильно ворочался, что перервавши веревку, упалъ въ море, и послѣ не могли узнать, утонулъ ли онъ, или имѣлъ щастїе выплыть. Товарищи его побѣжали къ небольшему острову на западъ, куда не разсудили за ними гнаться.

Въ слѣдующїй день встрѣтился Мишельбурнъ съ небольшимъ Патанскимъ судномъ, отъ котораго освѣдомлялся, пришли ли Китайскїе корабли въ сїю пристань. Узнавши отъ Капитана, что тамъ ожидаютъ ихъ въ скоромъ времени, взялъ его къ себѣ вмѣсто кормчаго, рѣшившись не удаляться оттуда прежде прибытїя Китайскихъ кораблей. 12 го Генваря, ус-

мотрѣли Англичане сверху мачтъ два идущіе къ нимъ корабля. Они продолжали также плыть впередъ, и при наступленіи ночи, видя себя весьма близко къ самому большему, напали на него съ невеликою предосторожностію. Послѣ маловременной сшибки, пристали къ его бортамъ и овладѣли имъ. Стали на якорь во время ночи.

На другой день, Мишельбурнъ, осмотрѣвши свою добычу, взялъ себѣ нѣсколько кипъ сыраго и обработаннаго шелку, но тогда же рѣшился заплатить за него свыше настоящей цѣны, и не трогать ихъ золота и серебра. Сія умѣренность и хорошее обхожденіе съ побѣжденными происходили отъ того огорченія, что добыча его не была *соотвѣтственна* его надеждамъ, и отъ страха, чтобы слухъ о его предпріятіяхъ не лишилъ его богатѣйшихъ кораблей. Ему хотѣлось добраться до Шина-Батты; но вѣтры сдѣлались противны, и 22 го, занесли его къ двумъ небольшимъ на западѣ островамъ, и принудили тамъ остановиться.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Втораго Португальскаго корабля на пустомъ островѣ, близь Макао.

Лишь только бросили якорь, какъ нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ по Европейски, которыхъ они усмотрѣли на берегу, побудили его послать къ нимъ шлюпку, дабы о нихъ развѣдать. Какъ скоро они пріѣхали къ нему на корабль, то онъ узналъ по одному виду нѣкоторыхъ изъ сихъ злощастныхъ, что они были Португальцы, выѣхавшіе изъ Макао (1), претерпѣвшіе кораблекрушеніе за двѣ недѣли въ виду сего острова. Капитанъ, именемъ Перецъ Діатрицъ, утонулъ съ тридцатью двумя человѣками, а прочіе въ числѣ осьмнадцати спаслись противъ всякаго чаянія; ибо морской валъ выбросилъ ихъ на берегъ пустаго острова, гдѣ они нашли только свѣжую воду и нѣсколько дикихъ животныхъ. Они стали такъ тощи отъ долговременнаго голоду, что едва сохраняли образъ человѣческой. Одинъ молодой человѣкъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, сынъ Капитана, находился въ крайности.

Бѣдствіе ихъ показалось Англичанамъ столь чрезмѣрно, что возбудило во всѣхъ сострадание. Мишельбурнъ велѣлъ тотчасъ отнесть имъ нѣкоторыя свѣжія яствы, и предостерегъ ихъ, чтобъ не ѣли съ великою жадностію. Этотъ совѣтъ былъ очень нуженъ, и двое Португальцевъ, пренебрегшіе его, найдены были на другой день мертвыми отъ обжирства: ибо желудокъ не способенъ былъ варить.

Впрочемъ Мишельбурнъ, вышедши на островъ съ частію своихъ людей, судилъ по свидѣтельству охотниковъ своихъ, нашедшихъ на немъ птицъ и другихъ животныхъ, что Португальцы доведены были до такой крайности единственно по недостатку оружія. Онъ велѣлъ приложить столько попеченія о молодомъ человѣкѣ, что возстановилъ его силы въ короткое время, и узналъ по виду его и по изящнымъ качествамъ, что онъ достоинъ былъ лучшей участи. Услуга, полученная имъ отъ Англичанъ, естественно склонила его къ откровенности, и онъ расказалъ имъ о своемъ нещастіи. Оно было тѣмъ невозвратнѣе, что онъ будучи сынъ любви, рожденъ въ Макао отъ любовнаго союза, не зналъ ни фамиліи отца своего, ни

человѣка; отъ котораго бы могъ надѣяться хотя малѣйшаго пособія. Впрочемъ не только онъ былъ воспитанъ изъ дѣтска въ религіи и обычаяхъ Португальскихъ, но и отецъ, любившій его съ великою нѣжностію, и прижившій его съ одною женщиною той страны, съ коею жилъ онъ цѣлые шестнадцать или семнадцать лѣтъ, проведенныхъ имъ въ должности Макаосскаго фактора, объявилъ его законнымъ своимъ наслѣдникомъ, женившись на матери его въ часъ своей смерти. Онъ назывался Францискъ Діатрицъ. Для него-то особенно отецъ его вознамѣрился оставить Макао, и возвратиться въ Португаллію, чтобы утвердить за нимъ все свое имѣніе; которое везъ онъ на томъ же кораблѣ, и представить его своей фамиліи, какъ роднаго своего сына. Злощастіе его было столь велико, что не оставалось даже у него никакихъ свидѣтельствъ, которыми могъ бы онъ доказать истинну своей исторіи; только имѣлъ свидѣтелями однихъ Португальцевъ, спасшихся съ нимъ отъ ярости моря, которые и утверждали единогласно, что онъ и въ Макао и на кораблѣ признаваемъ былъ сыномъ умершаго Капитана; и всегда поль-

зовался всѣми правами своего рожденія.

Мишельбурнъ, будучи тронутъ сожалѣніемъ къ сему нещастному, совѣтовалъ ему безъ дальняго отлагательства взять отъ всѣхъ тѣхъ, кои знали его въ Макао, свидѣтельство о своемъ родѣ и состояніи, которое обѣщалъ подписать и онъ самъ съ главными изъ своихъ спутниковъ вмѣсто свидѣтелей. Потомъ предложилъ ему выборъ на волю, остановиться ли въ какомъ нибудь Индѣйскомъ городѣ съ Португальцами, или слѣдовать съ нимъ въ Европу.

24 го, поднялась столь жестокая буря, что оба Англійскіе корабля сорваны были съ якорей посреди самой рейды, и съ великою силою брошены на берегъ, отъ чего сѣли тамъ на мѣль; однако они оттуда освободились, хотя и претерпѣли небольшія поврежденія, которыя удобно можно было починить. Нѣсколько дней спустя, Голландской флотъ, состоящій изъ пяти кораблей, весьма поврежденный отъ той же бури, вошелъ въ ту же рейду для починки. Онъ былъ подъ командою Адмирала Вибранца фанъ-Варвика. Сей Генералъ обошелся весьма учтиво съ Англичанами. Онъ при-

гласилЪ главныхЪ изЪ нихЪ кЪ обѣду, и вЪ дружеской сЪ ними бесѣдѣ увѣдомилЪ ихЪ, что Король Бантамской извѣстенЪ о ихЪ намѣренїи напасть на Китайскїе корабли, и почитая предприятїе сїе за собственную обиду, по той причинѣ, что чрезЪ сїе онЪ лишится тѣхЪ выгодЪ, какїя могЪ бы получить, естьли бы тѣ суда пристали вЪ его пристани, казалось расположенЪ былЪ поступить сЪ Англичанами худо. Можно предположить, что ВарвикЪ старался устрашить тѣмЪ АнгличанЪ для выгодЪ своей нацїи. Но изЪ какого бы источника ни происшекали сїи совѣты, только онЪ совѣтовалЪ двумЪ АнглїйскимЪ КапитанамЪ оставить свое намѣренїе, и вмѣстѣ сЪ нимЪ предпрїять возвратной путь вЪ Европу.

Однако МишельбурнЪ усматривалЪ вЪ семЪ совѣтѣ какую-то другую цѣль, а не чистую дружбу, и подозрѣнїе сїе заставило его изЪясниться откровенно, что онЪ не достигши еще цѣли своего путешествїя, не намѣренЪ такЪ скоро оставить его. Но по отЪѣздѣ Голландскаго флота, что случилось 3 го числа Февраля, онЪ сталЪ основательнѣе размышлять о выгодахЪ своего отечества. СверхЪ того заставило

его опасаться и худое состоянїе корабля его, у котораго было только два якоря и канаты обветшалые. Наконецъ рѣшился возвратиться въ Англїю, довольствуясь умѣренною прибылью, полученною имъ до того времени отъ своего путешествїя. Онъ поплылъ 5 го Февраля, а 7 го Апрѣля, имѣлъ въ виду Мысъ Доброй Надежды, претерпѣвши жестокую бурю.

17 го, остановился у острова Святой Елены (2), гдѣ его экипажъ желалъ бы пробыть очень долго, потому что хорошая свѣжая пища и прїятное житье на семъ островѣ отмѣнно всѣмъ понравилось. Но Мишельбурнъ, предпочитая все своему отечеству, съ тѣхъ поръ, какъ не достигъ цѣли своего путешествїя, пустился опять въ море 3 го Мая; прошелъ Экваторъ 14 го, а 27 го Іюня, вошелъ въ гавань Мидфортскую въ Валлійскомъ Герцогствѣ. 9 Іюля, сталъ на якорѣ въ Портсмутѣ, проведши въ отсутствїи 19 мѣсяцовъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Макао*, Китайской городъ въ провинцїи Кантонѣ, лежитъ подъ 130 градусомъ долготы, 22 градусомъ 48

минутами и 12 секундами широты. Сей городъ выстроенъ на мысѣ небольшаго острова, называемаго Гейшю, при устьѣ рѣки Кантона.

Когда Португальцы пристали къ Китаю, почти за два вѣка передъ симъ, то имъ уступлено было на краю сего острова мѣсто въ окружности около трехъ тысячь шаговъ, съ тѣмъ условіемъ, что они обязаны были платить ежегодную дань пять тысячь таелей (*) и пошлины съ товаровъ по десяти на сто, а съ денегъ два на сто. Они выстроили тамъ городъ, которой существуетъ еще и нынѣ. Китайцы дозволили имъ также располагать рейдою, которая безопасна и выгодна, построить крѣпость для защищенія мѣста и ихъ торговли.

Во все время цвѣтущаго состоянія Португальцевъ въ Индіи и Японіи, городъ сей былъ знатнымъ магазиномъ; но онъ не умедлилъ упасть соразмѣрно тому, какъ упадало Португальское могущество: нечувствительно обратился въ ничто. Со многихъ уже лѣтъ Макао не имѣетъ болѣе коммерческой связи съ Лиссабономъ. Изъ сего города они от-

(*) *Таель*. Китайская монета, цѣною въ шесть Французскихъ ливровъ.

правляютъ ежегодно только одинъ корабль въ Тиморъ и два въ Гою.

До 1744 года, бѣдные оставшіеся тамъ Колонисты пользовались нѣкоторою независимостію. Въ семъ году случилось, что одинъ Португалецъ убилъ Китайца; а сіе и было причиною, что вольность сія совершенно потеряна. Вицерой Кантонской извѣстясь о семъ произшествіи, увѣдомилъ о томъ Дворъ Пекинской, и въ тоже время испросилъ Упу или правителя для начальствованія надъ Макаосскими *варварами*: это былъ собственной терминъ его жалобы. Китайской Императоръ послалъ туда Мандарина, которой именемъ своего Государя взялъ во власть сіе мѣсто. Онъ погнушался жить между иностранцами, *къ которымъ вообще имѣютъ* великое презрѣніе во всей Имперіи, а основалъ свое жилище на милю отъ города, откуда и управляетъ тамошними жителями.

Въ концѣ послѣдняго столѣтія находилось въ Макао, по свидѣтельству *Гемеллія Карерія*, пять тысячь Португальцевъ и пятнадцать тысячь Китайцевъ. Но нынѣ осталось тамъ неболѣе пяти или шести Португальскихъ фамилій, около сотни метисовъ, и около двухъ сотъ фамилій Черныхъ,

происходящихъ отъ Африканскихъ невольниковъ. Хотя сей городъ совсѣмъ упалъ, однако сохраняетъ еще важныя наружности; укрѣпленія его довольно знатны, улицы хорошо вымощены; много есть монастырей, какъ мужескихъ, такъ и женскихъ; церкви выстроены регулярно и весьма украшены. Притворъ церкви, принадлежавшей прежде сего Езуитамъ, построенъ въ хорошемъ вкусѣ и украшенъ прекраснѣйшею колонадою: въ сей церквѣ хранится одна кость правой руки св. Франциска Ксавіера. Домы выстроены по Европейски, нѣсколько пониже домовъ Индѣйскихъ, для безопасности отъ ургановъ.

Макао есть городъ Епископской. Тамошній военный Губернаторъ имѣетъ чинъ Генералъ Капитана, и назначается Лиссабонскимъ Дворомъ, а гражданскія и криминальныя дѣла рѣшатся судьею избираемымъ отъ жителей; но сіи начальствующія особы имѣютъ одну только тѣнь власти. „Какъ скоро Упу „или Мандаринъ прикажетъ, повѣст-„вуетъ одинъ изъ новѣйшихъ путеше-„ствователей, то Португальцы должны „повиноваться.„ И такъ Макао можно по справедливости назвать темницею, отъ коей ключи находятся у Китайцевъ. Утесъ, на которомъ сей го-

родъ выстроенъ, отдѣленъ отъ остальной части острова каменною стѣною, простирающеюся отъ одного моря до другаго. Вороты запираются и отпираются по волѣ Китайцевъ. Въ ихъ же власти состоитъ и пристань. Ни одна барка, ни одно судно не можетъ войти туда или выйти оттуда безъ ихъ позволенія. Тягость сего рабства умножается еще отъ великаго недостатка въ пропитаніи. Земля около сего города безплодна, и Португальцы принуждены доставать все потребное для жизни изъ Кантона; однако съѣстные припасы находятся тамъ въ изобиліи и дешевы. *Смотри* повѣствованіе о путешествіи *Гемеллія Карерія* томъ IV.

2.) *Святая Елена*, островъ на Атлантическомъ Океанѣ, за 400 миль разстояніемъ отъ берега Африки, и за 600 миль отъ берега Америки. Островъ сей, принадлежащій Англійской Индѣйской Компаніи, имѣетъ въ окружности своей около двадцати миль.

Островъ Святыя Елены служитъ мѣстомъ отдохновенія для Англійскихъ кораблей, гдѣ они и запасаются всѣми потребностями ѣдучи въ Индію. Его долины и луга представляютъ прекрасное зрѣлище. Хотя онъ довольно близокъ къ Экватору, однако умѣрен-

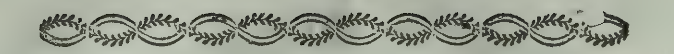
ность климата умножаетъ еще въ немъ естественное плодородіе земли. Растѣнія и овощи Европейскія, Азіатскія и Американскія растутъ тамъ скоро; но немедленно пожираемы бываютъ гусеницею. Хлѣбъ какъ скоро созрѣетъ, становится также добычею ужаснаго множества крысъ. Сіе препятствіе для земледѣлія принудило жителей заняться больше скотоводствомъ: луга обращены въ паствы, и на нихъ пасутся многочисленныя стада.

Лѣсу очень мало на островѣ Св. Елены. Изъ всѣхъ плодовитыхъ деревъ Европейскихъ одно персиковое приноситъ плоды; прочія остаются безплодны. Около береговъ сего острова есть много рыбы и прѣсная вода тамъ весьма здорова.

Во всемъ островѣ только одинъ городъ, которой стоитъ на берегу моря, на краю долины Шаппельской и защищаемъ крѣпостію Жамесъ. Жителей на островѣ Св. Елены находится до 20000 душъ, въ числѣ коихъ 500 солдатъ и 600 невольниковъ. Женской полъ здѣсь столько же прекрасенъ, какъ и въ Англіи. Замѣчено, что здѣсь родится также, какъ и на Мысѣ Доброй Надежды, болѣе дѣвочекъ, нежели мальчиковъ.

Славный мореходецъ Кукъ, во время отдохновенія своего на семъ островѣ въ 1771 году, нашелъ его въ худомъ состояніи; но въ 1775, чрезвычайно удивился онъ увидя въ немъ хорошую перемѣну: новая церковь, публичныя зданія, выстроенныя вновь по плану, нѣсколько новыхъ укрѣпленій, прибавленныхъ къ прежнимъ, и мѣсто для выгрузки, приведенное въ выгодное состояніе, производили въ немъ пріятнѣйшій видъ.

Островъ Св. Елены служитъ мѣстомъ ссылки знатныхъ особъ, отправляемыхъ туда изъ Индіи, какъ скоро они обличены будутъ Англичанами въ подрывѣ выгодъ ихъ Компаніи, равно какъ островъ Роббенъ, близъ Мыса, служитъ мѣстомъ ссылки для тѣхъ, кои имѣютъ нещастіе непонравиться Галландской Компаніи.

V.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЯ

Двухъ Англійскихъ судовъ Вознесенія и Соединенія; перваго у береговъ Камбайскихъ, въ Индѣйскомъ морѣ въ 1609; втораго у береговъ Британій, близъ Одіерна, въ 1611 годахъ.

Директоры Англійской Компаніи держались въ первые годы семнадцатаго вѣка совсѣмъ противныхъ правилъ, нежели Голландская Компанія. Англійскія эскадры были малочисленны и почти не вооружены: ихъ начальники, имѣя простое званіе купцовъ, спрашивали позволенія въѣжжать въ Индѣйскія пристани только по сему одному званію, какъ купцы или друзья; но сіе безкорыстіе мало приносило пользы Компаніи. Торговля ихъ не распространялась, и получаемые оттуда товары были маловажны. Наконецъ по донесеніямъ посланниковъ и факторовъ, рѣшилась Компанія въ 1608 году прибѣгнуть къ Двору, дабы испросить военныхъ силъ, которыхъ они еще не

имѣли. Намѣренїе Компанїи было отправлять въ Индїю хорошо вооруженные флоты, и укрѣпляться на нѣкоторыхъ островахъ, дабы чрезъ то учинить себя независимыми отъ Азїатскихъ владѣльцовъ; они хотѣли также быть въ состоянїи силою оружїя противиться предпрїятїямъ Португальцевъ и Голландцевъ, соперниковъ своихъ въ коммерцїи сей части свѣта.

Англїйской Дворъ готовъ былъ споспѣшествовать распространенїю торговли, но будучи очень занятъ Европейскими дѣлами, не сдѣлалъ на то положительнаго отвѣта. Компанїя ожидая благопрїятнѣйшаго случая, остановилась на томъ, что рѣшилась въ предпрїемлемомъ того году путешествїи положить основанїя своему прожекту тѣмъ, чтобы собрать нужныя наблюденїя, которыя произвести въ дѣйство отложила она до другаго времени. Корабли, назначенные для сего предпрїятїя, были **Вознесенїе** подъ предводительствомъ **Александра Шарпея**, бывшаго въ качествѣ Адмирала, и корабль **Соединенїе** подъ предводительствомъ **Рицарда Роулеса**. Они оба получили повелѣнїя учинить нужныя замѣчанїя о тѣхъ странахъ и мѣстахъ, въ которыхъ Компанїя могла бы съ поль-

зою сдѣлать какое заведенїе. Но буря, разлучившая ихъ къ нещастїю подлѣ Мыса Доброй Надежды, и другїя злоключенїя, случившїяся въ ихъ путешествїи не допустили ихъ произвесть въ дѣйство сей коммисїи. Можно сказать, что они учинили два мореплаванїя, довольно различныя одно отъ другаго: по сей причинѣ и вышли два разныя повѣствованїя о путешествїи Шарпея, одно изданное Ковертомъ, а другое Джонесомъ, кои оба были на кораблѣ Вознесенїя; третье, содержащее въ себѣ приключенїя корабля Соединенїя, издано въ свѣтъ сообразно съ журналомъ сего корабля, начатымъ отъ Роулеса, бывшаго на немъ Капитана, а оконченнымъ отъ *Генриха Мориса*. Мы держась съ точностїю нашего плана, выберемъ изъ сихъ трехъ повѣствованїй только нѣкоторыя главныя приключенїя, предшествовавшїя кораблекрушенїямъ упомянутыхъ двухъ судовъ.

Оба корабля пустились въ путь изъ Плимута 31 го Марта. 11 Апрѣля поутру находились въ виду большаго Канарскаго острова; 18 го Апрѣля, продолжали путь свой при благопрїятномъ вѣтрѣ; 24 го, пристали къ острову Бо-

навистѣ, гдѣ запаслись водою и свѣжимъ мясомъ.

4 го Мая, подняли якорь, а 20 го, перешли Линію. Множество лимоновъ взятыхъ ими на Канарскихъ островахъ, и свѣжее мясо, которымъ они запаслись въ Бонавистѣ, предохранили ихъ отъ цынготной болѣзни, такъ что только два матроса нѣсколько ею заражены были. Такимъ образомъ оба экипажа прибыли весьма здоровы въ Салданской заливъ, куда прочїе пристаютъ всегда почти изнуренные трудами и болѣзнїю. Прежде нежели они вступили въ заливъ, увидѣли Мысъ Доброй Надежды, за пятнадцать или шестнадцать миль отъ берега.

Отдохнувши нѣсколько дней, Адмиралъ *во первыхъ* приложилъ старанїя построить пинассу, для которой всѣ матерїалы привезены были изъ Англїи. Она была спущена на воду перваго Сентября. Выбрали для ней экипажъ съ обоихъ кораблей, и Адмиралъ поручилъ ее въ команду *Жану Эльмору.*

Англичане простояли въ заливѣ даже до 20 го сего мѣсяца; потомъ поплыли при вѣтрѣ попутномъ, надѣясь скоро миновать Мысъ Доброй Надежды. Но онъ перемѣнился столь скоропостижно, что здѣлался совершенно про-

тивной, и какъ ночь была очень темна, то корабль Вознесеніе потерялъ изъ виду Соединенія и Пинассу. Шарпею стоило много труда защитить себя отъ бури, пригонявшей его къ землѣ. Всѣ ужасы, какіе только могутъ случиться на морѣ, претерпѣлъ онъ въ сію нещастную ночь. Не меньше безпокоился о двухъ другихъ судахъ, которыхъ не видно было и при наступленіи дня. Но какъ скоро вѣтеръ перемѣнился, что случилось почти въ десять часовъ, то онъ нашелъ опять пинассу. Онъ ласкался надеждою, что корабль Соединенія, воспользуясь такъ же, какъ и она сею щастливою перемѣною, проплыветъ Мысъ Доброй Надежды, и опять соединится съ нимъ на другой сторонѣ; тщетно надѣялись они съ обѣихъ сторонъ скораго соединенія: имъ опредѣлено было болѣе уже не видаться.

Томасъ Джонесъ, Авторъ втораго повѣствованія о путешествіи Шарпеевомъ, полагаетъ, что Адмиралъ мѣшкая слишкомъ долго въ заливѣ Салданскомъ, пропустилъ благопріятное время года для пріѣзду въ Индію. Вообще Джонесъ изъясняется гораздо вольнѣе и откровеннѣе, нежели Ковертъ, о поступкахъ Шарпея во время его мореплаванія.

ПУТЬ и КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Судна Вознесенія, на берегу Камбайскомъ въ 1609 году.

Шарпей продолжалъ свое плаваніе, и прошелъ довольно близко около Мыса, не примѣтивши однако онаго. Чрезъ цѣлой мѣсяцъ и болѣе вѣтры такъ часто перемѣнялись и безвѣтрія бывали столь многократно, что не ранѣе 27 го, Октября пріѣхалъ онъ на высоту Мадагаскара. Тогда потерялъ уже всю надежду соединиться съ другимъ своимъ кораблемъ, и продолжая путь свой при такихъ же перемѣнахъ безвѣтрія и вѣтровъ, присталъ 7 го, Декабря къ *острову Пембѣ*; на другой день Жорданъ и Джонесъ со многими матросами вышли на берегъ для запасенія себя водою. Они нашли, что островъ населенъ Португальцами и Арапами. Жители оказывали великую ласковость къ Англичанамъ и нѣсколько дней принимали ихъ весьма хорошо; но подъ сею завѣсою скрывалось самое черное вѣроломство.

18 го, суда запаслись водою: оставалось только наполнить пять или шесть бочекъ; Джонесъ отправился съ

самаго утра на берегъ, чтобы и ихъ наполнить; но лишь только пришелъ къ источнику, какъ напала на него и на другихъ Англичанъ толпа жителей около двухъ сотъ человѣкъ, которые пустили на нихъ тучу стрѣлъ. Гаррингтонъ и Боклеръ при семъ случаѣ погибли. Прочїе конечно подверглись бы той же участи, естьли бы стоявшїе на караулѣ у шлюпки не сдѣлали нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, и тѣмъ не причинили ужасу въ Арапахъ. Между тѣмъ пинасса готова была обратить свои пушки къ берегу, чѣмъ устрашены будучи варвары, ударились въ бѣгство, а десять человѣкъ Англичанъ, будучи изранены, потащились ползкомъ къ шлюпкѣ. Шарпей началъ совѣтоваться, не должно ли имъ отмстить за такой поступокъ: но всѣ почти, не зная ни числа жителей, ни ихъ силъ, были того мнѣнїя, чтобы оставить островъ. Вознесенїе и пинасса подняли якорь изъ Пембы черезъ два дня, и направили путь свой между симъ островомъ и берегомъ Мелинды, надѣясь, что тутъ стремленїе моря не столь велико. Но при наступленїи ночи крайне удивились, набѣжавши на песчаную мѣль. По утру на другой день увидѣли три не-

большія судна, гнавшіяся за четвертымъ, а сіе послѣднее спѣшило достигнуть къ землѣ. Шарпей, живо помня еще измѣнническую обиду отъ жителей Пембы, вознамѣрился гнаться за сими судами, и приближившись къ нимъ около полудня, узналъ, что это были Арапскія барки. Двѣ изъ нихъ опустили тотчасъ парусы, въ знакъ покорности, боясь артиллеріи; но третья, будучи легче и меньше нагружена, успѣла достигнуть берега.

Изъ сорока пяти человѣкъ, находившихся на сихъ двухъ баркахъ, Англичане признавали шестерыхъ изъ нихъ за Португальцевъ. Бѣлизна, или лучше сказать блѣдность лица ихъ, дѣлали ихъ весьма отличными отъ всѣхъ другихъ, которыхъ ясно признали за Араповъ; однако они нимало не устрашились, и отвѣчали на всѣ допросы, что они Арапы. Они показывали свои плеча и спину, кои покрыты были фигурами по обычаю сей націи. Наконецъ дали еще доказательство достовѣрнѣйшее, показавши, что они были обрѣзаны. Однако Шарпей, находясь все еще въ сомнѣніи, говорилъ имъ о той великой измѣнѣ, которую оказали ему на островѣ Пембѣ. Сіи слова, казалось, ихъ возмутили; они нѣсколько раз-

товаривали между собою на своемъ языкѣ. Когда ввели ихъ на корабль, то должно было опасаться, чтобъ они не отважились на какое нибудь отчаянное предпріятіе. Для предосторожности велѣлъ Шарпей поставить въ одно мѣсто обнаженныя шпаги, дабы ихъ можно было найти въ готовности, когда потребуетъ нужда. Между тѣмъ Филиппъ *Грове*, кормчій Вознесенія, приведшй съ собою въ свою каюту одного изъ Арапскихъ кормчихъ, дабы узнать, какъ онъ судитъ о его астрономическихъ инструментахъ, примѣтилъ, что онъ внимательно осматривалъ все то, что около него было; даже ему показалось, будто сей Арапъ, пошедши отъ него, увѣдомлялъ своихъ товарищей о сигналѣ, по которому намѣрены они были произвесть въ дѣйство свой заговоръ. По первому сему подозрѣнію Шарпей далъ своимъ людямъ повелѣніе стеречь оружейной магазинъ. Потомъ вздумавши, что можетъ быть есть у Араповъ спрятанные ножи, велѣлъ здѣлать строгой обыскъ. Тотчасъ приступили къ Арапу кормчему, у котораго и дѣйствительно нашли ножъ. Онъ взялъ его въ руку, обманувши Филиппа Грова, которой осматривалъ его вмѣстѣ съ Вилльямомъ Ревешомъ и Джонесомъ.

Грове примѣтя сїе движенїе, хотѣлъ ухватить его за руку; но Арапъ столь хитро и столь проворно перехватилъ другою рукою свой ножъ, что въ тужъ минуту Грове былъ пораженъ. Убїйца тотчасъ поднялъ громкой крикъ, которой служилъ сигналомъ для другихъ. Джонесъ, имѣя при себѣ оружїе, тутъ же убилъ сего изверга. Всѣ Арапы услыша крикъ, раздавшїйся по всему кораблю, бросились на Англичанъ. Англїйской священникъ, одинъ изъ маркитантовъ (*) и нѣсколько матросовъ пали подъ первыми ихъ ударами. Но Шарпей и нѣкоторые Офицеры скоро поразили самыхъ яростнѣйшихъ находившихся на палубѣ. Кровопролитїе было весьма велико подлѣ оружейнаго магазина, въ которой большая часть Араповъ старались ворваться, надѣясь захватить тамъ шпаги и пики. Тѣ изъ нихъ, у коихъ были кинжалы или ножи, переранили нѣсколько Англичанъ. Они бросались на сихъ последнихъ съ невѣроятною яростїю и смѣлостїю; но въ полчаса были почти всѣ побиты. Ихъ погибло тридцать два чело-

(*) Симъ именемъ называются Факторы или Комиссары Компанїи, коимъ поручается смотрѣнїе за соблюденїемъ товаровъ, а послѣ за ихъ продажею или мѣною.

вѣка; остальные, числомъ двенадцать, бросились въ воду, гдѣ четверо изъ нихъ утонули; но осмеро другихъ, воспользовавшись смятенiемъ, бывшимъ на кораблѣ, сѣли на одну изъ своихъ барокъ и ушли на берегъ. Наконецъ изъ сего множества извѣрговъ осталось только двое плѣнныхъ: но и сiи были еще столь страшны въ своей ярости, что надобно было наложить на нихъ цѣпи. Послѣ уже узнали отъ самихъ Португальцовъ, что большая часть изъ сихъ Араповъ были или изъ Царскаго роду, или изъ знатнѣйшихъ фамилiй Мелиндскихъ, и что смерть ихъ стоила слезъ всей Нацiи. Едва было они не успѣли въ своемъ умыслѣ, и естьлибы не здѣлано было обыску, которой открылъ ихъ заговоръ, прежде нежели они къ нему приступили, то можно бы думать, что Англичане были бъ жертвами ихъ вѣроломства. На кораблѣ едва ли оставалось шестнадцать или семнадцать человѣкъ въ то время, когда началось сраженiе, прочiе занимались роботою въ шлюпкѣ и въ лодкахъ.

Англичане овладѣли оставшеюся баркою, и нашли ее нагруженную товарами и драгоцѣнными вещьми. Потомъ рѣшились не останавливаться долѣе на сѣверной сторонѣ Пембы, но возвра-

шились къ западному берегу въ намѣреніи плыть къ Сокотрѣ. Они приближились къ ней наконецъ около послѣднихъ дней мѣсяца Марта, боровшись долго съ противными вѣтрами и морскимъ стремленіемъ. 29 го Марта, стали на якорь въ весьма выгодномъ заливѣ сего острова.

Островитяне, усмотрѣвши корабль' развели огни, въ томъ ли намѣреніи, чтобъ за нимъ примѣчать, или чтобы спомоществовать входу его въ заливъ. Когда же шлюпки приближились къ берегу, то они обратились въ бѣгство съ великими знаками ужаса. Англичане весьма удивились сему случаю; но скоро узнали, что сіи жители, хотя робкіе и услужливые, недавно претерпѣли нѣкоторыя обиды отъ Европейскаго судна, остановившагося у ихъ береговъ. Шарпей тщетно старался приманить ихъ на берегъ, подавая имъ знаки дружества и нѣкоторые подарки; они всегда оставались вдали. Наконецъ Англичане не надѣясь вывесть ихъ изъ страха, подняли якорь для сысканія главной пристани сего острова.

Скоро потомъ встрѣтились они съ однимъ Гузаратскимъ судномъ, нагруженнымъ хлопчатою бумагою, кисеями и другими Китайскими полотнами; оно

плыло въ Аденъ. Капитанъ ихъ описывалъ сей городъ весьма знатнымъ своею торговлею. Положась на сіи обнадеживанія, они приняли легкомысленное намѣреніе отправиться съ нимъ туда; но нашли совсѣмъ не то, чего надѣялись. Аденъ былъ тогда военной городъ, защищаемой сильнымъ гарнизономъ. Замокъ, стоящій у самаго входа въ пристань, былъ отдѣленъ отъ земли, и окруженъ моремъ; въ немъ было тридцать двѣ пушки на батареѣ, а въ самомъ городѣ болѣе пятидесяти оныхъ.

Хотя Шарпей не безъ удивленія видѣлъ крѣпость сего мѣста, однако нимало не подозрѣвалъ въ вѣроломствѣ Гузаратцовъ, и даже согласясь съ ними, чтобъ они первые вошли въ пристань, ожидалъ ихъ увѣдомленій, намѣреваясь слѣдовать ихъ совѣтамъ. Гузаратцы объявили Турецкому Губернатору, что за ними слѣдовалъ Англійской корабль, которой за двѣ мили отъ пристани остановился на якорѣ. Тотчасъ посланъ изъ города въ баркѣ Офицеръ, для приглашенія Англичанъ, чтобы они безъ всякаго опасенія приближились. Шарпей, отдавшійся съ великою оплошностію въ обманъ по симъ наружнымъ знакамъ искренности, ни мало не думая о опасности, сошелъ на берегъ, взявъ съ

собою нѣсколько человѣкъ изъ экипажу. Тамъ нашелъ онъ четыре лошади, которыя, казалось, были приготовлены для него. Съ учтивостію просили его ѣхать въ городъ, и дорогою оказывали ему великое уваженіе и почтеніе. По пріѣздѣ его Губернаторъ спрашивалъ его съ видомъ сомнительнымъ, что онъ привезъ съ собою въ его пристань. Адмиралъ отвѣчалъ ему, что наслышавшись о знатной торговлѣ въ Аденѣ, онъ привезъ сюда разные Европейскіе товары. Ему здѣлали еще другіе вопросы, на которые отвѣчалъ онъ съ такоюжъ откровенностію. Наконецъ Губернаторъ, не объявивъ своихъ намѣреній, отослалъ его въ ближній домъ подъ стражею одного Чауша и нѣсколькихъ Янычаръ. *Тутъ-то Шарпей открылъ глаза* и усмотрѣлъ свою безразсудность; но не зналъ еще, чѣмъ бы ему пособить въ такомъ случаѣ.

Цѣлыя шесть недѣль онъ оставался какъ бы забытый въ своей темницѣ. Ковертъ, Издатель журнала о путешествіи корабля Вознесенія, и двое другіе изъ людей его, бывшіе съ нимъ, побуждали его явно объяснить свои жалобы. Стыдяся ли того, что такъ безразсудно ввѣрился вѣроломнымъ измѣнникамъ, или надѣясь умягчить

ихъ покорностію и кротостію, Шарпей не прервалъ своего молчанія, и даже употребилъ власть свою, дабы принудить къ тому же и своихъ товарищей. Впрочемъ Турки доставляли имъ все нужное и все, чего они требовали, какъ въ услугахъ, такъ и въ нуждахъ. Турки, стоявшіе у нихъ на караулѣ, забавляли ихъ звукомъ своихъ инструментовъ, а иногда танцами.

Наконецъ Губернаторъ, наскучивши ихъ молчаніемъ, прислалъ къ Шарпею одного изъ своихъ Офицеровъ, и просилъ его съ учтивостію наслать повелѣніе экипажу своего корабля о выгрузкѣ желѣза, олова и сукна, цѣною на двѣ тысячи пять сотъ долларовъ, обѣщаясь за все заплатить. Сіи товары привезены на берегъ; но ими завладѣли таможенные Офицеры, утверждая, что все по праву имъ принадлежитъ. Тогда Губернаторъ, будучи по видимому доволенъ симъ грабежемъ, велѣлъ представить Шарпея предъ себя, увѣщевалъ его не оскорбляться обыкновеніями своей земли, и объявилъ ему, что онъ свободно можетъ возвратиться на корабль. Не смотря на то, когда Адмиралъ располагался ѣхать; то задержали двухъ человѣкъ изъ его свиты. Шарпей праведно раз-

дражавшись сею новою обидою, принесъ жалобы на поступки Турковъ; но его увѣряли, что ему нѣчего безпокоиться о жребіи двухъ плѣнниковъ; что по обыкновенію той гавани должно платить по двѣ тысячи долларовъ портовыхъ денегъ, и для того двое Англичанъ оставлены порукою въ сей суммѣ; почему онъ можетъ воротить ихъ, какъ скоро ему угодно, заплативши ту сумму. Это значило присоединить насмѣшку къ вѣроломству. Шарпей, размученный досадою и огорченіемъ, возвратился на корабль, не отвѣчая ни слова. Тамъ разсуждаемо было, какъ выплатить сумму. Совѣтъ положилъ здѣлать Губернатору писменныя представленія, въ надеждѣ убѣдить его къ лучшей справедливости и не нарушимой честности.

Сіе представленіе отвезено двумя корабельными маркитантами. Они пристали къ берегу въ ботѣ и отдали прошеніе тому Офицеру, которой стерегъ Адмирала въ темницѣ. Губернаторъ принялъ оную безъ гнѣва; но вмѣсто отвѣта велѣлъ двухъ плѣнныхъ Англичанъ отвесть въ городъ Ценанъ, разстояніемъ на восемь дней пути отъ моря, дабы узнать волю Паши, имѣвшаго тамъ свою резиденцію.

По прибытіи ихъ въ сей городъ, Паша спросилъ ихъ, имѣютъ ли они позволеніе отъ Султана въѣжжать въ городъ его владѣнія. Какъ они его не имѣли, и должны были признаться въ томъ, то онъ объявилъ имъ, что не можетъ имъ дать позволенія производить торговлю въ пристани Аденской; но что возметъ сукно ими выгруженное, вмѣсто подарка, которой тѣмъ для него пріятнѣе, что они первые изъ Англичанъ пріѣхали въ сіи моря. Къ тому присовокупилъ, что въ доказательство своей благодарности даетъ имъ свободу выѣхать изъ Адена, и производить торговлю въ другихъ мѣстахъ.

Такая несправедливость принудила бы Англичанъ предпринять отмщеніе, естьлибы силы ихъ равнялись съ ихъ огорченіемъ. Но будучи принуждены переносить сіи обиды, рѣшились поспѣшить къ Мокѣ, цвѣтущему торговлею городу, надѣясь найти тамъ болѣе благосклонности къ иностранцамъ, и получить праведное удовлетвореніе. Подняли якорь Іюня третьяго числа, а черезъ три дня прибыли въ Мокскую рейду. Шарпей принятъ былъ тамъ съ ласковостями и услужливостію, кои не могли быть подозри-

тельны въ коммерческомъ городѣ; скоро онъ узналъ, что тутъ не было притворства, и что великое есть различїе у Турковъ между военнымъ городомъ и торговымъ мѣстомъ.

Мока лежитъ у входа въ Чермное море и служитъ по своему положенїю коммерческимъ магазиномъ Индѣйской торговли съ великимъ Каиромъ и Александрїею. Не проходитъ недѣли, чтобы не приходили туда караваны изъ сихъ двухъ городовъ, равно и изъ Ценана и Мекки. Ежедневно на большомъ рынкѣ привозятъ туда Африканскїя и Азїатскїя произведенїя; съѣстные припасы тамъ не меньше изобильны. Въ городѣ живетъ великое число купцовъ Турецкихъ и Арапскихъ, кои любятъ дружески дѣлить съ иностранцами вольность и права, которыми пользуются сами. Они бы вѣрно въ короткое время закупили весь грузъ Шарпеевъ, естьлибы ему не нужно было сохранить часть онаго для дальнѣйшей экспедицїи.

Сколь ни лестны казались Шарпею выгоды, доставленныя ему торговлею и прїятностїю жизни въ Мокѣ; однако онъ не могъ забыть, что главнымъ предметомъ прїѣзда его сюда было то, какъ бы получить удовлетворенїе за

обиды, претерпѣнныя имъ въ Аденѣ. Онъ открылся въ томъ тѣмъ торгующимъ Туркамъ и Арапамъ, въ коихъ усматривалъ болѣе привязанности къ Англичанамъ и болѣе опытности въ таковыхъ дѣлахъ; но они всѣ единогласно хулили его за то, что такъ слѣпо ввѣрился свидѣтельству мнимыхъ Гузаратовъ, которые въ самомъ дѣлѣ были Арапы; а болѣе еще осуждали въ томъ, что не взявши никакихъ предосторожностей, подвергъ самъ себя опасностямъ въ военномъ городѣ. Совѣтовали ему также прекратить свои жалобы, естьли не хочетъ возобновить старую уже почти забытую ссору, которая могла бы его ввергнуть въ новыя огорченія. Шарпей самъ усмотрѣлъ, что совѣтъ ихъ благоразуменъ, и такъ рѣшился ему слѣдовать.

Адмиралъ, проживши мѣсяцъ, выѣхалъ изъ Моки, чтобъ поспѣшить въ Камбай. Большая часть изъ Чиновниковъ хотѣли предпринять другой путь. Къ умноженію неудовольствія въ экипажѣ корабль, проходя назадъ проливы, потерялъ два якоря.

Впрочемъ имъ можно бы было утѣшиться въ сей потерѣ тою щастливою находкою, что имъ удалось, на

другой день послѣ своего отъѣзда, соединиться съ пинассою, съ которою они разлучились съ толь давняго уже времени; однако и сія удача была смѣшена съ другимъ неудовольствіемъ. *Жанъ Люфкенъ*, кормчій сего небольшаго судна, былъ убитъ Ѳомасомъ *Кларкомъ*, Францискомъ *Дриверомъ*, Андреемъ *Евансомъ* и Едуардомъ *Гиллесомъ*. Шарпей почелъ, что не только навигаціонная дисциплина, но и собственная его безопасность требуютъ наказанія за сіе злодѣяніе. Онъ велѣлъ произвесть судъ надъ убійцами, и по совершенномъ изобличеніи ихъ въ убійствѣ, повѣшены были Кларкъ и Дриверъ на пинассѣ. Два другіе не избѣгли божескаго *правосудія*, *хотя* наказаніе постигло ихъ позже и другими стезями. Гиллесъ съѣденъ былъ послѣ людоѣдами, а Евансъ умеръ въ степи и найденъ согнившій и почти съѣденной червями.

Какъ пинасса требовала скорой починки, то Шарпей рѣшился заѣхать къ острову Сокотрѣ, не смотря на тѣ препятствія, кои онъ тамъ встрѣтилъ за нѣсколько мѣсяцовъ передъ симъ. Онъ бросилъ якорь 15 Августа предъ Сажагомъ, столичнымъ городомъ, гдѣ самъ Король имѣетъ свое пребыва-

ніе. Одинъ тамошній купецъ, пришедшій тотчасъ на берегъ, внушилъ ему, что неблагосклонно смотрѣть будутъ на него жители сего Кантона, а особливо женщины, которыя чувствительно раздражены нѣкоторыми обидами, претерпѣнными ихъ поломъ отъ экипажа одного иностраннаго корабля. Въ тожъ время совѣтовалъ онъ ему поспѣшить въ одну рейду, отстоящую оттуда на пять миль, гдѣ нимало не боясь ненависти отъ жителей, найдетъ такіяжъ удобства къ починкѣ, свѣжіе припасы и хорошую коммерцію.

Англичане пріѣхали въ губу, называемую Собъ, и въ ней остановились; жители приняли ихъ съ ласкою и учтивостію; но скоро усмотрѣли, что страхъ и ненависть Сажагскихъ женщинъ распространилась оттуда и между женщинами губы Собской; ни одна изъ нихъ на глаза имъ не показалась. Однако Шарпей, будучи веселаго характера и охотникъ до женщинъ, вздумалъ приманить ихъ подарками и пирушками. Тотчасъ пронесся слухъ о вѣжливости и пріятствѣ Англичанъ по острову Сокотрѣ, такъ что она вошла въ пословицу во всѣхъ сосѣднихъ сторонахъ.

Пинасса была починена, и Шарпей оставилъ островъ, запасшись тамъ водою и съѣстными вещами, какъ вдругъ вѣтры начали дуть съ такою силою, что корабль не могъ найти убѣжища близь берега, и пинасса унесена была въ открытое море, имѣя не болѣе пищи, какъ на два или на три дня. Наконецъ когда Шарпей совершенно запасся съѣстными припасами, то вдругъ съ Юго-Запада поднялась столь сильная буря, что еще два якоря у него оторвало. Джонесъ, Издатель втораго описанія сегожъ путешествія, утверждаетъ, что Адмиралъ избѣжалъ бы части сихъ злоключеній, естьли бы онъ поспѣшилъ исправить все нужное, и меньше тратилъ бы времени на увеселенія и пиршества, желая понравиться островскимъ женщинамъ.

Однако Англичане успѣли привести себя въ состояніе продолжать путь, и выѣхали въ Камбай при столь благопріятномъ вѣтрѣ, что 28 го Августа, прибыли благополучно въ Мокю. Якорь брошенъ при одномъ мысѣ. На другой день послали къ берегу ботъ, чтобы купить у жителей барановъ, и другой пищи, которой найти не могли въ Сокотрѣ. Одинъ тамошній Арапъ услыша, что корабль плыветъ въ Су=

ратъ, просилъ Адмирала отвезти туда и его. Онъ увѣрялъ его, что сей путь очень опасенъ, и какъ для собственной своей безопасности, такъ и для Англичанъ предложилъ, что приведетъ на корабль искуснаго кормчаго, которой возмется за двадцать доларовъ проводить корабль до самаго Сурата. Шарпей, надѣясь на собственное свое искусство и на опытность Филиппа Грова, Голландца и корабельнаго кормчаго, отвергъ сіе предложеніе.

29 го Августа, въ три часа по полудни подняли якорь, почти въ послѣднюю четверть морскаго прилива. Корабль выходя изъ Мойскаго канала через глубину двадцати пяти саженную, вдругъ нашелъ себя на десяти, на семи, и наконецъ при наступленіи ночи на пяти саженной. Нѣкоторые матросы, испугавшись, спросили у кормчаго, что онъ о томъ думаетъ. Въ тужъ минуту корабль тронулся о дно. Ковертъ, устрашась такого движенія, взбѣжалъ на палубу, чтобъ увѣдомить лоцмана о томъ, что онъ примѣтилъ. Но лоцманъ спросилъ гордо, кто осмѣлился сказать, что корабль ударился о дно. Едва сдѣлалъ онъ гордой сей вопросъ, какъ корабль еще ударился и столь сильно, что руль переломился, и былъ

унесенъ. Бросили тотчасъ якорь, и въ два дня сдѣлали тщательнѣйшія розысканія для осмотрѣнія причиненнаго кораблю вреда и для исправленія онаго.

Ковертъ, въ повѣствованіи своемъ, кажется, внушаетъ, но безъ доказательства, что кораблекрушеніе должно приписано быть злости лоцмана Грове. Человѣкъ сей, родомъ Голландецъ, обвиненъ былъ и изобличенъ отъ экипажа въ важномъ преступленіи тогда еще, когда корабль стоялъ на якорѣ, въ Генварѣ мѣсяцѣ, на берегу Мелинды. Онъ заслужилъ смертную казнь; но въ немъ имѣли нужду, почему онъ и былъ прощенъ. Шарпей сдѣлалъ ему только одни выговоры, и спустя нѣсколько времени, безразсудно сталъ довѣрять ему по прежнему. Съ сего времени Грове питалъ скрытую досаду ко всему экипажу на кораблѣ Вознесенія.

Между тѣмъ какъ весь экипажъ занятъ былъ симъ трудомъ, то корабль не только еще разъ съ великою силою коснулся дна, но даже началъ примѣтно опускаться. Это было 9 го Сентября, въ шесть часовъ вечера. Вскорѣ послѣ сего вода побѣжала со всѣхъ сторонъ, и не можно было примѣтить,

гдѣ самыя опасныя скважины; безпрестанная работа у насосовъ, продолжавшаяся отъ семи часовъ даже до одиннадцати, не послужила къ ея уменьшенію. Наконецъ Шарпей, потерявши всю надежду спасти корабль, присовѣтовалъ экипажу употребить взаимную помощь, чтобы можно было всѣмъ искать спасенія на шлюпкѣ и ботѣ. Помѣстили на верхней палубѣ около десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, принадлежавшихъ маркитантамъ. Адмиралъ объявилъ, что всякъ можетъ взять изъ нихъ столько, сколько надѣется снести. Взяли около трехъ тысячъ; иные тотчасъ стали наполнять свои карманы, и потомъ выбрасывали излишнюю тяжесть, превышавшую ихъ силы; другіе довольствовались весьма умѣренною суммою, помня то, что можетъ быть принуждены будутъ спасаться вплавь; иные наконецъ вовсе пренебрегли сокровище, почитая его совершенно безполезнымъ въ такой крайности, когда смерть была передъ глазами. Такимъ образомъ оставили они корабль, не взявши изъ него никакой пищи. Сей печальной отъѣздъ случился около полуночи. Весь экипажъ помѣстился въ шлюпкѣ или въ ботѣ. „Такъ-то, говоритъ Джо„несъ, дерзость и упорство одного че-

„ловѣка лишили Индѣйскую Компанїю „одного изъ наилучшихъ ея кораблей, „а матросовъ всей надежды. Товары и „наибольшая часть денегъ, бывшїя на „кораблѣ, брошены вмѣстѣ съ суд- „номъ.„

Берегъ отстоялъ почти на двадцать миль къ востоку. Плыли всю остальную ночь и слѣдующїй день, не имѣя никакихъ съѣстныхъ припасовъ для своего подкрѣпленїя. Наконецъ почти въ шесть часовъ вечера пристали къ небольшому острову у входа въ заливъ, въ которой старались въѣхать. Англичане почитали уже себя при концѣ опасности, какъ вдругъ порывистой вѣтръ сломилъ мачту на шлюпкѣ, на коей находилось пятдесятъ пять человѣкъ. Однако они нашли средство войти въ заливъ; и какъ вѣтръ началъ утихать, то вошли благополучно въ устье рѣки. Они думали, что это рѣка Суратская, но узнали, что это Гандеви, находящаяся за пять или за шесть миль къ Югу отъ первой. Что признавали они незадолго передъ тѣмъ новымъ для себя бѣдствїемъ, въ томъ скоро усмотрѣли милость небесную; ибо Португальцы, освѣдомившись о приближенїи корабля, дожидались съ пятью фрегатами у вхо-

да въ рѣку Сурашскую. Шлюпка и ботъ былибъ несомнѣнно ихъ добычею.

Жители Гандевїйскаго берега, видя великое множество иностранцовъ, появившихся у устья ихъ рѣки, забили въ барабанъ, и стали подъ ружьемъ для обороны. Они боялись, что это отрядъ какого нибудь Португальскаго флота пришелъ грабить ихъ городъ. Шарпей догадался, какая причина ихъ тревоги. Онъ послалъ къ нимъ одного Гузаратца, для увѣдомленїя ихъ о своемъ нещастномъ состоянїи и нуждѣ, которая заставляетъ его просить ихъ помощи. Повѣсть сїя, казалось, ихъ тронула; они приближились къ Англичанамъ и снабдили ихъ обильно всѣмъ тѣмъ, что нужно имъ было въ ихъ положенїи; потомъ отвели ихъ въ Гандеви, гдѣ Губернаторъ, бывшїй Банїанецъ, принялъ ихъ съ великимъ человѣколюбїемъ, и предложилъ имъ поселиться въ кантонѣ. Они узнали въ Гандеви, что пинасса, приставши къ томужъ берегу подлѣ города, взята была двумя Португальскими кораблями; но что экипажъ благополучно спасся на землю и предпринялъ путь въ Суратъ.

Англичане пробыли нѣсколько дней въ семъ городѣ, и потомъ возврати-

лись въ Суратъ (1). Вильямъ Финчъ, бывшій главнымъ начальникомъ надъ Англійскою конторою сего города, доставилъ имъ всѣ пособія, какихъ требовало нещастное ихъ положеніе.

Шарпей пробылъ въ Суратѣ до пріѣзду Англійскаго флота, состоявшаго изъ трехъ хорошо вооруженныхъ кораблей, находившихся подъ предводительствомъ *Генрика Мидлетона*. Адмиралъ сей былъ посыланъ въ Индію отъ Компаніи съ тѣмъ же намѣреніемъ, съ какимъ и Шарпей. По всему видно, что Мидлетонъ имѣлъ также повелѣнія отъ Директоровъ касательно до возвращенія Шарпеева; но нещастіе его сдѣлало оныя безполезными. Также кажется, что потеря корабля сдѣлала Шарпея подчиненнымъ Мидлетону.

Тотчасъ по пріѣздѣ новаго Адмирала, Шарпей пошелъ посѣтить его на флотѣ. Мидлетонъ, желая употребить его въ пользу Компаніи, возложилъ на него вмѣстѣ съ Гугесомъ Френомъ и Гугесомъ Гритомъ путешествіе въ Агру, городъ отстоящій за тридцать дней пути отъ Сурата. Ему велѣно было купить тамъ Индѣйскихъ матерій и другихъ товаровъ, естьли найдетъ ихъ по сходной цѣнѣ; онъ имѣлъ также повелѣніе вручить письмо Ка-

питану Гавкинсу, находившемуся тамъ съ нѣкотораго времени для того же предмета. Шарпей тѣмъ охотнѣе согласился на сіе путешествіе, что его намѣреніе было, исправивши свою коммисію, возвратиться въ Европу черезъ Персію. Но онъ не произвелъ его въ дѣйство; ибо возвратился въ Суратъ съ Капитаномъ Гавкинсомъ. По всему вѣроятно, что онъ прибылъ въ Англію съ Мидлетономъ, которой пріѣхалъ въ Дуврь не прежде 13 Октября 1615 года.

ПУТЬ и КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Корабля Согласія, у береговъ Англіи, близъ Одіерна, въ 1611 году.

Корабль *Согласія*, отправившійся изъ Англіи вмѣстѣ съ кораблемъ *Вознесенія*, имѣлъ судьбу еще злополучнѣйшую, нежели сей послѣдній. Пуршассофъ оставилъ намъ описаніе о его нещастіи. Сіе повѣствованіе должно почитать за продолженіе, или лучше сказать, за часть описанія о путешествіи Шарпеевомъ. Мы предложимъ вкратцѣ только главныя приключенія онаго, дабы не обременить вниманія читателей.

Буря, разлучившая *Согласіе* отъ Адмирала почти въ виду Мыса Доброй Надежды, лишила его большой мачты, которая не только была сломлена яростію вѣтровъ, но и сорвана съ судна. Роулесъ, Капитанъ корабля, къ щастію усмотрѣлъ ее плававщую на водѣ, по прошествіи бури; ее опять достали и поставили на свое мѣсто съ великою поспѣшностію. После того погода сдѣлалась благопріятнѣе, и экипажъ жалѣлъ только о разлукѣ своей съ Адмиральскимъ кораблемъ и пинассою. Всѣ думали, что уже проѣхали Мысъ Доброй Надежды, и что приближались къ Мадагаскару (2). Корабль продолжалъ путь свой къ сему острову, и сталъ на якорь въ заливѣ Св. Августина. Онъ простоялъ двадцать дней, дожидаясь Шарпея; наконецъ отправился въ Занзибаръ. Роулесъ имѣлъ намѣреніе пробыть тамъ нѣсколько дней, надѣясь соединиться тамъ съ Адмираломъ; но вѣроломство Негровъ скоро заставило Англичанъ оттуда удалиться: они пробыли тамъ только два дня. Тогда былъ мѣсяцъ Февраль. Намѣреніе экипажа клонилось къ тому, чтобы плыть къ острову Сокотрѣ: но противные вѣтры имъ мѣшали. Долго ѣздили они по морю, не подаваясь впередъ. Ме-

жду тѣмъ скорбутъ усиливался на корабле; весьма многіе были имъ заражены. Роулесъ, уступивши наконецъ представленіямъ своихъ Офицеровъ и нуждѣ, пустился по вѣтру къ сѣверной части острова Мадагаскара. Намѣреніе его было заѣхать въ заливъ Антонжильской, но случай привелъ его на западную сторону въ весьма великой заливъ, называемой жителями Кокоморскимъ; сторона сія была равномѣрно плодоносна и пріятна.

Послѣ столь многихъ странствованій и опасностей, видъ прекраснаго сего жилища былъ для Англичанъ утѣшеніемъ. Они рѣшились ожидать тамъ окончанія муссона, т. е. такого времени года, въ которое на Индѣйскомъ морѣ дуютъ извѣстные періодическіе вѣтры, а между тѣмъ получить по крайней мѣрѣ ту пользу отъ своего нещастія, чтобы возстановить свое здоровье. Жители сначала показались имъ весьма учтивы, и не примѣтно было, чтобъ они гнушались заключить съ Англичанами коммерческой союзъ; самъ ихъ Король подалъ своимъ подданнымъ примѣръ ласковости и пріятства, съ какими принималъ многократно корабельныхъ маркитантовъ.

Роулесъ, излишне положившись на такую пріятную наружность, вздумалъ здѣлать визитъ владѣльцу вмѣстѣ съ *Ришардомъ Рюэтомъ* главнымъ факторомъ, *Жеффферомъ Карлетомъ*, и тремя другими. *Самуилъ Брандшау*, которой многократно посыланъ былъ къ сему вѣроломному Двору, къ щастію своему былъ на это время занятъ другими дѣлами, и не могъ сопровождать Капитана. Лишъ только Роулесъ и провожатые его сошли на берегъ, какъ вдругъ окружила ихъ толпа варваровъ, и взяла всѣхъ безъ всякаго сопротивленія.

Матросы, оставшіеся въ шлюпкѣ, лишившись надежды пособить имъ, болѣе всего старались о томъ, чтобы съ помощію веселъ поспѣшно удалиться отъ берега; но и имъ также не легко было уйти на корабль: множество лодокъ и барокъ съ вооруженными людьми устремились на нихъ съ великимъ крикомъ и спѣшили пресѣчь имъ путь. Они отважились даже приближиться къ кораблю, намѣреваясь напасть на него и имъ овладѣть: пустили тучу стрѣлъ и дротиковъ. Англичане въ первомъ смятеніи боялись быть побѣжденными; но потомъ разположивши артиллерію, сдѣлали залпъ

такъ удачно, что отъ первыхъ ударовъ шесть или седмь самыхъ большихъ барокъ пошли на дно. Это устрашило дикихъ, и оны пустились въ бѣгъ гораздо проворнѣе, нежели какъ прежде приступали.

Не смотря на то Капитанъ оставался плѣнникомъ съ своими товарищами. Брандшау, бывшій главнымъ по немъ на кораблѣ Офицеромъ, принялъ команду, и нимало не надѣясь освободить своихъ соотечественниковъ, собралъ совѣтъ, въ которомъ разсуждаемо было, что имъ начать въ такихъ обстоятельствахъ. Они не долго совѣтовались. Всѣ до единаго въ томъ были согласны, что Дикіе послѣ перваго сего вѣроломства не преминутъ атаковать ихъ многократно; и потому почли полезнѣйшимъ средствомъ для своего спасенія скорое бѣгство; между тѣмъ новое бѣдствіе, постигшее Англичанъ, не позволило имъ долѣе разсуждать. Семь человѣкъ умерли почти скоропостижно, такъ что не можно было открыть иной причины ихъ смерти, кромѣ ранъ отъ ядовитыхъ стрѣлъ сихъ варваровъ. И такъ приготовились поднять якорь, намѣреваясь искать иного залива на семъ островѣ и жителей обходительнѣйшихъ. Вѣтръ все

еще не позволялъ пуститься въ открытое море. Прежде нежели они изготовились, Дикiе въ другой разъ показались во множествѣ барокъ, и такъ скоропостижно приближились къ кораблю, что успѣли пустить тучу стрѣлъ, прежде нежели они оборотили на нихъ артиллерiю. Не смотря на то Дикiе имѣли и на сей разъ не болѣе успѣха: страшные залпы съ корабля принудили ихъ съ поспѣшностiю бѣжать къ берегу; съ великимъ ужасомъ на него вышли. Но Брандшау, будучи увѣренъ въ ихъ злости, и не сомнѣваясь, что они ночью предпримутъ новую атаку, рѣшился отмстить имъ такъ, чтобъ они долго помнили его прощанье. Весьма хитрымъ и почти непонятнымъ движенiемъ приближился онъ къ берегу, и видя ихъ отъ себя разстоянiемъ на пушечной и ружейной выстрѣлъ, велѣлъ здѣлать генеральной залпъ, и повалилъ длинные ряды въ ихъ стѣсненныхъ толпахъ. Ужасъ объялъ всѣхъ Дикихъ, когда они увидѣли такое множество убитыхъ и раненыхъ. Они бросились бѣжать, испуская страшные вопли и крики.

Послѣ сихъ новыхъ непрiятельскихъ дѣйствiй, Англичане отчаявшись найти въ какой либо части сего острова

спокойное убѣжище, гдѣ бы страхъ и ненависть къ ихъ имени не распространились, пустились въ море, презирая всѣ опасности, и направили путь свой къ Сокотрѣ. Но при всѣхъ усилiяхъ не могли противиться вѣтрамъ, которые бросили ихъ на берегъ Аравiи; и подвергли крайней опасности. Они остановились тамъ 4 Iюня. Между тѣмъ зимняя пора приближалась. Не было надежды доѣхать до Камбая, а на томъ берегу, подлѣ котораго находились, не видали никакой гавани, которая бы могла послужить имъ убѣжищемъ въ сiе суровое время года. Четыре дня разсуждали, что имъ предпринять, безпрестанно будучи тревожимы жестокими бурями; наконецъ послушались совѣта кормчаго своего, ***Гриффона Морица***, которой предложилъ имъ отправиться въ Ахемъ. Въ сей пристани всегда почти бываютъ Гузаратцы, и потому Брандшау надѣялся продать тамъ свои товары.

Прибыли туда 27 го Iюля, совершивши мореплаванiе не столько опасное, сколько трудное. Капитанъ пробылъ седмь дней, не могши получить у Короля аудiенцiи, и сiя милость какъ бы продана была ему за богатой подарокъ. Въ этомъ препят-

ствовали ему Голландцы, которые, желая одни имѣть въ своихъ рукахъ всю Индѣйскую коммерцію, не пощадили ничего, чѣмъ только могли вредить Англичанамъ. Брандшау весьма мало торговалъ въ Ахемѣ, и то только съ Гузаратскими купцами; имъ продавалъ онъ Англійскія матеріи и свинецъ за бѣлую и черную басту, то есть сукно того острова.

Проведши нѣсколько времени въ пристани Ахемской, Англичане отправились въ Пріаманъ и Теку, гдѣ удобство и выгоды въ торговлѣ вознаградили ихъ съ избыткомъ за всѣ ими претерпѣнные труды. Они изготовили грузъ, состоявшій изъ двухъ сотъ бочекъ маку, нѣкотораго количества роснаго ладану, и разныхъ шелковыхъ Китайскихъ матерій. Одно только непріятное обстоятельство задержало ихъ нѣсколько долѣе въ семъ мѣстѣ: взбунтовались матросы, и наглое ихъ буйство едва могъ прекратить Капитанъ съ великою пощадою. Корабельной кормщикъ, слишкомъ невоздержный судя по его лѣтамъ и должности, умеръ въ Пріаманѣ отъ болѣзни, которую приписывали его невоздержности. Какъ скоро судно было нагружено, то Брандшау отправилъ **Биддолфа** и **Смеѳа** въ

Бантамъ, въ Китайскомъ жонкѣ съ остаткомъ Европейскихъ товаровъ, которыхъ не могъ збыть ни въ Пріаманѣ, ни въ Теку. По возвращенїи ихъ приготовились къ возвратному пути въ Англїю. Это было въ мѣсяцѣ Февралѣ 1610 года.

Брандшау до сего времени управлялъ кораблемъ съ довольнымъ щастїемъ и благоразумїемъ; но небо опредѣлило ему и экипажу его гораздо плачевнѣйшїй жребїй, нежели кораблю Вознесенїя. Онъ окончилъ свое путешествїе хотя нѣсколько щастливѣе, нежели Шарпей; но за то почти въ виду Англїи претерпѣлъ гибельное кораблекрушенїе.

Брандшау, поспѣшая предупредить совершенную погибель своего экипажа, примѣтно умаливщагося, рѣшился возвратиться въ Европу какъ можно скорѣе, и поднялъ парусы, какъ скоро грузъ былъ готовъ. Мореплаванїе его до самого острова Мадагаскара часто бывало остановляемо то бурями, то безвѣтрїями. Онъ присталъ туда въ началѣ Сентября, надѣясь тамъ запастись съѣстными припасами; но не нашелъ, такъ сказать, ничего, кромѣ воды и дровъ.

Корабль Согласїя сталъ на якорѣ въ губѣ Августина, и уже готовъ былъ

пуститься въ море, какъ вдругъ 6 го тогожъ мѣсяца, Генрикъ Мидлетонъ, Адмиралъ флота, посланнаго Англїйскою Индѣйскою Компанїею, присталъ туда-же, имѣя намѣренїе запастись съѣстными припасами. Оба начальника свидѣлись между собою. Брандшау разсказалъ Адмиралу о худомъ состоянїи, въ которое приведенъ былъ онъ уменьшенїемъ своего экипажа; ибо у него почти не оставалось тридцати шести человѣкъ совершенно здоровыхъ, и притомъ терпѣлъ онъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Онъ склонилъ его, на всякой случай принять къ себѣ нѣсколько ящиковъ серебреныхъ денегъ для доставленїя ихъ Компанїи. Мидлетонъ далъ Брандшау нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, и усмирилъ также раздоры произшедшїе въ его экипажѣ. Наконецъ 9 го Сентября послѣ полудня, отправился онъ въ Индїю.

Корабль Согласїя, по отъѣздѣ Англїйскаго флота, продолжалъ путь свой въ Европу, надѣясь остановиться у острова Святыя Елены; но буря удалила его отъ сего острова. Между тѣмъ скорбутъ и другїя болѣзни причинили смерть Брандшау и наибольшей части экипажа. Оставшїеся такъ ослабли и изнурились, что едва были

въ силахъ дѣлать маневры. Отдохновенїе у Зеленаго Мыса не остановило распространенїя болѣзней на кораблѣ Согласїя. Въ нѣкоторомъ разстоянїи отъ сего мыса встрѣтили Бристольскую барку, возвращавшуюся въ Англїю, которая приняла къ себѣ десять Англичанъ и четырехъ умирающихъ Гузаратцовъ; это спасло ихъ жизнь.

Корабль продолжалъ путь свой, почти оставленъ будучи на произволъ вѣтра и волнъ. Наконецъ вѣтръ погналъ отъ Запада, и корабль, не будучи управляемъ, брошенъ 13 Февраля 1611, на камни у краю Англїи, близъ Одїерна. Тотчасъ изъ сего города отправлены двѣ барки на помощь погибающимъ. Взошедшїе на корабль нашли его богато нагруженнымъ перцомъ и другими Индѣйскими товарами; изъ всего экипажа осталось живыхъ только четыре человѣка: одинъ Индѣецъ, и трое Англичанъ. Подняли опять корабль и завели его въ рейду, хотя уже разбитой и почти вовсе изломанной.

13го, умеръ Индѣецъ, а черезъ три дня одинъ изъ Англичанъ: и такъ изъ семидесяти семи человѣкъ, составлявшихъ экипажъ при выѣздѣ изъ Европы, возвратилось въ Англїю только

девять и трое Гузаратцовъ, включая въ тожъ число и тѣхъ, кои пріѣхали на Бристольской баркѣ.

Англичане, поселившись въ Морлѐ, увѣдомили тотчасъ Компанію о семъ печальномъ происшествіи. Директоры не медля отправили во Францію нѣсколько человѣкъ уполномоченныхъ. При нихъ былъ Симонсонъ, искусной кораблестроитель, которому поручено обозрѣть состояніе корабля *Согласія*, и починить его, естьли это возможно; но онъ осмотрѣвши, объявилъ его негоднымъ. Спасли изъ него одну артиллерію, товары и снасти.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Суратъ, Индѣйской городъ въ Могольскомъ Государствѣ, весьма крѣпокъ, богатъ и одинъ изъ наилучшихъ купечественныхъ городовъ въ свѣтѣ. Онъ лежитъ подъ восемдесятъ восьмымъ градусомъ долготы, и подъ двадцать первымъ градусомъ десятью минутами широты, за тридцать пять миль къ полудню отъ Камбая, и за двадцать миль къ сѣверу отъ Бомбая, на рѣкѣ Таппи. Отъ моря отстоитъ на двѣ мили. Пристань его наилуч-

шая на всемъ берегу; однако все еще не совсѣмъ изрядна. Европейскіе и Азіатскіе купцы собираются туда во множествѣ въ благопріятное время года.

Суратъ столь же обширенъ и многолюденъ, какъ и Лондонъ. Городъ сей былъ нѣсколько времени открытъ; но со времени нашествія Севаджи, извѣстнаго предводителя Маратовъ, который грабилъ его дважды въ послѣднемъ столѣтіи, окружили его каменными стѣнами. Онъ защищается также замкомъ, построеннымъ хотя не регулярно, но довольно крѣпко для защищенія отъ набѣговъ непросвѣщенныхъ народовъ.

Городъ Суратъ не столько примѣчателенъ по своей обширности, сколько по пріятности и прочности своихъ зданій. Большая въ немъ площадь великолѣпно украшена окружающими ее палатами. Домы, принадлежащіе богатымъ особамъ, убраны изъ-внѣ и изъ нутри прекрасною рѣзьбою; во внутренности стѣны наведены, равно какъ и полы, фарфоровыми плитами; свѣтъ въ нихъ проходитъ сквозь окны, составленныя изъ черепаховыхъ или перломутовыхъ четвероугольниковъ, которые

умѣряютъ блескъ солнца, не ослабляя его свѣта.

Язычники и Баніанцы составляютъ самой большой классъ жителей сего города. Послѣдніе почти всѣ будучи по промыслу своему купцы, отличаются откровенностію и справедливостію, съ какою они торгуютъ.

Хотя Суратъ много разъ былъ раззоряемъ при возмущеніяхъ, тревожившихъ болѣе вѣка Индію; однако онъ еще и понынѣ есть знатнѣйшій коммерческой магазинъ въ Азіи. Всѣ Гузаратцы кладутъ въ его анбары работы своихъ мануфактуръ. Большая оныхъ часть отвозится во внутренность земли; остальное расходится по всему свѣту посредствомъ мореплаванія. Въ семъ городѣ можно найти всѣ роды товаровъ древняго свѣта, а особливо то, что есть драгоцѣннѣйшаго на востокѣ. Съѣстные припасы тамъ въ величайшемъ изобиліи и весьма дешевы, когда сообщеніе съ селами не пресѣчено.

Суратское золото такъ чисто, что можно отъ него получить барыша двенадцать или четырнадцать на сто, перевезши въ Европу. Тамошнее серебро также имѣетъ менѣе примѣсу, нежели во всѣхъ прочихъ странахъ свѣ-

та; оно предпочитается даже Мексиканскому серебру и Севильскимъ ефимкамъ.

Въ Суратѣ всѣ религіи терпимы. Сія терпимость необходимо нужна въ такомъ торговомъ городѣ, гдѣ во всякое время находится величайшее стеченіе торгующихъ иностранцовъ. Съ удивленіемъ можно видѣть здѣсь Магометанца и язычника, столько же спокойными и беззаботными, относительно до сего предмета, сколько въ иномъ мѣстѣ они оказываютъ ревности о томъ, чтобы обращать иновѣрцовъ къ своему закону. Мало Христіанъ дѣлаются тамъ отступниками; когда они приходятъ въ сей городъ, то смотрятъ на нихъ косыми глазами, и они умираютъ, будучи оставлены всѣми, въ бѣдственномъ состояніи.

Два Губернатора или Набоба, назначаемые отъ Делійскаго Двора, имѣютъ свою резиденцію въ Суратѣ; одинъ для военной службы, живетъ въ замкѣ, а другой для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, въ городѣ: сей послѣдній не иначе можетъ получить сіе званіе, какъ внесши въ казну знатную сумму. Естьли повѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ новѣйшихъ путешественниковъ, то Губернаторы гражданскіе скоро воз-

награждаютъ свой убытокъ на щетъ народа. Полицїя была въ семъ городѣ такъ исправна въ то время, когда прїѣжжалъ туда Овенгтонъ въ 1698 году, что не слышно было въ Суратѣ и разговоровъ о ворахъ и убїйцахъ; но послѣ возникло тамъ угнѣтенїе и неправосудїе отъ слабости Могольскаго правительства, когда оно безпрестанно бываетъ обезпокоиваемо могущественными *Маратами*. Народъ, обремененный чрезмѣрными налогами, и подверженный грабительствамъ со стороны правительства, доведенъ до величайшей бѣдности.

Искусство кораблестроенїя дошло въ Суратѣ до вышшей степени; хотя *тамошнїе* жители и не умѣютъ строить такъ искусно и правильно, какъ Европейцы, однако прочностїю превосходятъ и сихъ послѣднихъ. Нерѣдко можно видѣть корабли тамошней работы, плавающїе по цѣлому столѣтїю. Такая твердость происходитъ отъ мастерства строителей и отъ дерева, употребляемаго на сїю работу.

По смѣжности сего города съ Бомбаемъ, Англичане уважаются тамъ больше другихъ, и ихъ торговля процвѣтаетъ въ Суратѣ наиболѣе; но Ма-

раты, коихъ власть увеличивается со дня на день, живучи также по сосѣдству, содержатъ жителей сего города въ безпрестанномъ страхѣ.

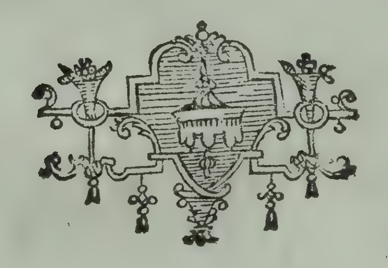
2) *Мадагаскаръ*, островъ лежащій у восточныхъ береговъ Африки, отъ которой отдѣляется онъ проливомъ Мозамбическимъ. Онъ есть наибольшій островъ на всемъ земномъ шарѣ. Въ длину простирается почти на 336 миль, а въ ширину на 120. Окружность его полагаютъ въ 800 миль. Португальцы открыли его въ 1606 году и назвали островомъ Св. Лаврентія. Вообще онъ не извѣстенъ, кромѣ однихъ его заливовъ и береговъ, не смотря на то, что Европейцы весьма часто бываютъ тамъ въ великомъ множествѣ, особливо въ послѣднемъ столѣтіи. Грунтъ земли сего острова весьма плодороденъ померанцами, лимонами, ананасами, огородными овощами, сарачинскимъ пшеномъ, хлопчатою бумагою, перцомъ и всякими плодами; все, что ни сѣютъ изъ Европейскихъ и Индѣйскихъ произведеній, всходитъ тамъ весьма хорошо, кромѣ пшеницы и винограду. Тамошніе жители имѣютъ многочисленныя стада быковъ, коровъ и овецъ на тучныхъ паствахъ. Мно-

го находится тамъ рѣдкихъ деревъ, какъ то: эбеновое, Бразильское, сандальное и пальмы разныхъ родовъ; тамъ есть также много родовъ меду. Природные тамошніе жители умны, храбрые воины, способны къ художествамъ и наукамъ, но лѣнивы, вѣроломны и жестоки. Обрѣзаніе у нихъ въ употребленіи, и они хранятъ великое почитаніе къ гробамъ своихъ предковъ.

Мадагаскаръ состоитъ во владѣніи многихъ небольшихъ владѣльцовъ, которые почти безпрерывно ведутъ между собою войну.

Многіе Европейскіе путешественники, дѣлая наблюденія о нравахъ различныхъ народовъ, населяющихъ сей островъ, замѣтили, что старики тамъ въ величайшемъ уваженіи. Храненіе законовъ и обычаевъ ввѣрено ихъ попеченію. Для рѣшенія гражданскихъ дѣлъ, участвующія въ тяжбѣ партіи избираютъ изъ стариковъ нѣкоторое число и поставляютъ ихъ своими судьями; въ награду за ихъ труды дарятъ имъ скотину, смотря по важности и трудности дѣла. Старики также производятъ уголовной судъ, но безъ всякой платы, какъ будто почитая себя довольно вознагражденными, когда очистятъ свои селенія отъ злодѣя.

Французы поселились въ Мадагаскарѣ, и даже выстроили тамъ въ 1665 году, на полуденномъ мысѣ крѣпость, названную Фор-Дофинъ (Дофинова крѣпость); но островитяне перерѣзали въ 1673 году большую часть гарнизона; весьма немногїе избѣжали смерти и спаслись на кораблѣ, стоявшемъ тогда въ рейдѣ и готовомъ отплыть въ Суратъ.

VI.

ОПИСАНІЕ ПОЖАРА,

Погубившаго Голландской корабль Новый-Горнъ, близъ пролива Зондскаго, на Индѣйскомъ морѣ; и путешествій Бонтекоевыхъ, въ 1619 году.

Между многоразличными повѣствованіями, находящимися въ собраніяхъ путешествій, мало найдется столь занимательныхъ, какъ повѣствованіе о путешествіи Капитана Бонтекое; благоразуміе и твердость духа, обнаруженныя имъ въ различныхъ превратностяхъ щастія и нещастія, тонъ чувствительности и отличительный характеръ правдивости, плѣняющій насъ повсюду въ его Дневникѣ; все сіе по сущей справедливости должно привлечь вниманіе любопытнаго читателя. Но чтобъ подробное и продолжительное повѣствованіе не отдалило насъ отъ предположенной нами цѣли, то мы сообщимъ здѣсь кратко произшествія, случившіяся прежде потери его корабля и послѣ оной.

Вильгельмъ Избранцъ Бонтекое въ 1618 году назначенъ былъ отъ Голландской Компанiи Капитаномъ корабля *Новаго Горна*, которой въ то время отправляемъ былъ для нѣкоторыхъ коммерческихъ выгодъ въ Индiю; экипажу посажено было на немъ двѣстѣ шесть человѣкъ, и грузу положено тысяча сто бочекъ. Бонтекое выѣхалъ изъ Текселя 28 Декабря; а съ 5 го Генваря, проѣхавши крайнiй мысъ Англiи, корабль его выдержалъ отъ вѣтра три прежестокихъ удара, отъ чего верхняя палуба до половины была покрыта водою. Экипажъ пришелъ въ такой ужасъ, что повсюду слышанъ былъ крикъ: тонемъ, тонемъ! Буря столь была сильна, молнiя сверкала безпрестанно, а дождь лилъ въ такомъ множествѣ, что казалось, будто море возвышалось выше атмосферы; стихiи, огненная и воздушная, какъ бы смѣшались вмѣстѣ. Бонтекое, будучи всегда дѣятеленъ, а особливо въ опасности, велѣлъ черпать воду кожаными ведрами; всѣ корабельные служители занялись сею работою; но ящики, находившiеся на палубахъ, отъ безпрестаннаго качанiя корабля взаимно одинъ объ другой ударялись, и такое производили помѣшательство, что для работы не было мѣ-

ста. Надобно было тѣ изъ нихъ изрубить, которые мѣшали работникамъ.

Наконецъ миновала опасность; но дурная погода продолжалась даже до 19 го, и уже не прежде 20 го, допустила нашихъ мореплавателей продолжать свое путешествіе. Два Голландскіе корабля, встрѣтившіеся на пути, одинъ называемый Новый Зеландъ, на которомъ былъ Капитаномъ Петръ Тицъ, изъ Амстердама, а другой называемый Энкюйзенъ, подъ командою Жана Жоца, подали вспоможеніе Новому Горну. Но сей скоро отъ нихъ отдѣлился, а при вторичномъ съ ними соединеніи у острововъ Зеленаго Мыса, Бонтекое узналъ отъ нихъ, что у острова Маи не только не удалось имъ запастись свѣжими припасами, какъ они того надѣялись приставая къ онымъ; но еще Гишпанцы убили у нихъ трехъ человѣкъ. Оттуда поплыли они вмѣстѣ, чтобъ проѣхать Линію; но настало безвѣтріе, задержавшее ихъ цѣлыя три недѣли, и принудившее ихъ ускорить въ своемъ пути, чтобы успѣть съ Юго-Восточнымъ вѣтромъ пройти Абролгосы. Безвѣтріе застигло ихъ также у сихъ камней: они боялись, чтобы сіе не принудило ихъ возвратиться назадъ, и въ такомъ случаѣ можно

было опасаться, что болѣзни умножатся въ экипажѣ; однако имъ удалось пройти тѣ камни. Они искали острововъ Фистана и Конде, на высотѣ коихъ находились, хотя не могли ихъ примѣтить; но какъ вѣтеръ потомъ оборотился къ Сѣверу, то они направили путь къ Востоку, намѣреваясь отдохнуть у Мыса Доброй Надежды: однако западной вѣтръ столь былъ силенъ, что они рѣшились итти на малыхъ парусахъ, не отваживаясь приближаться къ берегамъ. Бонтекое, боясь опасностей сего мѣста, вздумалъ собрать совѣтъ; Офицеры всѣхъ трехъ кораблей разсмотрѣвши, что матросы были еще въ силахъ и въ полной бодрости, также видя, что воды запасено у нихъ много, рѣшились миновать Мысъ не останавливаясь у него. Сїе намѣренїе произведено было въ дѣйство благополучно, и они проѣхали уже землю Наталь, пользуясь прекрасною погодою. Мѣсяцъ Май былъ уже въ окончанїи: пять мѣсяцовъ прошло послѣ отъѣзда Новаго Горна.

Енкюйзенъ, назначенный на берегъ Коромандельскїй, разлучился здѣсь съ прочими двумя судами, дабы направить путь свой между берегомъ Африки и островомъ Мадагаскаромъ. Скоро потомъ

по причинѣ нѣкоторыхъ несогласій, Бонтекое оставилъ и Новой Зеландъ, и такимъ образомъ на высотѣ двадцати трехъ градусовъ южной широты потеряли они другъ друга изъ виду. Послѣ сей злополучной разлуки Новой Горнъ спѣшилъ болѣе и болѣе къ своей погибели.

Начали умножаться на караблѣ болѣзни, и въ скоромъ времени сорокъ человѣкъ стали уже неспособны къ работѣ. А какъ и прочїе всѣ были почти въ такомъ же худомъ состоянїи, то поворотили къ Мадагаскару, дабы войти въ заливъ Св. Людовика; но для безопаснаго кораблю стоянїя не нашли выгоднаго мѣста. Тотчасъ Бонтекое велѣлъ спустить въ море шлюпку и вошелъ въ нее самъ; между тѣмъ карабль, для одержанїя себя, дѣлалъ нѣкоторыя лавиры. Море столь сильно ударялось въ берега, что не было возможности къ нимъ приближиться. Между тѣмъ усмотрѣли островитянъ, и одинъ матросъ для переговору съ ними бросился съ шлюпки вплавь. Они подавали рукою знаки, и казалось, показывали способное къ высадкѣ мѣсто. Но какъ ихъ показанїя были сомнительны, къ томужъ они не приносили никакихъ запасовъ, то и должно

было по безполезномъ поискѣ возвратиться къ кораблю. Больные видя Бонтекое возвращающагося съ пустыми руками, пришли въ уныніе. Опять пустились къ Югу, и достигши высоты двадцати девяти градусовъ, приняли намѣреніе ѣхать для отдохновенія къ острову Морису или къ Маскаренгасу. Проходя между обоими сими островами, не далеко одинъ отъ другаго лежащими, и дѣйствительно Новой Горнъ присталъ къ мысу острова Маскаренгаса; глубина моря по близости къ землѣ оказалась въ сорокъ саженей. Находясь очень близко отъ берега, хотя и не почли сіе мѣсто довольно безопаснымъ, однакожъ не преминули стать тамъ на якорѣ.

Всѣ больные воздыхали о землѣ; но сильные удары морскихъ волнъ, разбивавшихся о бѣрегъ, не допускали на то отважиться. Для развѣдыванія острова послана шлюпка. Найдено на немъ множество черепахъ. Сіе извѣстіе еще болѣе умножило нетерпѣливость больныхъ, которые надѣялись, что въ половину выздоровѣютъ, какъ скоро высадятъ ихъ на землю.

Корабельной маркитантъ, по имени Гейнъ-Роль, противился ихъ высадкѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что корабль

можетъ унесенъ быть отъ береговъ, и чрезъ то всѣ высаженные могутъ подвергнуться погибели; но больные всѣ единогласно и неотступно просили, притомъ съ такою убѣдительностїю, что Бонтекое не могъ не тронуться ихъ прозьбами. Тщетно онъ уговаривалъ къ тому Роля; видя, что слова его безуспѣшны, взялъ сїе дѣло на свой отчетъ, и пришедши на палубу радостнымъ голосомъ закричалъ, что онъ хочетъ высадить всѣхъ на землю. Обѣщанїе сїе принято было съ восторгами. Здоровые матросы помогали больнымъ сойти въ шлюпку; Бонтекое далъ имъ для палатки парусъ, также провизїю, посуду, и еще повара; сошелъ и самъ съ ними, чтобъ служить имъ проводникомъ. Тутъ-то было трогательнѣйшее зрѣлище, видѣть, какъ сїи больные, достигши до земли, покрытой травою, валялись по ней, какъ бы въ самомъ увеселительномъ мѣстѣ. Они увѣряли, что это одно удовольствїе доставило уже имъ много облегченїя.

Лишъ только сошли они на берегъ, какъ усмотрѣли несчетное множество дикихъ голубей, кои давали брать себя руками или убивать палками безпрепятственно. Въ первой день поймали ихъ болѣе двухъ сотъ. Не труднѣе

было ловить и черепахъ. Бонтекое крайне будучи радъ видѣть больныхъ своихъ въ такомъ удовольствіи, оставилъ ихъ въ числѣ сорока человѣкъ и возвратился на корабль.

Пристань показалась Капитану столь не способною, что онъ въ слѣдующую ночь, взявши шлюпку, вознамѣрился искать лучшей рейды. По утру, въ пяти миляхъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ корабль на якорѣ, нашелъ хорошій заливъ, имѣющій песчаное дно. Въ небольшомъ растояніи отъ береговъ сыскали озеро, въ которомъ была вода не совсѣмъ прѣсна. Бонтекое видѣлъ множество гусей, голубей, сѣрыхъ попугаевъ, и иныхъ птицъ; подъ тѣнью одного дерева нашелъ до двадцати пяти черепахъ: они такъ были жирны, что чуть могли ходить. Поймавши попугая или другую какую птицу, какъ скоро ее до тѣхъ поръ мучили, пока она закричитъ; то птицы того же роду прилетали къ ней и носились около ея, какъ будто желая ее защитить, и тогда удобно можно было ловить ихъ. Осмотрѣвши весь заливъ, Бонтекое велѣлъ объ открытіи своемъ дать извѣстіе больнымъ, кои съ охотою сѣли въ шлюпку, надѣясь найти еще выгоднѣйшее для себя

убѣжище. Приплывшй бросили якорь на тридцати пяти саженной глубинѣ. Экипажу позволено было выходить по очереди, и искать въ лѣсахъ свѣжей пищи. Отрядили восемь человѣкъ съ неводомъ на озеро для рыбной ловли. Они наловили прекрасной рыбы: карповъ, головлей, и нѣкоторой породы лососей жирныхъ и весьма вкусныхъ. Также нашли въ семъ заливѣ дронтовъ, называемыхъ Голландцами додаерами, родъ малокрылой птицы, и весьма тяжелой отъ жиру. Наконецъ нашли прѣсную воду въ небольшой рѣчкѣ, текущей съ горъ и окруженной деревьями.

Ходя по берегу усмотрѣли доску, на которой прочитавъ вырѣзанныя слова узнали, что Адрїанъ Мартенцъ Блокъ, начальникъ флота, изъ тринадцати кораблей состоявшаго, потерялъ въ семъ мѣстѣ нѣсколько матросовъ и шлюпокъ, которыя разбились во время приближенїя къ берегу; однако Бонтекое того не примѣтилъ, чтобы здѣсь прибрежныя стремнины были опасны. Какъ островъ не былъ населенъ, то матросы свободно бѣгали по всѣмъ его сторонамъ, и забавлялись то рыбною, то звѣриною ловлею. Они сдѣлали себѣ деревянные вертелы и на нихъ жарили птицъ, обливая ихъ черепашьимъ

жиромъ, отъ чего мясо становилось столь вкусно, какъ будто бы оно было шпикованное. Къ большей для себя радости нашли еще другую рѣчку съ прекрасною водою, и съ удовольствіемъ примѣтили, что въ ней много жирныхъ угрей. Тотчасъ скинувши рубашки и растянувши ихъ за оба конца, наловили великое множество сей рыбы, и нашли въ ней очень хорошій вкусъ. Видѣли также и козловъ, но столь дикихъ и проворныхъ, что не могли поймать ни одного, кромѣ стараго, у котораго рога до половины источены были червями, и коего никто не хотѣлъ ѣсть.

Такое изобиліе въ свѣжей пищѣ столь было цѣлительно для больныхъ, что они совершенно выздоровѣли; велѣно было имъ возвратиться на корабль, выключая семи, коихъ слабость принудила оставаться на островѣ до отъѣзду корабля. Не преминули запастись побольше птицами и рыбами, высушивши ихъ прежде. Авторъ примѣчаетъ, что въ теченіе двадцати дней всѣ птицы, напуженныя безпрестанною ловлею, стали улетать, какъ скоро къ нимъ приближались. Въ первой день высадки, одинъ кормчій пошедши съ ружьемъ стрѣлять гусей,

имѣлъ нещастiе лишиться глазу: ибо разорвало ружье.

Подняли якорь въ намѣренiи остановиться при островѣ Морисѣ: но корабль спустился уже очень низко, почему могли увидѣть островъ только издали. Изъ экипажу находились нѣкоторые не совершенно оправившiеся, или обманувшiеся въ своемъ выздоровленiи. Тогда стали жалѣть, что такъ скоро оставили островъ Маскаренгасъ; ибо предвидѣли, что надобно будетъ долго плыть, пока попутные вѣтры помогутъ имъ направить путь въ Бантамъ или въ Батавiю; и что быстрое стремленiе моря можетъ увлечь ихъ далеко отъ пути, отъ чего и не преминули бы возродиться вновь болѣзни. Сей страхъ принудилъ ихъ пуститься прямо къ острову Св. Марiи, лежащему близь Мадагаскара, противъ залива Антонжильскаго. Приплыли къ восточному его берегу, на восемь саженей глубины, гдѣ можно было видѣть дно, и стали на якорь на тринадцати саженной глубинѣ. Островитяне, хотя не столь привыкшiе видѣть Европейцевъ, какъ Мадагаскарцы, привезли однакожъ на корабль куръ, лимоновъ, съ небольшимъ количествомъ сарачинскаго пшена, и

давали разумѣть знаками, что у нихъ есть коровы, овцы, и другая провизїя. Подали имъ въ серебреной чашѣ вина; они пили его съ чрезмѣрною жадностїю, всунувши все лице въ чашу, какъ обыкновенно пьютъ скоты изъ ведра; но выпивши все поданное, начали кричать, какъ бѣшеные. Они были наги почти совершенно; только около пояса и ниже носили по небольшему куску матерїи. Цвѣтъ кожи ихъ былъ желто-черноватой.

Всякой день прїѣжжали на землю и производили взаимную мѣну: колокольчики, ложки, ножи съ желтыми черенками, стекляныя и коральныя зерна казались имъ весьма дорогою цѣною за телятъ, овецъ, свиней, сарачинское пшено, молоко и водяныя дыни. Они носили молоко въ большихъ плотно-сцѣпленыхъ листахъ; но какъ мало было у нихъ лимоновъ и померанцевъ, то Бонтекое рѣшился съѣздить на шлюпкѣ съ вооруженными людьми въ Мадагаскаръ, и повезть туда товаровъ, кои надѣялся онъ промѣнять тамъ на сїи плоды. Онъ вступилъ въ рѣку, по которой проплылъ въ верхъ около мили, и не могъ далѣе ѣхать, по той причинѣ, что на обоихъ берегахъ росшїя деревья сплелись

своими вѣтвями повисшими въ самую воду. Впрочемъ не примѣтивши никакого признака ни плодовъ, ни обитанія, принужденъ былъ возвратиться назадъ. Въ другой разъ на томъ же самомъ острову, у котораго корабль стоялъ, имѣлъ онъ лучшій успѣхъ. Нѣсколько по далѣе на томъ же берегу нашелъ онъ померанцы, лимоны, молоко, сарачинское пшено и бананы.

Въ девять дней, которые провелъ его экипажъ на сей рейдѣ, получили всѣ опять туже крѣпость, съ какою отправились они изъ Голландіи: часто выходя на землю брали съ собою музыканта, которой игралъ имъ на рыляхъ. Островитяне слушали сію музыку съ величайшимъ удивленіемъ. Одни садились около музыканта и щолкали перстами, другіе плясали и прыгали въ восторгѣ радости. Бонтекое не примѣтилъ у нихъ другой религіи, кромѣ грубаго идолопоклонства. Въ иныхъ мѣстахъ видны были внѣ домовъ ихъ поднятыя на кольяхъ бычачьи головы, предъ которыми они становились на колѣни, и какъ казалось, имъ покланялись.

Новой Горнъ вычищенъ былъ до самаго киля, и съ такимъ раченіемъ вычиненъ, что Голландцы ничего не

могли опасаться со стороны корабля. Они поплыли опять на Югъ, даже до высоты 33 градусовъ, откуда направили путь на востокъ къ Зондскому проливу.

19 го Ноября 1619, увидѣли, что они находятся на пятомъ съ половиною градусѣ, и слѣдовательно на ровной высотѣ съ проливомъ, какъ вдругъ Бонтекое, находившійся на верхней палубѣ, услышалъ крикъ: пожаръ! пожаръ! Онъ спѣшилъ сойти внизъ, но нигдѣ не находилъ никакого признака огня. Онъ спросилъ: „гдѣ кричали, загорѣлось?„ Ему сказали, въ этой бочкѣ. Онъ опустилъ въ нее руку, однако не чувствовалъ никакого огня.

Страхъ его не воспрепятствовалъ ему распросить о причинѣ такой сильной тревоги. Ему расказали, что погребщикъ по обыкновенію сошедши послѣ обѣда за водкою, чтобъ нацѣдить оной для раздачи на другой день матросамъ, поставилъ желѣзной свой подсвѣшникъ подлѣ боченка, стоявшаго выше того ряду, изъ котораго хотѣлъ онъ цѣдить. Искра, или лучше сказать небольшая частица горящей свѣтильни попала прямо во втулочное отверстіе бочки: загорѣлась водка, и тотчасъ выскочило

съ обѣихъ сторонъ дно, и горящая водка потекла къ угольямъ; однако вылили нѣсколько кружекъ воды на огонь, отъ чего онъ, какъ казалось, погасъ. Бонтекое, нѣсколько успокоившись послѣ сего, велѣлъ лить на уголья воду полными ведрами, и непримѣтя никакого слѣда огня, съ спокойнымъ духомъ возвратился на палубу. Но послѣдствія сего происшествія сдѣлались столь страшными, что, дабы удовлетворить совершенно любопытству читателя подробнымъ описаніемъ всего случившагося, мы дадимъ мѣсто говорить самому Автору. Съ сродною ему простотою онъ представитъ намъ самую трогательную и занимательную картину.

„Черезъ полчаса послѣ того, говоритъ Бонтекое, опять услышалъ я крикъ: пожаръ! пожаръ! Это привело меня въ ужасъ; я тотчасъ сошелъ внизъ, и увидѣлъ пламя подымавшееся изъ самаго корабельнаго дна. Занялось въ угольяхъ, куда протекла водка, и опасность тѣмъ казалась страшнѣе, что бочки стояли въ три или четыре ряда однѣ на другихъ. Мы начали опять лить воду полными ведрами и вылили ея ужасное количество.

„Но тутъ родилась новая напасть, умножившая еще наше смятеніе. Вылитая на уголья вода произвела дымъ столь густой, сѣрной, и столь смрадной, что всѣ въ исподи корабля задыхались, и не было почти возможности тамъ стоять. Не смотря на то, я не отходилъ оттуда и отдавалъ приказы, и выпускалъ вонъ матросовъ по очереди, чтобъ дать имъ время отдохнуть. Я уже подозрѣвалъ, что многіе изъ нихъ, не успѣвши достигнуть до люковъ, задохлись. Я самъ такъ обезумѣлъ и удушился, что не помнилъ даже, что дѣлалъ, пошелъ чрезъ интервалы, и положивши голову на одну бочку, обратилъ лице свое къ люкѣ, чтобъ на минуту отдохнуть.

„Наконецъ находя себя принужденнымъ вытти, сказалъ Ролю, что мнѣ кажется, необходимо надобно выбросить порохъ въ море. Онъ не могъ на то рѣшиться. „Естьли мы выбросимъ „порохъ, сказалъ онъ мнѣ, то по видимому не должно намъ бояться опасности отъ огня; но чтожъ съ нами „произойдетъ, когда нападутъ на насъ „непріятели, съ коими должно будетъ „сражаться, и какое средство будетъ „къ нашему защищенію?„

„Между тѣмъ пожаръ не уменьшался; смрадъ и густота дыма не допускали никого быть въ исподи корабля. Взяли топоръ, и въ нижнемъ мосту къ кормѣ сдѣлали большіе просѣки, въ кои лили въ великомъ количествѣ воду, не переставая притомъ лить ее въ люки. Три уже недѣли тому было, какъ спустили въ море большую шлюпку; теперь спустили также и ботъ, стоявшій на верхней палубѣ, потому что онъ причинялъ затрудненіе черпавшимъ воду. Ужасъ былъ не вообразимой; ничего не представлялось намъ, кромѣ огня и воды — стихіи страшныя, угрожавшія намъ неизбѣжною погибелью. Не видно было ни земли, никакого либо корабля вблизи. Корабельные служители начали выходить и выбѣгать тайно со всѣхъ сторонъ за борты, и спустившись по канатамъ (*вантамъ*) бросались съ нихъ въ воду, плыли къ шлюпкѣ или къ боту, влазили въ оные, прятались подъ гребными лавками или подъ деками, и дожидались того, пока ихъ соберется больше, и можно будетъ имъ удалиться.

„Роль нечаянно пошедши въ галлерею, ужаснулся, увидя такое множество людей въ ботѣ и шлюпкѣ. Они кричали ему, что пускаются въ море и

приглашали его сѣсть съ ними вмѣстѣ. Ихъ убѣжденія и грозившая опасность понудили его согласиться на сіе предложеніе. Приплывши къ шлюпкѣ; сказалъ онъ имъ: друзья мои, надобно дождаться Капитана. Но его приказовъ и совѣтовъ уже болѣе не слушались. Какъ скоро онъ сѣлъ, то отрубивши канаты удалились отъ корабля.

„Между тѣмъ я безпрестанно давалъ нужные приказы, и поощрялъ къ работѣ, какъ вдругъ нѣкоторые изъ оставшихся со мною, пришедши ко мнѣ, съ великимъ ужасомъ сказали: „Что съ нами будетъ, Капитанъ! шлюпка и ботъ въ морѣ!„ . . Естьли насъ покидаютъ, сказалъ я имъ, то видно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ назадъ не возвращаться.„ Взбѣжавши тотчасъ на верхнюю палубу, я дѣйствительно увидѣлъ, что бѣглецы спѣшатъ удалиться. Корабельные парусы были уже на мачтѣ, и большой парусъ на горденяхъ. Я тотчасъ закричалъ матросамъ: „Скорѣе распустимъ парусы и ихъ догонимъ; а естьли они откажутся насъ принять въ шлюпку, то пустимъ корабль свой на нихъ, и научимъ ихъ знать свою должность!„

„Дѣйствительно мы приближились къ нимъ на разстояніе трехъ долготъ

корабельныхъ; но они пользуясь вѣтромъ отъ насъ удалились. Тогда я сказалъ бывшимъ со мною: „Друзья „мои, вы видите, что намъ не начто „больше надѣяться, какъ на милосердіе Божіе и на собственное наше старанiе; надобно его усугубить, погасить огонь. Бѣгите въ пороховой магазинъ и выбросьте порохъ въ море, „пока еще огонь до него не дошелъ.„ Я съ своей стороны взялъ плотниковъ и велѣлъ имъ, какъ можно скорѣе продѣлывать въ кораблѣ скважины большими долотами и буравами, чтобы напустить въ него воды вышиною сажени въ полторы. Но сiи орудiя не могли пройти сквозь снасти, потому что они укрѣплены были желѣзомъ.

„Сiе препятствiе распространило ужасъ неизобразимой. Повсюду раздавались вопли и рыданiя. Мы принялись опять лить воду, и казалось, будто пожаръ уменьшился; но чрезъ короткое потомъ время загорѣлось масло. Тогда-то мы видѣли, что погибель наша неизбѣжна; чѣмъ больше лили воды, тѣмъ болѣе, казалось, умножался пламень. Масло и исходившее отъ него пламя распространялись повсюду. Въ семъ ужасномъ состоянiи

всѣ подняли отчаянные крики и рыданія, такъ что волосы у меня стали дыбомъ, и я чувствовалъ хладной потъ, разлившійся по всѣмъ моимъ членамъ.

„Не смотря на то работа продолжалась съ равнымъ жаромъ; всѣ лили воду въ корабль, и бросали порохъ въ море. Уже выбросили пороху шестьдесятъ полубоченковъ, но еще осталось триста. Какъ вдругъ и порохъ занялся, взорвало корабль, и въ одно мгновеніе раздробило его въ тысячу кусковъ. Насъ было еще на немъ числомъ сто девятнадцать. Я стоялъ тогда на палубѣ подлѣ снастей большаго паруса, и у меня было предъ глазами 63 человѣка черпавшихъ воду. Они вдругъ пропали изъ виду и исчезли какъ молнія, такъ что не можно сказать, куда они дѣвались. Всѣ прочіе имѣли ту же участь; а я ожидая погибели также, какъ и всѣ мои товарищи, простерши руки къ небу возопилъ: „Господи! яви мнѣ милосердіе твое!„ Хотя я чувствуя, что меня съ кораблемъ взорвало, почелъ себя погибшимъ: однако сохранилъ всю крѣпость моего разсудка, и ощутилъ въ сердцѣ нѣкоторую искру надежды. Съ воздуха упалъ я въ воду между отломковъ раздробленнаго корабля. Тутъ смѣлость

моя столь ощутительно оживилась, что я почувствовалъ себя какъ бы инымъ человѣкомъ. Оглядывая около себя, съ одной стороны усмотрѣлъ я большую, а съ другой бизань мачту. Взобравшись на большую мачту, осматривалъ съ нее всѣ плачевные предметы меня окружавшіе. Тогда съ сердечнымъ вздохомъ возопилъ я: о Боже! и такъ погибъ сей прекрасной корабль, какъ Содомъ и Гоморра!

„Нѣсколько времени пробылъ я не видя ни одного человѣка. Но между тѣмъ, какъ погруженъ былъ въ мысляхъ, показался на водѣ одинъ молодой человѣкъ вынырнувшій изъ воды и плававшій руками и ногами. Онъ ухватился за носовую стацую плававшую на водѣ, и сѣвши на нее сказалъ: и я еще живъ! Я услыша голосъ его вскричалъ: о Боже! такъ я не одинъ еще живъ? — Сей молодой человѣкъ назывался *Гарманъ Фанъ-Книфюйзенъ*, уроженецъ Ейдерской. Я увидѣлъ подлѣ него плававшую небольшую мачту. А какъ большая, на которой я сидѣлъ, не переставала ворочаться и кружиться, чѣмъ причиняла мнѣ великое безпокойство; то я сказалъ Гарману: „толкни ко мнѣ эту небольшую „мачту; я сяду на нее и пригребусь

„къ тебѣ, и мы оба сядемъ на ней вмѣ-
„стѣ.„ Онъ это сдѣлалъ; иначе бы мнѣ, разбитому отъ паденія и притомъ съ израненною и изломанною спиною, никакъ не возможно было къ нему приближиться. Сіи раны, коихъ я еще не успѣлъ чувствовать, открылись наконецъ и причинили мнѣ такую жестокую боль, что вдругъ казалось мнѣ, будто я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ. Мы находились одинъ подлѣ другаго, и оба держались руками за часть задней стороны галернаго носа. Глядѣли во всѣ стороны, надѣясь увидѣть ботъ или шлюпку. Наконецъ мы ихъ примѣтили, но очень далеко отъ насъ. Солнце спустилось уже за горизонтъ; тогда я сказалъ товарищу моего нещастія: „ Другъ мой, вся надежда
„наша изчезла. Ужъ поздо. Шлюпка и
„ботъ такъ далеко; а намъ никакъ не
„можно пробыть во всю ночь въ такомъ
„положеніи. Возвысимъ сердца наши къ
„Богу, и испросимъ у него спасенія пре-
„давъ себя въ его волю. „

„Мы стали молиться, и ощутили его милосердіе; ибо едва окончили мы свои мольбы, какъ вдругъ, поднявши глаза, увидѣли близко отъ себя ботъ и шлюпку. Какая неописанная радость для нещастныхъ, уже погибавшихъ!

Тотчасъ я закричалъ: спасайте, спасайте Капитана! Нѣкоторые матросы, услышавши мой голосъ, также начали кричать: Капитанъ еще живъ! Они приближились къ отломкамъ; но не отваживались ближе къ намъ подъѣхать, опасаясь, чтобъ не удариться объ толстые куски корабля. Гарманъ, которой при разрывѣ корабля мало былъ раненъ, чувствуя въ себѣ довольно крѣпости, пустился вплавь къ шлюпкѣ, и въ нее сѣлъ. Что касается до меня, то я кричалъ: „Естьли „вы хотите меня спасти, то непре„мѣнно надобно вамъ подъѣхать ко „мнѣ; я такъ избитъ, что никакъ „плыть не могу.„ Трубачъ, взявши съ шлюпки лотъ, бросился въ море и доплывши ко мнѣ, подалъ конецъ онаго мнѣ въ руки. Я обернулъ его около пояса, и съ сею помощїю благополучно добрался до судна; я нашелъ тамъ Роля, *Вильгельма фанъ Галена* и втораго кормчаго *Мейндерта Кринса*, съ корабля Горна. Они долго смотрѣли на меня съ удивленїемъ.

„Я велѣлъ сдѣлать сзади шлюпки небольшую качель, на которой можно бы помѣститься двумъ человѣкамъ. Я вошелъ въ нее, чтобъ нѣсколько отдохнуть; ибо такую чувствовалъ боль,

что не чаялъ долго жить; спина была у меня изломана, и я чувствовалъ смертельное мученіе отъ двухъ проломовъ въ головѣ. Однако сказалъ Ролю: „Мнѣ кажется, мы сдѣлаемъ хорошо, „естьли пробудемъ эту ночь близь ко„рабельныхъ отломковъ. Завтра, какъ „разсвѣнетъ, можемъ мы собрать нѣ„сколько съѣстныхъ припасовъ, а можетъ „быть найдемъ и компасъ, которой по„служитъ намъ къ открытію земли.„ *Съ такою-то торопливостію всякой спасалъ жизнь свою*, что всѣ были почти безъ пищи. Что касается до компасовъ, то главной кормчій, которой подозрѣвалъ, что большая часть изъ экипажа хотѣли оставить корабль, прибралъ ихъ изъ каюты; однако это не могло ни ихъ удержать отъ исполненія своего предпріятія, ни сохранить его самаго отъ погибели.

„Роль пренебрегши мой совѣтъ, велѣлъ грести веслами, какъ будто днемъ. Но проплававши всю ночь, надѣясь открыть берегъ при восхожденіи солнца, увидѣлъ наконецъ себя весьма отдаленнымъ отъ своего чаянія, такъ что мы равномѣрно были отдалены отъ земли и отломковъ. Пришли ко мнѣ въ мое убѣжище навѣдаться, живъ ли я или умеръ. „Капитанъ, сказали мнѣ,

„что съ нами будетъ? Земли не видно, и мы не имѣемъ ни пищи, ни карты, ни компаса — — Друзья! сказалъ я имъ, надобно было меня послушать; „вчера въ вечеру я вамъ совѣтовалъ, „не удаляться отъ отломковъ. Я помню, что плавая на мачтѣ, видѣлъ „около себя сало, сыръ и другїе запасы. — — Любезный Капитанъ, сказали „они мнѣ съ чувствительностїю, выдь „къ намъ оттуда, и будь нашимъ предводителемъ. — Я не могу, отвѣчалъ я „имъ; такъ изувѣченъ, что не можно „мнѣ тронуться съ мѣста.„

„Однако съ помощїю ихъ вышелъ я и сѣлъ на палубѣ, откуда увидѣлъ всѣхъ матросовъ продолжавшихъ гресть на веслахъ. Я спросилъ, сколько у нихъ съѣстнаго запасу; мнѣ показали семь или восемь фунтовъ сухарей. „Перестаньте гресть, сказалъ я имъ, вы „изнурите себя по напрасну, и вамъ „нѣчего будетъ ѣсть для подкрѣпленїя „силъ своихъ.„ Они спросили у меня, чтожъ имъ дѣлать. Я присовѣтовалъ имъ скинуть съ себя рубашки, и здѣлать изъ нихъ парусы. Но у насъ не было нитокъ; я велѣлъ взять связки веревокъ, которые находились на шлюпкѣ для запасу; ссучили изъ нихъ толстыя нити, а изъ остатку ихъ дѣла-

ли брасы и мачтовые канаты; сему примѣру послѣдовали и въ ботѣ. Наконецъ симъ способомъ сшили вмѣстѣ всѣ рубашки, и составили изъ нихъ небольшіе парусы.

„Потомъ мы вздумали перечесть всѣхъ насъ: нашли сорокъ шесть человѣкъ въ шлюпкѣ и двадцать шесть въ ботѣ. На шлюпкѣ была одна матросская синяя епанча и подушка, которыя изъ сожалѣнія къ моему состоянію мнѣ уступлены были. Съ нами былъ лѣкарь, но безъ всякаго лѣкарства. Онъ взялъ прибѣжище къ сухарямъ: разжевавши прикладывалъ ихъ къ моимъ ранамъ, и при помощи Божіей излѣчилъ меня симъ средствомъ. Я хотѣлъ и свою рубашку отдать на парусы, но всѣ тому противились; и я могу хвалиться уваженіемъ, оказаннымъ мнѣ отъ всего экипажа.

„Въ первой день, между тѣмъ какъ работали надъ парусами, мы отдались на волю морскимъ волнамъ. Въ вечеру парусы были готовы; прикрѣпили ихъ къ мачтамъ и распустили; это было 20 го Ноября. Мы слѣдовали теченію звѣздъ, коихъ восхожденіе и захожденіе знали совершенно. По ночамъ холодъ былъ пронзителенъ, а дневной зной нестерпимъ, потому что солнце стоя-

ло надъ нашими головами перпендикулярно. 21 го и два слѣдующихъ дня занимались мы дѣланiемъ нокшурнала для измѣренiя высоты; начертили на декѣ кадрантъ, и приготовили шестъ съ поперечниками. *Тейнисъ Зибрандцъ*, корабельной столяръ, имѣлъ у себя циркулъ, и нѣсколько зналъ, какимъ образомъ должно замѣчать магнитную стрѣлку. Помогая другъ другу взаимно, мы сдѣлали арбалетъ, годной къ употребленiю. Я начертилъ на доскѣ морскую карту и изобразилъ на оной островъ Суматру, Яву и проливъ Зондской (1), раздѣляющiй оба сiи острова. Въ день нашего злополучiя, измѣряя высоту, нашелъ я, что мы находимся на пятомъ градусѣ съ половиною Южной широты, и карта показывала, что мы отдалены за двадцать миль отъ земли; я начертилъ еще и компасъ, и всякой день дѣлалъ вычетъ. Мы правили нѣсколько выше Юга ко входу въ проливъ, въ томъ намѣренiи, чтобъ выбрать способнѣйшiй путь открывши землю.

„Вся наша провизiя состояла изъ семи или осьми фунтовъ сухарей; этотъ запасъ я раздѣлилъ на порцiи для каждаго дня, и пока его доставало, давалъ всякому свою. Но скоро онъ

весь изошелъ, не смотря на то, что на порцію доставался каждому небольшой кусокъ толщиною въ дюймъ. У насъ не было также воды; когда шелъ дождь, то разстилали парусы, собирали воду, и сливали ее въ двѣ небольшія бочки, которыя только и удалось намъ захватить. Эту воду сберегали для тѣхъ дней, когда не было дождя.

„Впрочемъ не смотря на сію крайность, весь экипажъ принуждалъ меня брать съ изобиліемъ всего того, что для меня нужно было; потому что всѣ, какъ они говорили, имѣли нужду въ моемъ пособіи, и что при такомъ многолюдствѣ уменьшеніе людей было бы мало чувствительно. Мнѣ весьма пріятно было видѣть такія въ нихъ ко мнѣ чувствованія; но я не хотѣлъ брать ничего больше другихъ. Ботъ старался слѣдовать за нами. Но какъ мы плыли быстрѣе, и притомъ въ ботѣ никого не было знающаго мореплаванія, то при всякомъ случаѣ, какъ удавалось имъ приближаться къ намъ, или кому нибудь изъ нихъ перейти на наше судно, всѣ прочіе просили неотступно принять ихъ въ шляпку; потому, что они боялись сбиться съ дороги или разстаться съ нами при какомъ нибудь случаѣ. Нашъ экипажъ

на шлюпкѣ весьма упорно тому противился, и представлялъ мнѣ, что это можетъ подвергнуть всѣхъ насъ погибели.

„Наконецъ дошли мы до крайности; сухарей у насъ совсѣмъ не стало, и земли еще не видно было. Всѣми способами я старался увѣрить нетерпѣливыхъ моихъ спутниковъ, что мы недалеко отъ земли; однако не могъ ихъ подкрѣпить долго сею надеждою; они начали роптать противъ меня самаго говоря, что я обманываюсь въ вычетѣ пути, и вмѣсто того, чтобъ плыть къ землѣ, будто правлю въ море. Голодъ сдѣлался несносенъ, какъ вдругъ небо благоволило послать къ намъ стадо морскихъ рыболововъ, которые чрезъ шлюпку летѣли съ такою медленностїю, что казалось сами искали того, чтобъ ихъ ловили. Они опускались такъ низко, что мы ихъ удобно могли доставать и каждой изъ насъ поймалъ по нѣскольку. Тотчасъ ощипали ихъ и стали ѣсть сырыхъ; это мясо показалось намъ очень вкусно, и я признаюсь, что въ жизни моей не находилъ никогда и въ самомъ меду такой прїятности. Однако такой легкой обѣдъ не могъ сохранить нашу жизнь на долго.

„Еще провели мы остатокъ дня не видя земли. Всѣ матросы пришли въ такое унынїе, что, какъ скоро ботъ къ намъ приближился, и находившїеся въ немъ стали заклинать насъ опять, чтобъ мы приняли ихъ въ шлюпку; то всѣ положили, что какъ смерть предстояла неизбѣжная, то должно всѣмъ умереть вмѣстѣ. И такъ ихъ приняли, и сняли съ бота всѣ весла и парусы.

„Тогда въ шлюпкѣ стало 30 веселъ, которые мы расположили на лавкахъ на подобїе покрышки или палубы. Былъ у насъ также большой парусъ, бизань-мачта, кормовая мачта и блиндъ. Шлюпка была такъ глубока, что можно было сидѣть подъ покрышкою веселъ. Я раздѣлилъ весь экипажъ на двѣ партїи, изъ которыхъ одна находилась подъ покрышкою, а между тѣмъ другая сверьху оной, и они взаимно перемѣнялись. Насъ было семдесять два человѣка, и одинъ на другаго бросали такїе печальные и отчаянные взоры, какїе только можно вообразить въ людяхъ умирающихъ отъ голоду и жажды, и не видящихъ болѣе ни рыболововъ, ни дождя.

„Когда отчаянїе начало заступать мѣсто печали, то мы увидѣли вели-

кое множество изъ моря вышедшихъ летучихъ рыбъ, величиною съ преполстую бѣлую рыбицу, которыя сами влетали въ шлюпку. Всѣ бросились на нихъ съ алчностїю, и раздѣливши поѣли сырыхъ. Это подкрѣпленїе было слабо. Однако у насъ не было больныхъ; это тѣмъ болѣе удивительно, что не взирая на мои совѣты, нѣкоторые начали пить морскую воду. „Друзья мои, говорилъ я имъ, берегитесь пить соленую воду; она не утолитъ вашей жажды, а только причинитъ вамь такой поносъ, которому вы „пособить не можете.„ Одни грызли ядра и пули, а другїе пили свою собственную мочу, и я также пилъ свою; но какъ она была испорчена, то я долженъ былъ отказаться отъ сего бѣднаго пособїя.

„Такимъ образомъ бѣдствїе наше возрастало съ часу на часъ, и я видѣлъ наконецъ, что наступало время отчаянїя. Начали поглядывать одни на другихъ свирѣпыми взорами, какъ бы готовы будучи другъ друга пожирать, и насыщаться тѣломъ своего ближняго; нѣкоторые стали уже и говорить объ этомъ, что дѣло доходитъ до такой гибельной крайности, и предлагали начать съ молодыхъ людей.

Столь жестокое предложенїе поразило меня ужасомъ, и вся моя твердость исчезла. Я обратился къ небесамъ, умолялъ ихъ не доводить насъ до такого варварства; я взывалъ, что такое искушенїе превосходитъ силы человѣческїя, коихъ границы извѣстны Богу. Тщетно покушался бы изобразить то, въ какомъ ужасномъ состоянїи находился я тогда, когда видѣлъ, что нѣкоторые изъ матросовъ уже и расположились начать сїе безчеловѣчное намѣренїе, и рѣшились напасть на молодыхъ людей. Я удерживалъ ихъ, убѣждая самыми трогательнѣйшими заклинанїями: „Друзья мои! говорилъ „я имъ, что вы хотите дѣлать? Какъ! „вы не чувствуете ужаса отъ такого „варварскаго дѣла? Прибѣгните къ небе-„самъ; Богъ воззритъ милосердымъ „окомъ на ваше бѣдствїе. Клянусь вамъ, „что мы не далеко отъ земли.„

„Наконецъ я показалъ имъ на картѣ ежедневное мѣстозначенїе, и какая гдѣ была высота. Они мнѣ отвѣчали, что я давно это твержу; что они не видятъ исполненїя моихъ увѣренїй, которыми я ласкалъ ихъ, и что они вѣрно думаютъ, что я или ихъ обманываю, или самъ обманываюсь. Однако они согласились на трехдневнїй

срокѣ, по прошествіи котораго, клялись, что ничто удержать ихъ не можетъ отъ ихъ намѣренія. Сіе ужасное рѣшеніе проникло до глубины моего сердца; я усугубилъ мои молитвы для испрошенія защиты, чтобъ руки наши не осквернилися гнуснѣйшимъ изъ всѣхъ пороковъ.

„Между тѣмъ время протекало, и приближеніе срока казалось для меня столь несноснымъ, что едва могъ я самъ себя защитить отъ того отчаянія, въ которомъ упрекалъ другихъ. Я слышалъ вокругъ себя такія рѣчи: о! естьлибы мы были на землѣ, то бы питались травою, какъ скоты. Я старался безпрестанно возобновлять свои увѣщанія; но силы наши начали на другой день ослабѣвать, равно какъ изчезла наша бодрость. Большая часть матросовъ не могли уже ни встать съ мѣста, ни стоять; Роль столько обезсилѣлъ, что не могъ даже съ мѣста тронуться. Не смотря на изнеможеніе, которое причиняли мнѣ раны, я былъ еще одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ, и чувствовалъ въ себѣ довольно силы ходить съ одного дека на другой.

„Это былъ второй день Декабря, а тринадцатой отъ нашего кораблекрушенія. Воздухъ здѣлался тяжелъ; по-

шелъ дождь, и подалъ намъ нѣкоторое облегченіе; притомъ была тишина, которая намъ позволила отвязать райны и растянуть ихъ по шлюпкѣ; мы подлезали подъ нихъ и пили дождевую воду, сколько кому хотѣлось, и налили двѣ небольшія бочки. Я былъ тогда у румпеля, и по вычету усматривалъ, что мы недалеко отъ береговъ. Я надѣялся, что воздухъ выяснится, пока буду находиться въ семъ постѣ, и потому не *хотѣлъ* его *оставить*. Однако густота тумана и безпрестанный дождь произвелъ такую пронзительную стужу, что я не могъ болѣе оной сносить, и велѣлъ одному штурману занять мое мѣсто. Онъ пришелъ къ румпелю, а я пошелъ къ прочимъ, и между ними нѣсколько согрѣлся.

„Едва штурманъ провелъ одинъ часъ на моемъ мѣстѣ, какъ перемѣнилась погода, и онъ увидѣлъ берегъ. Въ первомъ движеніи своей радости онъ закричалъ: Земля! земля! Всѣ почувствовали въ себѣ силы встать, и каждой хотѣлъ собственными глазами удостовѣриться въ такомъ благополучіи. И въ самомъ дѣлѣ это была земля. Тотчасъ поплыли на всѣхъ парусахъ, и прямо пустились къ берегу. Но приближаясь къ нему съ ужасомъ увидѣ-

ли преострыя скалы, о которыя разбивались волны съ такою силою, что мы не смѣли тутъ плыть. Однако намъ удалось войти въ небольшой заливъ, находящійся при островѣ, (ибо это былъ островъ). Тутъ бросили четырелапной якорь; у насъ оставался еще небольшой, съ помощію котораго мы прикрѣпились къ землѣ, и всякой спѣшилъ выскочить на землю.

„Съ крайнею нетерпѣливостію разсѣялись всѣ по лѣсамъ и по разнымъ мѣстамъ, въ которыхъ надѣялись найти какую нибудь пищу. Что касается до меня, то я лишъ только успѣлъ сойти на землю, какъ бросился на колѣни, цѣловалъ ее отъ радости и возсылалъ благодареніе къ небесамъ за ниспосланную намъ милость. Это былъ послѣдній день изъ тѣхъ трехъ, по окончаніи которыхъ положено было ѣсть молодыхъ матросовъ.

„На островѣ родились кокосовые орѣхи, но мы не могли найти прѣсной воды. И то почитали великимъ щастіемъ, что въ свѣжихъ кокосахъ есть нѣкоторая жидкость; ею утоляли свою жажду, а въ пищу употребляли самыя старыя, у которыхъ ядра были тверды. Сія жидкость показалась намъ пріятнымъ напиткомъ, и не произвела бы ни-

чего другаго, а только послужила бы къ нашему подкрѣпленію, естьли бы мы употребляли ея съ умѣренностію. Но всѣ мы пили ее чрезмѣрно много, и тогоже дня почувствовали рѣзъ въ животѣ и нестерпимую боль, отъ чего принуждены были зарыться въ песокъ одинъ подлѣ другаго. Сіе кончилось сильнымъ испражненіемъ, которое возстановило на другой день наше здоровье. Мы обходили весь островъ, и не нашли на немъ ни малѣйшаго признака обитанія, хотя разные слѣды и доказывали, что прихаживали туда люди. Мы не находили тамъ другихъ произведеній, кромѣ кокосовыхъ орѣховъ. Нѣкоторые матросы видѣли змѣю, которая имъ показалась толщиною въ сажень.

„Наполнивши шлюпку старыми и молодыми кокосовыми орѣхами, въ вечеру подняли якорь, и направили путь къ острову Суматрѣ, которой усмотрѣли на другой день; онъ отстоитъ за сорокъ или за пятдесятъ миль отъ того, къ коему мы приставали. Около береговъ Суматры плыли мы на Востокъ до тѣхъ поръ, пока доставало у насъ съѣстныхъ припасовъ. Потомъ принужны будучи необходимостію сойти на землю, разъѣжжали около береговъ, и

не могли переплыть черезъ быстрины моря, разбиваемаго прибрежными скалами. Въ такой крайности находясь, и боясь подвергнуться прежнему бѣдствію, рѣшились мы на то, чтобы четверо или пятеро изъ лучшихъ пловцовъ пустились вплавь къ берегу, и тамъ выбрали бы мѣсто способное для пристани. Они доплыли благополучно и пошли вдоль берега, а между тѣмъ мы провожали ихъ глазами. Наконецъ нашедши рѣку, показали намъ знаками, чтобъ мы слѣдовали за ними.

„Приближаясь усмотрѣли мы передъ устьемъ рѣки отмѣль, о которую море ударялось еще съ большимъ стремленіемъ. Я не имѣлъ смѣлости, покрайней мѣрѣ не хотѣлъ приступить къ тому безъ общаго на то согласія. По моему приказанію всѣ стали въ рядъ, и я спрашивалъ у каждаго его мнѣнія. Они согласились всѣ преодолѣть опасность. Я велѣлъ на каждой сторонѣ кормы держать по одному веслу въ отразительномъ положеніи, и при каждомъ сѣсть по два человѣка; самъ сталъ править рулемъ; пошелъ прямо пересѣкая волны. Первой валъ наполнилъ шлюпку водою до половины; должно было съ поспѣшностію выливать ее шляпами, сапогами, и всѣмъ

что только можно было на то употребить; но второй валъ привелъ насъ въ такое разстройство, что мы не могли управлять судномъ, и я почиталъ уже погибель нашу неизбѣжною: „Друзья мои! вскричалъ я, держите шлюпку въ равновѣсіи, и усугубьте ваши силы, выливая воду; иначе мы невозвратно погибнемъ.„ Всѣ стали выливать воду со всевозможною поспѣшностію; между тѣмъ пришелъ и третій валъ, но гораздо меньшій, почему воды не много вновь прибавилось въ шлюпкѣ, иначе же мы бы погибли непремѣнно: въ то же самое время приливъ зачалъ уменьшаться, и мы переѣхали наконецъ сію ужасную быстрину. Отвѣдавши воду, нашли что она прѣсная; это щастіе привело въ забвеніе всѣ наши труды и ужасы. Мы пристали къ берегу прямо подлѣ рѣки, гдѣ берегъ былъ покрытъ хорошими травами, между коими нашли мы небольшіе бобы, какіе растутъ также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Голландіи. Первое наше дѣло было, съ жадностію припасть къ симъ бобамъ.

„Нѣкоторые изъ нашего экипажу, перешедши на одинъ мысъ, представившійся ихъ взорамъ, нашли тамъ табакъ и огонь. Новая причина къ чрез-

вычайной радости. Сїи знаки явно показывали, что мы недалеко отъ людей. У насъ въ шлюпкѣ было два топора; мы нарубили дровъ, и развели въ разныхъ мѣстахъ большїе огни; всѣ мы сѣли въ кружокъ, и стали курить найденной табакъ.

„Къ вечеру развели еще больше огонь; а чтобъ быть безопасну отъ внезапнаго нападенїя, то я поставилъ трехъ караульныхъ около нашего небольшаго лагеря. Луна была въ ущербѣ. До полуночи ничего съ нами не случилось, кромѣ сильнаго въ животѣ рѣзу, который происходилъ отъ излишняго употребленїя бобовъ. Но въ самое то время, какъ мы мучились болѣзнїю, караульные дали намъ знать, что жители той страны приближаются въ великомъ числѣ. Не льзя было иначе думать, что они имѣли намѣренїе при темнотѣ ночной учинить на насъ нападенїе. Все наше оружїе состояло въ двухъ топорахъ и въ заржавѣлой шпагѣ, и мы были такъ слабы, что едва доставало у насъ силы двигаться.

„Однако сїе извѣстїе всѣхъ ободрило, и самые безсильные не могли рѣшиться погибнуть не защищаясь. Взявши въ руки горящїя головни, побѣжали съ

ними противъ непріятелей. Искры летѣли во всѣ стороны, и отъ того зрѣлище сдѣлалось ужаснымъ. Впрочемъ островитяне не могли быть увѣрены въ томъ, что у насъ нѣтъ оружія; и такъ они ударились въ бѣгство, и скрылись за лѣсомъ. Люди наши возвратились опять къ огнямъ, гдѣ провели остатокъ ночи въ безпрестанномъ безпокойствѣ; а мы съ Ролемъ почли для предосторожности за лучшее войти въ шлюпку, дабы обезопасить себя покрайней мѣрѣ симъ средствомъ отъ всякаго нещастія.

„На другой день, при восхожденіи солнца, трое островитянъ, вышедши изъ лѣсу, приближались къ берегу. Мы послали къ нимъ на встрѣчу троихъ изъ экипажу, которые путешествовали уже въ Индіи, и нѣсколько знали обычаи и языкъ сей земли. Первой вопросъ, на которой должно было имъ отвѣчать, былъ сей: какой мы націи. Съ нашей стороны сдѣлали на ихъ вопросъ удовлетвореніе, и изъяснили имъ, что мы нещастные купцы, потерявшіе корабль отъ пожарнаго случаю; сверхъ того спрашивали у островитянъ, можно ли достать у нихъ съѣстныхъ припасовъ въ промѣнъ за товары. Въ продолженіе сего разговора островитяне

непрестанно подвигались къ шлюпкѣ, и приближившись къ ней съ великою смѣлостiю, хотѣли узнать, естьли у насъ оружiе. Я велѣлъ по шлюпкѣ растянуть парусы, потому что не довѣрялъ ихъ любопытству. Имъ отвѣтствовано было, что у насъ много ружьевъ, пороху и пуль. Тогда они насъ оставили, и обѣщались принести сарачинскаго пшена и куръ. Мы собрали денегъ около 90 реаловъ, и заплатили тремъ островитянамъ за нѣсколько вареныхъ куръ и сарачинскаго пшена, которое они къ намъ принесли. Казалось, они были очень довольны сею цѣною. Я совѣтовалъ людямъ нашимъ принять на себя видъ смѣлой. Мы сѣли неробко на травѣ, и насытившись добрымъ обѣдомъ, стали держать опять совѣтъ. Трое островитянъ присутствовали при семъ пиршествѣ, и должны были удивляться нашему аппетиту. Мы спрашивали у нихъ, какъ называется земля; но изъ отвѣту ихъ не могли понять, это ли островъ Суматра, или нѣтъ. Однако мы въ томъ удостовѣрились, что это былъ онъ, когда они намъ рукою указали, что Ява лежитъ ниже, и мы безъ трудности могли выразумѣть, что они хотѣли наименовать Жана Коеня, Гол-

ландскаго Генерала, бывшаго тогда главнымъ начальникомъ на семъ островѣ. Мы почти совершенно удостовѣрились, что находимся на пути къ Явѣ, и радовались тѣмъ болѣе, что до сего времени сомнѣвались, куда направить путь, будучи въ неизвѣстности по неимѣнію компаса.

„Къ совершенному нашему успокоенію недоставало у насъ только съѣстныхъ припасовъ. Я вознамѣрился сѣсть съ четырьмя человѣками въ небольшую на берегу стоявшую лодку и плыть по рѣкѣ вверхъ къ тому селенію, которое мы издали примѣтили, чтобъ купить тамъ столько съѣстныхъ припасовъ, сколько можно было на остальныя собранныя нами деньги. Поспѣшивши ѣхать, я скоро купилъ сарачинскаго пшена и куръ. Все сіе отослалъ съ великимъ тщаніемъ къ Ролю, и съ такимъ приказомъ, чтобъ онъ въ раздѣлѣ соблюдалъ равенство, и не подалъ бы никакой причины къ жалобамъ. Я съ своей стороны имѣлъ прекрасной обѣдъ съ своими товарищами въ деревнѣ, и нашелъ тамъ пріятной напитокъ. Это было нѣкотораго роду вино доставаемое изъ деревъ, и отъ него можно было охмѣлѣть.

„Между тѣмъ какъ мы ѣли, жители сидѣли около насъ и сопровождали каждой кусокъ нашъ жадными взглядами. Послѣ обѣда купилъ я у нихъ буйвола, за котораго заплатилъ пять реаловъ съ половиною; но онъ былъ такъ дикъ, что мы не могли его ни поймать, ни пригнать, хотя употребили на то и много времени. Ужъ становилось поздо. Я хотѣлъ было съ людьми своими возвратиться на шлюпку, предполагая опять прiѣхать сюда на другой день; но люди мои стали просить меня, чтобъ ихъ оставить на эту ночь въ деревнѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто ночью удобнѣе будетъ поймать буйвола. Я на то не соглашался и всячески убѣждалъ ихъ оставить сiе намѣренiе; но усильныя прозьбы ихъ принудили меня уступить; и такъ, я далъ имъ волю дѣлать, что хотятъ. Самъ возвратился къ берегу рѣки, и нашелъ подлѣ лодки нѣсколько островитянъ, показавшихся мнѣ спорющими. Подумавши, что у нихъ споръ былъ о томъ, что однимъ хотѣлось отпустить меня назадъ, а другiе тому противились; я взялъ двухъ изъ нихъ за руки, и съ повелительнымъ видомъ пихнулъ ихъ на лодку. Они смотрѣли на меня свирѣпыми взорами; однако дали

весть себя до самой лодки, и безъ всякаго сопротивленія вошли со мною въ оную. Одинъ сѣлъ назади, а другой спереди. Потомъ стали они грести веслами. Я примѣтилъ, что у каждаго изъ нихъ у боку было по кинжалу, и слѣдовательно моя жизнь была въ ихъ рукахъ. Когда мы нѣсколько отплыли, то одинъ, сидѣвшій назади, подошелъ ко мнѣ на средину лодки, гдѣ я стоялъ, и объяснилъ мнѣ своими знаками, что онъ требуетъ денегъ. Я вынулъ изъ кармана небольшую монету и далъ ему. Онъ взялъ ее, и поглядѣвши на нее нѣсколько минутъ съ сомнительнымъ видомъ, завернулъ въ лоскутокъ холста, которой у него былъ поясомъ. Сидѣвшій на носу лодки приступилъ ко мнѣ также, и дѣлалъ мнѣ тѣ же знаки. Я ему далъ другую монету, на которую онъ также смотрѣлъ съ обѣихъ сторонъ; но сей казался быть еще и того сомнительнѣе, принять ли, или сдѣлать на меня нападеніе, а это для него весьма было не трудно; потому что у меня не было оружія. Я видѣлъ великую опасность, и сердце у меня сильно билось.

„Между тѣмъ мы спускались внизъ по рѣкѣ, и тѣмъ скорѣе, что несло нашу лодку стремленіе отлива. На

половинѣ пути оба проводника мои начали говорить между собою съ великимъ жаромъ. Всѣ движенія ихъ, казалось, означали, что у нихъ было намѣреніе напасть на меня. Это меня устрашило, такъ что я трепеталъ. Ужасъ мой заставилъ меня обратить глаза къ Небу, и просить отъ него помощи, столь необходимой въ такой неминуемой опасности.

„Чудное вдохновеніе побудило меня пѣть; странное пособіе противъ страха! Я пѣлъ изъ всѣхъ своихъ силъ, отъ чего звукъ раздавался по лѣсамъ, которыми оба берега были покрыты. Оба островитяне начали хохотать, и отворяли ротъ столь широко, что я видѣлъ ихъ горло даже до половины; взгляды ихъ удостовѣряли меня, что они не примѣтили во мнѣ ни страху, ни недовѣрчивости. И такъ я оправдалъ то мнѣніе, которое слышалъ прежде совсѣмъ не понимая, что чрезмѣрной ужасъ заставляетъ насъ пѣть. Въ продолженіи сего пѣнія лодка шла столь быстро, что я началъ усматривать нашу шлюпку. Я сдѣлалъ людямъ нашимъ знаки, которые они примѣтили, и мнѣ уже видно было, какъ они бѣжали на берегъ рѣки. Тогда я оборотившись къ обоимъ гребцамъ сво-

имЪ, далЪ имЪ знать, что для пристанія кЪ берегу надобно имЪ обоимЪ сѣсть на носу, опасаясь, чтобЪ одинЪ изЪ нихЪ не напалЪ на меня сзади. Они повиновались мнѣ безЪ всякаго сопротивленія, и я вышелЪ спокойно на берегЪ.

„Когда увидѣли они меня вЪ безопасности среди моихЪ товарищей, то спросили, гдѣ ночевало столько людей. ИмЪ было сказано, что подЪ палатками, которыя находились вЪ виду. И дѣйствительно мы поставили шалаши изЪ вѣтвей и листьевЪ древесныхЪ. Они спросили еще, гдѣ спитЪ Роль и я, почитая насЪ знатнѣйшими; имЪ отвѣтствовано было, что мы спимЪ вЪ шлюпкѣ подЪ парусами; послѣ чего они возвратились вЪ лодку и поплыли назадЪ.

„Я расказалЪ Ролю и прочимЪ о всѣхЪ своихЪ приключеніяхЪ, встрѣтившихся со мною вЪ семЪ путешествіи, и обнадежилЪ ихЪ, что они увидятЪ на другой день четырехЪ нашихЪ товарищей сЪ буйволомЪ. Ночь прошла вЪ глубокомЪ спокойствіи; но по восхожденіи солнца пришли мы вЪ изумленіе, видя что не возвращаются наши люди, и стали подозрѣвать, что сЪ ними случилось какое нибудь нещастіе,

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, усмотрѣли мы двухъ островитянъ, которые къ намъ шли и гнали передъ собою скотину: это былъ буйволъ. Но я тотчасъ могъ примѣтить, что это не тотъ буйволъ, котораго я купилъ. Одинъ изъ матросовъ нашихъ, разумѣвшій нѣсколько ихъ языкъ, спросилъ у двухъ черныхъ, для чего они пригнали не того буйвола, котораго продали, и гдѣ наши четыре человѣка. Они отвѣчали, что не можно было привести другаго, и что люди вслѣдъ за ними гонятъ еще одного. Этотъ отвѣтъ разсѣялъ нѣсколько наше безпокойство, и я замѣтилъ, что буйволъ рѣзво прыгалъ, и не меньше перваго былъ дикъ. Не медливши ни мало, велѣлъ я подрубить ему топоромъ ноги. Двое черныхъ увидѣвши, что онъ палъ, испустили ужасные вопли и крики.

„На сей крикъ двѣстѣ или триста человѣкъ островитянъ, которые скрывались въ лѣсу, выскочили поспѣшно, и побѣжали прямо къ шлюпкѣ, намѣреваясь по видимому намъ пересѣчь путь, дабы удобнѣе всѣхъ насъ перебить. Трое изъ людей нашихъ, которые развели небольшой огонь въ нѣкоторомъ отъ шалашей разстоянїи, примѣтили ихъ

намѣренïе и спѣшили дать намъ о томъ извѣстïе. Я вышелъ изъ лѣсу, и прошедши нѣсколько увидѣлъ сорокъ или пятьдесятъ непрïятелей, бѣгущихъ на насъ съ другой стороны лѣса. „Стой-„те храбро, кричалъ я всѣмъ; число „злодѣевъ сихъ не столь велико, чтобъ „намъ ихъ бояться! „ Но мы усмотрѣли еще большую толпу дикихъ, вооруженныхъ щитами, шпагами; и тогда-то, безпокоясь о нашемъ состоянïи, закричалъ я: „Друзья! побѣжимъ „къ шлюпкѣ; а естьли онй намъ отрѣжутъ путь, то мы пропали „ Мы побѣжали къ шлюпкѣ, а тѣ, которые не успѣли въ нее сѣсть, бросились въ воду и плыли къ намъ. Непрïятели наши преслѣдовали насъ до самой шлюпки. Къ нещастïю нашему ничего у насъ не было въ готовности къ такому скоропостижному и не меньше опасному удаленïю. Парусы были растянуты наподобïе палатки, отъ однаго конца шлюпки до другаго; и между тѣмъ, какъ мы тѣснились войти въ нее, островитяне, слѣдуя за нами близко, пронзили дротиками своими многихъ изъ людей нашихъ, такъ что внутренности у нихъ вывалились. Однако мы защищались двумя топорами и старою шпагою. Хлѣбникъ на-

ходившійся въ экипажѣ, рослой и сильной человѣкъ оборонялся шпагою съ успѣхомъ. Шлюпка наша прикрѣплена была къ землѣ двумя якорями, однимъ сзади, а другимъ спереди. Приблизившись къ мачтѣ, я закричалъ хлѣбнику: руби канатъ! Но пересѣчь его было не можно. Я подбѣжалъ къ кормѣ и положивши канатъ на рульную перекладину, закричалъ: руби! Такимъ образомъ легко было его пересѣчь. Матросы взялись за оной, и потащили шлюпку въ море. Тщетно островитяне покушались слѣдовать за нами въ воду; они не доставали дна и принуждены были оставить свою добычу.

„Мы собрали оставшихся людей своихъ, которые плавали по рѣкѣ. Тѣ изъ нихъ, кои не получили смертельныхъ ранъ, возвратились на судно, и небо благоволило, что вѣтеръ началъ дуть отъ земли, ибо до того времени вѣялъ онъ съ моря. Не можно было не признать въ томъ видимаго доказательства небеснаго покрова.

„Мы пустились на всѣхъ парусахъ до упомянутаго прежде канала, перешли съ удивительною удобностію мѣль и подводные камни, причинявшіе намъ прежде столь много затрудненія при

входѣ въ рѣку. Непрїятели наши воображая, что мы претерпимъ тамъ кораблекрушенїе, вышли на самой конецъ мыса, и дожидались тамъ, чтобъ насъ побить. Но вѣтеръ не переставалъ дуть для насъ попутной, и носъ шлюпки, поднявшись очень высоко, разсѣкалъ волны весьма удобно.

„Не успѣли мы избавиться отъ опасности, какъ вдругъ усмотрѣли, что хлѣбникъ, которой защищалъ насъ столь храбро, былъ раненъ ядовитымъ оружїемъ. Онъ получилъ рану выше пупа; мясо сдѣлалось уже черносинее. Я вырѣзалъ оное до жива, дабы тѣмъ остановить разлитїе яда; но болѣзнь, которую причинилъ ему вырѣзывая, не принесла никакой пользы; онъ упалъ мертвой передъ моими глазами, и мы бросили его въ море. Осматривая людей, нашли мы, что недоставало шестнадцати, изъ которыхъ одиннадцать убиты были на берегу. Мы горько оплакивали жребїй четырехъ злощастныхъ оставшихся въ деревнѣ. Ничего не было мучительнѣе, какъ крайняя необходимость ихъ покинуть. Впрочемъ мы почти не сомнѣвались, что они уже лишились жизни.

„Пользуясь благопрїятнымъ вѣтромъ, плыли мы около береговъ. Оста-

токъ пищи нашей состоялъ въ осьми курахъ, и небольшомъ количествѣ сарачинскаго пшена; все сіе было раздѣлено между пятьюдесятью человѣками: ибо насъ столько оставалось. Но какъ скоро голодъ началъ насъ мучить, то мы и принуждены были возвратиться на землю нашедши небольшую губу. Островитяне, которыхъ находилось на берегу великое множество, ударились въ бѣгство, какъ скоро увидѣли, что мы выходимъ на землю. Мы не надѣялись уже получить съѣстныхъ припасовъ: ибо довольно извѣдали, сколько вѣроломны сіи дикіе; но покрайней мѣрѣ нашли мы прѣсную воду. На ближнихъ утесахъ сыскали устрицъ и небольшихъ морскихъ улитокъ; ѣли ихъ съ великимъ вкусомъ, приправляя сіе кушанье перцомъ, котораго я сберегъ цѣлую шляпу, купивши онаго въ той деревнѣ, гдѣ осталось четыре нашихъ человѣка.

„Насытившись довольно, всѣ наполнили ими карманы, и вошли въ шлюпку, взявши двѣ небольшія бочки свѣжей воды. Я предложилъ, чтобы вышедши изъ губы, плыть нѣсколько поодаль отъ берега, дабы такимъ образомъ проѣхать большее пространство. Сему совѣту послѣдовали; но вѣтеръ,

началъ усиливаться, и превратился ночью въ жестокую бурю. Однако всѣ трудности и ужасы, какіе мы претерпѣли, послужили къ нашему спасенію: ибо естьли бы мы продолжали путь около берега, то бы не могли удержаться, чтобъ не взять отдохновенія близъ другаго залива, которой мы видѣли на томъ же острову; тамъ бы нашли жестокихъ непріятелей, которые недавно объявили войну Голландцамъ, и многихъ изъ нихъ уже умертвили.

,,На разсвѣтѣ увидѣли мы впереди себя три острова; рѣшились взять на нихъ роздыхъ; хотя и не почитали ихъ обитаемыми, надѣялись однако найти тамъ какую нибудь пищу. У одного мы остановились; онъ заросъ тростникомъ, называемымъ бамбу, толщиною въ ногу. Мы набрали его много, и всѣ колѣнцы пробили палкою, кромѣ исподняго. Трости сіи наполнили прѣсною водою, какъ будто боченки, и закрѣпили затычками. Такимъ образомъ мы изобильно запаслись водою. Тамъ росли и пальмовыя деревья, коихъ вершина была довольно мягка, и могла служить намъ въ пищу. Обѣгали весь островъ и не нашли на немъ ничего инаго.

„Въ одинъ день я находясь у подошвы довольно высокой горы, не могъ утерпѣть, чтобъ не взойти на вершину оной, надѣясь здѣлать какое нибудь наблюденіе, которое бъ могло намъ послужить къ показанію пути; мы искали тѣхъ мѣстъ, гдѣ Голландцы имѣютъ свои селенія въ сихъ странахъ.

„Мнѣ казалось, что сіе попеченіе лежало особенно на мнѣ, и что всѣ нещастные мои товарищи полагаютъ надежду на одного меня. Но не щитая того, что бѣдствія наши были для всѣхъ насъ общими, у меня не было ни компаса, ни другихъ навигаціонныхъ инструментовъ; притомъ же я никогда не путешествовалъ въ Восточную Индію: какъ же могъ я прекратить наше нещастіе!

„Бывши на вершинѣ горы, взоры мои терялись въ неизмѣримомъ пространствѣ неба и моря. Я, павши на колѣна, съ сердцемъ исполненнымъ горести простеръ молитву мою къ небесамъ съ неизобразимыми воздыханіями. Готовясь уже сойти внизъ, еще окинулъ глазами всѣ стороны около себя; показалось мнѣ, что я вижу съ правой стороны землю за облаками. Примѣчая далѣе, усмотрѣлъ двѣ высокія горы, которыхъ цвѣтъ мнѣ показался

синимъ. Пришло мнѣ на память, что я, бывши въ Гoорнѣ, слышалъ отъ Вильгельма Шутеня, которой дважды путешествовалъ въ Восточную Индїю, что на мысѣ острова Явы есть двѣ высокїя горы, которыя представляются синими. Мы приплыли къ этому острову, держась лѣвой руки при островѣ Суматрѣ, а сїи горы были вправо. Между ними видѣлъ я отверстїе, или пустоту, сквозь которую не видалъ земли; а мнѣ не безызвѣстно было, что проливъ Зондской находится между Суматрою и Явою. Сїи разсужденїя подали мнѣ поводъ заключить, что мы не ошиблись въ направленїи нашего пути.

„Я сошелъ внизъ съ великою радостїю, и спѣшилъ извѣстить о томъ Роля, что видѣлъ двѣ горы. Ихъ болѣе не видно стало, когда я ему о томъ расказывалъ, потому что облака ихъ закрыли. Но я присовокупилъ, что слышалъ отъ Шутеня, и подтвердилъ догадки свои другими доводами. Ролю показалось сїе вѣроятнымъ. „Соберемъ людей, сказалъ онъ мнѣ, и „поплывемъ въ ту сторону.„

„Сїе извѣстїе объявленное всему экипажу возбудило ихъ, поспѣшить запастися водою, бамбу, и пальмовыми

верьхушками. Пустились плыть на всѣхъ парусахъ; вѣтеръ былъ благопріятный нашему намѣренію. Мы направили путь свой прямо къ отверстію двухъ горъ, а во время ночи слѣдовали теченію звѣздъ. Около полуночи усмотрѣли огонь. Тотчасъ вообразили себѣ, что огонь сей свѣтится съ какого нибудь корабля, и что это должна быть карака. Но приближившись узнали, что это небольшой островъ въ проливѣ Зондскомъ, называемой *Dwars in de Weg, лежащій на пути.* Проплывши мысъ онаго, увидѣли еще огонь съ иной стороны, и по разнымъ знакамъ стали думать, что тутъ живутъ рыбаки.

„На другой день на разсвѣтѣ остановлены были безвѣтріемъ. Мы находились на берегу Явы, совсѣмъ того не зная. Одинъ матросъ взлѣзши на верьхъ мачты, закричалъ тотчасъ, что онъ видитъ множество кораблей. Онъ нащиталъ ихъ до двадцати трехъ. Радость наша была неизобразима; мы всѣ прыгали и кричали. Поспѣшно пустились на веслахъ по причинѣ безвѣтрія, и поплыли прямо къ сему флоту. Это былъ новой знакъ небеснаго покровительства: ибо иначе мы бы пріѣхали къ Бантаму, гдѣ не могли бы ожидать

себѣ ничего добраго, потому что Король сей страны велъ войну съ нашею націею; вмѣсто того чуднымъ промысломъ Божіимъ пали мы въ объятія друзей нашихъ и соотечественниковъ.

„Сіи двадцать три корабля были Голландскіе, подъ предводительствомъ Фридерика Гутмана Алькмарскаго. Онъ тогда былъ въ своей галлереѣ, откуда примѣтилъ насъ въ зрительную трубку. Крайне удивясь странности нашихъ парусовъ, и желая развѣдать, что то за новое зрѣлище, послалъ къ намъ на встрѣчу шлюпку, чтобы освѣдомиться, кто мы таковы. Находившіеся на оной тотчасъ насъ узнали: мы вмѣстѣ выѣхали съ ними изъ Текселя, а разстались уже въ Ишпанскомъ морѣ. Они пересадили Роля и меня на свою шлюпку, и отвезли насъ къ Адмиральскому кораблю, которой назывался Дортрехтскою Дѣвою. Тотчасъ мы были ему представлены. Прежде всего изъявивши намъ радость свою, что увидѣлъ насъ, не сталъ подробно распрашивать, а примѣтя, въ чемъ мы больше имѣли нужды, велѣлъ набрать на столъ, и сѣлъ кушать съ нами. Лишь только я увидѣлъ хлѣбъ и другія кушанья, какъ вдругъ сердце мое стѣснилось, слезы покатились изъ

глазъ, и я не имѣлъ силы ѣсть. Мои товарищи почти въ то же время прїѣхали за нами, и раздѣлены были по всѣмъ прочимъ кораблямъ флота.

„Адмиралъ велѣлъ себѣ разсказать всѣ наши приключенїя, и слушалъ ихъ съ великимъ удивленїемъ; потомъ велѣлъ посадить насъ на яхту, и отвесть въ Батавїю. Насъ осталось числомъ пятьдесятъ человѣкъ, и на другой день насъ туда отправили. Друзья, которыхъ мы нашли на флотѣ, снабдили меня и весь мой экипажъ платьемъ. Вступленїе наше въ городъ происходило въ наилучшемъ порядкѣ. Мы явились во дворецъ *Жана Пїетерца Коеня*, Генерала Компанїи; онъ еще не былъ увѣдомленъ о нашемъ прїѣздѣ: но когда мы дали о себѣ знать, то онъ принялъ насъ благосклонно. Надобно было удовольствовать его любопытство подробнымъ повѣствованїемъ; все сїе изобразилъ я тотчасъ въ слѣдующихъ короткихъ рѣчахъ:

„Господинъ Генералъ! мы выѣхали „28 Декабря 1618 го года, изъ Текселя, „на кораблѣ Новомъ Горнѣ; приближились уже къ проливу Зондскому и находились на высотѣ пяти градусовъ съ „половиною; тамъ загорѣлся корабль „нашъ 19 Ноября 1619, и насъ взорвало.„

Потомъ входя въ подробность всякаго обстоятельства въ нещастіи нашемъ, изъяснилъ ему, какъ все происходило, сколько потеряли мы людей, какъ меня взорвало съ кораблемъ, и какъ Небо спасло меня съ однимъ молодымъ человѣкомъ.

„Генералъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ мою повѣсть до самаго конца приключеній нашихъ, и сказалъ мнѣ хладнокровно: „Ну что же дѣлать? Пособить нечѣмъ! нещастіе великое!„ Потомъ одному изъ своихъ служителей сказалъ: Принеси золотую чашу... велѣлъ налить въ нее Ишпанскаго вина, и сказалъ: „Капитанъ! желаю вамъ лучшаго щастія; пью за ваше здоровье„... Онъ присовокупилъ: „Живи„те здѣсь; вы будете обѣдать со мною. „Я намѣренъ эту ночь отправиться къ „Бантаму, дабы лучше расположить на„шу армію; а вы оставайтесь здѣсь „до моего приказу, или пока я возвра„щусь.„ Онъ выпилъ также за здоровье Роля.

„Мы еще нѣсколько времени съ нимъ разговаривали. Ночью дѣйствительно выѣхалъ онъ въ Бантамъ. Во время отсутствія его мы продолжали пользоваться его столомъ цѣлые восемь дней, какъ онъ приказывалъ. На-

конецъ открылся случай къ нашему помѣщенію; онъ не дожидался, чтобъ мы ему напомнили о его обѣщаніи. Потребовалъ меня къ себѣ къ Бантаму, и наложилъ на меня должность Капитана на караблѣ *Бержерботѣ.* Черезъ два дня потомъ назначилъ Роля Комисаромъ или маркитантомъ на томъ же караблѣ. Мы крайне тому радовались, что находились опять вмѣстѣ на семъ караблѣ, въ тѣхъ же должностяхъ, какія имѣли на Новомъ Горнѣ.,, —

Теперь предложимъ здѣсь сокращенно тѣ важнѣйшія происшествія, которыя приключились Капитану Бонтекое прежде возвращенія его въ отечество. Даже и послѣ сего случая не разъ отчаявался онъ его увидѣть.

Карабль Бержерботъ, которымъ онъ командовалъ, былъ о тридцати двухъ пушкахъ. Грузъ его состоялъ въ мясѣ, свиномъ салѣ, сарачинскомъ пшенѣ и военной аммуниціи для Голландскихъ крѣпостей, а особливо находящихся на Молукскихъ островахъ. Два другіе корабля, *Нептунъ* и *Утренняя Звѣзда*, имѣли тѣ же ордера, и были нагружены тѣмъ же запасомъ. Три корабля сіи выѣхали одинъ за другимъ въ первыхъ дняхъ 1620 года.

Бонтекое повѣствуетъ послѣ сего въ журналѣ своемъ о приключенїяхъ встрѣтившихся съ нимъ во время сего путешествїя; онъ оканчиваетъ его слѣдующимъ: описывая подробно, какъ Роль приставши къ острову Амбуану, сдѣланъ тамъ Комендантомъ крѣпости Батсїенской; какъ онъ, оставивши его въ ней, ѣздилъ на Молукскїе острова для снабденїя ихъ провизїею, и какъ наконецъ желая въ послѣднїй разъ съ Ролемъ проститься, прїѣхалъ опять въ Батсїенъ. Бонтекое принялъ тамъ около ста ластовъ сушенаго гвоздичнаго цвѣту, которымъ нагрузили его корабль возвращавшїйся назадъ, чтобъ отвезть оной въ магазины Компанїи. Разлука сихъ двухъ друзей была горестна; они обнимались съ нѣжностїю, мало имѣя надежды увидѣться впредь, и проливали слезы воспоминая тѣ нещастїя, какїя они претерпѣли вмѣстѣ. Нѣсколько времени спустя послѣ того Роль умеръ въ Малайѣ.

Бонтекое возвратясь въ Батавїю, отдалъ отчетъ въ путешествїи своемъ Генералу Коеню, которой изъявилъ ему свою признательность, и восхваля его дѣятельность и искусство, возлагалъ на него сряду двѣ другїя коммисїи, на которыя употребилъ онъ цѣлые два

года. Наконецъ онъ назначенъ былъ въ Голландскую экспедицію противъ Китайцовъ и Макаоскихъ Португальцовъ. Корабль его назывался *Гронингъ. Корнелій Рейертсъ* былъ главнымъ предводителемъ флота, состоявшаго изъ осьми военныхъ кораблей и многихъ яхтъ. Они подняли парусы изъ Батавіи 10го Апрѣля 1622 года.

Экспедиція сія была долговременна и убійственна. Бонтекое вошелъ въ Батавскую пристань не раньше 2 Апрѣля 1624 года. Компанія употребила его еще въ нѣкоторыя коммисіи, отправивъ на острова, лежащіе между Батавіею и Бантамомъ. Наконецъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ того года нашелъ онъ случай возвратиться въ Европу. Тогда снаряжали въ Батавіи корабли *Новую-Голландію*, *Гудъ*, и *Миддельбургъ*, дабы отправить ихъ въ Персію, а оттуда продолжать путь въ Соединенныя Провинціи. Бонтекое испросилъ у Генерала Карпентьера, заступившаго мѣсто Коеня, позволеніе ѣхать на одномъ изъ сихъ кораблей. Ему было позволено съ препорученіемъ должности Капитана на Новой Голландіи, кораблѣ прекрасномъ. Адмиралъ Рейертсъ, прибывшій въ то же время изъ Пискадора и намѣреваясь также возвратиться-

ся въ Европу, получилъ предводительство надъ сими тремя кораблями, и сѣлъ на Бонтекоинъ. Подняли парусы 6 Февраля 1625 года. Но судьба готовила имъ обоимъ величайшія бѣдствія, причинившія одному изъ нихъ смерть, а другому затруднившія сей возвратный его путь до того, что онъ пріѣхалъ въ отечество почти въ такомъ же жалостномъ состояніи, каково было въ пріѣздъ его въ Индію.

Едва минуло пять недѣль, какъ Рейертсъ занемогъ; состояніе трехъ кораблей отъ продолжительной бури сдѣлалось весьма критическимъ. Гудъ поглощенъ волнами со всѣмъ экипажемъ; Новая Голландія обязана спасеніемъ своимъ только искусству своего Капитана; а Миддельбургъ лишился уже всѣхъ мачтъ, и только получалъ помощь и подкрѣпленіе отъ Бонтекои. Но послѣ они стали разлучены, и никогда уже не видались.

30 го Марта, Бонтекое остановился у острова Мадагаскара въ губѣ Святаго Людовика; нужно было и подать облегченіе больнымъ, и починить корабль, весьма поврежденный отъ бурь. Спустя одинадцать дней послѣ того, какъ стали на якорь, Рейертсъ, коего болѣзнь безпрестанно усиливалась отъ

самаго начала бѣдствій трехъ сихъ кораблей, скончалъ въ горести жизнь свою. Компанія лишилась въ немъ дѣятельнаго и опытнаго Офицера. Смерть Адмирала чувствительно тронула Бонтекоя; онъ сдѣлалъ ему похороны со всевозможными почестями, какія только позволяло тогдашнее его состояніе.

25 го Апрѣля 1625, Новая Голландія, будучи починена, сколько то было возможно въ семъ мѣстѣ, и запасена обильно водою, лимонами и померанцами, вышла въ море въ довольно хорошую погоду, которая продолжалась даже до 10 Мая. Но послѣ поднялись столь жестокіе вѣтры, что корабль былъ игралищемъ разъяреннаго моря до 6 го Іюня. Бонтекое почти уже потерялъ надежду проѣхать Мысъ и намѣревался даже возвратиться назадъ въ Батавію, какъ вдругъ будучи увлеченъ противъ вѣтра быстротою морскихъ стремнинъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что миновалъ уже его, самъ того не примѣтя.

Остатокъ мореплаванія не что иное было, какъ стеченіе обыкновенныхъ происшествій, кромѣ двухъ или трехъ, которыя мы объявимъ нѣсколько подроб-

нѣе. Не безъ сожалѣнія оставляемъ мы Журналъ начальника сколько дѣятельнаго, столько и мудраго.

Радость экипажа Новой Голландіи была чрезмѣрна, когда они проѣхали сей ужасной Мысъ совсѣмъ не видавши. Бонтекое самъ не могъ довольно тому надивиться; онъ воспользовался симъ щастіемъ и направилъ путь свой къ острову Св. Елены, которой увидѣлъ 14 го Іюня. Плывши около береговъ, приближился къ церковной долинѣ, и усмотрѣлъ черезъ сію долину Ишпанскую караку, стоявшую на рейдѣ. Не взирая на разстройку корабля своего, Бонтекое употребилъ всѣ свои усилія, чтобъ подойти къ каракѣ, и нечаянно броситься на нее, думая, что съ сею нестройною громадою, у которой борты подняты чрезвычайно высоко, можно будетъ соединиться и удобно овладѣть ею. Шквалы (*) устремившіеся изъ за горъ на корабль, воспрепятствовали его намѣренію, и дали время Ишпанцамъ оттащить канатами судно, выгрузить пушки, и поставить на берегу батареи.

(*) Такъ называются прибрежные вѣтры, устремляющіеся на корабль изъ за горъ, какъ скоро онъ подойдетъ къ гористому берегу.

Между тѣмъ Голландцы будучи принесены однимъ шкваломъ къ сему нескладному судну на одинъ ружейной выстрѣлъ, вооружили свою шлюпку и послали ее къ Ишпанцамъ съ мирнымъ флагомъ. Сіи увидя такой маневръ, выслали также свою шлюпку. Они спрашивали, откуда ѣдетъ Голландской корабль. Имъ было отвѣтствовано, что онъ идетъ изъ Явы, и разставшись съ своими спутниками, непрестанно ихъ дожидается. Отвѣтъ Ишпанцовъ не менѣе былъ учтивъ, когда ихъ спросили, откуда они ѣдутъ; они сказали, что изъ Гои. Послѣ того Голландской начальникъ просилъ у нихъ позволенія взять воды: ибо онъ ихъ почиталъ за хозяевъ, по *той* причинѣ, что *они прежде на то мѣсто пріѣхали.* Онъ присовокупилъ также, *что* они уѣдутъ, какъ скоро наполнятъ бочки водою. Ишпанцы при послѣднемъ отвѣтѣ обошлись съ ними съ величайшими знаками презрѣнія, произнося многія ругательства, называя ихъ канальями: anda pietro, anda canaglia.

Посыланная шлюпка сообщила на кораблѣ извѣстіе о такихъ ругательствахъ: весь экипажъ раздраженъ сталъ до крайности. Бонтекое вздумалъ собрать совѣтъ. Послѣднее положеніе бы-

ло послать вторично, спросить позволенія объ водѣ, и дать Ишпанцамъ часъ сроку для рѣшенія. Послѣ чего, естьли они въ томъ упорствовать станутъ, то принуждены будутъ ихъ атаковать. Шлюпка возвратилась къ нимъ съ мирнымъ флагомъ. Они выслали опять судно на половину пути съ однимъ, какъ по одеждѣ его узнали, монахомъ. Голландской шкиперъ возобновилъ свои предложенія, но не получилъ отъ нихъ въ отвѣтъ ничего, кромѣ ругательствъ. По возвращеніи шлюпки, Бонтекое велѣлъ позвонить въ колокольчикъ, и начать молитву. На шпиляхъ поставили песочныя часы получасовыя; какъ скоро они высыпались, то изъ Голландскихъ пушекъ произведенъ былъ по каракѣ ужасной огонь; прямо въ нее пришлись выстрѣлы. Переднїй ея бокъ (возвышеніе напереди корабля) казался наровнѣ съ коробами бизань-мачты Голландской. Таково-то было дѣйствіе залповъ съ Новой Голландіи, что только слышанъ былъ трескъ отъ досокъ раздробляемыхъ ядрами.

Огонь на каракѣ скоро прекратился; но изъ батареи, построенной Ишпанцами на берегу, продолжалась пальба безпрерывно и всѣ почти выстрѣлы

доставали. Нѣкоторые изъ Голландскаго экипажу ранены, между прочими у втораго плотника разбита нога. Бонтекое опасаясь, чтобъ не пойти на дно, вознамѣрился завести корабль свой за нѣкоторыя скалы; сїе дѣйствїе не прежде было кончано, какъ при наступленїи ночи, и корабль поставленъ подъ прикрытїемъ отъ устрашавшей ихъ батареи. Потомъ собранъ совѣтъ, и сдѣлана справка о количествѣ оставшейся на кораблѣ воды. По сдѣланному вычету оказалось, что достанется на человѣка въ день не болѣе четырехъ полусетье воды, для совершеннаго окончанїя остальнаго пути. Тогда Офицеры спрашивали у матросовъ, хотятъ ли они довольствоваться симъ запасомъ до самой Голландїи, или сражаться съ Ишпанцами, притомъ безъ всякой надежды отогнать ихъ отъ водоема. Голоса были собраны. Положено продолжать путь въ томъ самомъ состоянїи, въ какомъ тогда корабль находился. И такъ Бонтекое велѣлъ сняться съ якоря.

День насталъ; Ишпанцы видя, что Голландской корабль отводятъ съ помощїю шлюпки, собрались на берегъ, и дѣлали многократные ружейные выстрѣлы, чѣмъ крайне обезпокоивали

Голландцовъ. Однако пощастливилось имъ оттуда удалиться, хотя съ великимъ трудомъ и опасностїю. Бонтекое признается, что естьлибы промедлили хотя одинъ часъ, то бы многїе изъ людей его погибли. Впрочемъ онъ радовался, что за него отомщено, когда въ послѣдствїи времени узналъ чрезъ депеши, полученныя отъ шести Голландскихъ кораблей, остановившихся на томъ же самомъ мѣстѣ, что карака погибла отъ послѣдствїй выдержаннаго сраженїя; покрайней мѣрѣ тѣ шесть кораблей видѣли погибель сего судна; экипажъ кораблей сихъ не могъ, также, какъ и Бонтекое, получить воды; потому что Ишпанцы, выгрузивши весь грузъ изъ корабля своего, окопались на берегу со всею своею артиллерїею, и находились подъ прикрытїемъ отъ огня Голландцевъ.

Плаванїе корабля Новой Голландїи ничѣмъ уже не было остановлено, кромѣ непогодами. Наконецъ 15 Октября увидѣли землю, и скоро узнали, что то Ирландїя. Бонтекое вошелъ въ Кингзальскую пристань, но съ нѣкоторою недовѣрчивостїю, ибо примѣтилъ тамъ одинъ Англїйской военной корабль; притомъ ему не безъизвѣстно было, что

Голландская Компанія находится въ несогласіи съ Англіею. Осторожный Бонтекое велѣлъ стать на якорь подалѣе отъ береговъ, и не позволялъ матросамъ отлучаться съ корабля въ великомъ числѣ. Однако его обезпечилъ самъ Англійской Капитанъ, обьявивши ему, что онъ не имѣетъ повелѣнія его атаковать. „Сіе объявленіе, говоритъ „Бонтекое, не успокоило меня совершен-„но. Я пригласилъ его къ хорошей „пирушкѣ на берегъ, гдѣ приготовили „большой балъ, и довольно много пили. „Среди веселія и радости, когда я „примѣтилъ, что онъ сдѣлался откро-„вененъ, убѣждалъ его сказать мнѣ, „не имѣетъ ли онъ приказанія насъ „атаковать. Онъ отвѣчалъ, что не „имѣетъ, что въ самомъ дѣлѣ, какъ „скоро мы вошли въ пристань, послалъ „онъ въ Англію объ насъ извѣстіе, но „не получалъ еще никакого отвѣта.„

Безпокойство Бонтекои скоро совершенно прекратилось, когда пришли два Голландскіе корабля, посланные для его прикрытія. Ему оставалось только укротить невоздержность и пьянство своихъ матросовъ. Большая часть изъ нихъ вышли въ Кингзаль. Повторенныя отъ него приказанія не сильны были вызвать ихъ на корабль; онъ

рѣшился просить о томъ градоначальника; но сей отвѣчалъ ему, что онъ не знаетъ никакого средства принудить матросовъ возвратиться на корабль. Бонтекое тѣмъ не успокоился; онъ вздумалъ посѣтить жену сего правителя, и подарить ей штуку полотна; сей подарокъ склонилъ ея мужа. При вторичномъ свиданіи согласились они между собою, чтобъ правитель во всемъ городѣ обнародовалъ съ барабаннымъ боемъ *приказаніе*, что, естьли кто повѣритъ матросамъ Восточно-Индѣйскаго Голландскаго корабля болѣе, нежели на семь шилинговъ, то заимодавцы всего лишатся. Сія хитрость произвела успѣхъ желанный. Не было ни одного матроса, которой бы остался долженъ свыше семи шилинговъ: ибо ихъ принуждали платить, и никто не хотѣлъ ничѣмъ болѣе ихъ снабдѣвать безъ наличныхъ денегъ. Они воротились къ Бонтекою для испрошенія денегъ въ уплату издержекъ, намѣреваясь притомъ и еще тоже продолжать. Вмѣсто того онъ велѣлъ поднять якорь въ виду тѣхъ, которые были еще на землѣ, и вышедши изъ залива, пустился въ море. Тогда бывшіе еще въ городѣ сѣли съ поспѣшностію въ барки и боты, чтобъ соединиться съ кораб-

лемъ, съ ними вмѣстѣ пріѣхали и ихъ заимодавцы, которымъ старые долги выплачены на щетъ должниковъ. Однако трое или четверо матросовъ остались въ Кингзалѣ; они дали брачное обѣщаніе дѣвицамъ, на которыхъ послѣ и женились. Бонтекое продолжалъ путь свой подъ прикрытіемъ двухъ судовъ, и вошелъ благополучно въ Зеландскую пристань, 15 Ноября 1625 года. Сошедши на отечественную землю, благословлялъ онъ Небо, освободившее его отъ толикихъ опасностей во время семилѣтняго путешествія.

Намѣреніе его было окончить свое повѣствованіе тѣмъ, какъ онъ возвратился въ любезное свое отечество; но разсудивши, что Читателямъ любопытно знать о Миддельбургѣ, котораго оставилъ онъ въ плачевномъ состояніи, даетъ нѣкоторыя извѣстія о жребіи сего злощастнаго корабля.

Оставляя Мадагаскаръ, Бонтекое ласкался надеждою найти опять Миддельбургъ у острова Св. Елены; но тщетно: онъ его не видалъ. Въ послѣдствіи времени Капитанъ Биренбротъ, остановясь у Мыса Доброй Надежды при возвращеніи своемъ изъ Индіи, нашелъ тамъ письма, оставленныя Офи-

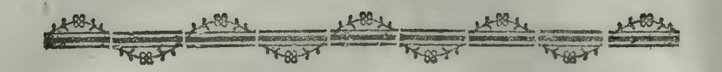
церами съ Миддельбурга, какъ то обыкновенно бываетъ. Сіи увѣдомляли своихъ соотечественниковъ, что тщетны были всѣ ихъ усилія, соединиться съ кораблемъ Новой Голландіи въ заливѣ Св. Людовика; что доѣхавши до губы Антонжильской, въ ней остановились, и починили судно для продолженія плаванія: въ тѣхъ же письмахъ писаны нѣкоторыя обстоятельства пребыванія ихъ на Мысѣ. Съ того времени ничего не было объ нихъ слышно; узнали только по письмамъ изъ Лиссабона, что Миддельбургъ, вошедши въ заливъ Св. Елены, былъ атакованъ двумя Португальскими караками, противъ которыхъ онъ защищался столь храбро, что зажегъ одну изъ нихъ пушечнымъ ядромъ. Португальцы боясь собственной своей погибели, прекратили атаку, и оставили свою добычу.

Бонтекое заключаетъ, что поелику нѣтъ никакихъ другихь свѣденій о состояніи Миддельбурга; то не льзя сомнѣваться, что онъ погребенъ въ безднѣ морскихъ волнъ, или жестокостію бурь, или лишившись снастей на сраженіи противъ Португальцевъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Проливѣ Зондской* находится въ Индѣйскомъ морѣ подъ пятымъ и шестымъ градусомъ Полуденной широты, между островами Суматрою и Явою, которые онъ раздѣляетъ. Сіи два острова съ островами Борнео, Бали, Мадурою, Банкою, и многими другими небольшими, называются островами Зондскими: они лежатъ къ западу отъ Молукскихъ и около Экватора. Плаваніе самое трудное въ проливѣ Зондскомъ, по причинѣ мѣлей и подводныхъ камней, тамъ находящихся. Батавія, знатное селеніе Голландцевъ на островѣ Явѣ, есть средоточіе торговли ихъ въ Восточной Индіи.

VII.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

О кораблекрушеніи Голландскаго судна Батавіи, бывшаго подъ командою Франциска Пельсарта, при каменныхъ скалахъ Фридерика Утмана, близъ береговъ Согласія, въ Новой Голландіи, въ 1630 году.

Францискъ Пельсартъ, Голландецъ, учинилъ имя свое славнымъ въ исторіи по тѣмъ мореплаваніямъ, какія онъ предпринималъ къ предѣламъ земнаго шара. Онъ почитается однимъ изъ первыхъ Европейцевъ, приставшихъ къ Южной Землѣ (la Terre Auſtrale); но мореходецъ сей достоинъ большаго удивленія и сожалѣнія читателева, по благоразумію и твердости духа, которыя показалъ онъ при случаѣ бѣдственнаго своего кораблекрушенія.

Журналъ Пельсартова путешествія, изданный сперва въ Амстердамѣ, потомъ въ Лондонѣ, а послѣ въ Парижѣ, читанъ былъ въ послѣднемъ столѣтіи съ великимъ любопытствомъ. Но мы сдѣлаемъ его теперь еще зани-

мательнѣйшимъ, присоединивъ къ нему сокращенное изъясненіе древнихъ и новыхъ открытій въ пространномъ Южномъ Материкѣ. —

Директоры Восточно-Индѣйской Голландской Компаніи, будучи ободрены благополучнымъ возвращеніемъ, въ 1629 году, пяти кораблей, находившихся подъ предводительствомъ Генерала Карпентьера и богато нагруженныхъ, отправили въ томъ же году флотъ изъ одиннадцати кораблей для такого же намѣренія. *Батавія*, подъ командою Франциска Пельсарта, искуснаго мореходца, былъ одинъ изъ числа сихъ кораблей. Экипажъ его состоялъ почти изъ трехъ сотъ человѣкъ, включая въ то число пассажировъ, нѣсколько женщинъ и дѣтей; грузъ его былъ весьма знатной.

Сей флотъ выѣхалъ изъ Текселя 28 го Октября 1628 года. До самаго Мыса Доброй Надежды Журналъ путешествія не замѣчателенъ никакимъ чрезвычайнымъ происшествіемъ; но при приближеніи къ сему Мысу сильная буря разсѣяла всѣ корабли, плывшіе до тѣхъ поръ вмѣстѣ. Пельсартъ безпокоясь о жребіи другихъ, всячески старался, по прошествіи бури, соединиться съ ними, и продолжать вмѣстѣ начатой путь, какъ вдругъ 4 го Іюня

1630, наскочилъ во время ночи на скалы, называемыя Голландцами *Аброльгосъ*, или скалы *Фридерика Утмана*. Сїи подводныя каменныя горы находятся у Новой-Голландїи, близъ берега Согласїя, въ Землѣ Южной, на двадцать осьми градусахъ южной широты. Капитанъ лежалъ тогда въ постелѣ, чувствуя сильную тошноту. По необыкновенному движенїю корабля онъ думалъ, что корабль сѣлъ на мѣль. Въ ту минуту онъ всталъ, и съ ужасомъ побѣжалъ на палубу.

Всѣ парусы были подняты, и корабль направленъ отъ Сѣверо-Востока къ Сѣверу. Луна сїяла на горизонтѣ, и при ея свѣтѣ видна была вдали прегустая пѣна. Это умножило безпокойство Пельсартово: онъ призываетъ кормчаго и упрекаетъ его, что онъ небреженїемъ своимъ ввергаетъ ихъ въ погибель. Сей извиняется, говоря, что онъ наблюдалъ недреманно, что издали замѣтилъ бѣлизну сей пѣны, и когда спросилъ у матроса, чтобы это такое было; то матросъ отвѣчалъ ему, что это-де происходило отъ свѣту луны. Пельсартъ спросилъ у кормчаго, въ какой сторонѣ свѣта находится корабль. Кормчїй отвѣчалъ ему: „Богъ знаетъ; мы сѣли на неизвѣстную мѣль.„

Въ сей крайности бросили лотъ; нашлось у кормы корабля осьмнадцать футовъ воды, а спереди гораздо меньше. Въ такой очевидной опасности собрались всѣ Офицеры и не видѣли инаго средства къ пособію, какъ облегчить корабль, въ надеждѣ, что онъ удобнѣе подымется на воду. Вдругъ остановили его якоремъ, и принялись бросать въ море всѣ пушки.

Между тѣмъ, какъ матросы заняты были сею работою, наступила гроза съ дождемъ и вѣтромъ; тогда-то Голландцы познали всю опасность, въ какой они находились, видя себя окруженныхъ мѣлями и камнями, о кои корабль ихъ толкался каждую минуту. Рѣшились срубить большую мачту, которая только умножала сильныя потрясенія корабля. Къ нещастію хотя догадались подрубить ее съ исподи, однако никакъ не можно было ее высвободить. Не видно было земли непокрытой моремъ, выключая одного острова, которой, судя по глазомѣру, отстоялъ оттуда на три мили, и два другіе еще меньшіе, или лучше сказать, двѣ скалы, казавшіяся ближе. Посланный для развѣдыванія ихъ лоцманъ увѣрялъ, что они не покрыты моремъ, но по великому множеству

мѣлей и камней приступъ къ нимъ, весьма труденъ. Не смотря на то, рѣшились на все отважиться, и тотчасъ отвезть туда женщинъ, дѣтей и больныхъ, коихъ отчаянные крики только приводили въ унынiе и ужасъ самихъ матросовъ. Тутъ же посадили ихъ въ шлюпку и ботъ.

Въ десять часовъ утра усмотрѣли, что корабль разсѣлся. Пельсартъ велѣлъ усугубить старанiя и проворнѣе выносить изъ брод-каморы хлѣбъ и другую пищу на верхнюю палубу. О водѣ не заботились, надѣясь найти ее на землѣ. Авторъ повѣствованiя не могъ умолчать въ Журналѣ своемъ о глупомъ скотствѣ нѣкоторыхъ Голландскихъ матросовъ. . . „Въ такомъ „отчаянномъ состоянiи, говоритъ онъ, „безумцы ни о чемъ столько не думали, „какъ бы наглотаться вина, потому „что оно было покинуто. По сей-то „причинѣ не могли здѣлать до ночи „болѣе трехъ поѣздокъ, и перевезли „на берегъ только около ста осмидесяти человѣкъ, двадцать бочекъ хлѣба, „и нѣсколько небольшихъ боченковъ „воды.„ Даже и сiи запасы частiю истощены экипажемъ, по мѣрѣ какъ ихъ привозили на островъ. Пельсартъ отправился туда самъ для прекраще-

нїя безпорядка. Сїя предосторожность была весьма нужна въ такомъ печальномъ обстоятельствѣ, и сверхъ того она послужила еще къ тому, что Пельсартъ узналъ, что на острову нѣтъ воды. Онъ пустился опять въ море, и спѣшилъ съ нетерпѣливостїю къ кораблю, чтобы велѣть привезти и воды и нѣкоторыя драгоцѣннѣйшїе товары, какъ вдругъ поднявшаяся буря и волны принудили его возвратиться назадъ къ тому мѣсту, откуда онъ поѣхалъ. Тщетно покушался онъ многократно плыть къ кораблю: море съ такою силою ударяло въ корабль, что не возможно было къ нему пристать. Одинъ матросъ, бросившись вплавь, приплылъ къ нему и изобразилъ ту нужду, которую экипажъ имѣетъ въ его пособїи. Это побудило неустрашимаго Пельсарта еще многократно возобновлять тѣже усилїя. Наконецъ отчаявшись преодолѣть силу волнъ, нашелъ себя принужденнымъ послать тѣмъ же путемъ матроса съ повелѣнїемъ, чтобы они собрали столько досокъ, сколько найдется на кораблѣ, и связавши вмѣстѣ, бросили бы въ воду на тотъ конецъ, чтобы можно было ихъ перенять для придѣланїя плавовъ къ шлюпкѣ или къ боту. Но какъ буря болѣе

умножалась, и потеря жизни его не могла принесть никакой пользы нещастнымъ просящимъ его помощи, то и принужденъ онъ былъ возвратиться на островъ, и съ чувствительнѣйшею горестїю оставить своего Лейтенанта и семдесять человѣкъ на очевидную погибель.

Тѣ, кои почитали себя щасливыми, что могли переѣхать на которой нибудь изъ двухъ острововъ, нимало не были въ лучшемъ положенїи. Осматривая количество воды своей, нашли они на маломъ острову не болѣе пятидесяти пинтъ для сорока человѣкъ составлявшихъ партїю. На большомъ острову было воды еще меньше, а число злощастныхъ простиралось до ста осмидесяти человѣкъ. Когда Пельсартъ остановился въ меньшомъ острову, то представили ему, что необходимо нужно послать шлюпку и ботъ для отысканія воды въ окружныхъ островахъ. Онъ самъ видѣлъ сїю необходимость; но объявилъ имъ, что не можетъ на то рѣшиться не сообщивъ о томъ прежде находившимся на большомъ острову, которые иначе могли бы впасть въ крайнее отчаянїе, увидя удаляющуюся отъ нихъ шлюпку и ботъ.

Многаго труда стоило ему склонить ихъ на свою сторону: ибо они опасались, чтобъ его не удержали на большомъ острову. Однако, когда онъ объявилъ, что лучше желаетъ погибнуть въ виду корабля своего, нежели оставить наибольшую часть экипажа и друзей своихъ въ неизвѣстности, злѣйшей самой смерти; то ему дали свободу исполнить свое намѣренiе. Ботъ щастливо приближился къ большому острову; но сопутствовавшiе Пельсарту сказали ему, что не позволятъ вытти на землю, и принуждали его крикомъ возвѣстить другой партiи то, что ему нужно. Тщетно онъ покушался броситься въ воду и вплавь достигнуть берега; его удерживали съ такимъ упорствомъ, что онъ видя себя наконецъ принужденнымъ слѣдовать налагаемому себѣ закону, выдумалъ бросить свои записныя дощечки въ островъ, написавши, что отъѣхалъ съ лодкою искать воды въ тѣхъ земляхъ, которыя милосердiе небесное поможетъ ему открыть.

Онъ не медля сталъ искать ее между скалами и на берегахъ многихъ другихъ небольшихъ островов; но хотя и находилъ ее въ ущельяхъ земли,

и камней; однако морскія волны, достававшія туда, смѣшивались съ нею, и дѣлали ее негодною для ихъ нуждъ. Надобно было возвратиться къ малому острову, чтобы придѣлать къ шлюпкѣ родъ деки изъ какихъ нибудь негодныхъ досокъ; ибо въ открытомъ суднѣ не можно было предпринять дальняго пути. Пельсартъ, склонивши къ намѣреваемому предпріятію всю свою партію, выѣхалъ съ тѣми, коихъ выбралъ для себя сопутниками.

Выѣхавши на море измѣрялъ высоту: она оказалась въ двадцать восемь градусовъ тринадцать минутъ. Вскорѣ послѣ того увидѣлъ берегъ, которой почелъ за твердую землю, въ шести миляхъ, по его вычету, къ Сѣверо - $\frac{1}{4}$ - Западу отъ мѣста его кораблекрушенія. Лотъ показалъ двадцать пять и тридцать саженей воды. Какъ ночь наступала; то онъ ввечеру удалился отъ берега; но приближась къ нему на разсвѣтѣ, въ девять часовъ находился оттуда только за три мили. Онъ показался ему низокъ, безъ деревъ, и наполненъ скалами. Онъ открылъ небольшой рукавъ, въ которомъ дно было песчаное. Бывшая весьма дурная погода не допускала его туда войти.

ВЪ слѣдующій день, 10 го Іюня, лавировалЪ онЪ вЪ тѣхЪ же водахЪ; но какЪ море не переставало сильно волноваться, то увидѣлЪ себя принужденнымЪ выбросить тамЪ часть своей провизіи, которая мѣшала ему вычерпывать воду, наливавшуюся вЪ шлюпку безпрестанно. Когда вѣтерЪ утихЪ, то на другой день взялЪ онЪ путь кЪ Сѣверу, не смѣя плыть по прибрежнымЪ быстринамЪ, кои мѣшали ему приближиться кЪ землѣ. 12 го, высота оказалась двадцать семь градусовЪ. ОнЪ плылЪ вдоль берега при Юго - Восточномъ вѣтрѣ, но всегда сЪ осторожностію, потому что берегЪ былЪ и весьма утесистЪ, и нигдѣ не имѣлЪ отверстія. Сія страна показалась ему плодородною и покрытою травами. 13 го, нашелЪ онЪ двадцать пять градусовЪ сорокЪ минутЪ высоты: изЪ чего заключилЪ, что стремленіе моря унесло его кЪ Сѣверу. ТамЪ нашедши отверстіе, тщетно покушался пристать кЪ оному. Видны были повсюду красныя скалы равной высоты безЪ земли и песку, и они - то составляли берегЪ сей страны.

14 го, на двадцать четырехЪ градусахЪ морской приливЪ, стремившійся кЪ Сѣверу, еще меньше позволялЪ искать высадки. Однако ПельсартЪ

усмотрѣвши издали великой дымъ, велѣлъ тотчасъ на веслахъ приближиться къ тому мѣсту, откуда онъ былъ видѣнъ. Тамъ надѣялся получить воду; ибо можно было думать, что та страна населена людьми. Но берегъ былъ неприступенъ, и море столько волновалось, что онъ лишился надежды къ землѣ приближиться. Въ крайней горести отъ такого препятствїя, шестеро изъ людей его, положившись на свое проворство, бросились въ воду, и достигли наконецъ земли послѣ великихъ трудовъ и опасностей, между тѣмъ какъ шлюпка остановилась на якорѣ на двадцати пяти саженной глубинѣ. Цѣлой день искали они воды, и бѣгая повсюду усмотрѣли четырехъ человѣкъ подходившихъ къ нимъ на четверенькахъ, т. е. на ногахъ и рукахъ, точно какъ скоты. Матросы не прежде признали ихъ за разумныхъ тварей, какъ испужавши ихъ, и тѣмъ принудивши ихъ встать и бѣжать. Тогда увидѣли ихъ даже съ бота.

Сїи дикїе черны и совсѣмъ наги. Шестеро Голландцевъ, не могши найти нигдѣ воды, воротились вплавь къ Пельсарту, будучи избиты сильными ударами валовъ и камней. Подняли якорь, и не смотря на страхъ при-

брежныхъ стремнинъ, продолжали путь около берега.

15 го, Увидѣли мысъ и на краю его цѣпь скалъ, простиравшихся на цѣлую милю въ море. Пельсартъ не опасался итти среди сихъ камней, потому что море тамъ казалось мало волнующимся; но нашелъ въ нихъ такой глубокой песокъ, что съ трудомъ можно было оттуда выѣхать. Вошелъ въ другое открытое мѣсто, но и тамъ нашелъ только два фута воды, и много камней; а какъ берегъ сей представлялся песчанымъ, и повидимому простирался въ ширину на милю, то онъ вышелъ на него для ископанія колодцевъ. Вода въ нихъ оказалась не менѣе солона, какъ морская; однако нашли въ ущельяхъ скалъ нѣсколько дождевой воды, которая принесла величайшее облегченіе нещастнымъ погибавшимъ отъ жажды и со многихъ дней получавшихъ не болѣе полусетья на порцію. Они собрали ея черезъ всю ночь около ста пятидесяти пинтъ. По найденному тамъ пеплу и раковинамъ (*) заключали, что Дикіе не давно были на семъ мѣстѣ.

(*) Переводъ Тевенота содержитъ, вмѣсто раковинъ, остатки раковъ.

Надѣясь собрать больше воды между скалами, рѣшились они отважиться на всѣ опасности на семъ берегу. 16 го, возвратились опять на землю, столь мало безпокоясь о своей жизни, что едва употребляли лотъ. Но какъ давно уже дождя не было, то они обманулись въ своемъ чаянiи; все было сухо въ самыхъ глубокихъ ущелинахъ скалъ; подаваясь далѣе, не имѣли уже никакой надежды найти воды: тамъ была голая степь безъ травы, безъ деревъ: не видно было ничего, кромѣ муравьиныхъ кучь, или лучше сказать, нѣкотораго роду ульевъ, которые строятъ сiи животныя для своего убѣжища, и кои по большой части столь велики, что можно ихъ издали почесть за шалаши Индѣйцовъ. Мухъ было такое множество, что Пельсарту и сопровождавшимъ его весьма трудно было отъ нихъ обороняться. Разстоянiемъ на ружейной выстрѣлъ, увидѣли осьмерыхъ Дикихъ, каждаго съ палкою въ рукѣ, кои при ихъ приближенiи обратились въ бѣгство.

Напослѣдокъ отчаявшись найти воды, вышли изъ сей цѣпи горъ, въ намѣренiи оставить сiю страну. Ласкались надеждою приплыть къ рѣкѣ Якова Реммезенса; но нашедши себя на

двадцати двухъ градусахъ семнадцати минутахъ, и опасаясь Сѣверо-Восточнаго вѣтра, которой, становясь часъ отъ часу сильнѣе, представлялъ имъ очевидныя опасности: разсудили они при такомъ маломъ запасѣ собранной ими воды, что всего лучше поступятъ, естьли поспѣшно отправятся въ Батавію, гдѣ надѣялись тронуть Европейцовъ повѣстію о своемъ нещастіи, и тѣмъ получить больше себѣ пособій, нежели всѣ ихъ безплодныя разысканія.

17 го, находясь за сто миль отъ мѣста кораблекрушенія, поплыли они къ Сѣверо-Востоку. Пельсартъ записалъ все подробно и обстоятельно, что случилось въ продолженіе сего переѣзда, которой онъ совершилъ въ пятнадцать дней, отъ камней Уттмана до Батавіи. Изъ сихъ записокъ видѣть можно, что они могли бы гораздо скорѣе окончить сей путь, естьли бы не останавливали ихъ часто вѣтры и безвѣтрія. Впрочемъ и сіе препятствіе не столько было для нихъ тягостно, сколько недостатокъ въ водѣ, которая ежедневно портилась. Жажда, жесточайшее изъ всѣхъ золъ для человѣка, заставила ихъ потерять много времени на то, чтобы сыскивать средства для ея утоленія. Наконецъ находясь въ крайности,

когда вода совсѣмъ уже изошла, то промыслъ Божїй открылъ имъ чистую, текучую воду, которая возобновила ихъ силы, и они запаслись ею надолго.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего обрадовала ихъ другая встрѣча, которую они почитали щастливымъ предвѣстїемъ въ успѣхѣ своей поѣздки. Въ виду береговъ Явы, и почти въ сумерки, усмотрѣли они позади себя корабль, и скоро узнали съ величайшимъ удовольствїемъ, что онъ плыветъ тѣмъ же путемъ. Тотчасъ бросили якорь, и рѣшились его дожидаться.

На другой день, на самой ранней зарѣ, Пельсартъ велѣлъ грести къ кораблю; онъ былъ Голландской, сопровождаемъ двумя другими, и всѣ три принадлежали Компанїи. Пельсартъ присталъ къ главному, и былъ узнанъ совѣтникомъ Батавскимъ Рамбургомъ. Повѣсть о ихъ нещастїи, а еще болѣе побудительная причина, заставившая Пельсарта предприня пь столь опасную поѣздку, тронули его чувствительно; онъ обѣщалъ подкрѣпить прозьбы его въ Совѣтѣ Батавскомъ, и удержалъ его при себѣ до самаго прїѣзду въ сей городъ. Какъ скоро они къ нему пристали, то Пельсартъ и экипажъ его не столько думали объ отдохновенїи отъ

трудовъ своихъ, сколько заботились объ оставленныхъ своихъ товарищахъ.

Между тѣмъ произошло ужасное приключенie на трехъ островахъ, гдѣ оставлена была сiя злощастная партiя. Помощникъ Адмиральской на кораблѣ, бывшiй Гарлемскимъ аптекаремъ, по-имени Iеремей *Корнелисъ*, во время путешествiя у Африканскихъ береговъ, сговорился съ кормчимъ и нѣкоторыми матросами, овладѣть кораблемъ для разбойничества. Послѣ кораблекрушенiя, не находя средства приплыть къ землѣ, плавалъ два дня на большой мачтѣ, и когда уже не ожидалъ ничего, кромѣ смерти, тогда вѣтеръ пригналъ къ нему райну, съ помощiю которой доплылъ онъ къ одному изъ тѣхъ острововъ, гдѣ были его товарищи. Ему слѣдовало быть начальникомъ въ отсутствiи Пельсарта. Вмѣсто того, чтобъ тронуться общимъ нещастiемъ и раскаяться въ вѣроломныхъ своихъ намѣренiяхъ, онъ мыслилъ, что тогда-то насталъ самой способной случай къ произведенiю ихъ въ дѣйство, и что естьли бы удалось ему сдѣлаться властелиномъ надъ оставшимся экипажемъ, то легко будетъ ему захватить и главнаго начальника и овладѣть его кораблемъ, какъ сей возвратится съ

помощію, которой искать отправился въ Батавію. Но прежде всего нужно было ему истребить тѣхъ, въ которыхъ боялся найти сопротивленіе своему предпріятію.

Прежде нежели омочилъ онъ руки въ крови своихъ товарищей, велѣлъ подписать своимъ единомышленникамъ обѣщаніе, по которому они обязались слѣпо слѣдовать всѣмъ его повелѣніямъ. Большая часть экипажу находилась на томъ острову, гдѣ и онъ: печальное предчувствіе заставило уже назвать сей островъ Батавскимъ кладбищемъ. Корнелисъ послалъ на другой островъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы для отысканія воды, одного молодаго Офицера, называемаго Вейбъ-Гаисомъ, человѣка умнаго и отважнаго, котораго онъ наиболѣе причины имѣлъ опасаться, ибо въ прочихъ не видалъ дальней проницательности. Сей безчеловѣчный варваръ принялъ такія жестокія мѣры,—что успѣлъ порѣзать тридцать или сорокъ изъ экипажу, прежде нежели получили малѣйшее подозрѣніе о его намѣреніи. Избѣжавшіе отъ сего смертоубійства, спаслись на нѣсколькихъ бревнахъ, присоединились къ Вейбъ-Гаису, и расказали ему о всемъ случившемся. На томъ остро-

ву, куда онъ переѣхалъ, было сорокъ человѣкъ; онъ нашелъ тамъ воду послѣ многодневнаго исканія; тотчасъ, какъ онъ туда присталъ, извѣстилъ о томъ Корнелиса предположеннымъ сигналомъ трехъ огней; но этотъ знакъ не былъ усмотрѣнъ.

Вейбъ-Гаисъ, по донесенію убѣжавшихъ, не сомнѣваясь, что убійцы опредѣлили и ему такуюжъ участь, привелъ себя въ состояніе имъ противиться. Но они знали, что найдутъ его въ оборонительномъ состояніи. Съ бѣшенствомъ тотчасъ отправились на третій островъ, гдѣ присовокупивши обманъ къ силѣ, побили всѣхъ нещастныхъ тамъ находившихся, выключая нѣсколько женщинъ и семерыхъ младенцовъ. Они отложили до другаго дня послѣднее дѣйствіе сей кровопролитной трагедіи, относившейся къ Вейбъ-Гаису, безъ сомнѣнія надѣясь, что онъ будучи худо вооруженъ, рѣшится предупредить ихъ нападеніе самовольною покорностію. Корнелисъ употребилъ остальное время на отпираніе купеческихъ ящиковъ, которые спасены были съ корабля; онъ роздалъ матеріи своей партіи, и выбравши себѣ караульныхъ, велѣлъ имъ одѣться въ алое платье съ большими золотыми

и серебреными позументами. Пять женщинъ, оставленныя въ живыхъ, почтены частію добычи. Одну изъ нихъ взялъ онъ для себя; другая, бывшая дочь священника, отдана его Лейтенанту, а три прочія оставлены для всѣхъ, при чемъ однако, присовокупляетъ Авторъ повѣствованія, сдѣлано установленіе, какъ онѣ должны были служить.

Послѣ сихъ варварскихъ насилій, заставилъ онъ признавать себя Генераломъ, принудивши всѣхъ своихъ товарищей подписать на то актъ. Потомъ послалъ двадцать два человѣка на двухъ шлюпкахъ, для нападенія на шайку Вейбъ-Гаиса; но какъ сей отрядъ былъ отбитъ, то онъ самъ предпринялъ итти туда съ тридцатью семью человѣками, которыхъ только и могли сдержать на себѣ два небольшія судна. Вейбъ-Гаисъ принялъ ихъ при высадкѣ почти безъ всякаго оружія, кромѣ палокъ, утыканныхъ гвоздями, и принудилъ ретироваться. Злодѣи видя невозможность успѣть силою, рѣшились приступить къ переговорамъ. Они предложили мирной договоръ; Вейбъ-Гаисъ на то согласился. Возложено было на священника, находившагося съ нимъ, трактовать о

мирѣ. Онъ былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы Корнелисъ пересталъ нападать на партію Вейбъ-Гаиса; чтобы онъ далъ ему часть матерій для одежды на его людей; чтобы вмѣстѣ стараться отыскивать воду и съѣстные припасы, и раздѣлять ихъ поровну между обѣими партіями, и чтобы со стороны Вейбъ-Гаиса отдать маленькой ботикъ, въ которомъ одинъ матросъ противной партіи спасся на его островъ. Но между тѣмъ, какъ съ обѣихъ сторонъ производилось трактованіе со всѣми знаками вѣрности, Корнелисъ написалъ нѣкоторымъ Французскимъ солдатамъ, бывшимъ при Вейбъ-Гаисѣ, и предложилъ каждому изъ нихъ по шести тысячь ливровъ, чтобы ихъ подкупить, надѣясь, что сіе тайное сообщеніе подастъ ему средство уловить своихъ непріятелей. Письма сіи показаны Вейбъ-Гаису, которой рѣшился употребить хитрость противъ вѣроломства. Слѣдующій день былъ назначенъ для исполненія пунктовъ. Корнелисъ совсѣмъ не воображая, что вѣроломный его замыслъ открытъ, самъ привезъ матеріи со многими изъ своихъ злоумышленниковъ.

Едва ступилъ онъ на островъ, какъ вся его шайка была захвачена, и

самъ онъ пойманъ и скованъ. Трое изъ сопровождавшихъ его остались на мѣстѣ; одинъ, называвшійся Вутеръ-лосъ, спасся. На другой день пришелъ онъ назадъ съ сильнѣйшею толпою; но Вейбъ-Гаисъ отбилъ его.

Бунтовщики съ упорствомъ спѣшили къ погибели; ежедневно были новыя атаки; но храбростію сего отважнаго человѣка были всякой разъ отражаемы. Однако по всему вѣроятію долженъ бы онъ былъ наконецъ уступить, ибо партія его была малочисленнѣе, нежели Корнелисова, и притомъ чувствительно ослабѣвала отъ недостатку припасовъ.

Пельсартъ не тратилъ напрасно времени въ Батавіи. По усильнымъ его прозьбамъ данъ былъ ему отъ Совѣта одинъ фрегатъ, называвшійся *Сердамъ*, и нѣсколько нырковъ Гузаратскихъ (1). Съ величайшею поспѣшностію нагрузилъ онъ судно провизіею и изготовилъ къ выходу. При благопріятномъ вѣтрѣ скоро прибылъ онъ къ камнямъ Утманскимъ.

Пельсартъ болѣе двухъ мѣсяцовъ находился въ отсутствіи; но онъ безъ труда узналъ тѣ мѣста, которыя чувствительность его всегда представляла ему передъ глаза. Приближаясь туда

примѣтилъ онъ поднимавшійся дымъ на одномъ изъ острововъ. Это самое было причиною великой для него радости: ибо онъ увѣрился, что всѣ избѣжавшіе кораблекрушенія еще въ живыхъ. Первое попеченіе Пельсартово было бросить якорь, и сѣсть въ ботъ съ хлѣбомъ и виномъ, для приставанія къ сему острову. Но во время переѣзда своего встрѣтился съ лодкой, на коей находилось четыре человѣка: это былъ мужественной Вейбъ-Гаисъ, спѣшившій предувѣдомить его о ужасныхъ приключеніяхъ, происшедшихъ во время его отсутствія: онъ возвѣстилъ ему, что раздраженіе мятежниковъ все еще продолжается, и что даже въ самое это утро онъ выперпѣлъ еще нападеніе; также увѣдомилъ его о страшномъ заговорѣ сихъ умышленниковъ, рѣшившихся овладѣть имъ и его кораблемъ по его прибытіи.

Раздраженный Капитанъ съ поспѣшностію возвратился на фрегатъ. Едва онъ туда вошелъ и успѣлъ дать приказы къ храброй оборонѣ, какъ увидѣлъ двѣ шлюпки съ бунтовщиками приближавшіяся къ нему. Крайне изумился Пельсартъ увидя всѣхъ ихъ вооруженныхъ и покрытыхъ золотыми и серебреными сѣтками. Когда они находи-

лись на такое разстоянїе, что можно было слышать голосъ, то онъ закричалъ имъ, для чего они пристаютъ къ фрегату съ оружїемъ въ рукахъ? Но они отвѣчали: „Мы вамъ то скажемъ, когда будемъ на кораблѣ.„ Капитанъ, раздраженный симъ дерзкимъ отвѣтомъ, велѣлъ имъ бросить оружїе въ море, въ противномъ случаѣ грозилъ потопить всѣхъ. Грозныя сїи слова и надежда на силу, какую имѣлъ Пельсартъ, заставили ихъ прибѣгнуть къ покорности: они бросили оружїе, и вошли въ корабль, гдѣ тотчасъ были заключены въ желѣзы. Одинъ изъ ихъ начальниковъ, по имени Жанъ де Бременъ, дерзнувшїй грозить тѣмъ, которые его сковали, признался въ допросѣ, что онъ порѣзалъ или пособилъ умертвить двадцать семь человѣкъ. Въ тотъ же вечеръ Вейбъ-Гаисъ привезъ на фрегатъ своего плѣнника Корнелиса. Это было 17 го Сентября.

На другой день Капитанъ и лоцманъ взяли боты, и посадивши на нихъ еще десять человѣкъ изъ Вейбъ-Гаисовой шайки, прїѣхали къ острову бунтовщиковъ, гдѣ была оставшаяся шайка Корнелисова. Сїи злодѣи тотчасъ потеряли смѣлость, какъ скоро увидѣли пристающаго къ берегу своего

Капитана. Они положили оружіе, и отдались въ плѣнъ. На нихъ наложены оковы.

Послѣ сего важнаго дѣйствія Пельсартъ приложилъ всѣ старанія, отыскать товары и драгоцѣнныя вещи, принадлежавшія Компаніи и разсѣянныя по острову. Онъ имѣлъ въ томъ успѣхъ: все было отыскано, кромѣ перстня и золотой цѣпочки; но ввечеру тогожъ еще дня перстень былъ доставленъ Капитану. Потомъ отправился на мѣсто кораблекрушенія; къ великой печали увидѣлъ Батавію разбитую на тысячу частей, корабль погруженной въ песокъ, часть носу корабельнаго взброшенную валами на скалу, и прочіе отломки еще плавающіе. Одинъ матросъ сказалъ Пельсарту, что въ его отсутствіе однажды при хорошей погодѣ поѣхали они на рыбную ловлю, и въ то время конецъ пики ударился объ ящикъ, наполненной деньгами. Сіе извѣстіе обрадовало Капитана, и онъ ласкался надеждою отыскать тотъ ящикъ, равно какъ и другіе. Но какъ погода была тогда неблагопріятна, то рѣшились отложить сей поискъ до другаго времени.

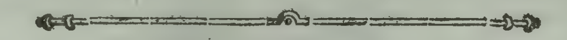
На другой день Пельсартъ велѣлъ шайкѣ Вейбъ-Гаиса привесть на его

островъ, названный потомъ островомъ Вейбъ-Гаиса, запасовъ, которыхъ тамъ недоставало. Привезли туда воды. Авторъ Журнала замѣчаетъ, что вышедшїе на сей островъ, не нашедши тамъ воды, вознамѣрились выкопать колодцы; но вода въ нихъ была солона, и опускалась и поднималась, какъ морской приливъ; однако они, томимы будучи жаждою, рѣшились ее пить, и не потерпѣли отъ ней никакого вреда.

25 го Сентября, Капитанъ и кормчїй, сопровождаемые Гузаратскими ырками, возвратились на мѣсто кораблекрушенїя; небо было ясно и море тихо. Они приближились туда во время отлива. При первыхъ покушенїяхъ отыскали одинъ ящикъ, другой также былъ вытащенъ; нырки увѣряли, что они ощупали еще другїе четыре. Боясь подымавшейся бури, прекратили работу, за которую опять принялись послѣ полудня. Еще вытащили три ящика; но никакъ не могли достать четвертаго, и вѣроятно, что онъ задѣлъ за камни, и между ними сталъ крѣпко и твердо. Будучи принуждены его оставить, для предосторожности замѣтили якоремъ то мѣсто, гдѣ онъ былъ, и пушкою, оставленною на

берегу. Два слѣдующіе дня были туманны.

Холодной и сильной вѣтеръ вѣялъ отъ Юга, и не позволялъ начать прежней работы; но онъ былъ благопріятенъ для ѣзды въ Батавію. Пельсартъ желая имъ воспользоваться, велѣлъ собрать совѣтъ; положено было скорѣе плыть. Опредѣлено также судить плѣнныхъ мятежниковъ. По важности ихъ преступленія виновные были судомъ осуждены и повѣшены; опредѣленіе было произведено 29 го. На другой день Пельсартъ поднялъ якорь и поплылъ въ Батавію при благопріятномъ вѣтрѣ. Они пріѣхали туда въ весьма короткое время.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Гузараты*, народъ Индѣйской. Земля ими обитаемая, теперь называется Королевствомъ Камбайскимъ. Оно граничитъ къ Сѣверу съ Королевствомъ Лоoскимъ, къ Востоку съ Кохинхиною, къ Западу и Югу съ заливомъ и Королевствомъ Сіамскимъ. Гузараты суть идолопоклонники или Магометанцы. Народъ сей весьма трудолюбивъ. Му-

щины крѣпки, и стройнаго стану. Обитающіе далѣе внутрь земли, которая весьма плодоносна, занимаются обрабатываніемъ полей, или дѣланіемъ бумажныхъ матерій. Гузараты поселившіеся вдоль великой рѣки Камбожа и морскихъ береговъ, живутъ рыбною ловлею, и слывутъ искусными мореходцами. Также они почитаются въ Индіи искуснѣйшими и наилучшими нырками. Англичане и Голландцы часто приглашаютъ ихъ для укомплектованія экипажа на своихъ корабляхъ.

VIII.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Голландскаго судна, Спарровъ-Гавкъ у береговъ острова Кельпаерта, на морѣ Корейскомъ, въ 1653 году.

Генрихъ Гамель, родомъ изъ города *Горгумъ*, что въ Голландіи, писарь Голландскаго корабля *Спарровъ-Гавкъ*, сохранилъ намъ повѣствованіе о семъ кораблекрушеніи, которое онъ издалъ въ свѣтъ тотчасъ по возвращеніи своемъ въ отечество.

Любопытныя обстоятельства, заключающіяся въ его Журналѣ, и тонъ правдивости, каковой въ немъ удобно примѣтить можно, заслужили общую похвалу, какъ скоро оной Журналъ былъ напечатанъ въ Голландіи. Вскорѣ потомъ изданъ въ свѣтъ и Англійской переводъ въ Лондонѣ.

Переводчикъ весьма разсудительно замѣчаетъ, что не можно сомнѣваться въ истиннѣ повѣствованія Гамелева, какъ по тому, что оно оказалось сходно съ тѣмъ свидѣтельствомъ, которое получено отъ другихъ семи Голланд-

цевъ, возвратившихся вмѣстѣ съ нимъ, и распрошенныхъ порознь знатными особами, такъ и по тому, что его повѣствованіе не заключаетъ въ себѣ ничего несходнаго съ тѣми извѣстіями, какія мы читаемъ въ Палафоксѣ и въ другихъ историкахъ о нападеніи Татаръ.

10 го Генваря 1653 года, Спарровъ-Гавкъ съ 64 человѣками экипажу, снаряженный на щетъ Голландцевъ Восточно-Индѣйской Компаніи, вышелъ въ море изъ Текселя подъ начальствомъ Капитана *Ейбертца*, Амстердамскаго гражданина. *Претерпѣвши разныя бури и многіе другіе нещастные случаи*, каковые неминуемо соединены съ отдаленнымъ многотруднымъ плаванїемъ, прибылъ онъ наконецъ въ Батавію перваго числа Іюня.

14 го числа того же мѣсяца, запасшись провіантомъ, поплыли они далѣе по повелѣнію Генерала Губернатора въ Тай-Ванъ, что на островѣ Формозѣ, куда и прибыли 16 го Іюня. На кораблѣ былъ также Корнелій Лессенъ, который долженъ былъ принять правленіе сего города и острова, и смѣнить Николая Вербужа. 30 го, по повелѣнію Совѣта должны были они отправиться въ Японію. На другой день

къ вечеру, выходя изъ канала, претерпѣли они бурю, которая во всю ночь болѣе и болѣе усиливалась.

Перваго Августа по утру, они находились вблизи небольшаго острова, возлѣ котораго съ великимъ трудомъ стали на якорѣ; ибо въ этомъ морѣ почти нигдѣ не льзя достать дна. Когда туманъ разошелся, то всѣ крайне удивились, видя себя весьма близко отъ береговъ Китая, такъ что можно было примѣтить на берегу вооруженныхъ людей, дожидавшихся вѣроятно того, когда корабль разобьется, и имъ можно будетъ воспользоваться его остатками. Хотя же буря не только не утихала, но еще болѣе усиливалась, однако они провели въ томъ мѣстѣ всю ночь и слѣдующій день, находясь въ виду у подсмотрщиковъ. Въ третій день замѣтили, что буря удалила ихъ отъ прямаго пути на 20 миль, и что у нихъ въ виду находится островъ Формоза. Они прошли между симъ островомъ и твердою землею. Погода была холодна. Перемѣна вѣтровъ и безвѣтрія задержала ихъ въ семъ каналѣ даже до одинадцатаго числа. Наконецъ Юго-Восточной вѣтеръ, произведшій новую бурю съ сильнымъ дождемъ, заставилъ ихъ направить путь къ Сѣ-

веро - Востоку и къ Сѣверо - Востоко - $\frac{1}{4}$ Сѣверу. Три слѣдующіе дня буря болѣе усилилась, и вѣтеръ такъ часто перемѣнялся, что имъ надобно было безпрестанно то подымать парусы, то опускать ихъ.

Въ такомъ состояніи сильныя морскія валы, безпрестанно ударявшіяся въ корабль, весьма его повредили; а какъ дождь не переставалъ итти, и мѣшалъ имъ дѣлать наблюденія: то они принуждены были собрать всѣ парусы и отдаться на произволъ волнамъ. 15 го, корабль столько наполнился водою, что они ожидали скорой его погибели. Въ слѣдующую ночь шлюпки и большая часть корабельной галлереи унесены были силою волнъ, которыя разбили бокспритъ и корму весьма повредили. Вѣтеръ былъ столь сильной и такъ волновалъ море, что не можно было пособить сему нещастію. Наконецъ одна волна, разбившись о корабельлую снасть, едва было не унесла съ собою всѣхъ матросовъ, бывшихъ на палубѣ, и столько залила корабль водою, что Капитанъ закричалъ, чтобы немедленно срубить мачту, и просить помощи Вышняго для своего спасенія; ибо одна или двѣ волны неминуемо причинятъ погибель корабля.

Когда они находились въ сей крайности, вдругъ матросъ, стерегшій на носу, закричалъ: земля! земля! и увѣрялъ, что они отстоятъ отъ берега не далѣе, какъ на одинъ мушкетной выстрѣлъ. Дождь и пасмурная погода мѣшали имъ увидѣть то прежде. Не можно было стать на якорѣ, потому что не находили дна; а между тѣмъ, какъ они о томъ старались, сдѣлалась такая течь въ кораблѣ, что всѣ находившіеся на днѣ его утонули и не могли быть спасены. Нѣкоторые изъ тѣхъ, кои были на палубѣ, бросились въ море, другіе увлечены волнами; только 15 человѣкъ достигли до берега, большою частью голы и избиты. Они думали, что всѣ прочіе погибли; но между тѣмъ, какъ ползли на скалы, услышали стенанія нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, а въ слѣдующій день, ходя вдоль по берегу и давая знакъ крикомъ, нашли еще многихъ лежавшихъ на песку. Изъ 64 хъ осталось только 36 человѣкъ, изъ коихъ большая часть были опасно ранены.

Между тѣмъ, какъ они старались сбирать отломки корабля, нашли одного изъ своихъ товарищей между двумя досками такъ сжатаго, что будучи высвобожденъ, онъ не жилъ болѣе трехъ

часовЪ. ИзЪ всѣхЪ же прочихЪ, имѣвшихЪ нещастіе погибнуть, они нашли одного только Капитана Ейберітца, лежавшаго на песку за десять или за двенадцать саженей отЪ воды, поддерживавшаго голову рукою. Они его похоронили. — ИзЪ всей провизіи волны выбросили на берегЪ только мѣшокЪ муки, боченокЪ солонины, нѣсколько свинаго сала и боченокЪ краснаго вина. Нещастные странники имѣли нужду вЪ огнѣ, но не было средствЪ развести его. Думая, что они находятся на какомЪ нибудь необитаемомЪ острову, полагали всю свою надежду на собственные труды и усилія; кЪ вечеру вѣтрЪ и дождь утихЪ; они собрали довольно лѣсу, и растянувши парусы, которые имЪ удалось спасти, провели ночь подЪ сей прикрышкой.

ВЪ слѣдующій день, 17 го числа, оплакивали они свое жалостное состояніе: то приходили вЪ отчаяніе, не видя ни одного человѣка, кто бы имЪ помогЪ, то ласкались еще надеждою, что недалеко отЪ Японіи. Будучи вЪ семЪ мучительномЪ состояніи неизвѣстности, вдругЪ видятЪ человѣка вЪ отдаленіи на пушечный выстрѣлЪ, зовутЪ его знаками; но онЪ убѣгаетЪ, какЪ скоро ихЪ примѣтилЪ. Послѣ

полудня показались еще трое, изъ коихъ у одного былъ мушкатонъ, а у другихъ обоихъ стрѣлы. Сїи незнакомые приближились къ нимъ на одинъ ружейной выстрѣлъ; но примѣтя, что Голландцы идутъ имъ на встрѣчу, ударились бѣжать, не смотря на то, что первые давали имъ знаками разумѣть, что просятъ у нихъ только огня.

Нѣкоторые изъ Голландцевъ погнались за ними, достигли ихъ, и тотъ, у котораго былъ мушкатонъ, не противился имъ, и легко оставилъ его въ ихъ рукахъ. Голландцы немедленно съ помощїю его развели себѣ огонь. Сїи три человѣка одѣты были по Китайски; только ихъ шапочки сдѣланы изъ лошадиныхъ волосъ. Голландцы ужаснулись подумавши, что это можетъ быть дикїе Китайцы или морскїе разбойники. Къ вечеру явилось человѣкъ со сто, всѣ въ вооруженїи и въ такой же одеждѣ, какъ первые: они сперва перещитали всѣхъ Голландцевъ, и видя ихъ малолюдство окружили ихъ, и цѣлую ночь держали въ такой осадѣ.

На другой день около полудня до двухъ тысячь человѣкъ конныхъ и пѣшихъ приближились къ ихъ палаткѣ и стали въ боевой порядокъ. Секретарь, двое кормчихъ и матросъ не-

медленно къ нимъ явились; ихъ привели къ главному начальнику, которой велѣлъ надѣть имъ на шею большую желѣзную цѣпь съ маленькимъ колокольчикомъ, и заставилъ ихъ пасть въ ноги въ такомъ убранствѣ. Точно также поступлено было и со всѣми другими оставшимися въ палаткѣ, а между тѣмъ островитяне изъявляли свою радость громкими криками. Нѣсколько времени оставались они въ семъ положеніи, *то есть повержены ницъ на землю*; потомъ дали имъ знакъ стать на колѣни. Дѣлали имъ многіе вопросы, но Голландцы не могли ихъ разумѣть, и сами не могли дать имъ знать, что они ѣхали въ Японію: ибо въ этой землѣ Японія называлась Юнара или Іирпонъ. Начальникъ островской не надѣясь отъ нихъ ничего узнать, велѣлъ *принести* чашку арраку, напоилъ ихъ всѣхъ по порядку и отпустилъ назадъ въ палатку. По его приказанію они показали ему всю свою провизію, и вскорѣ потомъ имъ принесли сарачинскаго пшена вареннаго въ водѣ. Но какъ начальникъ думалъ, что они умирали отъ голоду, то велѣлъ давать имъ по малой порціи, боясь, чтобъ излишество имъ не повредило.

Послѣ полудни, Голландцы ужаснулись, видя, что многїе изъ сихъ дикихъ идутъ съ веревками. Они не сомнѣвались, что хотятъ всѣхъ ихъ удавить. Но скоро прошелъ ихъ страхъ; ибо островитяне побѣжали къ берегу, чтобъ вытащить отломки корабля, которые могли быть имъ полезны. Кормчїй, сдѣлавши наблюденїя, думалъ, что они находятся на островѣ Келпаерть (1), подъ 33 градусомъ 23 минутою широты.

Островитяне занимались 19 го числа вытаскивая на берегъ все оставшееся отъ кораблекрушенїя, высушивая полотна и сукна, и сожигая доски, чтобы достать изъ нихъ желѣзо, до котораго они великїе охотники. Между тѣмъ обхожденїе съ обѣихъ сторонъ становилось болѣе и болѣе дружескимъ. Голландцы осмѣлились поднести начальку войскъ островскихъ и ихъ Адмиралу, подошедшему также къ палаткѣ, по одной зрительной трубкѣ и по бутылкѣ краснаго вина. Серебряная Капитанова чашка, найденная между скалами, поднесена имъ же. Они приняли трубки и вино; казалось, что имъ понравился сей напитокъ, ибо они пили его столько, что сдѣлались довольно веселы. Но чашку, поднесенную имъ,

отдали назадъ Голландцамъ, оказывая притомъ многїе знаки дружбы.

Двадцатаго, продолжали островитяне жечь доски и бревна корабельныя, и изъ нихъ доставать желѣзо. Во время сего ихъ дѣйствїя, по случаю огонь такъ близко дошелъ до двухъ пушекъ, заряженныхъ пулями, что они выстрѣлили съ великимъ трескомъ, и всѣ островитяне ударились бѣжать. Съ трудомъ могли ихъ воротить, давая знать разными знаками, что нѣчего бояться. Въ тотъ же день приносили Голландцамъ сарачинскаго пшена два раза. Въ слѣдующїй день по утру начальникъ островитянъ далъ знать Голландцамъ, чтобъ они принесли къ нему все, что спасли въ палаткѣ. Ему повиновались, и тотъ же часъ все было освидѣтельствовано и ко всему приложена печать по его приказанїю. Въ то же время привели къ нему нѣсколько человѣкъ островитянъ, коихъ изобличили, что они употребили на свою потребу найденное желѣзо, кожи и другїе остатки съ корабля. Онъ тутъ же велѣлъ ихъ наказать, давая тѣмъ знать странникамъ, что жители не намѣрены ихъ грабить и обманывать. Каждому вору дано было 30 или 40 ударовъ по подошвѣ ногъ палкою пол-

стою въ кулакъ и длинною въ 6 футовъ. Сїе наказанїе было такъ жестоко, что у нѣкоторыхъ изъ виновныхъ обиты были пальцы на ногахъ.

Около полудни дали знать Голландцамъ, чтобъ они готовились ѣхать. Которые изъ нихъ были здоровы, тѣмъ дали лошадей, а больныхъ понесли на носилкахъ. Всѣ отправились въ путь, будучи провожаемы множествомъ и конныхъ и пѣшихъ. Проѣхавши четыре мили, остановились ввечеру въ небольшомъ городѣ, называемомъ Тадїана, гдѣ ужинъ ихъ былъ самой легкой, а спали въ какомъ то магазинѣ, похожемъ на конюшню. 22 го, на разсвѣтѣ отправились далѣе тѣмъ же порядкомъ, и достигли небольшой крѣпости, возлѣ которой увидѣли два галїота. Тамъ они обѣдали, а къ вечеру прибыли въ Магганъ или Мо-ксо, столичной городъ сего острова, гдѣ главной Правитель имѣлъ свою резиденцїю. Они приведены всѣ вмѣстѣ на четвероугольную площадь, прямо противъ дворца, и нашли тамъ около 3000 человѣкъ въ оружїи. Нѣкоторые изъ сихъ подошли къ нимъ и принесли воды. Но Голландцы, видя ихъ страшно вооруженныхъ, думали, что хотятъ ихъ убить. Одежда сихъ

дикихъ могла еще болѣе усугубить ихъ страхъ; въ ней было что-то ужасное, чего не видано ни въ Китаѣ, ни въ Японїи.

Секретарь съ нѣкоторыми изъ товарищей представлены Правителю. Нѣсколько времени лежали они ницъ на землѣ передъ балкономъ, на которомъ сидѣлъ самъ Правитель. Дали знакъ и другимъ Голландцамъ, чтобъ они приближились и оказали такую же униженную почесть. Наконецъ онъ разными знаками велѣлъ ихъ спрашивать, откуда они, и какая цѣль ихъ плаванїя. Отвѣтъ былъ, что они Голландцы, и что плыли въ Нангацаки въ Японїю. Правитель далъ знакъ головою, что онъ нѣсколько ихъ понимаетъ; послѣ чего велѣлъ ихъ приводить къ себѣ въ допросъ по четыре человѣка вдругъ, и сдѣлавши имъ по ряду тѣже вопросы, приказалъ отвесть всѣхъ въ нѣкоторое зданїе, гдѣ дядя Царской, обвиненный въ томъ, будто онъ хотѣлъ похитить корону своего племянника, заключенъ былъ на всю жизнь.

Какъ скоро всѣ они вошли въ сїю крѣпость, тотчасъ она окружена была вооруженными людьми. Каждой день давали имъ сарачинскаго пшена по 12 унцїй на человѣка, и столькоже пше-

ничной муки; больше почти ничего, и все сїе было такъ худо приготовлено, что Голландцы едва могли что отвѣдать. Такимъ образомъ единая ихъ пища была сарачинское пшено, мука и соль, а единое ихъ питье вода. Правитель острова съ виду казался лѣтъ семидесяти, и былъ человѣкъ весьма разсудительной и уважаемъ при Дворѣ. Отпуская ихъ отъ себя, онъ давалъ имъ знаками разумѣть, что будетъ писать объ нихъ Государю и ожидать отъ него рѣшительнаго повелѣнїя; но что отвѣтъ нѣсколько замѣшкаетъ, ибо Дворъ отдаленъ оттуда за восемьдесять миль. Они просили его, чтобъ онъ позволилъ имъ давать иногда нѣсколько мяса и другой пищи, и не запрещалъ бы имъ выходить каждой день по шести человѣкъ на чистой воздухъ, и для мытья бѣлья. Сїя милость не была имъ отказана. Онъ дѣлалъ имъ честь, часто призывалъ къ себѣ нѣкоторыхъ, и заставлялъ писать передъ собою что нибудь на Голландскомъ или на его собственномъ языкѣ. Такимъ образомъ они начали разумѣть нѣкоторыя выраженїя на языкѣ той страны. Сей доброй Правитель больше и больше утѣшался разговаривая съ ними, доставлялъ имъ нѣкоторыя уве-

селенія, и подавалъ надежду, что рано или поздо отвезутъ ихъ въ Японію. Онъ столько заботился о ихъ больныхъ, что по увѣренію автора сіи язычники больше о нихъ пеклись, нежели какъ Христіяне обыкновенно пекутся.

29 го Октября, Секретарь, кормчій и подлѣкарь приведены были къ Намѣстнику; возлѣ него сидѣлъ одинъ старикъ съ большою рыжею бородою. „За кого вы почитаете этого человѣка? спросилъ ихъ Намѣстникъ. — Они отвѣчали, что почитаютъ его за Голландца. — „Ошибаетесь, сказалъ онъ засмѣявшись, это Кореецъ.„ Послѣ нѣкоторыхъ другихъ разговоровъ, сей старикъ, сидѣвши до того времени молча, спросилъ ихъ по Голландски, кто они, и изъ какой земли. Они удовлетворили его любопытству, присоединивши къ тому и повѣствованіе о своемъ нещастіи. Потомъ сами взаимно сдѣлали ему тѣ же вопросы, и онъ имъ отвѣчалъ, что имя его *Іоаннъ Веттеври*, родомъ изъ Рипа въ Голландіи, откуда онъ отправился въ 1626 году волонтеромъ на Голландскомъ кораблѣ; что спустя годъ послѣ того плывши въ Японію на Фрегатѣ *Удеркересъ*, пригнаны они были вѣтромъ къ берегу Кореи (2); что имѣя недостатокъ въ водѣ,

принужденъ онъ былъ по приказанію начальника сойти на берегъ съ нѣкоторыми другими для запасенія себя водою; что въ то время былъ плѣненъ жителями вмѣстѣ съ двумя изъ своихъ товарищей *Ѳеодорикомъ Герардомъ* и *Іоанномъ Піетерсомъ*, которые лѣтъ 17 или 18 тому назадъ убиты при случившемся нападеніи Татаръ на Корею; что ему отъ роду 58 лѣтъ; что живетъ онъ теперь при дворѣ Царскомъ, и что Царь далъ ему повелѣніе навѣдаться объ нихъ, кто они, и что ихъ привело въ его землю. Къ тому присоединилъ онъ, что часто просилъ у Государя позволенія отправиться въ Японію; но что сей, вмѣсто всякаго отвѣту, увѣрялъ его, что этому никогда не бывать, развѣ онъ достанетъ крылья, туда улетѣть; что по обычаю сей земли должно удерживать у себя иностранныхъ, и не отпускать ихъ, а впрочемъ доставлять имъ все нужное для пищи и содержанія даромъ во всю ихъ жизнь.

Сіе извѣстіе не могло порадовать Голландцовъ. По крайней мѣрѣ веселило ихъ то, что они нашли себѣ такого хорошаго помощника. Правда, Веттеври столько забылъ свой отечественной языкъ, что трудно было его по-

нимать. Цѣлой мѣсяцъ употребилъ онъ на то, чтобы мало по малу прїучаться къ прежнимъ выраженїямъ.

Между тѣмъ Намѣстникъ велѣлъ по формѣ дѣлать допросъ Голландцамъ, и всѣ ихъ отвѣты отослалъ ко Двору, уговаривая ихъ, чтобъ они не печалились, и ожидали отзыва Царскаго. Съ другой стороны оказывалъ имъ всякой день новыя милости. Веттеври и Офицеры сопровождавшїе его, получили позволенїе *видѣть* *ихъ* *во* всякое время, и объяснять ихъ нужды.

Въ началѣ Декабря, кончился трехгодичной срокъ правительствованїя ихъ благодѣтеля; прїѣхалъ новой Намѣстникъ. Авторъ въ семъ мѣстѣ сомнѣвается, чтобъ могъ онъ изобразить вѣрно свои чувствованїя. Едва можно повѣрить, говоритъ онъ, какїе знаки милости получили Голландцы отъ сего своего покровителя передъ его отъѣздомъ. Онъ велѣлъ сдѣлать имъ на зиму каждому по двѣ пары башмаковъ, по платью съ подбоемъ, и по парѣ кожаныхъ чулокъ, къ тому же присоединилъ самыя дружескїя ласки. Увѣрялъ ихъ, что ему весьма прискорбно, что онъ не можетъ отослать ихъ въ Японїю, или везти съ собою на твердую землю. Ободрялъ ихъ, чтобъ они

не безпокоились его отъѣздомъ, обнадеживая, что первое его старанie будетъ воспользоваться всею довѣренностiю къ нему Царя, дабы испросить у него всѣмъ имъ свободу, или по крайней мѣрѣ позволенiя слѣдовать за нимъ. Онъ отдалъ имъ книги, которыя они спасли отъ кораблекрушенiя, также многiя другiя вещи, къ нимъ еще прибавилъ бутылку драгоцѣннаго масла. Наконецъ убѣдилъ новаго Намѣстника, чтобъ онъ содержалъ ихъ нѣсколько получше: ибо сей началъ было опять давать имъ только сарачинскаго пшена, соли и воды.

Но какъ скоро онъ уѣхалъ, что случилось въ мѣсяцѣ Генварѣ 1654 года, то стали поступать съ ними гораздо суровѣе, нежели когда либо прежде. Вмѣсто сарачинскаго пшена давали имъ ячменю, и ячменной муки вмѣсто крупичатой. Они принуждены были продавать ячмень и покупать себѣ другой пищи. Сiя жестокость, къ которой присоединилась еще и та досада, что отъ Двора не приходило приказанiя отправить ихъ къ Царю, поселила въ нихъ мысль, бѣжать изъ острова въ наступающую весну. Долго думали они, какими бы средствами удобнѣе во время ночной тьмы захва-

тить барку, и наконецъ шестеро изъ нихъ рѣшились произвести въ дѣйство сїе намѣренїе въ концѣ Апрѣля. Но какъ одинъ изъ нихъ взошелъ на стѣну, чтобы вѣрнѣе разсмотрѣть мѣсто, гдѣ стоитъ барка, то собаки увидѣли его, и лаемъ своимъ дали знать караульнымъ, что и принудило его поспѣшно оставить свое намѣренїе.

Въ началѣ мѣсяца Мая, кормчїй получилъ позволенїе выйти изъ замка съ пятью своими товарищами, и прохаживаясь по одной небольшой деревнѣ близъ города, увидѣлъ барку хорошо снаряженную, и замѣтилъ, что никто ея не стерегъ. Тотчасъ онъ приказалъ одному изъ своихъ товарищей взять маленькую лодку и нѣсколько короткихъ досокъ, которыя увидѣлъ на берегу; потомъ велѣвши всѣмъ имъ напиться воды, пошолъ съ ними на барку безъ всякой другой предосторожности. Но между тѣмъ какъ они употребляли всѣ усилїя, что бы снять ее съ мѣли, и спустить на воду, нѣкоторые жители то увидѣли, и одинъ изъ нихъ вбѣжалъ даже въ воду съ мушкатономъ, дабы заставить ихъ возвратиться на берегъ. Но его угрозы мало ихъ устрашили; только одинъ не успѣлъ за другими войти въ барку, и принужденъ

былъ возвратиться на землю. Прочїе пятеро всячески старались поднять парусъ; но вдругъ и мачта и парусъ упали въ воду. Они съ великимъ трудомъ подняли мачту и укрѣпили ее; но когда хотѣли поднять парусъ, то конецъ мачты переломился. Сїя неудача такъ ихъ задержала, что жители между тѣмъ успѣли сѣсть въ другую барку, и настигли бѣглыхъ; но сїи не страшась ни многолюдства ихъ, ни оружїя, поспѣшно вскочили въ непрїятельскую барку, и хотѣли ею овладѣть. Однако видя, что она наполнена водою, и къ плаванїю не годна, принуждены были покориться.

Ихъ привели къ Намѣстнику; онъ *тотчасъ велѣлъ растянуть* ихъ на землѣ, привязавши имъ руки къ толстому бревну. Потомъ приказалъ призвать и прочихъ всѣхъ Голландцевъ также связанныхъ и окованныхъ цѣпьми, и спросилъ у шести виновныхъ, знали ли товарищи что нибудь о ихъ побѣгѣ? Они смѣло отвѣчали, нѣтъ. Приказано было Веттеври распросить у нихъ, какое ихъ было намѣренїе. Они клялись, что ничего другаго не помышляли, кромѣ уйти въ Японїю. „Какъ! сказалъ имъ Губернаторъ, вы „бы осмѣлились предпринять сїе путе-

„шествіе безъ хлѣба и воды?„ Они отвѣчали ему, что лучше желаютъ подвергнуться смерти одинъ разъ на всегда, нежели умирать каждую минуту. За то сіи нещастные получили каждой 25 ударовъ по голой задницѣ палкою, длиною въ сажень, шириною въ четыре пальца, а толщиною въ дюймъ, плоскою съ той стороны, которою бьютъ, а съ противной крутлою. Наказаніе было столь жестоко, что они больше мѣсяца не могли встать съ постѣли. Губернаторъ велѣлъ снять цѣпь съ прочихъ; но они были заперты въ своей темницѣ, и ихъ стерегли и день и ночь.

Островъ Кельпаертъ, называемый жителями Шезюрою, лежитъ за 12 или 13 миль отъ Кореи, къ Югу; въ окружности имѣетъ отъ 14 до 15 миль. Съ Сѣверной его стороны есть заливъ, гдѣ всегда находится множество барокъ, и откуда плыть можно къ твердой землѣ. Берегъ Корейской весьма опасенъ для пристающихъ къ нему, и худо его знающихъ: ибо на немъ есть только одна рейда, въ которой корабли могутъ спокойно стоять на якорѣ. Всѣ прочія не доставляютъ никакой защиты отъ вѣтровъ, и корабль легко можетъ быть принесенъ къ берегамъ Японіи. Самый островъ Кель-

паертъ окруженъ скалами. На немъ водится великое множество лошадей и другаго скота; но какъ онъ платитъ Королю знатныя подати, которыя дѣлаютъ его бѣднымъ, то по сей причинѣ находится въ презрѣнiи у Корейцевъ или у жителей твердой земли. На семъ островѣ есть превысокая гора, заросшая лѣсомъ, и множество холмовъ голыхъ, между которыми простираются долины, обилующiя сарачинскимъ пшеномъ.

Въ концѣ Мая, Намѣстникъ получилъ приказанiе отправить Голландцевъ ко Двору. Спустя шесть или семь дней они посажены на четыре барки; ноги у нихъ были скованы желѣзными цѣпьми, а правыя руки привязаны къ деревянному блоку. Боялись, чтобъ они не бросились въ море: что легко могли бы сдѣлать, ибо всѣ солдаты, ихъ провожавшiе, страдали морскою болѣзнiю.

Два дня боролись они съ вѣтромъ, которой потомъ пригналъ ихъ назадъ въ Кельпаертъ, гдѣ Намѣстникъ велѣлъ снять съ нихъ оковы, и опять ввести ихъ въ прежнюю темницу. Спустя четыре или пять дней, сѣли они опять въ барки весьма рано по утру, а къ вечеру прибыли къ твердой зем-

лѣ. Ночь проводили на рейдѣ. На другой день вышли на берегъ; оковы были съ нихъ сняты, но стража удвоена. Тотчасъ привели лошадей, на которыхъ они и поѣхали въ городъ Гайнамъ. Тамъ имѣли удовольствіе собраться всѣ вмѣстѣ: ибо разлучены будучи вѣтромъ, они пристали къ берегу въ разныхъ мѣстахъ.

Въ слѣдующій день по утру пріѣхали въ городъ Сегамъ, гдѣ умеръ ихъ пушкарь, которой послѣ кораблекрушенія все былъ нездоровъ. Его похоронили по приказанію Губернатора. Ввечеру они остановились въ городѣ Надіанѣ; на другой день въ Саншангѣ; потомъ въ Тонгапѣ, переѣхавши другую гору, на вершинѣ которой есть большая крѣпость, называемая Эпамъ-Сансіангъ. Оттуда пріѣхали въ городъ Теинъ; а въ слѣдующій день, проѣхавши городъ Кунигу, ввечеру прибыли въ Кинъ-Тинъ, большой городъ, бывшій прежде столицею Короля; а нынѣ живетъ въ немъ Губернаторъ провинціи Ѳилладоской. Коммерція тамъ въ цвѣтущемъ состояніи, отъ чего и городъ сей знатенъ во всей странѣ, хотя и отстоитъ на день пути отъ моря. Потомъ пріѣхали въ Же-занъ, послѣдній городъ тойже провинціи, откуда всту-

пили въ небольшой городъ Гунумъ, потомъ въ Жю-занъ, и въ Конзїю, резиденцїю Губернатора провинцїи Тїангъ-Сїандоской. На другой день, проѣхавши большую рѣку, вступили въ провинцїю Сенгада, въ которой находится Сїоръ, столица всего государства.

Еще разные города проѣхали они въ слѣдующїе дни; потомъ переправились черезъ большую рѣку, которая шириною казалась имъ не меньше Мааса въ томъ мѣстѣ, гдѣ сїя послѣдняя течетъ близъ города Дорта. За одну милю вверхъ стоитъ городъ Сїоръ. Отъ того берега, гдѣ они сошли съ барокъ, до сего города щитаютъ 75 миль, все идучи на Сѣверъ, и нѣсколько на Западъ. Въ первые два или три дни жили они всѣ въ одномъ домѣ. Потомъ дали имъ небольшїя хижины для трехъ или четырехъ человѣкъ, въ той квартирѣ, гдѣ Китайцы основали свое жилище. Ихъ повели всѣхъ вмѣстѣ къ Королю. Сей Государь распрашивалъ ихъ черезъ переводчика Вeттеври; и они униженно умоляли его, чтобъ онъ отправилъ ихъ въ Японїю, откуда они могли надѣяться съ торгующими тамъ Голландцами возвратиться нѣкогда въ свое отечество. Король отвѣчалъ имъ, что законы его земли не позво-

ряютъ выпускать иностранныхъ изъ Государства; но что имъ будетъ доставляемо все нужное. Потомъ онъ приказалъ имъ передъ собою дѣлать разныя упражненія, въ чемъ кто искусенъ, какъ то: пѣть, плясать, прыгать; послѣ чего велѣлъ принести имъ нѣкоторыя кушанья, и подарилъ каждому по два куска сукна, чтобы имъ одѣться по обычаю Корейцевъ.

На другой день привели ихъ къ Генералу, начальствовавшему надъ войсками, и сей объявилъ имъ чрезъ Веттеври, что Король принялъ ихъ въ корпусъ своихъ тѣлохранителей, и что въ семъ званіи будутъ они получать всякой мѣсяцъ 70 катисовъ сарачинскаго пшена. Каждому дана была бумага, на которой написано его имя, лѣта, городъ отечественной, ремесло, какимъ кто прежде занимался, и то, какимъ онъ будетъ заниматься въ службѣ Короля Корейскаго. Сей патентъ написанъ былъ Корейскими литерами, запечатанъ большою печатью Королевскою и другою Генеральскою; но обѣ были безъ всякаго сургуча, а только тиснуты раскаленымъ желѣзомъ. Приказано имъ палить изъ ружій въ первой и въ четвертой день каждаго мѣсяца передъ самимъ Генераломъ, и быть

всегда въ готовности слѣдовать за нимъ, или для препровожанія Короля или при другихъ случаяхъ. Генералъ дѣлаетъ смотръ войску три раза въ мѣсяцъ, а солдаты столько же разъ учатся сами собою экзерциціямъ. Голландцевъ было числомъ 35 человѣкъ. Они поручены въ команду одному Китайцу и Вептеврію. Одинъ былъ въ качествѣ сержанта, а другой служилъ имъ переводчикомъ и научалъ ихъ обычаямъ Корейскимъ.

Придворные весьма любопытствовали видѣть сихъ новыхъ пришельцевъ, и для того очень часто приглашали ихъ къ себѣ обѣдать, и заставляли стрѣлять и плясать по Голландски. Болѣе же всѣхъ любопытствовали видѣть ихъ дѣти и женщины; ибо пронесся слухъ, будто они изъ роду чудовищь, и когда пьютъ, то будто должны заворотить носъ за уши. Удивленіе ихъ умножилось, когда увидѣли, что Голландцы все это лучше дѣлаютъ, нежели сами жители. Особенно дивились бѣлизнѣ ихъ кожи. Народъ вездѣ толпился около нихъ въ такомъ множествѣ, что въ первые дни едва могли они протѣсняться на улицѣ, или въ хижинахъ остаться спокойны на минуту. Наконецъ Генералъ прекратилъ сей без-

порядокъ, обнародовавши запрещенїе приближаться къ жилищу Голландцевъ безъ его позволенїя. Сïе приказанїе было тѣмъ болѣе нужно, что даже слуги большихъ господъ заставляли ихъ выходить изъ хижинъ, и тѣшились смотря на нихъ.

Въ Августѣ, прибылъ Татарской посланникъ, принять дань Великому Хану. Авторъ повѣствуетъ, не объясняя намъ причины, что Царь Корейской отправилъ Голландцевъ въ одну большую крѣпость, отстоящую за 6 или за 7 миль отъ Сïора, и тамъ оставилъ ихъ до отъѣзда посланника Татарскаго, то есть до слѣдующаго мѣсяца. Сïя крѣпость стоитъ на горѣ, называемой Нуммасанъ - Сïангъ, на которую не можно взойти скорѣе, нежели въ три часа. Она столь хорошо укрѣплена, что во время войны служитъ убѣжищемъ самому Королю. Большая часть знатныхъ Господъ имѣютъ тамъ обыкновенное свое жилище, и нѣтъ опасности, что бы оказался недостатокъ въ провизїи, ибо она всегда бываетъ запасена на три года.

Въ концѣ Ноября, стужа была столь жестокая, что рѣки крѣпко замерзли, и 300 лошадей навьюченныхъ проходили по льду безопасно. Генералъ безпокоясь

о Голландцахъ, доложилъ Государю, чѣмъ ихъ обезпечить отъ стужи. Приказано было раздѣлить имъ нѣсколько кожъ, до половины истлѣвшихъ, которыя они спасли послѣ кораблекрушенія, дабы ихъ продать и купить себѣ платье. Двое или трое изъ нихъ купили себѣ за вырученныя деньги небольшую хижину, и она имъ стоила девять или десять ефимковъ; они лучше хотѣли сносить холодъ, нежели безпрестанныя безпокойства и мученія отъ хозяевъ, которые посылали ихъ за дровами въ горы за три или четыре мили отъ города. Прочіе же одѣлись нѣсколько потеплѣе, но за то провели остальную зиму такъ, какъ проводили и многія другія.

Татарской посланникъ пріѣхалъ опять въ Сіоръ, въ Мартѣ 1655 года, и тотчасъ запрещено было Голландцамъ выходить изъ домовъ подъ опасеніемъ страшнаго наказанія. Не смотря на то ***Генрикъ Жансъ***, и ***Генрикъ Жанъ-Босъ*** рѣшились явиться ему на дорогѣ въ день его отъѣзда, подъ тѣмъ предлогомъ, будто идутъ за дровами. Какъ скоро они увидѣли его ѣдущаго передъ своимъ войскомъ, тотчасъ подошли къ его лошади, и взявши за узду одною рукою, раскрыли другою свое Корейское

платье, чтобы подъ симъ видна была одежда Голландская. Сей нечаянный случай причинилъ великое смятенiе во всѣхъ. Посланникъ спросилъ ихъ съ любопытствомъ, кто они? Но не могши разумѣть ихъ отвѣта, далъ имъ знакъ, чтобъ они за нимъ слѣдовали. Ввечеру распрашивалъ, нѣтъ ли кого, кто бы могъ служить переводчикомъ; ему сказали о Веттеври. Тотчасъ за нимъ было послано. Веттеври не приминулъ увѣдомить о томъ Короля. Держанъ былъ совѣтъ, на которомъ положено сдѣлать подарокъ посланнику, и тѣмъ предохранить, чтобы сiе извѣстiе не дошло до Великаго Хана. Сба Голландцы приведены въ Сiоръ, и заперты въ тѣсную темницу, гдѣ скоро кончили свою жизнь. Но какъ ихъ товарищи болѣе ихъ не видали, то и не извѣстно, натуральная ли была ихъ смерть, или насильственная. По возвращенiи сихъ двоихъ нещастныхъ, всѣ прочiе приведены въ воинской совѣтъ и тамъ допрошены. Спрашивали ихъ, знали ли они о бѣгствѣ своихъ товарищей; хотя же они и отреклись, однако опредѣлено было дать каждому 50 ударовъ по подошвѣ ноги. Но Король простилъ ихъ, объявляя, что ихъ не должно щитать бѣглецами, зло-

умышляющими противъ общества, а нещастными странниками, выброшенными бурею на ихъ берега. Ихъ послали назадъ въ хижины, только запрещено имъ выходить изъ домовъ безъ позволенія Королевскаго.

Въ Іюнѣ, Генералъ объявилъ имъ чрезъ переводчика, что по случаю разбитія нѣкотораго корабля близъ острова Кельпаерта, поелику Веттеври за старостію лѣтъ не въ состояніи предпринять туда путешествія; то трое изъ нихъ, которые болѣе другихъ искусны въ Корейскомъ языкѣ, должны отправиться на тотъ островъ съ тѣмъ, чтобы развѣдать всѣ обстоятельства кораблекрушенія и сообщить обо всемъ Двору. По сему повелѣнію ассистантъ и второй кормчій съ однимъ пушкаремъ отправились въ путь черезъ два дня.

Въ Августѣ, Татарской посланникъ опять возвратился, и тотчасъ объявлено было Голландцамъ съ великими угрозами, чтобъ они не прежде смѣли выходить изъ домовъ, какъ спустя три дни послѣ отъѣзду посланника. За день передъ его пріѣздомъ они получили письмо отъ своихъ товарищей, которые ихъ увѣдомляли, что это былъ одинъ подлогъ со стороны Короля, будто хотѣли ихъ отправить въ

Кельпаертъ, а въ самомъ дѣлѣ они заключены въ отдаленнѣйщей южной провинціи, съ тѣмъ умысломъ, что естьли Ханъ узналъ бы о смерти ихъ двухъ товарищей, и приказалъ бы прислать къ себѣ оставшихся, то можно бы было объявить ему, будто трое погибли на пути въ Кельпаертъ.

Тотъ же посланникъ пріѣжжалъ еще въ концѣ года. Хотя со времени неудачнаго покушенія двухъ Голландцевъ онъ пріѣжжалъ уже два раза и не упоминалъ ни однимъ словомъ о семъ приключеніи; однако большая часть Корейскихъ вельможей убѣждали Короля, чтобъ онъ для безопасности погубилъ всѣхъ Голландцевъ. По сему поводу держанъ былъ совѣтъ цѣлые три дни. Но Король, Принцъ, братъ его, Генералъ и нѣкоторые другіе отвергли сіе жестокое предложеніе, боясь притомъ, что бы Ханъ не узналъ того рано или поздо. Генералъ предложилъ свое мнѣніе, чтобы заставить каждаго Голландца сражаться противъ двухъ Корейцовъ одинаковымъ оружіемъ. Вотъ средство, говорилъ онъ, избавиться отъ нихъ такъ, что не можно будетъ обвинять Короля въ погибели сихъ бѣдныхъ чужеземцевъ. Голландцы увѣдомлены были нѣкоторыми сострадатель-

ными жителями о сей безчеловѣчной резолюціи. Случилось, что братъ Королевской проходилъ мимо ихъ квартиры, идучи въ совѣтъ, въ коемъ онъ былъ Президентомъ: они бросились къ его ногамъ, умоляли его, не погубить ихъ невинныхъ, и столько тронули его своими прозьбами, что онъ сдѣлался ихъ покровителемъ. Такъ-то обязаны они жизнію своимъ попеченіямъ и человѣколюбію Короля. Но какъ многіе изъ знатныхъ людей оскорбились сею пощадою, то положено было отправить ихъ въ провинцію Ѳилладоскую, частію для того, чтобы обезпечить ихъ самихъ отъ гоненій ихъ враговъ, а частію для того, чтобы удалить отъ Татаръ. На содержаніе ихъ опредѣлено давать въ мѣсяцъ 50 фунтовъ сарачинскаго пшена.

По сему приказанію отправились они изъ Сіора верьхами въ Мартѣ мѣсяцѣ 1657 года, подъ начальствомъ сержанта. Веттеври проводилъ ихъ за милю отъ города, даже до той рѣки, чрезъ которую они переправлялись, ѣдучи въ первой разъ изъ Кельпаерта. Они проѣжжали весьма многіе изъ тѣхъ городовъ, которые видѣли прежде въ первое свое путешествіе. Наконецъ, ночевавши въ *Ямѣ*, отправились изъ сего

города поутру на другой день, а около полудня пріѣхали въ знатной городъ, называемый Діу-Сіонгъ или Ѳилла-Пенингъ, въ которомъ есть большая крѣпость. Въ немъ имѣетъ свое пребываніе Пенигъ-Се, правитель той провинціи въ отсутствіи Губернатора, имѣющій титулъ Полковника провинціи. Сержантъ, которому поручены были Голландцы, представилъ ихъ сему правителю вмѣстѣ съ письмами отъ Короля. Ему приказано было привести и тѣхъ трехъ Голландцевъ, которые отправлены туда прошлаго года изъ Сіора, и находились за 12 миль отъ Діу-Сіонга, въ одномъ городѣ, въ коемъ начальствовалъ Адмиралъ. Ихъ помѣстили въ нѣкоторомъ публичномъ зданіи всѣхъ вмѣстѣ, числомъ тридцать трехъ человѣкъ.

Въ теченіи мѣсяца Апрѣля, привезли имъ нѣсколько кожъ, остававшихся до того времени въ Кельпаертѣ, которой островъ отстоялъ отъ нихъ не далѣе, какъ за 18 миль. Единственная должность, возложенная на нихъ, состояла въ томъ, что они обязаны были два раза въ мѣсяцъ вырывать траву, росшую на площади замка. Губернаторъ оказывалъ къ нимъ весьма много привязанности, равно какъ и всѣ жители

города; но онъ скоро отозванъ ко Двору по нѣкоторому на него доносу, подвергшему жизнь его опасности. Однако общая любовь къ нему народная и благопріятство большой части вельможей, послужило ему спасеніемъ; онъ отосланъ былъ назадъ съ честію. Его наслѣдникъ поступалъ съ Голландцами не столько человѣколюбиво. Онъ заставилъ ихъ искать себѣ дровъ за три мили отъ города на горѣ, чего прежде они не знали; ибо имъ доставляемы были дрова отъ жителей. Но апоплексической ударъ освободилъ ихъ отъ сего ненавистнаго начальника въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Сентябрѣ.

Впрочемъ состояніе ихъ не сдѣлалось лучше при другомъ наслѣдникѣ. Когда они просили у него сукна себѣ на платье, показывая ему, что ихъ одежда отъ работы износилась: то онъ отвѣчалъ имъ, что не имѣетъ приказа отъ Короля касательно до сего пункта; что онъ обязанъ снабжать ихъ только сарачинскимъ пшеномъ, а прочія потребности они сами должны себѣ доставать. Тогда Голландцы убѣждали его, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ позволилъ имъ просить милостыню, представляя ему, что не имѣя никакой одежды, и не будучи въ состояніи тру-

дами рукъ своихъ доставать себѣ что нибудь больше, нежели малаго количества сарачинскаго пшена и соли, они не могутъ продлить бѣдственной жизни. Эта милость была имъ позволена, и они скоро пришли въ состоянїе защитить себя отъ стужи.

Въ началѣ 1658 года, новой Губернаторъ началъ притѣснять ихъ еще болѣе. Не позволено было имъ выходить изъ города. Только Губернаторъ обьявилъ имъ, что естьли они станутъ работать для него, то онъ каждому дастъ три куска бумажной матерїи; но они съ покорностїю отказались отъ сего предложенїя, зная, что сїя работа стоила бы имъ больше платья, нежели сколько онъ обѣщалъ давать матерїи. Въ сїе время случилось, что нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались больны горячкою. Жители, боясь одного имени сей болѣзни, испросили позволенїя Голландцамъ, ходить за милостыней, съ тѣмъ условїемъ, чтобъ они находились въ отлучкѣ отъ города не больше какъ 15 дней или три недѣли, и притомъ не ходили бы въ ту сторону, гдѣ находится Дворъ, ниже къ сторонѣ Японїи. Сїя милость оказана была только половинѣ изъ нихъ, между тѣмъ прочїе, оставшїеся въ городѣ, должны были хо-

дить за больными, и вырывать траву на площади.

Въ Апрѣлѣ, умеръ Король, и сынъ его, съ позволенія Великаго Хана, взошелъ на тронъ. Между тѣмъ Голландцы продолжали жить по прежнему, прося милостыню, особливо у тамошнихъ священниковъ и монаховъ, которые обходились съ ними весьма благосклонно, и заставляли ихъ расказывать свои приключенія и обычаи своей земли. Въ 1660 году, прїѣхалъ туда Губернаторъ, которой оказалъ имъ много милостей, и часто жалѣлъ, что не можетъ ихъ отправить въ Голландію, или покрайней мѣрѣ въ такое мѣсто, гдѣ бы они нашли своихъ соотечественниковъ. Въ этотъ годъ засуха была столь велика, что съѣстные припасы стали очень дороги. Въ слѣдующій годъ скудость болѣе умножилась, отъ чего по большимъ дорогамъ дѣлались страшные грабежи, не смотря на неусыпное бдѣніе со стороны правительства и на строгія казни, которымъ подвергались воры по повелѣнію Короля. Множество жителей погибло отъ голода. Жолуди, сосновыя шишки и другїе дикїе плоды были единою пищею людей бѣдныхъ. Наконецъ голодъ сдѣлался столько нестерпимъ, что мно-

тїя деревни разграблены, и даже не пощажены Королевскіе магазины. Сїе нещастїе продолжалось даже и въ 1662 году, и чувствуемо было еще годъ спустя. Голландцы жили всѣ въ городѣ Дїу-сїонгѣ; но какъ во время сего общаго бѣдствїя тягостно было доставлять имъ всѣмъ провизїю, то получено повелѣнїе отъ Двора, разослать ихъ по разнымъ городамъ. Двенадцать человѣкъ отправлено въ Сайфїанъ, пятеро въ Сїунъ-шіенъ, а пятеро въ Нам-манъ, за 16 миль далѣе. Сїя разлука была имъ весьма огорчительна, но способствовала ихъ бѣгству, а слѣдовательно споспѣшествовала ихъ щастїю.

Они отправились пѣшкомъ, а больные и ихъ пожитки на лошадяхъ, которыхъ имъ дали даромъ. Первую и вторую ночь провели всѣ вмѣстѣ въ одномъ городѣ. На третїй день пришли въ Сїунъ-шїенъ, гдѣ и остались пятеро изъ нихъ, коимъ назначено тамъ жить. На другой день прочїе провели ночь въ нѣкоторой деревнѣ, откуда отправившись на утро весьма рано, пришли къ полудню въ Сай-Сїанъ. Провожатые представили ихъ Губернатору или Адмиралу Ѳилладоской провинціи, въ коей Сай-Сїанъ есть глав-

ной городъ. Сей Правитель показался имъ человѣкомъ весьма достойнымъ; но заступившій послѣ его мѣсто, скоро сдѣлался ихъ бичемъ. Величайшею милостію почтено было позволеніе рубить лѣсъ и дѣлать стрѣлы для его служителей. Вообще слуги у Корейскихъ господъ не знаютъ другаго упражненія, кромѣ стрѣлять изъ лука: ибо ихъ господа полагаютъ въ томъ свою славу, что держатъ самыхъ лучшихъ стрѣлковъ.

При наступленіи зимы Голландцы просили Губернатора, чтобъ онъ позволилъ имъ просить милостыни, и тѣмъ доставать себѣ нужное платье. Имъ позволено было отлучаться на три дни, только не всѣмъ вмѣстѣ, а одной половинѣ изъ нихъ вдругъ. Сіе позволеніе было для нихъ тѣмъ болѣе полезно, что знатнѣйшіе жители того города способствовали ихъ отлучкѣ, тронуты будучи единымъ состраданіемъ къ ихъ бѣдствіямъ. Иногда отсутствіе ихъ продолжалось цѣлой мѣсяцъ. Все что они собирали, раздѣляемо было по-ровну. Такую жизнь вели они даже до призыву Губернатора ко Двору; онъ былъ пожалованъ Генераломъ Королевскихъ войскъ. Сіе достоинство есть второе въ Королевствѣ.

Его наслѣдникъ во многомъ облегчилъ судьбу Голландцевъ, находившихся въ Сан-Сіанѣ, приказавши, чтобы ихъ такъ содержали, какъ содержатъ ихъ товарищей въ другихъ городахъ. Такимъ образомъ освободили ихъ отъ всѣхъ тягостныхъ работъ; только они обязаны были являться на смотръ два раза въ мѣсяцъ, по очереди быть въ своемъ домѣ, или покрайней мѣрѣ объявлять Секретарю, куда они хотятъ итти, получивъ позволеніе выходить изъ дому.

Между многими другими милостями, какія оказывалъ сей Губернаторъ Голландцамъ, было и то, что онъ посылалъ имъ иногда кушанья, и соболѣзнуя о ихъ нещастіи, спрашивалъ ихъ, для чего они, находясь такъ близко отъ моря, не предпримутъ пути въ Японію? Они отвѣчали, что боятся раздражить Короля; прибавили также, что кромѣ того не знаютъ и пути, и нѣтъ у нихъ корабля. „Какъ! возразилъ онъ, развѣ мало барокъ на берегу?„ Они притворно отвѣчали, что тѣ барки чужія, и что естьли не удастся имъ ихъ предпріятіе, то боятся, чтобъ съ ними не было поступлено, какъ съ бѣглецами и грабителями. Губернаторъ смѣялся ихъ опасе-

нїю. Онъ не зналъ того, что Голландцы сими притворными рѣчьми хотѣли только удалить отъ себя всякое подозрѣнїе, и что они и день и ночь помышляли о томъ, какъ бы достать себѣ барку.

Въ этомъ мѣстѣ замѣчаетъ Авторъ, что жестокость прежняго Губернатора была наказана. Онъ пробылъ въ своемъ высокомъ званїи только четыре мѣсяца. Его обвинили въ томъ, что онъ осудилъ на смерть многихъ людей разнаго званїя за маловажную причину; за что Король опредѣлилъ дать ему 90 ударовъ по голяшкамъ и сослать въ ссылку на вѣки.

Въ концѣ сего года явилась комета, за нею другїя двѣ вмѣстѣ, въ продолженїе двухъ мѣсяцевъ; одна на Юго-Востокѣ, а другая на Юго-Западѣ; но хвосты ихъ лежали одинъ противъ другаго. Дворъ пришелъ въ величайшее смятенїе, и Король велѣлъ удвоить стражу во всѣхъ гаваняхъ и на всѣхъ корабляхъ. Онъ послалъ ордеръ, запасти обильно всѣ крѣпости воинскими потребностями и провїантомъ, и повелѣлъ всѣмъ войскамъ каждой день заниматься экзерцицїями. Опасаясь, чтобы какой сосѣдъ не учинилъ нападенїя на его царство,

запретилъ держать ночью огонь въ тѣхъ домахъ, откуда можно его увидѣть съ моря. Подобныя явленія видны были тогда, какъ Татары опустошали сію страну, и даже иные вспоминали, будто видѣли такіе же признаки передъ войною Японцевъ съ Корейцами. Всѣ жители, встрѣчаясь съ Голландцами, не опускали спрашивать ихъ, что думаютъ о кометахъ въ ихъ землѣ. Они отвѣчали, что сіи явленія суть провозвѣстники какого либо ужаснаго нащастія, имѣющаго впредь случиться, какъ то: мора, войны или голода, а иногда и вмѣстѣ всѣхъ сихъ бѣдствій. Здѣсь Авторъ замѣчаетъ, что они говорили это безпритворно, а дѣйствительно такъ, какъ думали: ибо собственнымъ опытомъ удостовѣрились въ сей истиннѣ.

Проведши спокойно 1664 годъ и слѣдующій, возобновили свои попеченія о томъ, какъ бы достать барку; но къ ихъ нещастію всѣ умыслы ихъ не удавались. Иногда плавали они съ помощію веселъ вдоль берега на маленькой лодкѣ, что служило для ихъ прокормленія. Иногда объѣжжали небольшие острова, и замѣчали все, что могло способствовать ихъ бѣгству. Товарищи ихъ, находившиеся въ другихъ

двухъ городахъ, посѣщали ихъ иногда отъ времени до времени. Они и сами навѣщали ихъ, получа позволенїе отъ Губернатора. Терпѣнїе никогда не оставляло ихъ и въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ; довольствовались и тѣмъ, что при хорошемъ здоровьи не имѣли никогда недостатка въ потребностяхъ жизни во все время продолжительнаго ихъ рабства.

Въ 1666 году, лишились они сего добраго Губернатора: въ награду за его добродѣтели онъ возведенъ былъ на первую степень достоинства при Дворѣ. Люди всѣхъ состоянїй испытали его милости и благотворенїя въ два года его благополучнаго начальствованїя, чѣмъ онъ снискалъ себѣ любовь и привязанность отъ всѣхъ, уваженїе отъ своего Государя и почтенїе отъ людей знатнѣйшихъ. Онъ возобновилъ и поправилъ публичныя зданїя, очистилъ берега, прїумножилъ силы морскїя, и проч.

По отъѣздѣ его, городъ оставался три дни безъ Губернатора; ибо по обычаямъ сей земли новой Губернаторъ, прежде нежели вступитъ въ свое званїе, имѣетъ право въ сїи три дни выбирать, съ помощїю прорицателя, благопрїятную минуту для своего вступ-

пленія. Голландцы не были щастливы симъ новымъ Намѣстникомъ. Кромѣ другихъ строгостей, какія они должны были отъ него терпѣть, онъ хотѣлъ заставить ихъ рыть землю безпрестанно. Они отвергли сіе предложеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что исполнивъ свою должность, имъ нужно еще время работать что нибудь для содержанія своего и для другихъ потребностей; предлагали, что Король прислалъ ихъ не для такой тяжкой работы, но что, естьли захотятъ ихъ принудить къ тому, то лучше они согласятся отказаться отъ положеннаго имъ прокормленія, и будутъ просить, чтобы отослали ихъ въ Японію, или въ другое какое мѣсто, гдѣ бы они могли найти своихъ соотечественниковъ. Губернаторъ отвѣчалъ имъ на сіе съ суровостію, грозя ихъ къ тому принудить; но онъ не имѣлъ времени исполнить своего намѣренія. Спустя нѣсколько дней случилось ему быть на одномъ прекрасномъ кораблѣ: въ это время загорѣлся одинъ пороховой магазинъ, разорвало корму, и пять человѣкъ лишились жизни. Губернаторъ не хотѣлъ дать о томъ извѣстія Коммисару Провинціи, надѣясь, что сей случай останется скрытымъ. Но къ его не-

щастію одинъ шпіонъ, каковыхъ Дворъ обыкновенно держитъ на берегахъ и внутри государства — увидѣлъ сей пожаръ, донесъ о томъ Коммисару, а сей поспѣшилъ сообщить о томъ Королю. Губернаторъ отозванъ ко Двору, получилъ 90 ударовъ по голяшкамъ и осужденъ на вѣчную ссылку.

Въ Іюлѣ, прибылъ новой Губернаторъ, но судьба Голландцевъ не облегчилась. Онъ требовалъ отъ нихъ сто саженей соломяннаго ковра на каждой день. Когдажъ они представляли ему, что имъ не возможно исполнить сего требованія; то онъ грозилъ, что найдетъ для нихъ еще лучшую работу. Случившаяся ему болѣзнь помѣшала сбыться его угрозамъ; но кромѣ обыкновенной работы Голландцы должны были вырывать траву на площади Пенигъ-се, и приносить лѣсу съ горъ для дѣланія стрѣлъ. Такое тягостное состояніе возродило въ нихъ мысль, какъ бы воспользоваться болѣзнію своего тирана и достать себѣ барку, во чтобы то ни стало. Для сего они употребили однаго Корейца, которой былъ ими весьма одолженъ. Поручили ему купить для себя барку, подъ тѣмъ предлогомъ, будто имѣютъ въ ней нужду, дабы ѣздить на сосѣдніе ост-

рова просить милостиваго подаянія на платье; съ своей стороны обѣщали дать ему знатную часть подаянія, какое надѣялись собрать. Барка куплена; но продавецъ узнавши, что это для Голландцевъ, хотѣлъ воротить свое слово, боясь быть казненъ, естьли они употребятъ его барку для своего бѣгства. Не смотря на то, когда ему предложили удвоенную цѣну, то онъ забылъ весь страхъ, и торгъ былъ сдѣланъ къ великой радости для Голландцевъ.

Какъ скоро они увидѣли себя на свободѣ, тотчасъ запасли свое судно парусомъ, якоремъ, канатами, веслами и другими нужными вещьми; рѣшившись отправиться въ первую четверть луны, почитая сіе время самымъ удобнымъ. Между тѣмъ двое изъ товарищей пришли ихъ посѣтить; они и ихъ у себя удержали. Также велѣли притти къ себѣ изъ Нам-мана *Іоанну Петерсу д' Урисѣ*, искусному матросу, намѣреваясь употребить его вмѣсто кормчаго. Хотя сосѣдніе жители и имѣли на нихъ нѣкоторое подозрѣніе, однако они вышли изъ своихъ домовъ въ ночи на 5 Сентября 1667 года, какъ скоро мѣсяцъ переставъ свѣтить, и прокравшись подъ городскою стѣною

достигли благополучно берега, не будучи примѣчены. Ихъ было числомъ восемь человѣкъ. Вся ихъ провизїя, которую они съ собою взяли, состояла въ нѣкоторомъ количествѣ сарачинскаго пшена, въ нѣсколькихъ кувшинахъ воды и въ одномъ котлѣ. Изъ тридцати шести Голландцевъ, избавившихся отъ кораблекрушенїя, оставалось только 16 человѣкъ. Семерымъ изъ нихъ посчастливилось убѣжать изъ плѣну; оставшїеся восемь, вѣроятно, умерли въ Кореѣ; покрайней мѣрѣ нѣтъ о нихъ никакого извѣстїя.

Наши путешественники, отплывши на разстоянїе пушечнаго выстрѣла, пристали къ небольшему острову, и запаслись тамъ прѣсною водою. Потомъ отважились плыть мимо городскихъ кораблей и даже мимо Королевскихъ фрегатовъ, пробираясь въ море по каналу какъ можно скорѣе. Въ слѣдующїй день по утру, когда они были уже весьма близко отъ моря, то нѣкоторой рыбакъ кричалъ имъ: Эй! естьли кто живой? Но они ему ни слова не отвѣчали, боясь, что это какой нибудь караульной съ воинскихъ кораблей, стоявшихъ не подалеку оттуда на якорѣ. При восхожденїи солнца сдѣлалось совершенное безвѣтрїе,

и они принуждены были приняться за веслы. Около полудня подулъ вѣтеръ, и они направили путь къ Юго - Востоку, совершенно на удачу, и проѣхавши Корею въ слѣдующую ночь, не боялись уже за собой погони.

6 го числа, поутру, находились они весьма близко отъ перваго Японскаго острова. Попутной вѣтеръ несъ ихъ поспѣшно, и они приплыли къ острову Фиранду, не зная его; тутъ не смѣли остановиться, ибо рейда была имъ не извѣстна; сверхъ того слыхали отъ Корейцовъ, что на всемъ пути, даже до Нангацаки нѣтъ ни одной рейды. Такимъ образомъ продолжая плаванїе при благопрїятномъ вѣтрѣ, они проѣхали, 7 го числа, мимо великаго множества острововъ, которыхъ и перечесть не могли. Ввечеру хотѣли стать на якорѣ у небольшаго острова; но боясь бури, которую они примѣчали по воздуху, и видя со всѣхъ сторонъ огни, рѣшились не прерывать своего плаванїя.

8 го числа, поутру, находились на томъ же самомъ мѣстѣ, откуда отправились въ предыдущїй вечеръ; причину того приписывали сильному стремленїю моря въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Они хотѣли пуститься въ открытое

море, но противные вѣтры принудили ихъ приближиться къ землѣ. Проплывши одинъ заливъ, бросили якорь около полудня у нѣкотораго острова, совсѣмъ имъ незнакомаго. Между тѣмъ какъ они заготовляли себѣ пищу, проходили мимо ихъ нѣкоторые жители, не говоря имъ ни слова. Къ вечеру вѣтеръ нѣсколько утихъ; они увидѣли барку, въ коей было шесть человѣкъ, и у всякаго изъ нихъ висѣли по два ножа на поясѣ. Сіи приближились къ берегу съ помощію веселъ, и высадили одного человѣка прямо противъ Голландцевъ. Это побудило нашихъ путешественниковъ сняться съ якоря съ возможною поспѣшностію. Они распустили парусы и также принялись за веслы, чтобы скорѣе выйти изъ залива; но барка слѣдовала за ними, и скоро ихъ догнала. Правда, они могли бы помощію длинныхъ бамбуковыхъ шестовъ помѣшать симъ незнакомымъ взойти; но видя и много другихъ барокъ съ Японцами, отваливавшихъ отъ берега, рѣшились ожидать ихъ спокойно.

Съ Японской барки спрашивали ихъ знаками, куда они плывутъ. Голландцы выставили желтое знамя съ гербомъ Оранжскаго Дома, и кричали:

Голландія! Нангацаки! Послѣ чего данъ былъ имъ знакъ, чтобъ они собрали парусы; что немедленно и было учинено. Два человѣка взошли на ихъ судно и дѣлали имъ разные вопросы, которыхъ однако Голландцы не понимали. Когда они пристали къ берегу, то произвели такое безпокойство въ жителяхъ, что никто не смѣлъ являться, не имѣя при себѣ двухъ шпагъ. Ввечеру пріѣхалъ къ нимъ на баркѣ одинъ Чиновникъ, щитавшійся по своему рангу третьимъ на всемъ островѣ. Сей узнавши, что они Голландцы, давалъ имъ знаками разумѣть, что въ Нангацакѣ есть шесть кораблей Голландскихъ, и объяснилъ имъ, что они находятся на островѣ Гото, принадлежащемъ Императору. Голландцы пробыли три дни на томъ же мѣстѣ, и за ними тщательно смотрѣли. Имъ принесли дровъ и мяса, также коверъ для закрытія ихъ отъ сильнаго дождя.

12 го числа, отправились они въ Нангацаки, запасшись обильно провизіею, въ сопровожденіи того же самаго Чиновника, которой приходилъ къ нимъ на барку, и которой везъ съ собою письма къ Императору. Его провожали двѣ большія барки и двѣ меньшія. Ввечеру на другой день увидѣли за-

ливъ сего города, а въ полночь стали тамъ на якорѣ. Въ сей гавани находилось тогда пять Голландскихъ судовъ. Многїе изъ жителей острова Гото, особливо знатнѣйшїе, оказывали имъ всякїя ласки и милости, не принимая отъ нихъ въ замѣнъ ничего. 14 го, сошли они на берегъ, и были представлены переводчикамъ Японской Компанїи, которые распрося ихъ подробно обо всѣхъ приключенїяхъ, ими испытанныхъ, всѣ сїи отвѣты собрали и записали. Потомъ ихъ привели во дворецъ Губернатора, которому и представлены были въ полдень. Когда они удовлетворили его любопытству, повѣствуя всѣ свои приключенїя, то онъ весьма похвалилъ ихъ бодрость, съ какою они переносили всѣ трудности и опасности, а тѣмъ самимъ открыли себѣ путь къ свободѣ. Ихъ рабство продолжалось больше 12 лѣтъ. Переводчики получили отъ Губернатора приказъ, отвести ихъ къ Голландскому Коменданту, Вильяму Волкерсу. Онъ принялъ ихъ весьма ласково. *Николай Леруа*, его Поручикъ, и всѣ ихъ соотечественники, оказали имъ равныя ласки. Губернаторъ Нангацакскїй хотѣлъ было удержать ихъ при себѣ цѣлой годъ. Онъ приказалъ

привести ихъ 25 го Октября. Однако распрося ихъ въ другой разъ съ великимъ любопытствомъ, отослалъ къ Директору Компанïи, которой далъ имъ квартиру въ своемъ собственномъ домѣ. Спустя нѣсколько дней отправились они въ Батавïю, куда и прибыли 29 го Ноября. Генералъ, которому они представили свой журналъ, принялъ ихъ весьма благосклонно, и обѣщалъ въ скоромъ времени отправить въ Европу. Въ самомъ дѣлѣ, 28 го Декабря, сѣли они на корабль, и прибыли въ Амстердамъ 20 Iюля 1668 года.

ПРИМѢЧАНIЯ.

(1). *Кельпаертъ*, иначе *Фюнгма*, Азïатской островъ на морѣ Корейскомъ; въ окружности имѣетъ около пятнадцати миль, и находится разстоянïемъ за двенадцать или тринадцать миль отъ южнаго берега полуострова Кореи, между сто пятьдесятъ третьимъ и сто пятьдесятъ четвертымъ градусомъ долготы. Сей островъ зависитъ отъ Королевства Корейскаго. Столичный его городъ называется Магганъ или Мо-кïо; въ немъ имѣетъ

свое мѣстопребыванïе Губернаторъ, постановляемый отъ Короля.

(2). *Корея*, Азïатской полуостровъ, между Китаемъ и Японïею; къ Сѣверу примыкаетъ къ землѣ восточныхъ Татаръ и Оранкейцовъ. Корея есть Королевство, подданное Китаю: оно раздѣляется на восемь провинцïй; Сïоръ его столица.

Сей полуостровъ простирается на Сѣверъ до 45 го градуса; длина его отъ Востока на Западъ весьма неравна: однако она не превышаетъ ста миль. Рѣка, называемая Яло, шириною въ три мили, отдѣляетъ Корею отъ твердой земли.

Страна сïя обилуетъ сарачинскимъ пшеномъ и пшеницею, также овощами и плодами, похожими на Европейскïя, и разными цѣлебными травами, употребляемыми въ Медицинѣ, а особливо гинзенгомъ. Въ нѣкоторыхъ провинцïяхъ разводятъ съ великимъ тщанïемъ сïе растѣнïе для Китайскаго Императора. Оно составляетъ часть подати, платимой Королемъ Корейскимъ Китайскому Богдыхану.

Корейцы первоначалѣно произошли отъ Китайцовъ; они и до сего времени сохраняютъ тотъ же языкъ, тѣже нравы, тотъ же образъ правленïя, какïя

существуютъ въ Китаѣ. Они прилѣжатъ къ наукамъ, и хорошо знаютъ навигацїю. Коммерцїя ихъ съ Японцами производится въ Нангацаки; однако не иначе, какъ подъ именемъ и флагомъ Китайскимъ. Они возятъ туда превосходную треску (мерлюшу), орѣхи и медицинскїя травы, изъ коихъ есть иныя весьма рѣдкїя.

IX.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

О Кораблекрушеніи Португальскаго судна близъ Коморинскаго мыса, на Индѣйскомъ морѣ, въ 1645 году. Трогательный примѣръ супружней любви. Благородные поступки нѣкоторыхъ Французскихъ Дворянъ и Вицероя владѣній Португальскихъ въ Индіи.

Таверніеръ, знаменитый Французской путешественникъ послѣдняго вѣку, странствовалъ цѣлые 40 лѣтъ по разнымъ областямъ Турціи, Персіи и Индіи. Сверхъ многихъ свѣденій въ Географіи и природной склонности къ путешествіямъ, было въ немъ отмѣнное желаніе обогатиться. Онъ и успѣлъ въ томъ больше, нежели могъ надѣяться. Его рѣдкое искусство, говорить почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ; слава, какую онъ скоро пріобрѣлъ въ Индіи, какъ богатой и опытной купецъ; наконецъ подарки, которые онъ умѣлъ предлагать кстати и при случаѣ, также рѣдкая искренность и честность: все сіе открыло ему доступъ

къ Дворамъ Азiатскимъ. Онъ превозмогъ всѣ препятствiя, и доходилъ въ тѣ мѣста, куда до того времени ни одинъ Европеецъ проникнуть не могъ.

Г. Аббатъ Прево, въ сокращенiи Повѣствованiя о странствованiяхъ Тавернiера, приписываетъ ему особенную похвалу, говоря, что немногiе изъ путешественниковъ оказали столько услугъ, относительно до Географiи Индостана, какъ вѣрностiю, каковую онъ соблюдаетъ, описывая дороги и разстоянiе одного мѣста отъ другаго, такъ и справедливыми замѣчанiями о качествѣ земли и свойствѣ народовъ, населяющихъ разныя страны. Равнымъ образомъ сей писатель защищаетъ его противъ нѣкоторыхъ ученыхъ Голландцевъ, которые хотѣли очернить его, утверждая, будто онъ во многихъ случаяхъ не придерживался истинны.

Тавернiеръ не всегда занимался коммерцiею и описанiемъ тѣхъ странъ, которыя проѣжжалъ: онъ собиралъ также разныя необыкновенныя и любопытныя происшествiя, коихъ или самъ онъ былъ свидѣтелемъ, или которыя подтверждаемы были вѣрными людьми. Таковыхъ находится много въ повѣствованiи о его путешествiяхъ. Мы выберемъ оттуда и сообщимъ здѣсь одно

происшествіе, служащее къ чести націи Французской; и по сему самому не сомнѣваемся, что оно будетъ занимательно для нашихъ читателей. —

Послѣ многихъ странствованій по внутреннимъ областямъ Имперіи Великаго Могола, Тавернїеръ приближился къ Малабарскому берегу; проѣхалъ въ Суратъ, и оттуда въ Гою. Въ семъ послѣднемъ городѣ первымъ долгомъ своимъ почелъ, явиться къ Намѣстнику Королевскому, потомъ къ Архїепископу и къ Инквизитору: вездѣ принятъ былъ отлично, хотя и не скрывалъ, что онъ Протестантъ.

Въ то время Намѣстникомъ въ Индѣйскихъ селеніяхъ Португальцевъ былъ Донъ Филиппъ *де Маскаренгасъ*, человѣкъ отмѣнно уважаемый всѣми и пріобрѣтшій общую довѣренность. Онъ своею бодростїю и отличными качествами поддерживалъ могущество Португальцевъ въ Азіи, которое всемѣрно старались Голландцы унизить, и которое дѣйствительно день ото дня упадало.

Тавернїеръ, во время пребыванія своего въ Гоѣ, бывалъ часто допускаемъ на приватную аудїенцїю къ Дону Филиппу. Онъ пользовался хорошимъ къ себѣ расположенїемъ сего Вицероя, и испрашивалъ у него разныхъ себѣ мило-

стей; Намѣстникъ охотно удовлетворялъ его прозьбамъ, и даже не рѣдко предварялъ ихъ. Тавернїеръ нашелъ въ этомъ городѣ двухъ Французовъ благороднаго происхожденїя и ему знакомыхъ; одинъ назывался *Сентъ-Амандъ*, а другой *Демаретъ*; они достигли уже знатныхъ чиновъ по военной службѣ: ибо первой имѣлъ достоинство Генералъ-Фельдцейгмейстера и Генералъ-Интендanта всѣхъ Португальскихъ крѣпостей, а другой чинъ гвардїи Капитана въ службѣ *Вицероя*. *Сїи Французы* обязаны были симъ щастїемъ своей храбрости и мужеству, коего отличные опыты оказали въ Цейлонѣ при двухъ осадахъ Коломба, предъ глазами самаго Донъ Филиппа; но еще болѣе они одолжены своимъ благополучїемъ личной признательности самаго Намѣстника. Демаретъ разказывалъ Тавернїеру, что при возвращенїи ихъ изъ Цейлона въ Гою, Донъ Филиппъ хотѣлъ его имѣть при себѣ, равно какъ и Сентъ-Аманда, и другихъ двухъ благородныхъ Французовъ, дю Беллуа, и Жанъ де Роза; что страшная буря поднялась близь Коморинскаго мыса; корабль былъ разбитъ, и они съ опасностїю своей жизни спасли сего Португальскаго Намѣстника.

Сїе происшествїе описано Тавернїеромъ, съ немногими подробностями, въ Журналѣ его путешествїй по Азїи; но оно любопытно для обѣихъ нацїй, какъ для Португальцовъ, такъ и для Французовъ, болѣе потому, что тамъ включены также разныя приключенїя войны Цейлонской, возгорѣвшейся въ срединѣ послѣдняго вѣку между Португальцами, Голландцами и природными жителями той земли о владѣнїи симъ островомъ. Читатель съ удовольствїемъ увидитъ здѣсь нѣкоторые геройскїе подвиги и благородныя дѣйствїя, оказанныя въ продолженїе сей войны многими знатными Французами и Португальскимъ Намѣстникомъ Донъ Филиппомъ де Маскаренгасомъ. Мы почерпнемъ сїе повѣствованїе изъ Іоанна *Рибейро* и другихъ Историковъ, писавшихъ объ островѣ Цейлонѣ, и сообщимъ его вкратцѣ.

Португальцы начали укрѣпляться на островѣ Цейлонѣ около 1520 года; съ того времени они завладѣли большею частїю береговъ сего острова: ихъ завоеватели распространяли болѣе и болѣе владычество своей нацїи, и утверждали его, строя многїя новыя крѣпости. *Райа-Синга*, Царь Кандїйскїй, огорченъ будучи такими завоеванїями

сихъ чужестранцевъ, которые день ото дня тѣснѣе его ограничивали и отдаляли во внутренность земли, дѣлая не рѣдко нападенія на самую его столицу, призвалъ въ 1638 году Голландцевъ къ себѣ на помощь. Сіи не упустили такого благопріятнаго случая къ распространенію власти своей въ Индіи; давно уже старались они захватить въ свои руки всю коммерцію пряными кореньями, и отнять ее у всѣхъ другихъ Европейскихъ націй. Въ мѣсяцѣ Мартѣ тогоже года, прибыли въ Цейлонъ два депутата изъ Совѣта Батавскаго, и заключили съ Царемъ Кандійскимъ оборонительный и наступательный союзъ. Какъ скоро трактатъ былъ ратификованъ, то не замедлила возгорѣться война между Португальцами и *Райа-Сингомъ*. Сей Государь увѣдомилъ о томъ Голландцевъ, которые немедленно прислали къ Цейлону флотъ изъ шести военныхъ кораблей, съ регулярнымъ войскомъ и артиллеріею.

Высадное войско Голландцевъ сошло на берегъ при Батекалу, въ первые дни Февраля 1639 года. Португальцы, не будучи довольно сильны, не посмѣли выттти изъ крѣпостей и противиться высадкѣ. Въ немногіе дни гарнизонъ Батекалуской и Тринкемальской при-

нуждены были сдаться на капитуляцію. Какъ скоро два сіи мѣста достались Голландцамъ, то они срыли ихъ укрѣпленія и отдали Королю Кандійскому, исполняя условія трактата.

Въ слѣдующемъ году, въ Генварѣ мѣсяцѣ, явился у береговъ сего острова Голландской флотъ, состоявшій изъ двенадцати военныхъ кораблей; три тысячи пять сотъ человѣкъ вооруженнаго войска высажены на берегъ за милю отъ крѣпости Негомбо, близъ небольшой деревни, называемой Каймель; тотчасъ сдѣлали крѣпкіе ретраншаменты и уставили ихъ пушками. Донъ Францискъ *де Мендоца*, начальникъ сосѣдственныхъ сторонъ, собравши на-скоро нѣсколько войска, атаковалъ ихъ въ ретраншаментахъ; но страшная пальба съ батарей заставила его отступить съ нарочитымъ урономъ. Голландцы, превозмогши первое сіе препятствіе, осадили крѣпость и взяли ее третьимъ приступомъ. Они починили укрѣпленія и оставили тамъ нарочитой гарнизонъ; потомъ, сѣвши опять на корабли, отправились къ другой крѣпости Португальской, называемой *Поантъ-де-Галлъ*, и тамъ учинили высадку.

Между тѣмъ Португальцы собрали всѣ свои войска, какія тогда находились на островѣ. Хотя и были въ маломъ числѣ, однако съ рѣшимостію пошли противъ непріятелей, и ихъ атаковали. Долго побѣда была сомнительна при упорномъ сопротивленіи съ обѣихъ сторонъ; Голландцы потеряли 400 человѣкъ, но выиграли поле сраженія; почти всѣ Офицеры со стороны Португальской убиты на семъ бою; не осталось изъ нихъ болѣе 48 человѣкъ, которые поспѣшно заперлись въ городѣ. На другой день крѣпость Поантъ-де-Галлъ осаждена. Донъ *Феррерïа де Бритто* былъ Губернаторомъ сего важнаго мѣста. Сей храбрый Генералъ, боясь неудачи въ сраженіи, былъ уже готовъ дать сильной отпоръ. Какъ скоро осада начата, то онъ не упускалъ ни одной минуты, дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, вездѣ самъ приказывалъ, дѣйствовалъ, вездѣ своимъ примѣромъ ободрялъ солдатъ и жителей къ исполненію ихъ должности. Но всѣ его старанія были уже безуспѣшны: они только отдалили взятіе города на нѣкоторое время. Чрезъ цѣлые 18 дней непрерывно продолжался огонь съ батарей Голландскихъ; наконецъ въ девятнадцатый день, когда стѣны крѣпост-

ныя во многихъ мѣстахъ были разбиты, Голландцы на разсвѣтѣ дня сдѣлали генеральной штурмъ. Португальцы выдержали его мужественно, и Донъ де Бритто оказалъ тогда рѣдкіе примѣры своей неустрашимости и геройства. Однако не смотря на упорное сопротивленіе гарнизона, осаждающіе будучи притомъ въ большемъ числѣ, превозмогли, и послѣ нѣсколькихъ часовъ штурмованія городъ взятъ. Нѣкоторые изъ осаждаемыхъ, избѣжавшіе меча непріятельскаго, заперлись въ церквѣ, надѣясь защищаться тамъ еще нѣсколько времени и получить пощаду. Они не обманулись въ своемъ ожиданіи: чрезвычайной случай, приключившійся при концѣ штурма и послуживший къ чести обѣихъ націй, доставилъ имъ спасеніе. Мы сообщимъ его здѣсь въ утѣшеніе человѣчеству, столь часто преогорчаемому ужасами бѣдствій.

У Донъ де Бритто была жена: молода, прекрасна, добродѣтельна; они взаимно любили другъ друга и были неразлучны. Супруга провожала своего мужа повсюду, на крѣпостныя строенія, и даже ночью въ рондахъ, когда онъ визитовалъ посты; при генеральномъ приступѣ она была съ нимъ. Тщетно ея супругъ заклиналъ ее удалиться:

она непремѣнно хотѣла раздѣлять съ нимъ всѣ опасности, какимъ онъ подвергался, и во всю акцїю оставалась при немъ. Бритто, находясь всегда въ первыхъ рядахъ и всюду, гдѣ нужно было его присутствїе, ободрялъ солдатъ своими словами, своимъ примѣромъ. Въ первые залпы войска непрїятельскаго, онъ получилъ пять опасныхъ ранъ. Но и сїе не могло побудить его удалиться изъ сраженїя; онъ упорно продолжалъ битву, пока наконецъ мушкетной выстрѣлъ раздробилъ ему ногу и повергъ его на землю; въ то самое время непрїятели ворвались въ крѣпость, и нѣкоторые изъ нихъ приближались уже къ Коммендапту, будучи готовы нанести ему послѣднїй ударъ. Его жена, не столько страшась о своей погибели, сколько заботясь о жизни мужа своего, останавливаетъ взнесенный мечь и бросается на окровавленное тѣло своего любезнаго: „Постойте, безчеловѣчные! вопїетъ она въ отчаянїи: это мой супругъ! Пощадите умирающаго, или вмѣстѣ съ нимъ поразите и меня!„ Ея отчаянный голосъ слышанъ былъ между воплемъ и стенанїемъ раненыхъ и умирающихъ; непрїятельской Офицеръ къ ней приближается; тронутый симъ плачевнымъ зрѣлищемъ, приказываетъ

солдатамъ удалиться, подымаетъ нещастную супругу всю въ слезахъ, и старается ее утѣшить обнадеживая, что ей нѣчего безпокоиться о судьбѣ своего мужа. Сей рѣдкой примѣръ супружней любви скоро сталъ извѣстенъ всѣмъ; непрїятельской Генералъ тронулся симъ благороднымъ поступкомъ, и тотчасъ велѣлъ остановить кровопролитїе. Португальцы, заперщїеся въ церквѣ, воспользовались симъ благопрїятнымъ случаемъ, и спасли жизнь свою.

Голландской Генералъ, довершивши побѣду, и сдѣлавши всѣ нужныя распоряженія, пришелъ навѣстить Дона Бритто. При немъ былъ уже лѣкарь, которому твердо наказано употребить все искусство и всѣ возможныя старанія, чтобы поправить больнаго. Нѣжныя попеченія его жены и обнадеживанїе со стороны побѣдителей, что ихъ будутъ содержать наилучшимъ образомъ, все сїе возвратило спокойствїе его душѣ. При снятїи первой перевязи его ранъ миновалъ тотъ страхъ, какой прежде имѣли о его жизни; скоро раны его становились менѣе опасными, и наконецъ онъ находился въ состоянїи отправиться въ Батавїю безъ всякой опасности. Какъ скоро Генералъ самъ удостовѣрился въ этомъ, то при-

звавши къ себѣ Капитана съ самаго лучшаго фрегата, приказалъ ему уступить свою комнату Донъ Бритту и его женѣ, и пещись объ нихъ во время дороги съ равнымъ усердіемъ и почтительностію, какъ бы о своемъ Адміралѣ. Офицеры и солдаты гарнизона, сдѣлавшіеся военноплѣнными, посажены также на флотъ, и съ ними поступаемо было такъ, какъ они заслужили своею отличною храбростію.

Между тѣмъ въ Батавіи узнали уже объ успѣхѣ сраженія Каймельскаго, и о взятіи крѣпости Поантъ-де-Галльской. Голландскій Генералъ заблаговременно отправилъ туда извѣстіе объ успѣхахъ ввѣреннаго ему войска. Отдавая отчетъ въ военныхъ своихъ дѣйствіяхъ, онъ превознесъ похвалами мужество Дона Бритто, а особливо геройскую привязанность къ нему его жены. Какъ скоро они прибыли въ Батавію, то встрѣчены были въ гаванѣ многими членами Совѣта и знатнѣйшими гражданами того города; потомъ ихъ отвели въ приготовленное для нихъ жилище, между тѣмъ какъ народъ собирался толпами около нихъ и съ веселіемъ восклицалъ ихъ имена. Въ 14 мѣсяцевъ, которые они провели въ семъ городѣ, не перемѣнялось великодушное

обхожденіе и попеченіе о нихъ побѣдителей; наконецъ когда Бритто былъ совершенно излѣченъ, то Совѣтъ возвратилъ ему вольность, и повелѣлъ отвезти въ Цейлонъ сихъ супруговъ, столь достойныхъ вкушать пріятности свободы. Вскорѣ потомъ Бритто назначенъ Генералъ Фельдмаршаломъ, и продолжалъ до смерти служить отечеству и удивлять собою своихъ непріятелей.

Голландская армія, посланная въ Цейлонъ противъ Португальцевъ, и находившаяся при осадѣ крѣпостей Негомбо и Поантъ-де-Гальской, состояла не изъ однихъ подданныхъ сей Республики; въ ней находились многіе волонтеры чужихъ Европейскихъ державъ, пріѣхавшіе въ Индїю искать своего щастїя. Между ними особенно замѣченъ полкъ, формированный почти изъ однихъ Французовъ; имъ командовалъ Сентъ-Амандъ, человѣкъ отважной и опытной.

Мы прежде сказали, что Голландцы нѣсколько разъ дѣлали приступы къ Негомбо, одной изъ важнѣйшихъ крѣпостей Португальскихъ. Въ первые два приступа Французской корпусъ отличился своею неустрашимостїю, сродною сей націи, подъ чьими бы знаменами они ни воевали. Голландской

Генералъ не пропустилъ сего случая, и дабы возбудить поревнованіе въ своихъ солдатахъ, призвалъ Сентъ-Аманда, которой былъ тогда раненъ, и въ присутствіи знатнѣйшихъ Офицеровъ превозносилъ похвалами храбрость Французовъ; даже обѣщалъ ему, что естьли крѣпость Негомбо будетъ взята при первомъ штурмѣ, то сдѣлаетъ его правителемъ той крѣпости. Въ самомъ дѣлѣ крѣпость была взята: Генералъ сдержалъ свое слово, данное Сентъ-Аманду; но сей не долго носилъ на себѣ новое свое достоинство. Молодой человѣкъ, родственникъ Батавскаго Губернатора, назначенъ былъ верховнымъ Совѣтомъ занять сіе званіе, и похитить должную награду у того, кто заслужилъ ее храбростію и цѣною своей крови. Сентъ-Амандъ, будучи раздраженъ такою неблагодарностію къ его заслугамъ, сообщилъ свое негодованіе всему корпусу, находившемуся подъ его командою; и при первомъ удобномъ случаѣ передался къ непріятелямъ вмѣстѣ съ пятнадцатью или двадцатью самыми лучшими своими солдатами, между коими находились трое Французовъ волонтеры, дю Беллуа, Демаретъ, дворянинъ Дофинской, и Жанъ де Розе.

Такое подкрѣпленіе, полученное Португальцами, было маловажно судя по малолюдству; но важно было по тому общему мнѣнію, какое тогда всѣ въ Цейлонѣ имѣли о храбрости и неустрашимости Французскаго корпуса. Это самое было причиною, что прибытіе Сентъ-Аманда и его сообщниковъ весьма ободрило Португальцовъ и возвысило ихъ надежды.

Въ сіе время, когда происходила баталія Каймельская, когда потеряна крѣпость Негомбо, а послѣ опять взята была Португальцами; произошли разныя перемѣны въ Индѣйскомъ ихъ правленіи. Донъ Жанъ *де Сильва-Теллецъ*, Графъ д' Авейро, назначенъ Вицероемъ Индѣйскимъ, и прибылъ въ Гою Сентября 1640 году. Узнавши при своемъ прибытіи о потеряхъ, претерпѣнныхъ на островѣ Цейлонѣ, о истощеніи Королевской казны и бѣдномъ состояніи арміи; почелъ онъ за нужное въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ созвать Совѣтъ. Послѣ многихъ совѣтованій опредѣлено, принять всевозможныя мѣры, дабы атаковать Голландцовъ и отнять послѣднія ихъ пріобрѣтенія. Въ семъ намѣреніи повелѣно было немедленно снарядить флотъ, чтобы перевезти въ Цейлонъ

войска и артиллерію. Потомъ назначенъ Правителемъ острова Донъ-Филиппъ *де Маскаренгасъ*. Сей новой Генералъ, хотя и былъ еще не долгое время въ службѣ, однако отличился своими превосходными качествами. Во многихъ случаяхъ замѣчена въ немъ отмѣнная храбрость, благоразуміе, а особливо великая привязанность къ людямъ опытнымъ, умѣющимъ подавать полезные совѣты.

Португальской флотъ прибылъ къ крѣпости Коломбо въ первыхъ числахъ Октября. Какъ скоро войска сошли на берегъ, тотчасъ Донъ-Филиппъ повелъ ихъ къ Негомбо и осадилъ сію крѣпость. Въ двенадцать дней гарнизонъ ея доведенъ былъ до того, что сдался на капитуляцію. Лишь только капитуляція подписана, какъ увидѣли армію, посланную Царемъ Кандійскимъ на помощь къ Голландцамъ. Португальской Генералъ, не давая времени охладѣть бодрости своихъ солдатъ, немедленно атаковалъ непріятелей, разбилъ ихъ на́-голову, и даже самъ ихъ Полководецъ найденъ въ числѣ убитыхъ; полкъ Французовъ отличился на семъ сраженіи, коего слѣдствіемъ было то, что Португальцы всюду открыли себѣ свободной ходъ.

Донъ - Филиппъ воспользовался симъ удобствомъ и блокировалъ крѣпость Поантъ - де - Галльскую, которую однако не могъ штурмовать: ибо многочисленной Голландской флотъ стоялъ въ виду. Между тѣмъ онъ отрядилъ часть войска своего въ сосѣднія области, для усмиренія возмутившихся Набабовъ, которыхъ и привелъ опять въ подданство Короля Португальскаго: но это стоило ему многаго труда, многихъ сраженій, многихъ побѣдъ.

Въ началѣ Марта 1645 года, Донъ Филиппъ получилъ письма изъ Гои, которыя увѣдомляли его о смерти Вицероя, и о томъ, что онъ избранъ заступить его мѣсто. Тотчасъ приготовился оставить Цейлонъ; но прежде своего отъѣзда призвалъ къ себѣ Сентъ - Аманда и его товарищей, желая наградить ихъ заслуги.

Но увидѣвши сихъ храбрыхъ воиновъ, коихъ неустрашимости удивлялся во многихъ случаяхъ, перемѣнилъ свое намѣреніе, и рѣшился взять ихъ съ собою, для того ли, что надѣялся лучше сдѣлать ихъ щастіе въ Гоѣ, или для того, что желалъ имѣть при себѣ храбрыхъ и отважныхъ людей на опасномъ пути по морю Индѣйскому,

столь часто обезпокоиваемому Малабарскими морскими разбойниками.

Сорокъ миль продолжалось ихъ плаванїе благополучно; но приближаясь къ Коморинскому мысу, флотъ ихъ разсѣянъ былъ страшною бурею; многїе корабли погибли въ морѣ; а другїе, гонимы жестокою бурею, ударялись о берегъ или разбивались о подводные камни. Французы, бывшїе на одномъ кораблѣ вмѣстѣ съ Вицероемъ, видя, что не можно избѣжать кораблекрушенїя, поспѣшно бросили въ море доски, бревна и канаты, сдѣлали нѣкоторой родъ плота; сошли на него вмѣстѣ съ Донъ-Филиппомъ и пустились въ море. Но плотъ весьма медленно приближался къ берегу; иногда волны подымали его до облакъ, иногда подводные камни удаляли его въ открытое море: Французы употребляли всѣ усилїя, дабы пристать къ берегу, какъ вдругъ плотъ сильно ударился о подводную скалу, и погрузился въ бездну моря. Всѣ бывшїе на немъ потонули: одинъ Демаретъ находился возлѣ Вицероя; онъ удержалъ его за платье въ то самое время, какъ онъ уже тонулъ; взялъ его къ себѣ на плеча, и принесъ на берегъ, котораго и достигли они оба благополучно.

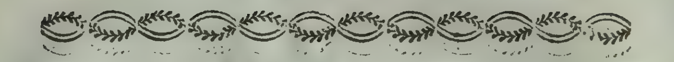
Демаресъ одинъ не оставлялъ Вицерой, и спасъ его въ самое то время, какъ онъ уже тонулъ.

Донъ - Филиппъ сѣлъ на одинъ изъ кораблей, спасшихся послѣ сей погибельной бури, и прибылъ щастливо въ Гою. Какъ скоро онъ принялъ новое свое достоинство, то обнаружилъ признательность свою къ Французамъ. Сентъ-Аманда назначилъ Фельдцегмейстеромъ и Генералъ - Интендантомъ всѣхъ крѣпостей, какія тогда имѣли Португальцы въ Индіи; а вскорѣ потомъ помогъ ему соединиться супружествомъ съ нѣкоторою знатною дѣвицею, которая принесла ему великое богатство. Жанъ де Розъ выпросилъ позволенie, возвратиться въ Коломбо, гдѣ получилъ хорошій постъ въ войскѣ того острова, и женился на одной молодой вдовѣ весьма богатой, къ которой онъ былъ нѣжно привязанъ. Но больше всѣхъ другихъ изъявилъ Донъ - Филиппъ свою признательность Демарету, къ которому всегда хранилъ отличную любовь и привязанность, помня, что ему обязанъ спасеніемъ жизни своей при кораблекрушеніи: онъ сдѣлалъ его Капитаномъ своей гвардіи. Дю Беллуа, страстно любившій игру, получилъ знатный подарокъ деньгами, и позволеніе отправиться въ Макао. Равнымъ образомъ и всѣ прочіе Французы испытали щедролюбіе Вицероя.

Для любопытства читателей мы присоединимъ здѣсь слѣдующія обстоятельства, относящіяся къ судьбѣ сихъ дворянъ Французскихъ. Демаретъ умеръ въ своемъ званіи Капитана гвардіи, спустя четыре мѣсяца послѣ того, какъ получилъ оное, къ крайнему сожалѣнію своего Начальника и всѣхъ тѣхъ, которые его знали. Жанъ де Розъ жилъ еще въ 1658 году, въ которое время Португальцы совершенно были изгнаны Голландцами изъ Цейлона. Сентъ-Амандъ сохранялъ милости и довѣренность Донъ-Филиппа и его послѣдователей, и умеръ въ Гоѣ въ глубокой старости. Одинъ только дю Беллуа имѣлъ нещасной конецъ, которому однако былъ самъ причиною: ибо по своему горячему и необузданному характеру попался въ руки Инквизиціи; но не смотря на строгія правила сего страшнаго судилища, получилъ опять свою вольность по домогательствамъ Сентъ-Аманда. Нѣкоторые увѣряли Тавернiера, что дю Беллуа, отважившись слишкомъ не осторожно ѣхать чрезъ Мингрелу, гдѣ Голландцы имѣли гарнизонъ, узнанъ былъ нѣкоторыми изъ Офицеровъ, кои вспомнили, что видали его въ Цейлонѣ при осадѣ Негомба, гдѣ онъ былъ во-

лонтеромъ въ корпусѣ подъ командою Сентъ - Аманда: его обвинили, что онъ оставилъ службу Голландскую и перешелъ къ Португальцамъ; Губернаторъ велѣлъ его арестовать, и послалъ его въ Батавїю подъ судъ. Съ того времени его не видно было, и нѣтъ больше объ немъ никакого извѣстїя.

X.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Голландскаго судна, Драгона, у береговъ нѣкоторой неизвѣстной Южной земли, въ 1658 году.

Готье Шутенъ (*), въ Журналѣ своихъ путешествованій, повѣствуетъ о кораблекрушеніи двухъ Голландскихъ судовъ, случившемся въ 1658 и 1660 годахъ. Его повѣствованіе о семъ случаѣ весьма любопытно по той простотѣ и правдивости, которая въ ономъ всюду видна.

Шутенъ отправился изъ Голландіи на кораблѣ *Нюлортѣ*, и черезъ семь мѣсяцовъ прибылъ въ Батавію. 24 Октября 1598 года, бросили они якорь передъ симъ городомъ. Въ первые дни его при-

(*) *Готье Шутенъ*, знаменитой путешественникъ послѣдняго вѣку, былъ лѣкаремъ въ службѣ Голландской Восточно-Индѣйской Компаніи. Повѣствованіе о его путешествіяхъ, многократно напечатанное въ Голландіи и въ Франціи, начинается съ мѣсяца Апрѣля 1656 года, а кончится 11 Октября 1665.

ѣзда, узнали въ Батавіи, что корабль Драгонъ, плывшій изъ Голландіи въ Индію, разбился у береговъ нѣкоторой неизвѣстной Южной Земли. Какъ скоро узнали о томъ чрезъ нѣкоторыхъ Офицеровъ, спасшихся на шлюпкѣ, то Компанія послала въ то мѣсто подъ ихъ провожаніемъ судно la Bouée-à-la veille съ тѣмъ, чтобы привезти оставшійся экипажъ и другіе остатки корабельнаго грузу, какіе можно будетъ найти. Ботъ сталъ на якорѣ близъ одного пустаго берега, которой провожатые признали самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ они претерпѣли кораблекрушеніе; тотчасъ послали шлюпку въ ту сторону, гдѣ спасшимся приказано было расставить палатки и ожидать судна, на которомъ бы могли они всѣ помѣститься. Палатки найдены сломаныя, и не видно было ни одного Голландца, ниже какого жителя той страны. Стали искать слѣдовъ, по которымъ можно бы было заключить, не построили ли они себѣ барки на берегу. Но и сіе осталось безуспѣшно: не находили никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы было узнать, что сдѣлалось съ оставшимся тамъ не малымъ числомъ матросовъ.

Но какъ волны унесли съ разбитаго корабля только одни снасти, и то,

что не могло противиться ихъ усилію; то казалось, что сіи самые корабельные остатки могли задержать нещастныхъ Голландцевъ въ какомъ нибудь сосѣднемъ убѣжищѣ, и для того пошли искать ихъ далѣе внутрь земли и вдоль берега. Раздѣлились на многія толпы и пошли разными дорогами: однако всѣ ихъ поиски были безплодны. Разводили огонь на мѣстахъ возвышенныхъ, подымали крикъ, палили много разъ изъ пушекъ: но все напрасно. Не оставалось больше ничего, какъ возвратиться назадъ въ Батавію, тѣмъ болѣе, что усилившіеся вѣтры и бури угрожали опасностію самому боту. Въ семъ намѣреніи послана шлюпка для запасенія себя свѣжею водою. Находившіеся на ней люди не употребили должнаго старанія и поспѣшности. Во время ихъ отсутствія поднялась столь яростная буря, что ботъ принужденъ сняться съ якоря и удалиться въ море, гдѣ онъ и провелъ нѣсколько времени. Но какъ шлюпка не возвращалась, будучи задержана въ небольшой рѣкѣ по причинѣ предстоящей опасности; то экипажъ на ботѣ, думая, что она погибла, пустился съ горестію въ возвратной путь въ Батавію.

Между тѣмъ буря утихла, и шлюпка возвратилась къ морю; но бота уже не было. Надобно было опять плыть къ берегу, чтобы прикрыть себя отъ стремленія волнъ. Нещастные оставленники были въ отчаяніи: у нихъ не было съѣстныхъ припасовъ, а въ той странѣ не видали они ничего, что бы могло служить имъ пищею. Горы были голыя скалы, а поля степи, долины являлись песчаными, а берега окружены ужасными подводными камнями, о которые разбивались морскія волны съ великимъ шумомъ.

Голландцевъ на шлюпкѣ было тринадцать человѣкъ; усталость и голодъ привели ихъ въ безсиліе, а стужа и сырость умножали его еще болѣе. Они смотрѣли другъ на друга, какъ на жертвы, опредѣленныя къ смерти. Но при многократныхъ поискахъ нашли между скалами разнаго роду улитокъ, которыя для ихъ голодныхъ желудковъ показались превосходною пищею. А какъ у нихъ не было ни огня, ни дровъ, и нечѣмъ было приправлять ихъ, то безпрестанное употребленіе сей сырой и грубой пищи весьма разстроило ихъ здоровье. Они видѣли, что такое слабое пособіе не долго можетъ продлить ихъ жизнь, а не находя нигдѣ ничего

болѣе, кромѣ явной смерти, рѣшились пуститься въ море, думая, что естьли не найдутъ спасенія своего тамъ, то неизбѣжное кораблекрушеніе прекратитъ ихъ бѣдствія. Впрочемъ ласкали себя надеждою, пристать къ другой странѣ, гдѣ можетъ быть найдутъ пищу сродную для человѣка.

Они употребили всѣ усилія, чтобъ законопатить шлюпку, наполнить бочки водою, и запастись улитками, и пустившись въ море, удалились отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ не видали ни одной живой твари. Первымъ порывомъ вѣтра унесены въ открытое море. Къ щастію съ ними былъ второй кормчій съ бота, которой и правилъ ихъ шлюпкою по наблюденію звѣздъ. Но какъ они знали, что до сѣвернаго берега острова Явы надлежало имъ совершить около 400 миль: то воображая сіе ужасное пространство, приходили въ уныніе и отчаяніе. Въ хорошую погоду, во время дня, казалось имъ, что они плывутъ скоро: но при малѣйшемъ волнованіи моря, особливо въ темную ночь, они не могли знать дороги; а волны, подымавшіяся надъ ихъ головами, лишали ихъ надежды увидѣть слѣдующій день. Всего горестнѣе было для нихъ то, что принуждены были

бросить въ море свои улитки, которыя начали уже портиться. Одна вода служила имъ вмѣсто всякой пищи. Ночью чувствовали несносной холодъ; а днемъ палимы были зноемъ солнечнымъ.

Наконецъ трудности мореплаванія и совершенной недостатокъ въ пищѣ истощилъ ихъ силы, какъ вдругъ, въ одинъ день поутру, они увидѣли землю, которую признали южными горами большой Явы. Въ первомъ своемъ восхищеніи направили путь прямо къ берегу, подвергаясь тысячнымъ опасностямъ, разбиться о камни его окружающіе. Щастливой случай привелъ ихъ шлюпку къ нѣкоторой большой равнинѣ, орошаемой прекрасною рѣкою и усѣянной великимъ множествомъ кокосовыхъ деревъ. Но лишь только они хотѣли пристать къ берегу, какъ увидѣли, что море съ такою силою ударяется объ него, что не можно было приближиться къ нему безъ явнаго кораблекрушенія. Изъ тринадцати человѣкъ, находившихся на шлюпкѣ, девятеро, умѣя хорошо плавать, бросились въ море, и не взирая ни на свою слабость, ни на крикъ ихъ товарищей, достигли благополучно берега. Тамъ, не останoвляясь ни на одну минуту для отдыху;

бѣжали къ кокосамъ, и утолили голодъ свой, не размышляя еще о судьбѣ своей. Потомъ обратя взоры свои къ морю, увидѣли своихъ товарищей, которые давали имъ знаками разумѣть, чтобъ они возвратились на шлюпку; ибо не можно было долго удержать ее на мѣстѣ. Но волны, ударявшіяся о берегъ, весьма затрудняли сіе предпріятіе; а между тѣмъ, какъ съ обѣихъ сторонъ разсуждаемо было объ опасностяхъ, препятствовавшихъ однимъ оставить берегъ, а другимъ приближиться къ нему: ночь наступившая покрыла всѣхъ своими мрачными крыльями.

Оставшіеся въ шлюпкѣ дожидались дня съ величайшею нетерпѣливостію. Наконецъ онъ насталъ; но съ какою горестію примѣтили они, что теченіе моря удалило ихъ отъ прежняго берега, и принесло къ другой странѣ, гдѣ они не видали уже равнины: только высокія горы, страшныя степи, темные лѣса, и берегъ, защищаемый голыми и неприступными скалами, представлялся ихъ взору. Не смотря на то, когда вѣтеръ утихъ, то они удобно приспали къ нѣкоторому отверстію, составлявшему край равнины. Тамъ сошли на берегъ, и поставивши шлюпку въ безопасное мѣсто, бѣжали

въ лѣсъ, чтобы насытиться наилучшими листьями древесными. Сія грубая пища, какую могли они только найти въ сей пустой странѣ, довольно укрѣпила ихъ, и они рѣшились искать своихъ товарищей. Двое изъ нихъ остались стеречь шлюпку, а между тѣмъ двое другихъ пошли вдоль берега, надѣясь найти ту пріятную страну, которую они потеряли во время ночи. Но они остановлены были въ своемъ поискѣ крутыми утесистыми скалами и глубокою рѣкою, которая пересѣкала имъ дорогу, стремясь въ море съ великою быстротою. Сіе препятствіе заставило ихъ возвратиться назадъ; они сѣли въ шлюпку, хотя едва были въ состояніи пуститься съ нею въ море. Между тѣмъ, какъ они силились переплыть мимо прибрежныхъ стремнинъ, вдругъ большой валъ бросилъ шлюпку на каменной утесъ съ такою силою, что она отъ того разбилась. Это привело ихъ въ отчаяніе. Съ горестію въ сердцѣ возвратились они на берегъ съ истощенными силами отъ несносныхъ трудовъ.

„Молитвы Христіянина не остаются никогда вотще, замѣчаетъ Шутенъ. „И молитвы сихъ нещастныхъ проникли въ превыспреннія небеса. Богъ нис-

„послалъ имъ бодрость и внушилъ имъ „итти на востокъ, совсѣмъ въ противную сторону, нежели гдѣ они искали „своихъ товарищей.„ Цѣлой день шли они между моремъ, которое оставалось у нихъ влѣво, и дикими горами; покрайней мѣрѣ находили кустарники, коренья и свѣжую воду въ небольшихъ ручейкахъ. Ввечеру остановились подъ деревьями, гдѣ спокойно провели ночь; на другой день продолжали путь свой; и чрезъ нѣсколько часовъ увидѣли на берегу два небольшіе челнока, къ которымъ и не сомнѣвались приближиться. Вскорѣ потомъ усмотрѣли битую дорогу; по ней пошли и она привела ихъ къ одной хижинѣ; то было жилище стараго Индѣйскаго пустынника, котораго не столько устрашилъ видъ Европейцовъ, сколько удивилъ. Онъ нѣсколько разумѣлъ Малайской языкъ; повѣствованіе о ихъ приключеніи возбудило въ немъ сострадание. Онъ предложилъ имъ сушеной рыбы, которая была плодомъ его ловли, и сарачинскаго пшена, которое онъ сѣялъ и собиралъ своими руками.

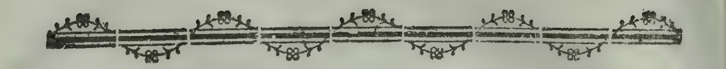
Ласковой пріемъ сего пустынника побудилъ ихъ остаться съ нимъ на нѣсколько времени; но боясь, чтобы благосклонность его не уменьшилась;

когда онъ увидитъ, что они съѣдаютъ его запасъ, рѣшились сами ловить рыбу въ его маленькихъ лодкахъ, и въ самомъ дѣлѣ поймали ея множество. Пустынникъ научилъ ихъ различнымъ способамъ ловить дикихъ козъ и другихъ горныхъ животныхъ. И сія ловля была не менѣе удачна, какъ и рыбная; они приносили все пойманное къ своему хозяину, которой позволилъ имъ провождать ночи у себя въ хижинѣ. Они такъ легко привыкли къ сей жизни, что научились бѣгать по лѣсамъ и кустарникамъ съ не меньшею скоростію, какъ и Индѣйцы. Даже, подкрѣпивши свои силы, получивши цвѣтъ лица и тучность тѣла, не думали они оставить сего спокойнаго мѣста, гдѣ всегда находили чѣмъ удовлетворить своимъ нуждамъ. Но ихъ спокойствіе прекращено было толпою разбойниковъ, которые, живучи одними грабежами, ходили по лѣсамъ и вдоль берега, и убивали безъ милосердія всѣхъ, кто попадался имъ въ руки живой. Сіи кровожадные, которые по своему роду жизни пристойно называются бродягами, принимаютъ опіумъ, дабы ожесточить сердца свои къ убійствамъ и грабительству. Шутенъ замѣчаетъ, что не рѣдко въ самыхъ городахъ производятъ они такіе

безпорядки. Когда опїумъ начинаетъ въ нихъ дѣйствовать, то они кричатъ: Амоекъ! Амоекъ! т. е. убивство! и въ тужъ минуту съ саблею или кинжаломъ въ рукѣ бросаются на перваго, кто имъ встрѣтится. Онъ видѣлъ казнь троихъ такого роду, которые ярость свою обнаружили посреди Батавїи. У нихъ сперва отрѣзали титьки, потомъ колесовали ихъ начиная съ низу; но и сїи ужаснѣйшїя казни не *приводятъ ихъ въ страхъ*, и часто возобновляется ихъ бѣшенство. — И такъ сїи варвары напали на хижину, и не находя себѣ сопротивленїя отъ четырехъ безоружныхъ человѣкъ, которыхъ они признали Европейцами, хотѣли знать, какъ они претерпѣли кораблекрушенїе, и что спасли. Такимъ образомъ надежда, какую они имѣли, получить прибыль отъ сей встрѣчи, спасла Голландцевъ. Пустынникъ, меньше заботясь о своей жизни, нежели о пришлецахъ, бросился на колѣни предъ сими варварами, и поднимая руки къ небу, столь живо представилъ имъ картину ихъ нещастїя и бѣдности, что тронулъ сердца сихъ варваровъ, и они не только не сдѣлали имъ никакого насилїя, но еще предложили, что отведутъ сихъ четырехъ странниковъ въ

Япару, самую ближнюю страну, гдѣ часто пристаютъ корабли Голландскіе. Сіе предложеніе показалось Голландцамъ искренно, и они охотно его приняли. Поблагодаривши съ чувствительностію благодѣтельному пустыннику, пошли они въ путь, слѣдуя за своими провожатыми, сперва по степямъ и густымъ лѣсамъ, потомъ вошли въ пріятныя долины, хорошо обработанныя, и наконецъ прибыли въ городъ Матарама, или островскаго Государя, откуда безъ труда достигли въ Япару и явились въ тамошнюю Контору. Правители дали нѣкоторую награду ихъ провожатымъ. Шутенъ видѣлъ сихъ четырехъ Голландцевъ въ Батавіи, куда они вскорѣ были отправлены; но объ ихъ товарищахъ не было никакого извѣстія.

XI.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Голландскаго судна, Короманделя, въ заливѣ Бенгальскомъ, въ 1660 году.

Въ 1660 году, Голландская Восточно-Индѣйская Компанія опредѣлила послать подарки Королю Арраканскому, дабы получить отъ него позволеніе производить торговлю въ его царствѣ. Сіи подарки положены на трехъ корабляхъ: первый назывался *Гасселтъ*, и былъ Адмиральской; второй les Remedes hollandois; а третье было небольшое судно подъ начальствомъ Вильгельма Горенбека, родомъ изъ Гарлема. Сіи суда вышли изъ Батавіи 12 Сентября 1660 года. Претерпѣвши много задержки и опасностей отъ вѣтровъ и сильной бури въ Бенгальскомъ заливѣ, они совершили наконецъ свое плаваніе и вошли въ большую рѣку Арраканъ, по которой принуждены были плыть вверхъ около осьмнадцати миль.

На третій день бросили якорь предъ Банделемъ, городомъ весьма многолюднымъ, гдѣ Голландцы имѣютъ свою Кон-

тору. Сей городъ находится во внутренности земли на 18 миль, и отстоитъ на милю отъ столицы Арраканскаго Королевства.

„Между тѣмъ, какъ мы дожидались времени, быть допущены на аудїенцїю къ Королю, говоритъ Шутенъ, бывшїй на кораблѣ Адмиральскомъ, пронесся слухъ, что одинъ Голландской корабль потонулъ во время той ужасной бури, которая и насъ застала; что при семъ случаѣ погибло нѣсколько сотъ человѣкъ и спаслись весьма немногїе, умѣвшїе говорить Пегуанскимъ языкомъ.

„Сперва мы имѣли причину не вѣрить сему извѣстїю; но 22 го Октября прибылъ къ намъ первый кормчїй съ яхты *Короманделя*, той самой, которая претерпѣла кораблекрушенїе; а съ кормчимъ пришли и еще девять человѣкъ матросовъ. Они разсказали намъ о своемъ нещастїи; а мы сообщимъ здѣсь вкратцѣ ихъ повѣствованїе.

„Прошлаго Сентября отправились они изъ Палїаката, гавани на берегу Короманделъскомъ, въ намѣренїи плыть въ Пегу. На кораблѣ находилось около 500 пассажировъ разныхъ нацїй; иные были изъ Короманделя, иные изъ Персїи, изъ Бенгала, изъ Пегу, и многїе

Арапы; большею частїю со всѣми своими фамилїями, съ женами, дѣтьми и невольниками. Намѣренїе ихъ было ѣхать подъ флагомъ Голландскимъ въ Пегу, каждой по своимъ дѣламъ. Они не думали, чтобъ сїе плаванїе, которое можно бы совершить въ восемь дней, имѣло такой плачевной конецъ.

„Плаванїе ихъ было въ началѣ благополучно: хорошая погода, тихое море, попутный вѣтръ, подавали имъ наилучшую надежду. Тридцать четыре Голландца правили кораблемъ, которой плылъ на Востокъ. Всѣ чрезмѣрно радовались благопрїятному времени и скорости своего плаванїя, и всякой надѣялся совершить сей путь такъ благополучно, такъ скоро, какъ только желать можно.

„Но скоро радость ихъ перемѣнилась въ печаль и ужасъ. Мрачная туча явилась на горизонтѣ, море взволновалось и поднялась свирѣпая буря. Судно было легкое и удобно качалось при сильномъ вѣтрѣ; парусовъ было мало, и тѣ худо приспособлены. Опасность заставила почти всѣхъ пассажировъ вытти на палубу, отъ чего тяжесть слишкомъ увеличилась съ этой стороны, и судно сильно покачнулось. Наконецъ яростной вихрь и огромной

валъ съ такою силою и такъ внезапно ударили судно, что оно наклонилось, и тѣ Индѣйцы, которые не привыкли къ мореплаванію, упали въ море съ наклонившейся стороны, а тѣмъ самимъ опрокинули все судно, такъ что мачты и парусы погрузились въ воду. Тогда множество воды налилось внутрь судна, и большая часть пассажировъ вмѣстѣ съ Голландскимъ лѣкаремъ, находившіеся въ низу, погибли при семъ случаѣ.

„Не возможно описать, въ какомъ жалостномъ состояніи находились оставшіеся еще въ живыхъ; не возможно вообразить ихъ горестнаго вопля, ихъ рыданія, ихъ отчаянныхъ криковъ. Многіе изъ нихъ плавали около корабля; даже женщины и дѣти боролись въ волнахъ. Всякой старался ухватиться за мачты, или за парусы, и силился всползти на судно. Голландцы, бывшіе также въ морѣ, употребили всѣ усилія и съ великимъ трудомъ стащили небольшую шлюпку и ботъ, въ которыхъ, къ большему ихъ нещастію, была еще течь, и не было на нихъ никакихъ снастей, ничего нужнаго для плаванія. Они оторвали парусы, и старались ими унять течь.

„Также срубили брамштенгу и кормовую флаговую мачту, и съ невѣроятнымъ трудомъ сдѣлали себѣ изъ него двѣ небольшія мачты, одну для шлюпки, а другую для бота, и привязали къ нимъ всѣ парусы, какіе могли оторвать. Наконецъ надѣялись, что на сіи два небольшія суда могутъ спасти нещастныхъ, борющихся въ волнахъ съ смертію.

„Но ихъ было такъ много, а суда такъ малы. Всякой подплывалъ къ борту, и силился на него взойти. И каменное сердце могло бы тронуться тѣми воплями и моленіями, какія произносили сіи нещастные, силившіеся приближиться къ судамъ, и простиравшіе руки свои для испрошенія себѣ милосердія отъ тѣхъ, которые уже были на нихъ. На бокахъ опрокинутаго корабля стояло множество Индѣйцевъ и Араповъ, какъ мущинъ, такъ и женщинъ: ихъ жалобные крики восходили до небесъ; они прощались взаимно между собою при вѣчной разлукѣ, прощались и съ тѣми, которые были въ водѣ. Однимъ словомъ, повсюду представлялись ужасы неминуемой смерти.

„Голландцы и Индѣйцы, находившіеся въ шлюпкѣ, нагрузили ее уже

столько, что не куда было положить ни съѣстныхъ припасовъ, ни принять кого нибудь изъ нещастныхъ, просившихъ милости жалостнѣйшимъ образомъ: иначе же они бы погибли всѣ неминуемо. Даже — жестокая необходимость! — должно было, подавивъ въ сердцѣ своемъ всѣ чувствованія человѣколюбія, отгонять тѣхъ нещастныхъ, которые доплывали до судовъ, и повергать ихъ въ море. Наконецъ, дабы избавиться отъ ихъ домогательствъ и удалиться отъ ихъ жалостнаго зрѣлища, спасшіеся въ ботѣ и шлюпкѣ пустились плыть, оставивъ на боку опрокинутаго корабля и въ волнахъ морскихъ множество нещастныхъ, которые возносили жалостные свои вопли, могущіе тронуть и самые камни.

„Изъ всѣхъ находившихся на кораблѣ, едва могли спастись на суда тридцать четыре или 35 человѣкъ. Удаляясь отъ того злополучнаго мѣста, они видѣли, что корабль нѣсколько времени еще плавалъ, потомъ вдругъ погрузился въ море; тогда послѣдній вопль нещастныхъ погибавшихъ усугубился, и слышанъ былъ спасшимися, которые уже были отъ нихъ далеко.

Ихъ малыя суда носимы были волнами по пространному Океану: каж-

дую минуту можно было опасаться погибели. Бѣдные плаватели направили путь свой къ Востоку, надѣясь вскорѣ увидѣть или берега Арраканскїе или Пегуанскїе, и къ нимъ пристать.

„Сперва почли за нужное привязать ботъ къ шлюпкѣ, потому что онъ подвигался впередъ весьма медленно; но какъ онъ мѣшалъ ихъ скорому плаванїю и притомъ же въ шлюпкѣ была большая течь, то находившїеся въ ней поспѣшили обрубить канатъ, и оставивши ботъ, поплыли впередъ, дабы достигнуть берега тѣмъ скорѣе и избавить шлюпку отъ потопленїя.

„Между тѣмъ и ботъ слѣдовалъ за шлюпкою такъ скоро, какъ только ему можно было; но наступившая ночь разлучила ихъ одну отъ другаго. Находившїеся въ шлюпкѣ почитали себя щастливѣйшими; но они обманулись, какъ то мы тотчасъ увидимъ.

„Ботъ плавалъ шесть дней и шесть ночей по открытому морю, и бывшїе на немъ не имѣли никакой пищи для своего подкрѣпленїя во все сїе время, хотя при той опасности, въ какой они поминутно находились, принуждены были работать безпрестанно. Надежда ихъ изчезла; они начинали уже отчаяваться, какъ вдругъ увидѣли берегъ

Арраканскій, и встрѣтившись съ судномъ той страны, перешли на него, и были накормлены. Немедленно отослали ихъ въ Арраканъ; ибо они должны остаться невольниками Королевскими по законамъ сего государства, опредѣляющимъ быть рабами Царскими всѣмъ избавившимся отъ кораблекрушенія и спасшимся на берегу сей страны.

„Когда ихъ представили сему Государю, то они учинили ему на языкѣ Пегуанскомъ такое жалостное повѣствованіе о своихъ нещастіяхъ, что во всѣхъ слышавшихъ возбудили крайнее соболѣзнованіе. Король и его вельможи не только доставили имъ всѣ нужныя потребы, но также Государь даровалъ имъ вольность, и отпустилъ ихъ искать своихъ соотечественниковъ. — Сіи то самые нашли насъ, какъ то выше сказано; но они не знали ничего о своихъ товарищахъ, бывшихъ на шлюпкѣ.

„Однако и сіи спаслись какъ будто какимъ нибудь чудомъ, и спустя нѣсколько дней, пришли въ то же царство. Ихъ шлюпка, имѣвши множество щелей и наполняясь безпрестанно водою, плыла семь дней и семь ночей, и тысячу разъ находилась въ опасности погрузиться въ волнахъ. Слезы были единою ихъ пищею и питьемъ.

Наконецъ они усмотрѣли островъ покрытой лѣсомъ, къ которому и пристали изнуренные голодомъ и изнемогши отъ трудовъ; но и тамъ не нашли никакой себѣ пищи: островъ былъ пустой, не было на немъ ни людей, ни животныхъ, ни деревъ плодовитыхъ; одни только тамарины (родъ финиковъ), но ихъ пожирали съ жадностїю голодные странники, и цѣлые пятнадцать дней они служили единственною пищею симъ нещастнымъ.

„Скоро оказались вредныя слѣдствїя сей нездоровой пищи: она произвела разслабленїе желудка и жестокой поносъ, отъ котораго двое умерли. Такое нещастное и безнадежное положенїе принудило ихъ пуститься опять въ море. Они поплыли на востокъ, и благопрїятный вѣтръ скоро пригналъ ихъ къ Арракану. Крестьяне и рыбаки сжалились надъ ихъ состоянїемъ и доставили имъ пищу.

„Они рѣшились искать устья большой рѣки Арракана; но когда хотѣли переплыть прибрежныя стремнины и пуститься въ море, то шлюпка ударилась о подводные камни и разбилась. Такимъ образомъ они принуждены были возвратиться на землю почти нагїе и всѣ вымокшие. А чтобы подвигнуть жителей

къ сожалѣнію о своей участи, то они разсказывали имъ на Пегуанскомъ языкѣ о своихъ нещастіяхъ. Но это-то и была важная ихъ ошибка: ибо царство Пегуанское было тогда въ войнѣ съ Арраканскимъ, и потому имъ не должно бы было говорить, что они отправились изъ Коромандел я къ непріятелямъ тѣхъ самыхъ людей, которымъ они сіе разсказывали.

„И дѣйствительно съ ними поступили худо; подумали, будто Голландцы везли къ Королю Пегуанскому военную аммуницію, и будто они ему благопріятствуютъ. По симъ обвиненіямъ ихъ арестовали, посадили въ темницу, и осудили на смерть. Надѣли имъ веревку на шею, связали имъ руки, и приказано было вести и представить ихъ Королю въ такомъ состояніи: ибо они думали, что Государю пріятно будетъ видѣть Христіянъ такъ мучимыхъ. Водили ихъ изъ города въ городъ, часто не давали имъ никакой пищи, кромѣ побоевъ; во всякомъ мѣстѣ, куда ихъ приводили, заставляли пересказывать свои приключенія тамошнимъ Правителямъ, которые всегда толковали ихъ въ худую сторону, досадуя, что корабль плылъ въ Пегу.

„Не можно описать всего, что претерпѣли сіи нещастные во время своего пути. Во всякомъ городѣ, во всякой деревнѣ принуждены были унижаться предъ тамошними начальниками, становиться на колѣни, покланяться до земли, и за все сіе поступали съ ними несправедливѣйшимъ образомъ и объявляли ихъ достойными смерти. Странной случай причинилъ бы имъ погибель, естьли бы вельможи и знатные люди, передъ которыми они находились, не имѣли болѣе сострадания, нежели прочіе.

„Прежде упомянуто было, что Голландцы на пустомъ острову питались тамаринами; отъ сей пищи долгое время мучились они коликою и поносомъ. Нѣкогда представили ихъ къ одному знатному господину въ полное и многолюдное собраніе обоего пола: въ большой залѣ, куда ихъ привели, сидѣли всѣ на прекрасныхъ коврахъ. Капитанъ того корабля, которой претерпѣлъ кораблекрушеніе, по имени *Жанъ-Горлъ*, желая сдѣлать больше комплиментовъ, нежели его товарищи, и больше поклоновъ по обычаю той земли, пустилъ вѣтръ съ такимъ шумомъ, что онъ раздался по всей залѣ. Главной начальникъ и вся компанія закричали: Сіювъ! Сіювъ! то есть, фи! фи!

„Такая неблагопристойность чрезмѣрно раздражила всѣхъ, и плѣнники въ страхѣ и смятенïи стояли наклонивши головы, ожидая своей участи. Наконецъ второй кормчïй, по имени *Жанъ-Спрингъ*, родомъ изъ Гарлѐма, прервалъ молчанïе, и униженно просилъ господъ великодушно простить сей важной проступокъ, принявши въ уваженïе, что это случилось противъ ихъ воли, и произошло отъ ихъ болѣзни, которую они съ давняго времени терпятъ, принуждены будучи на пустомъ острову питаться чрезъ цѣлые пятнадцать дней единственно тамаринами; что сïя вредная пища произвела въ нихъ тяжкïя болѣзни, и была причиною смерти двухъ изъ ихъ товарищей, и что они сами весьма истощились и ослабѣли, а потому и не сильны удержать нѣкоторыхъ естественныхъ побужденïй, и не могутъ явиться въ такомъ важномъ и пышномъ собранïи.

„Сïя небольшая рѣчь, наскоро сдѣланная, всѣхъ утишила и успокоила. Капитанъ сказывалъ намъ послѣ, что тогда-то почиталъ уже себя погибшимъ, и ежеминутно ожидалъ, что изрубятъ его въ куски саблями. Но повѣствованïе о ихъ нещастïяхъ тронуло сердца присутствовавшихъ, при-

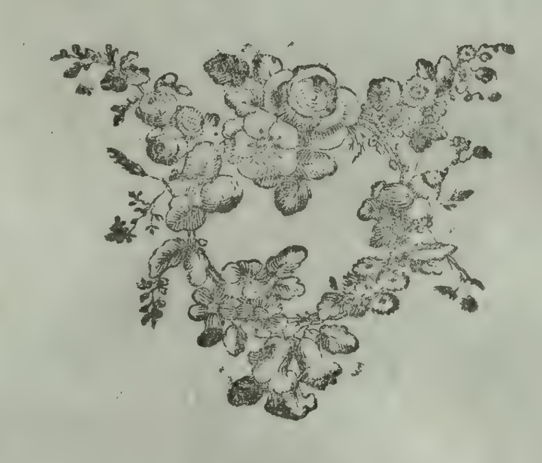
казано имъ дать пищи и одежду, и съ ними стали поступать лучше прежняго. Благосклонность и сострадательность госпожъ, сколько то можно было примѣтить, много способствовала къ облегченію ихъ участи. Онѣ весьма были тронуты, видя бѣдныхъ иноземцовъ почти нагихъ, избитыхъ и скованныхъ, просящихъ униженно облегченія бѣдственной своей участи, которой они не заслужили никакимъ преступленіемъ.

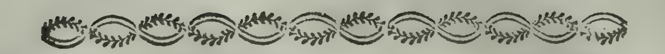
„И такъ сняли съ нихъ оковы, стали поступать съ ними гораздо ласковѣе и человѣколюбивѣе; привезли ихъ къ ближайшей рѣкѣ, посадили въ желіассу, или галеру Арраканскую, и повезли по оной вверхъ къ столицѣ того царства. Когда желіасса проѣжжала мимо нашихъ кораблей; то они просили Офицера, надъ ними начальствовавшаго, чтобъ онъ присталъ къ кораблямъ, и въ то же самое время кричали намъ давая о себѣ знать.

„Къ нимъ подъѣхали, и взяли ихъ изъ рукъ ихъ проводниковъ, обѣщаясь немедленно дать о томъ извѣстіе Королю. Въ самомъ дѣлѣ сіе было исполнено, и въ то же время просили Государя, чтобъ онъ даровалъ имъ вольность: ибо по законамъ той земли они должны были, какъ избавившіеся отъ

кораблекрушенія, оставаться его невольниками. Государь оказалъ имъ сію милость, равно какъ ихъ товарищамъ не за долго передъ тѣмъ.

„Ихъ приняли на нашъ корабль, чтобы отвезти въ Батавію. Весьма не многіе изъ нихъ были совершенно здоровы; прочихъ нужно было лѣчить, и они всѣ выздоровѣли наконецъ совершенно.„

XII.

РАЗБИТІЕ

Шлюпки съ Французскаго корабля Торо, въ заливѣ близъ Зеленаго Мыса, у Западнаго берега Африки, въ 1665 году.

Повѣствованіе о семъ нещастіи возбудитъ сожалѣніе въ сердцѣ чувствительнаго читателя; но прежде нежели мы представимъ ему картину печальнаго сего происшествія, нужно упомянуть, хотя въ кратцѣ, о главнѣйшихъ обстоятельствахъ того путешествія, которое было поводомъ тѣхъ нещастныхъ приключеній.

Знатныя выгоды, какія доставляла иностранная коммерція Голландской и Англійской Компаніямъ въ срединѣ седмагонадесять вѣка, возбудили поревнованіе и въ Французскихъ Негоціаторахъ. По сему поводу представлены были Г. Колберту разные проэкты и планы. Сей Министръ, ревнуя о благѣ своей Націи, склонилъ Короля, учредить Французскую Компанію для коммерціи въ Восточныхъ Индіяхъ: она и

была основана декларацїей, изданной въ Маѣ 1664 года. Секретарь Совѣта и девять знатныхъ купцовъ избраны первыми членами сей Компанїи. Они приняли къ себѣ въ общество многихъ другихъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Лїонѣ, Руонѣ, Бордо, Нантѣ и проч. и проч.

По силѣ той же декларацїи, Король далъ Компанїи въ заемъ три миллїона безъ всякихъ процентовъ, и неучаствуя чрезъ цѣлыя десять лѣтъ въ выгодахъ, какїя Компанїя имѣетъ получить отъ той суммы; даже онъ снялъ на себя всѣ убытки, естьли какїе случились бы въ сїе срочное время.

Благотворительность Короля, миръ, коимъ наслаждалась тогда Европа, и цвѣтущее состоянїе государства Французскаго, были самыми благопрїятными обстоятельствами для возраждавшейся Компанїи, каковыхъ никогда не имѣли ни Голландцы, ни Англичане при заведенїи своихъ торговыхъ Компанїй. Такимъ образомъ Французы, побуждаемые сими знатными выгодами, ревностно споспѣшествовали намѣренїямъ своего Государя и Министра. Усердїе было равное во всѣхъ состоянїяхъ. Положено собрать сумму пятнадцати миллїоновъ, которая въ

скоромъ времени и была собрана. Обезпечивши себя съ этой стороны столь щасливо, Компанія рѣшилась отправить ко Двору Великаго Могола, также къ Королю Персидскому и къ другимъ Индѣйскимъ Державамъ разныхъ особъ, опытныхъ и искусныхъ въ коммерціи и въ коммерческихъ негоціаціяхъ. Цѣль ихъ посольства была, развѣдать тѣ земли и ихъ произведенія; особенно же пріобрѣсть къ себѣ милость и благорасположеніе *тамошнихъ Правителей*. Все посольство отправилось въ началѣ Октября 1664 года.

Между тѣмъ, какъ главные Директоры приготовляли нужныя инструкціи для разныхъ членовъ, начальствующихъ въ Компаніи, производилась съ ревностію работа надъ снаряженіемъ четырехъ кораблей въ Гаврской, СентъМальской и ла Рошельской гаваняхъ. Первой фрегатъ, названной *Св. Павломъ*, былъ о 32 пушкахъ съ 80 человѣками матросовъ, подъ командою Г. *Верона*, родомъ изъ Олерона, опытнаго и искуснѣйшаго Капитана. *Керкадіу*, Дворянинъ Бретонской, возвратившійся за полгода предъ тѣмъ изъ Мадагаскара, командовалъ другимъ фрегатомъ, названнымъ *ле Торо*: на немъ было 22 пушки и 64 человѣка экипажу. Тре-

тій, названный *ла Въержъ де Бон-Портъ*, о 20 пушкахъ и съ 60 человѣками матросовъ, былъ подъ командою Капитана *Трюшо де ла Шене*, родомъ изъ Сенпъ-Мало. Наконецъ четвертой, небольшой фрегатъ, названный *Бѣлымъ Орломъ*, находился подъ командою Г. *Де ла Клошетри*, родомъ изъ Ла Рошели, извѣстнаго своимъ мужествомъ и отмѣнною рѣшимостію: онъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отнялъ у Ишпанцевъ, съ однимъ судномъ, два большіе корабля съ деньгами и невольниками; онъ же вошелъ въ гавань Брестскую съ шестью плѣнными судами, которые велъ за собою. Выбрано 230 человѣкъ экипажу на сей флотъ, изъ тысячи и болѣе представившихся. Кромѣ того щитали не менѣе 400 пассажировъ; но въ день отъѣзда число ихъ уменьшилось, ибо многіе устрашились волненія морскаго, коему были свидѣтелями, находясь долгое время въ Брестѣ. Только 288 пассажировъ вошли на всѣ четыре корабля, и въ томъ числѣ восемь миссіонеровъ изъ дому св. Лазаря въ Парижѣ, которые и раздѣлились по судамъ.

Отъѣздъ флота и обстоятельства его плаванія не имѣютъ въ себѣ ничего достопамятнаго даже до третьяго Мар-

та, въ которой день флотъ благополучно прибылъ къ Зеленому Мысу. Четыре корабля вошли на другой день въ первой заливъ находящійся позади Мыса, стали на якорѣ за полмили отъ берега. Тотчасъ отправлены четыре шлюпки съ Офицерами, солдатами и матросами къ одному мѣсту того берега, гдѣ много Негровъ ожидали ихъ безъ оружія, и показывали имъ, гдѣ удобнѣе пристать. Когда же песокъ и мѣль остановили шлюпки за шесть или болѣе саженей отъ земли, то толпа Негровъ бросились въ воду, и съ такимъ усердіемъ намогались перенести Французовъ на берегъ, что даже матросы не могли отговориться отъ сей ихъ услуги. Негры изъявили великую радость о прибытіи флота, и объявили на Португальскомъ языкѣ, что ихъ Алкадъ, или Вицерой того Кантона, любитъ Французовъ, и приметъ ихъ посѣщеніе весьма благосклонно.

Тогда Веронъ, Адмиралъ, и съ нимъ Ренфортъ, Авторъ путешествія о семъ повѣствованіи, съ двенадцатью вооруженными солдатами пошли въ деревню, отстоящую за 600 шаговъ или около того, провожаемы будучи Неграми. Въ деревнѣ было около ста хижинъ круглыхъ, вышиною отъ четырехъ до пяти фу-

товъ. Кровля на каждой сходилась шпицомъ; всѣ хижины окружены были двойною палисадою изъ пальмовыхъ вѣтвей, съ небольшимъ дворомъ при входѣ. Дворъ Алкадовъ, превосходившій всѣ другіе своею обширностію, былъ въ срединѣ четырехъ хижинъ, изъ коихъ въ одной жилъ самъ онъ, другія двѣ занимали его жены, а четвертая была для его лошади. Французы нашли Алкада сидѣвшаго на деревянной софѣ по срединѣ сего двора. Онъ былъ Негръ, лѣтъ около сорока, собою статенъ, важенъ и сановитъ. На головѣ у него былъ тюрбанъ изъ бѣлой и синей матеріи, а на плечахъ нѣкоторой родъ ткани или матеріи, непріятной для виду. Отъ пояса до колѣнъ закрытъ былъ другою матеріею, извѣстною подъ именемъ пань. Ноги и руки были нагія, а вмѣсто башмаковъ служила ему кожа подъ подошвами. Его чиновники иные лежали растянувшись на земли, иные сидѣли поджавши ноги. Главной Совѣтникъ, по имени *Жанъ Амстердамъ*, старикъ въ 88 лѣтъ, лежалъ облокотясь на колѣняхъ своего Правителя.

Послѣ первыхъ привѣтствій со стороны Французовъ, на которыя Алкадъ отвѣчалъ съ важностію невставая съ своего мѣста, поднесли ему бу-

тылку водки. Онъ выпилъ большой хлебокъ; Совѣтникъ послѣдовалъ его примѣру, а для третьяго разу почти ничего не оставалось. Потомъ условились съ обѣихъ сторонъ, вмѣсто портовой платы, за каждую шлюпку заплатить шесть бутылокъ водки, шесть аршинъ полотна и полосу желѣза. Во время сихъ переговоровъ жены Алкадовы, которыя изъ любопытства безпрестанно высовывались изъ своихъ хижинъ, прислали сказать Алкаду, что весьма желаютъ видѣть Французовъ. Онъ сдѣлалъ имъ сіе удовольствіе: онѣ пришли одѣты будучи почти такъже, какъ и мущины. Передъ концемъ аудіенціи пришли къ Алкаду пятьдесятъ главныхъ его Офицеровъ, съ коротккими пиками, саблями и стрѣлами. Ихъ неожиданное прибытіе возродило недовѣрчивость въ Французахъ; но тѣ изъ нихъ, которые были умнѣе, уговорили прочихъ, скрывать свое смятеніе.

Между тѣмъ, пока продолжались переговоры у Адмирала съ Алкадомъ, оставшіеся на шлюпкахъ Французы были свидѣтелями печальнѣйшаго зрѣлища. Нѣсколько матросовъ изъ экипажу на фрегатѣ Торо, и многіе пассажиры, всѣхъ числомъ 30 человѣкъ, сѣли въ шлюпку, намѣреваясь пристать

къ берегу, и осмотрѣть ту землю. Г. *Боссордей*, одинъ изъ двухъ миссіонеровъ находившихся на томъ фрегатѣ, былъ также въ числѣ сихъ любопытныхъ. Во время ихъ плаванія, многіе молодые люди, по неразумію своему, собрались кучею на одной сторонѣ шлюпки, а между тѣмъ волна ударила въ противную сторону и опрокинула шлюпку. Г. *ле Турнеръ*, Лейтенантъ фрегата Торо, занимался въ то самое время рыбною ловлею возлѣ берега, и уже досталъ столько рыбы, что можно было накормить ею больше пятидесяти человѣкъ, какъ вдругъ пушечный выстрѣлъ, слышанный съ его корабля, заставилъ его прекратить сіе упражненіе. Онъ увидѣлъ флагъ опрокинутой шлюпку довольно отдаленную, киль поднятой вверхъ, боченки плавали, а люди боролись въ морскихъ волнахъ, изъ коихъ иные старались доплыть до берегу, а другіе возвращались къ кораблю. Г. *ле Турнеръ*, видя такую опасность людей погибающихъ, немедленно возвратился на корабль. Между тѣмъ къ симъ нещастнымъ посланы уже съ великою поспѣшностію на помощь оставшіяся шлюпки и боты, которыми правили Негры. Сіи малыя суда прибыли еще въ пору къ тому мѣсту, гдѣ мно-

гіе умѣвщіе плавать, начинали уже ослабѣвать. Осьмнадцать человѣкъ спасены, но двенадцать погибли вмѣстѣ съ Жаномъ Амстердамомъ, Алкадовымъ Совѣтникомъ. Сей старой Негръ услышавши, что съ эскадрою прибылъ также и Капитанъ Керкадью, прежній его знакомецъ, не дождался конца аудіенціи, и поѣхалъ съ нимъ свидѣться. Они возобновили свое знакомство на фрегатѣ Торо. Старикъ невоздержно покушалъ водки и возвращаясь назадъ сѣлъ въ шлюпку уже пьянъ: шлюпка опрокинулась, и онъ погибъ.

При семъ нещастномъ случаѣ два великодушные поступка тронули тѣхъ, которые были тому очевидными свидѣтелями. Одинъ молодой Французъ, по имени Плансонъ, умѣвши отмѣнно хорошо плавать, увидѣлъ подлѣ себя другаго молодаго человѣка, одного изъ своихъ друзей, которой не умѣлъ плавать. Плансонъ, забывши свою собственную опасность, и желая помочь своему другу, велѣлъ ему ухватиться за свое платье. Но силы его ослабѣли, и они погибли вмѣстѣ. „Рѣдкой примѣръ дружбы! замѣчаетъ при семъ случаѣ Авторъ Журнала, и нещастной конецъ двухъ молодыхъ людей, которые по тихому своему характеру и другимъ прекрас-

нымъ качествамъ были бы достойны лучшей участи!„

Другой Французъ, по имени *Жиронъ де ла Мартинетъ*, изъявилъ тѣ же чувствованія великодушія, однако съ большимъ благоразуміемъ. Сынъ Г. де Монтабана, мальчикъ лѣтъ десяти, погибалъ въ его глазахъ. Онъ схватилъ его одною рукою, а другою плылъ, и приближившись къ опрокинутой шлюпкѣ, посадилъ его на киль. Потомъ приказавши ему держаться крѣпче за киль и не опускать его до тѣхъ поръ, пока подплывутъ къ нему съ шлюпкою для его спасенія, самъ пустился плыть далѣе, и щастливо достигъ бота, въ которой и вошелъ. Но лишъ только увидѣлъ, что въ немъ и такъ уже много людей, тотчасъ нимало не сумнѣваясь, бросился опять въ море и плылъ къ берегу на довольное разстояніе, куда и достигъ къ своему щастію. Между тѣмъ шлюпка приближилась къ молодому Монтабану, и онъ спасенъ. Во всю жизнь сіе благодѣяніе осталось для него незабвенно.

Изъ всѣхъ учинившихся жертвою сего нещастія, никто не возбудилъ столько сожалѣнія, какъ Г. Боссордей. Сей миссіонеръ пріобрѣлъ себѣ любовь всѣхъ своею ласковостію, усердіемъ и благо-

разумїемъ. Когда шлюпки возвратились, и нашлось, что его нѣтъ въ числѣ избавленныхъ, то произошло общее во всѣхъ соболѣзнованїе; казалось, что всякой потерялъ отца или брата своего; избавившїеся умножали еще сожалѣнїе, разсказывая подробныя обстоятельства его смерти: они столько дѣлаютъ чести человѣчеству, и притомъ столько могутъ быть назидательны, что мы не можемъ умолчать объ нихъ и здѣсь.

Г. Боссордей сперва не имѣлъ намѣренїя ѣхать въ шлюпкѣ на землю вмѣстѣ съ другими; но узнавши, что тѣ хотятъ остаться на берегу два или три дни, самъ предложилъ сопровождать ихъ въ семъ пути, какъ для того, чтобы воздерживать сихъ молодыхъ людей, изъ коихъ большая часть были бѣглы и вѣтрены, приводя имъ на память празднество того дня (тогда былъ Великой Четвертокъ 4 Марта 1665) и слѣдующаго, такъ и для того, чтобъ исправить ихъ душевныя надобности. Мы тотчасъ увидимъ, какую они имѣли въ томъ нужду. Лишъ только шлюпка опрокинулась и находившїеся въ ней попадали въ море, то сей истинно Апостольской мужъ, видя, что берегъ и корабли очень далеко, и что

не могутъ подать имъ скорой помощи, рѣшился своею жизнію жертвовать для спасенія другихъ, или покрайней мѣрѣ, дабы приготовить ихъ къ смерти Христіанской. Будучи въ полной силѣ и умѣя искусно плавать, онъ не столько о себѣ заботился, сколько о томъ, чтобъ подать руку помощи тѣмъ нещастнымъ, которыхъ видѣлъ погибающихъ. Онъ бросается среди ихъ, подымаетъ голову, громкимъ голосомъ кричитъ имъ, чтобы они возложили свое упованіе на Господа Бога, вспомнили бы, что этотъ священный день, празднуемый церковію, былъ днемъ смерти Іисуса Христа — днемъ искупленія всѣхъ человѣковъ; увѣщаетъ ихъ, чтобъ они въ сію важную роковую минуту принесли раскаяніе въ своихъ грѣхахъ, обѣщая дать имъ всеобщее разрѣшеніе. И въ самомъ дѣлѣ онъ сіе исполнилъ такими трогательными словами, съ такимъ сердечнымъ чувствомъ, что всѣ были внутренно тронуты. Потомъ онъ обратился къ тѣмъ, которые, казалось, теряютъ силы и бодрость, и приближаясь то къ тому, то къ другому, поддерживалъ ихъ одною рукою и плылъ съ ними нѣсколько времени; между тѣмъ увѣщевалъ ихъ не предаваться отчаянію и поручить себя ми-

лосердїю Божїю. Почти два часа продолжалъ онъ такїя благотворительныя дѣла; но чувствуя совершенное ослабленїе силъ своихъ, еще разъ далъ разрѣшенїе находившимся близъ него, и облобызавъ крестъ, которой всегда у него висѣлъ, погрузился въ бездну.

Повѣствованїе о такомъ рѣдкомъ подвигѣ сего героя Христїанскаго, хотя представляло великое утѣшенїе благочестивой собратїи Г. Боссордея, но сїе же самое заставляло всѣхъ чувствовать, чего лишилась въ немъ и церковь и корабельной экипажъ. Тогда возобновились слезы сожалѣнїя; казалось, что Г. Боссордей учинился одинъ жертвою сего нещастнаго случая, или, что объ немъ только жалѣть должно. *Г. де Мантассонъ*, другой миссїонеръ, находившїйся вмѣстѣ съ нимъ на одномъ коряблѣ, бывшій и другъ его и воспитанникъ, столько тронулся извѣстїемъ о его кончинѣ, что лежалъ безъ чувствъ цѣлой часъ. Чувствуя всю великость своей потерѣ, онъ ничего болѣе не желалъ, какъ воздать послѣднїй долгъ его тѣлу, и умереть также славно, какъ онъ. Первое его желанїе исполнилось въ тотъ же день, но другое спустя много лѣтъ послѣ сего случая. Г. де Монтассонъ

имѣлъ приказанїе остаться на островѣ Мадагаскарѣ въ качествѣ Миссїонера; онъ носилъ сїе званїе съ великою честїю даже до 1671 года. Но въ сей годъ, когда Французы оставили тотъ островъ, то и Г. де Монтассонъ возвратился во Францїю, и былъ духовникомъ то при Инвалидахъ, то въ Версалїи. Наконецъ отправили его въ Алжиръ въ качествѣ Апостольскаго Викарїя. Спустя три года послѣ его прибытїя, когда Алжирцы во многихъ случаяхъ нарушали трактаты, существовавшїе между ими и Францїею, то наконецъ въ 1683 году Г. Дюкеснъ бомбандировалъ Алжиръ: сїи варвары, пылая ненавистїю къ Французамъ и къ ихъ Религїи, привязали многихъ изъ нихъ къ отверстїю пушекъ. Г. де Монтассонъ былъ также въ числѣ сихъ нещастныхъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ его посадили въ мрачную темницу, и онъ сносилъ съ геройскою твердостїю всѣ безчеловѣчные съ нимъ поступки.

Но возвратимся къ нашему предмету. Спустя нѣсколько часовъ по возвращенїи шлюпокъ, увидѣли вдали, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ случилось опрокинуться шлюпкѣ, плавающее тѣло. Тотчасъ послали нѣсколько

человѣкѣ матросовъ его достать; это былъ трупъ Г. Боссордея. Онъ остался точно въ томъ же положенïи, въ какомъ его видѣли въ послѣднïя минуты: одна рука была на груди, уста прилѣплены къ Распятïю, которое онъ носилъ на крестѣ. Его приняли на корабль съ чувствованïями искренняго почтенïя и живѣйшей горести. Почти всѣ пассажиры и матросы цѣловали его руки и ноги, ороша́я ихъ горькими слезами.

Съ другой стороны сей нещастной случай произвелъ въ Неграхъ не меньше горести. Г. де Ренфортъ, бывши тому свидѣтелемъ, сохранилъ намъ о томъ извѣстïе въ Журналѣ сего мореплаванïя. Какъ скоро Негры, сопровождавшïе шлюпки, объявили о смерти Жана Амстердама, то его жены немедленно выбѣжали на берегъ всѣ въ слезахъ и съ громкими воплями: они приближились къ самому морю и умоляли волны, которыя доставали даже до ихъ ногъ, возвратить тѣло ихъ мужа. Когда же солнце начинало уже опускаться, а онѣ не видали еще предмета общей любви своей; то стали обвинять море и укорять его въ жестокости, произнося громкïя жалобы и вопли, которые были слышны издали.

Горесть ихъ была тѣмъ болѣе справедлива, что казнь, обыкновенная въ той землѣ, состояла въ томъ, чтобы топить въ морѣ преступника, и сверхъ того безчестно для фамиліи оставлять тѣло умершаго безъ погребенія. Наставшая ночь принудила сихъ женщинъ возвратиться въ хижину покойнаго, гдѣ они рвали на себѣ волосы, между тѣмъ какъ два молодые человѣка, стоя по сторонамъ дверей, играли печальныя пѣсни на круглыхъ инструментахъ, похожихъ на наши кимвалы. Одинъ изъ сыновей Совѣтника, видя нѣкоторыхъ Французовъ проходившихъ мимо, уговорилъ ихъ войти въ хижину, и объявилъ, что жители Зеленаго Мыса равно чувствительны къ печали, и расположены сносить волю Небесъ безъ ропота. Три дни провели они въ слезахъ и вопляхъ, потомъ приготовили жертву для Амстердама; родственники его развели огонь пальмовыми вѣтвями, около котораго сто человѣкъ обоего пола издавали громкіе крики, умоляя заходящее солнце принять благосклонно душу умершаго. Долго продолжали они сіи моленія. Въ недальнемъ разстояніи оттуда, жрецъ той страны, Негръ, стоявшій около четверти часа съ распростертыми къ солнцу руками,

заклалЪ вола, зжегЪ его внутренности, и разрѣзалЪ жертву. ПотомЪ раздѣлилЪ куски заклайнаго вола между родственниками умершаго.

ФлотЪ поднялЪ парусы одиннадцатаго Апрѣля; 28 го, прошелЪ Линію при благопріятномЪ вѣтрѣ; спустя нѣсколько дней вѣтерЪ утихЪ и цѣлую недѣлю продолжалось безвѣтріе. АвторЪ замѣчаетЪ, что величайшая нужда, какую чувствуютЪ мореплаватели вЪ жаркомЪ поясѣ и вЪ сихЪ отдаленныхЪ странахЪ, есть недостатокЪ вЪ хорошей водѣ: зной солнечной столь силенЪ, что вода на кораблѣ тотчасЪ портится; но когда жарЪ становится сноснѣе, то и вода опять поправляется; однако всегда уже больше или менше отзывается бочкою. По сей причинѣ дождь почитается благотвореніемЪ, ниспосылаемымЪ сЪ небесЪ: разстилаютЪ парусину и сбираютЪ дождевую воду. Но сЪ одной стороны рѣдко случается дождь вЪ сихЪ странахЪ, а сЪ другой дождевая вода часто бываетЪ солона. Сія вода раждается вЪ воздухѣ изЪ паровЪ морскихЪ; она иногда остается тамЪ столь недолго, что не успѣетЪ очиститься, или лучше сказать, она вЪ такомЪ изобиліи подымается вверхЪ, что не имѣетЪ вре-

мени очиститься отъ соленыхъ частицъ, коими она напитана.

Не меньше трудно сберечь и другіе съѣстные припасы въ семъ жаркомъ климатѣ: Французское вино не долго держится и скоро теряетъ свою доброту, но Ишпанское всегда прекрасно. Съ достаточнымъ количествомъ сего вина, естьли бы притомъ можно было приставать къ землѣ хотя одинъ разъ въ мѣсяцъ, для запасенія себя свѣжею водою, нѣкоторыми овощами и мясомъ: люди самаго слабаго сложенія могли бы удобно совершать всѣ морскіе вояжи.

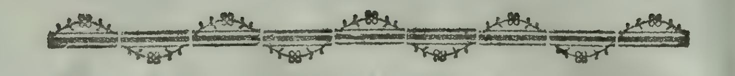
Іюня 3 го, четыре корабля находились на высотѣ Мыса Доброй Надежды. Тогда Адмиралъ созвалъ на свой корабль всѣхъ Офицеровъ и маркитантовъ, находившихся на флотѣ, чтобы они были свидѣтелями, какъ распечатаетъ и откроетъ четыре сундука изъ бѣлаго желѣза, запечатанные печатью Компаніи; ему данъ былъ ордеръ не раскрывать ихъ прежде, нежели достигнетъ той высоты. Тамъ находились инструкціи разныхъ чиновниковъ для тѣхъ, которые должны были исполнить ихъ въ Мадагаскарѣ. Миновали щастливо Мысъ Доброй Надежды; но на высотѣ мыса Игольнаго нужно было все искусство

мореходцевъ противъ усилія вѣтровъ и волнъ. Море ударяется о сей мысъ съ великою силою, и разбиваясь объ него быстро, несется назадъ; водовороты тамъ столь стремительны, что нерѣдко переворачиваютъ корабли и повергаютъ ихъ въ величайшую опасность. Даже и при семъ случаѣ четыре Французскіе корабля лишились тамъ нѣсколькихъ парусовъ.

До сего времени всѣ сіи четыре суда плыли вмѣстѣ, что весьма замедляло ихъ плаваніе: ибо Торо подвигался весьма медленно и принуждалъ другихъ себя дожидаться. Сія медленность и сильное волнованіе моря весьма огорчили Г. Монтабона, назначеннаго отъ Компаніи Президентомъ въ Мадагаскаръ; онъ желалъ скорѣе сойти на землю для поправленія своего здоровья; но надобно было объявить какой нибудь предлогъ, почему отдѣлится отъ другихъ корабль Адмиральской, на которомъ онъ находился. Президентъ прибѣгнулъ въ семъ случаѣ къ Доктору, которой засвидѣтельствовалъ, что для его здоровья морской воздухъ пагубенъ, и нужно ему сойти на землю. Послѣ сего формальнаго объявленія, корабль Св. Павла отдѣлился отъ прочихъ 11 го Іюня. Капитанъ

сего корабля такъ искусно имъ управлялъ, что онъ избѣжалъ опасности въ тѣхъ мѣстахъ между Мадагаскаромъ и берегами Мозамбика, гдѣ есть сильное стремленіе моря; наконецъ увидѣли землю 9 го Іюля. Въ слѣдующій день, въ десять часовъ утра, бросили якорь у южнаго конца острова. На кораблѣ Св. Павла умеръ только одинъ матросъ во все время плаванія, т. е. по счисленію Журналистовъ, чрезъ четыре тысячи миль.

XIII.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Голландскаго судна, Лосдюна, въ устьѣ рѣки Гангеса, въ 1672 году, и приключенія Лестры, Французскаго Путешественника.

Желаніе, удовлетворить своему любопытству отдаленными путешествіями, побудило *Лестру* удалиться изъ Франціи. По возвращеніи своемъ, онъ издалъ въ свѣтъ Журналъ своихъ похожденій и нещастій. Слогъ его простъ, замѣчанія основательны. Но болѣе всего должно возбудить довѣренность къ нему читателей то, что его повѣствованія о тѣхъ приключеніяхъ, коихъ онъ былъ свидѣтелемъ, и описанія тѣхъ земель, въ которыхъ онъ странствовалъ, совершенно сходны во всемъ съ испытаніями и наблюденіями, учиненными въ позднѣйшія времена.

Лестра принялъ намѣреніе странствовать въ 1671 году, по случаю отъѣзда Г. *Белота*, который отправлялся въ Суратъ въ качествѣ Директора надъ коммерціею Французской Индѣйской

Компанiи. Онъ сѣлъ, 4 го Марта, въ Портъ - Луи, что въ Бретанѣ, на корабль Св. *Iоанна Крестителя* о 36 пушкахъ; симъ кораблемъ командовалъ Капитанъ *Герленъ*. На немъ экипажу было 250 человѣкъ, почти всѣ люди молодые и отважные. Какъ скоро сей корабль въ тотъ же день остановился на якорѣ на рейдѣ, то присоединилось къ нему большое судно, названное *Восточнымъ Солнцемъ* (le soleil d'Orient). На немъ находился *Г. Гюейтонъ*, другой Директоръ Компанiи, и Депутатъ отправляемый въ Великому Моголу отъ Короля. На семъ суднѣ экипажу было 300 человѣкъ, и 60 пушекъ; командовалъ имъ Г. *Лабюда*. Оба сiи суда должны были плыть вмѣстѣ, и ожидали только попутнаго вѣтру, которой повѣялъ седьмаго числа; но лишь только вышли они изъ рейды, какъ поднялась страшная буря, продолжавшаяся цѣлые три дня. Самыя крѣпкiя мачты на Восточномъ Солнцѣ не могли выдержать сильнаго вѣтру и волнъ; всѣ были сломаны, и корабль находился въ такой опасности, что Капитанъ, видя каждую минуту свою погибель, и не получая никакой помощи съ другаго корабля, ему сопутствовавшаго, обратилъ свою ярость противъ него, и хотѣлъ сдѣ-

лать залпъ изъ всѣхъ пушекъ, и его потопить: онъ не примѣтилъ, что и другой корабль подверженъ былъ равной опасности. Но Гюейтонъ и другіе Капуцинскіе монахи, бывшіе духовниками на его суднѣ, укротили его ярость, и убѣдили возложить упованіе на покровительство Небесъ. Оба суда не имѣли другаго средства къ своему спасенію, какъ бросить часть грузу въ море, и отдаться въ волю судьбы. Наконецъ тишина возвратилась въ третій день. Ночью сдѣлался такой туманъ, что потеряли изъ виду Восточное Солнце. Герпенъ не хотѣлъ искать его, боясь, чтобы не замѣшкаться; ибо наставало уже то время, въ которое въ сихъ моряхъ свирѣпствуютъ вѣтры. Онъ направилъ путь къ Зеленому Мысу, куда и прибылъ 16 го Мая. По исчисленіямъ кормчаго, они совершили 900 миль пути отъ Портъ-Луи.

Послѣ сего, плаваніе ихъ продолжалось благополучно, и Лестра, не предпринимавшій никогда дальняго путешествія по морю, весьма утѣшался, видя безпрестанно многоразличную перемѣну предметовъ. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ корабль останавливался, онъ находилъ новую матерію для своихъ на-

блюденій. Рыбная ловля и охота попеременно служили ему забавою.

26 го Октября, корабль прибылъ въ Суратъ. Во все время его плаванія онъ лишился только осьми человѣкъ, и нѣсколько дезертеровъ, оставшихся на Мысѣ Доброй Надежды. Герпенъ бросилъ якорь въ большей рейдѣ у Сурата, за три мили отъ меньшей рейды Суалисской, въ которой находился тогда Французской флотъ, состоявшій изъ осьми военныхъ кораблей, подъ командою *де ла Ге*. Герпенъ отдалъ честь Французскому флагу тридцатью шестью пушечными выстрѣлами. Г. *Белотъ*, сошедши на землю, во первыхъ здѣлалъ посѣщеніе Господину де ла Ге, которой дожидался возвращенія Гна. Карона, Генералъ-Директора, занимавшагося тогда заведеніемъ Конторы на островѣ *Явѣ*. Онъ возвратился изъ Бантама не прежде 15 го Ноября, будучи весьма доволенъ своею поѣздкою и тѣмъ уваженіемъ, какое онъ примѣтилъ къ Французамъ въ Королѣ и во всей націи. Г. Белотъ, сообщивши ему о своей коммиссіи, возвратился въ Суратъ, дабы ее исполнить. У Французовъ было тогда двѣ конторы въ сей странѣ, служившія имъ для складки товаровъ: одна въ городѣ Суратѣ, а дру-

гая въ Суалисѣ между Англійскою и Голландскою конторами. Но страшной вихрь, которой подымается періодически одинъ разъ въ году, заставилъ ихъ перенести товары въ городъ, хотя то стоило великихъ издержекъ. Сей ураганъ продолжается иногда 12 или 15 дней, и бываетъ сопровождаемъ такими ужасными обстоятельствами, что всѣ живущіе не подалеку отъ моря, принуждены бываютъ бѣжать въ городъ Суратъ и укрываться въ стѣнахъ отъ его ярости.

Директоры Французскихъ, Англійскихъ и Голландскихъ Компаній, пріѣжжая въ конторы своей націи, должны были, отдавая посѣщеніе городскому Губернатору, наблюдать нѣкоторыя унизительныя церемоніи, особенно же скидать башмаки, и оставлять ихъ у дверей залы, а итти въ однихъ чулкахъ по коврамъ, вышитымъ золотомъ. Но въ 1667 году, одинъ Французской Директоръ надѣлъ на себя пребогатыя туфли, и не скидавая вошелъ въ нихъ въ залу: такимъ образомъ онъ пренебрегъ ту унизительную церемонію, прочіе послѣдовали его примѣру.

Авторъ подробно описываетъ, какимъ способомъ Французы спаслись отъ грабительства морскаго разбойника Се-

ваджи (*), въ 1670 году, между тѣмъ, какъ Англичане и Голландцы не могли защитить своихъ конторъ. Въ другихъ Историкахъ, писавшихъ о томъ же, мы не находимъ столь подробнаго описанія о сей матеріи, сколько сообщилъ намъ Лестра. Онъ пишетъ, что у Севаджи было двадцать тысячь человѣкъ войска, а не двенадцать, какъ нѣкоторые увѣряютъ; и сумма, какую похитилъ сей знаменитой грабитель, какъ у тамошнихъ жителей, такъ и у Англичанъ и Голландцевъ, простиралась по его свидѣтельству до сорока милліоновъ. Мы не станемъ приводить здѣсь всѣхъ подробностей, относящихся до сей матеріи: ибо онѣ не сообразны съ цѣлію нашего изданія; однако не мо-

(*) Принцъ Индѣйской, славный завоеватель. Онъ долго былъ бичемъ Индіи и ужасомъ Могола, противъ котораго взбунтовался. Онъ достигъ до того, что въ горахъ Деканскихъ основалъ знатное Царство, независимое ни отъ Могола, ни отъ Царей Визапурскихъ и пр. Орангъ-Зебъ принужденъ уже былъ заключить съ нимъ миръ постыдной для Двора Делійскаго. Севаджи почитается основателемъ Маратовъ, о коихъ могуществѣ будемъ мы подробнѣе говорить послѣ.

жемъ пропустить въ молчанiи слѣдующаго анекдота, какъ такого, которой служитъ къ славѣ Французской нацiи. — Одинъ гвардейской полкъ сего Индѣйскаго Государя, въ числѣ осьми сотъ человѣкъ, приближился къ Французской конторѣ. Г. Каронъ, бывшiй тамошнiй Директоръ, готовъ былъ ихъ принять. Онъ спрашивалъ ихъ, чего они хотятъ, и не пришли ли отъ Севаджи, которой всегда казался быть дружески расположенъ къ Французской нацiи. Нѣкоторые изъ солдатъ отвѣчали съ гордостiю, что желаютъ знать, нѣтъ ли въ магазинахъ, кромѣ Французскихъ товаровъ, еще чужихъ. Тогда Генералъ - Директоръ посовѣтовалъ имъ поискать сокровищь въ устьяхъ трехъ пушекъ, которыя онъ поставилъ въ воротахъ, велѣвши зарядить каждую шестью - фунтовыми ядрами; къ тому прибавилъ, что Французскiя богатства тамъ заключены. Между тѣмъ всѣ Французы, бывшiе тогда въ конторѣ, взяли оружiе, а пушкарь держалъ въ одной рукѣ зажженной факелъ, а въ другой двуствольной пистолетъ. Такой отвѣтъ и видимая опасность могли удержать разбойниковъ. Они, посовѣтовавшись между собою, извинялись въ своемъ поступкѣ передъ Г.

Скарономъ, и просили его покрайней мѣрѣ показать себѣ магазины Англійскіе и Голландскіе; но онъ отвергъ ихъ прозьбу съ презрѣніемъ, и между тѣмъ не отступалъ отъ воротъ, держа въ правой рукѣ пистолетъ, а въ лѣвой короткую пику. Сей отказъ раздражилъ ихъ; удаляясь оттуда, они сдѣлали выстрѣлъ по одному Французу, которой осмѣлился посмотрѣть на нихъ въ окно. Потомъ, разсѣявшись по городу со всею арміею, съ яростію грабили и опустошали все чрезъ цѣлые восемь дней.

Лестра провелъ въ Суратѣ два мѣсяца, даже до 26 Декабря, когда Г. де ла Ге сѣлъ на корабль, предпринимая большое путешествіе по приказанію Короля. Капитанъ Герпенъ присоединился къ его эскадрѣ, и сопутствовалъ ей даже до острова Цейлана. Сходство повѣствованій нашего Автора, касательно до сего мореплаванія, съ журналомъ Г. де ла Ге, служитъ порукою въ его вѣрности. Но онъ оставилъ эскадру въ гаванѣ Тринкемальской, намѣреваясь отправиться въ Транкебаръ, на кораблѣ *Фениксѣ*, которой вмѣстѣ съ двумя другими кораблями долженъ былъ тамъ запастись съѣстными припасами. По отъѣздѣ его онъ

былъ свидѣтелемъ первыхъ подвиговъ Французской арміи, и его повѣствованіе весьма сходствуетъ съ тѣми извѣстіями, какія о сей войнѣ изданы въ свѣтъ.

Тутъ обстоятельства его получили нещастливой оборотъ: ибо онъ имѣлъ нещастіе вмѣстѣ съ кораблемъ попасть въ руки Голландцевъ. Ла Мелиньеръ, командовавшій Фениксомъ, обманутъ былъ ложными видами дружбы и мира. Онъ отрекся защищаться противъ Голландцевъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто не получалъ на то приказанія отъ Адмирала. Ему стоило только сдѣлать одинъ пушечной выстрѣлъ, и тѣмъ подать знакъ флоту о своемъ состояніи: такимъ образомъ онъ легко бы освободился отъ четырехъ непріятельскихъ кораблей, и даже они сами не могли бы избѣгнуть той участи, какую испыталъ Французской корабль.

И такъ Ла Мелиньеръ сдался безъ сопротивленія: весь его экипажъ принужденъ былъ жестокими палочными ударами сойти въ Голландскія шлюпки, гдѣ съ ними поступаемо было, какъ съ трусами. При семъ случаѣ Лестра оказалъ болѣе всѣхъ твердости; однако долженъ былъ вытерпѣть рав-

ное съ прочими наказанїе. Всѣ сїи плѣнники посажены, 2 го Іюля, на одно Голландское судно, называвшееся Осдорптомъ. Солдатъ и матросовъ заперли въ нижнюю часть судна, гдѣ они лежали на солѣ и на мокромъ песку, и гдѣ не было никакого отверстїя для свѣжаго воздуху. Число ихъ умножилось до ста пятидесяти человѣкъ, когда взяты были еще другїя два Французскїя суда. Двое сутокъ не давали имъ никакой другой пищи, кромѣ горсти сарачинскаго пшена. Авторъ нашъ имѣлъ смѣлость принести жалобу на такїе безчеловѣчные съ ними поступки. Голландской Капитанъ, человѣкъ грубой и звѣрской, напустилъ на него съ великою яростїю, на что и Лестра отвѣчалъ ему съ большею смѣлостїю и грубостїю, надѣясь, что прочїе плѣнники возьмутъ его сторону, и такимъ образомъ могли бы они произвесть въ дѣйство свое намѣренїе, и овладѣть судномъ. Но ни одинъ изъ всѣхъ не осмѣлился ему помочь.

Лестра имѣлъ причину опасаться, что Голландцы поступятъ съ нимъ и съ прочими плѣнниками такъже, какъ они поступили съ плѣнниками Португальскими, по взятїи Кохина. Они посадили ихъ на судно, обѣщаясь отвесть на

одинъ островъ и снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ для житья, дабы они тамъ поселились; но въ самомъ дѣлѣ, удалившись отъ берегу, потопили ихъ въ морѣ. Уже Лестра готовился къ смерти, и даже желалъ ея, дабы скорѣе избавиться отъ несноснаго жару и духоты. Уже нѣкоторые изъ его товарищей умерли, какъ будто взбѣсившіеся, испуская пѣну ртомъ и носомъ; отчаяніе побудило прочихъ кричать во всѣ силы: они вопили, что естьли не дадутъ пройти къ нимъ воздуху, то они здѣлаютъ въ кораблѣ отверстіе и его потопятъ. Сіи угрозы заставили наконецъ Голландцевъ отворить люки, и бросить къ нимъ веревку, чтобы вытащить оттуда мертвыхъ. Это было единственное облегченіе, какое получили Французы даже до прїѣзду ихъ въ Негапатанскую гавань.

Тутъ выпустили ихъ изъ тюрьмы, въ какой они находились будучи на суднѣ, и посадили въ другую: это была ветхая церковь, до половины обрушившаяся и открытая: она нѣкогда была посвящена Португальцами Св. *Ѳомѣ*, а у Голландцевъ служила вмѣсто сараю и магазина. Съ ними поступали не такъ жестоко, какъ прежде; однако это имъ не мѣшало думать о сред-

ствахЪ кЪ бѣгству. Болѣе всѣхЪ заботился о томЪ Лестра. Нѣкоторые нашли средство выттти изЪ своей тюрьмы черезЪ старую гробницу; караульные то примѣтили, и тотчасЪ заперли эту дорогу.

ВЪ числѣ сихЪ нещастныхЪ были два Французскіе солдата, которые за десять лѣтЪ передЪ тѣмЪ находились вЪ службѣ Голландской, вЪ Восточной Индіи. ОдинЪ былЪ родомЪ изЪ СентЪ-Дениса, во Франціи, а другой изЪ Бретани. Они требовали своего отпуска у Генерала Риклофа; но не могши его получить, рѣшились наконецЪ спастись бѣгствомЪ на караблѣ Фениксѣ, на которой и приняты КапитаномЪ вЪ Транкебарѣ. Но какЪ сіе судно было взято, то и ихЪ узнали, и по пріѣздѣ вЪ НегапатанЪ, представили кЪ Генералу Риклофу, которой и осудилЪ ихЪ на смертную казнь. Лестра живо тронутЪ былЪ ихЪ смертію, тѣмЪ болѣе, что свелЪ сЪ ними короткое знакомство. ОнЪ нашелЪ вЪ Бретонцѣ много достоинствЪ, и пріобрѣтши его довѣренность и дружбу, узналЪ отЪ него тѣ обстоятельства, которыя привели его вЪ Индію.

ОнЪ былЪ молодой человѣкЪ, лѣтЪ двадцати осьми, собою статенЪ, глаза имѣлЪ пламенныя и проницательныя.

Долговременное его путешествіе сдѣлало его нѣсколько смуглымъ, не обезобразивши однако прекрасныя черты лица его. Онъ имѣлъ благородную физіогномію: былъ храбръ и вѣжливъ. Наконецъ всѣ его пріемы обнаруживали знатность его рода; и подлинно, онъ былъ изъ фамиліи извѣстной: отецъ его, желая укрѣпить все имѣніе за старшимъ его братомъ, назначилъ младшаго къ духовному званію. Впрочемъ не щадили ничего на его воспитаніе; но онъ влюбившись въ одну молодую дѣвушку, которая также почувствовала къ нему любовь, разстроилъ всѣ планы отца своего, принявши опять шпагу, и вскорѣ потомъ щастливо обратилъ ее противъ одного соперника, которой палъ отъ его руки. Ему удалось убѣжать; за нимъ послѣдовала и его любезная, которая пожертвовала ему всѣмъ своимъ щастіемъ. Они скрылись на одномъ Голландскомъ кораблѣ, и на немъ пріѣхали въ Амстердамъ; но не могши примириться съ своими фамиліями, и видя себя безъ всякой помощи, безъ всякаго пристанища, принуждены были наконецъ принять сдѣланное имъ предложеніе, отправиться въ Индію, гдѣ обѣщали доставить имъ хорошее и честное состояніе. Молодой

путешественникъ думалъ послѣ, что сїе намѣренїе было имъ внушено по приказу ихъ родителей, дабы удалить ихъ изъ Европы, и привести ихъ проступокъ въ забвенїе. Они отправились съ Голландскимъ Капитаномъ, которой долженъ былъ отвезти ихъ въ Батавїю. Во время ихъ плаванія Капитанъ страстно полюбилъ молодую Бретонку, и столько безпокоилъ ее своими ласками, что она принуждена была наконецъ притвориться больною, дабы избавиться отъ его домогательствъ и не подать поводу къ ревности своему мужу; но сей обманъ мало ей помогъ, хотя и дѣйствительно мужъ ея не узналъ своей опасности. Капитанъ подъ нѣкоторымъ предлогомъ остановился въ гаванѣ Суалїйской, и предложилъ молодому Французу переѣхать вмѣстѣ съ своею женою къ одному изъ его прїятелей, Голландскому купцу, имѣвшему жительство въ Сураттѣ. Тутъ Француженка познакомилась съ одною молодою вдовою, родомъ изъ Португаллїи, которая по смерти своего мужа искала случая отправиться въ Гою. Сею-то связью хотѣлъ Капитанъ воспользоваться для произведенія въ дѣйство коварнаго своего намѣренія, которое ему и удалось. Онъ предложилъ Бретонцу отправиться

вѣ Негапатанѣ, обнадеживая его хорошими выгодами, которыя могутѣ привести его вѣ такое состоянїе, что онѣ не будетѣ имѣть нужды ни кѣ комѣ. Этой лестной надежды уже довольно было, чтобы побудить его кѣ самымѣ труднымѣ подвигамѣ. Онѣ рѣшился туда отправиться, и за нѣсколько дней передѣ своимѣ отѣѣздомѣ открылѣ сїе намѣренїе любезной своей супругѣ, стараясь утѣшить ее тѣми лестными выгодами, какими онѣ самѣ былѣ занятѣ; увѣряя ее, что ихѣ разлука будетѣ не долговременна и кончится кѣ ихѣ благополучїю. Нещастная супруга тотчасѣ поняла, чего должно было ей опасаться отѣ сей разлуки: а какѣ ея слезы не могли удержать его отѣ предпрїятїя, то наконецѣ она рѣшилась открыть ему страсть Капитана. Но и сїя довѣренность не преклонила его, перемѣнить свое намѣренїе. Даже онѣ думалѣ, что сїе извѣстїе была ложная выдумка, которую внушила ей любовь на тотѣ конецѣ, чтобы удержать его отѣ разлуки. И такѣ онѣ исторгѣ себя изѣ объятїй своей любезной и сѣлѣ на корабль. Сѣ другой стороны Голландской Капитанѣ старался внушить ей ревность кѣ молодой вдовѣ Португальской: онѣ вызвался доставить ей

желанный случай, коего она давно искала для своего отъѣзду. Въ то время отправлялся оттуда одинъ корабль, которой долженъ былъ остановиться въ Гоѣ. Капитанъ умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ для своего коварнаго намѣренія: онъ до тѣхъ поръ медлилъ увѣдомить Португалянку о его отъѣздѣ, пока наконецъ она, поспѣшая приготовить все нужное къ своему пути, и боясь, чтобы не пропустить сего случая, не успѣла проститься съ своею пріятельницею, молодою Француженкою и отправилась на томъ корабле. Капитану легко можно было очернить оба сіи происшествія самыми черными красками. Онъ представилъ ей отъѣздъ мужа и Португалянки, какъ бы условленнымъ бѣгствомъ, которое не позволяло нимало сомнѣваться въ ихъ взаимной любви. Сія выдумка показалась столь правдивою для нещастной Француженки, что она, не въ состояніи будучи перенести ни горести о разлукѣ съ своимъ любезнымъ, ни мучительной ревности, впала въ смертельную болѣзнь. Капитанъ притворился, будто онъ побѣдилъ уже свою страсть, и печется объ ней по одному человѣколюбію. Наконецъ, дабы ускорить свой отъѣздъ изъ сего мѣста, выдумалъ

разныя нужды, которыя будто побуждали его какъ наискорѣе отправиться въ Батавїю, и хотя она еще не освободилась отъ своей болѣзни, однако онъ ей предложилъ ѣхать туда же вмѣстѣ съ нимъ, какъ то прежде они были намѣрены, и обѣщалъ доставить ей въ томъ городѣ хорошее состоянїе, какимъ они льстились оставляя Голландїю. Нужда заставила ее согласиться на сїе предложенїе. И прїѣхавши въ Батавїю, она не могла еще освободиться отъ своей болѣзни. Капитанъ долго содержалъ ее въ своемъ домѣ; но послѣ, будучи принужденъ возвратиться въ Европу, имѣлъ столько подлости, что отдалъ ее въ гофшпиталь. — Лестра видѣлъ ее въ семъ горестнѣйшемъ состоянїи и расказалъ ей о приключенїяхъ и смерти ея мужа.

Сей послѣднїй расказалъ ему самъ, что положась на честное слово Капитана, отправился онъ изъ Суалиса на одномъ суднѣ вмѣстѣ съ пятьюдесятью человѣками рекрутовъ, которые отданы ему были въ команду отъ Капитана; но скоро узналъ, что солдаты имѣли приказанїе не повиноваться ему, развѣ только для виду. Тогда-то онъ съ горестїю раскаялся въ томъ, что имѣлъ такъ мало довѣренности къ сво-

ей супругѣ, и его отчаянїе конечно погубило бы его, естьлибъ Офицеры того судна не препятствовали ему предпринять что нибудь противъ его жизни. Онъ не могъ скрыть своего неудовольствїя передъ Губернаторомъ Негапатанскимъ, и откровенно принесъ ему свои жалобы; но сей послѣднїй, будучи не меньше жестокъ какъ и тотъ, которой измѣнилъ ему столь вѣроломно, объявилъ нещастному Бретонцу, что прїѣхавши въ Индїю служить Республикѣ, онъ долженъ сперва исполнить все званїе добраго солдата, чтобы заслужить тѣ награды, которыя онъ получить надѣялся; что онъ назначаетъ ему два года сроку, въ которое время можно будетъ видѣть ревность и вѣрность къ Республикѣ, а послѣ онъ уже получитъ достойную награду за свою службу. Срокъ прошелъ; молодой Французъ просилъ отпуска у того же Губернатора и позволенїя возвратиться въ Суратъ, или въ Голландїю; но видя что отсрочиваютъ его отпускъ годъ отъ году, рѣшился доставать себѣ свободу бѣгствомъ. Но сколь гибельно было для него сїе предпрїятїе, это мы видѣли выше. —

Наконецъ Французскїе плѣнники переведены были въ Негапатанъ, и тамъ

посажены въ тюрьму, въ ожиданіи пріѣзду Генерала Риклофа, которой долженъ былъ взять ихъ на флотъ и отвезти въ Батавію. Авторъ воспользовался симъ свободнымъ временемъ, для учиненія нѣкоторыхъ наблюденій. — Негапатанъ получилъ свое названіе отъ множества змѣй, которыя въ тѣхъ мѣстахъ водятся. Тамъ есть превеличайшія змѣи, но онѣ очень кротки и мало вредны. Жители кормятъ ихъ въ домахъ сарачинскимъ пшеномъ и молокомъ. Городъ былъ до половины разоренъ во время продолжительной войны, которую вели Голландцы. Въ иныхъ мѣстахъ стѣны не выше двенадцати футовъ: они прикрыты двенадцатью бастіонами, на которыхъ однако находится весьма слабая артиллерія. Тамошняя крѣпость не важна: рвы около нея весьма не глубоки. Въ нихъ течетъ небольшая рѣка, но и сія бываетъ иногда занесена пескомъ, навѣяннымъ отъ сильнаго вѣтра: по крайней мѣрѣ она перемѣняетъ свое теченіе и направляетъ его въ другую сторону. Въ сію крѣпость входятъ черезъ подъемной мостъ, а потомъ вступаютъ въ пещеру, длиною въ сорокъ футовъ, а шириною въ восемь: она служитъ единственнымъ жилищемъ для гарнизона. На

томъ холмѣ, подъ которымъ находится сія пещера, поставлено 12 пушекъ, и направлены на море и на землю. Гарнизонъ въ городѣ и крѣпости не бываетъ больше двухъ сотъ человѣкъ.

Хотя Негапатанъ не столько пріятенъ, какъ многіе другіе Индѣйскіе города, однако его положеніе весьма выгодно для коммерціи. У Голландцевъ есть тамъ много магазиновъ, которые и служатъ мѣстомъ складки всѣхъ сокровищь привозимыхъ изъ острова Цейлана и съ Коромандельскаго берега. Прежде нежели они отняли сей городъ у Португальцевъ, было въ немъ Іезуитское училище, въ которомъ обучались дѣти той страны; послѣ уже оно переведено въ Транкебаръ, гдѣ и донынѣ существуетъ. — Дичи и плодовъ есть довольно въ Негапатанѣ, но хлѣбъ такъ дорогъ, что съ самымъ обыкновеннымъ аппетитомъ легко можно съѣсть его на цѣлой ефимокъ всякой разъ. Сарачинское пшено есть главная пища тамошнихъ жителей. —

Какъ скоро Французы оставили заливъ Тринкемальской, на островѣ Цейлонѣ, то Генералъ Риклофъ, которой обѣщалъ въ капитуляціи отвезти своихъ плѣнниковъ въ Европу, разсадилъ ихъ на разные корабли своей эскадры,

и возилъ изъ гавани въ гавань, показывая ихъ всюду, какъ бѣдные остатки того флота, которой онъ истребилъ, судя по хвастовскимъ его словамъ: онъ говорилъ притомъ, что только для того оставляетъ ихъ въ живыхъ, что ему нужны невольники. Въ самомъ дѣлѣ дано было отъ него приказанїе, поступать съ плѣнными съ крайнею суровостїю. Изъ шестидесяти человѣкъ, посаженныхъ имъ на одномъ кораблѣ, умерло осьмнадцать отъ голоду и трудовъ во время ихъ плаванїя изъ Негапатана въ Батавїю; всѣ прочїе сдѣлались больны. Нашъ Авторъ посаженъ съ нѣкоторыми Офицерами на Осдорптъ, тотъ самой корабль, на которомъ онъ и прежде столь много претерпѣлъ. Ихъ было на немъ четырнадцать человѣкъ, и всѣ они употреблены въ самыя низкїя работы, какъ будто простые матросы, выключая одного Капуцина, по имени Вильгельма, надъ которымъ Голландцы безпрестанно ругались; но онъ сносилъ всѣ ихъ ругательства съ равнодушїемъ, приличнымъ его сану.

Ихъ привезли въ Бенгалъ, гдѣ Голландцы имѣютъ весьма хорошую контору въ мѣстечкѣ, называемомъ отъ тамошнихъ жителей Онгли, за 30 миль отъ устья рѣки Гангеса (1).

Входъ въ сїю рѣку столько опасенъ по множеству мѣлей, коими онъ усѣянъ, что Голландцы, потерявши тамъ великое множество кораблей, принуждены были взять предосторожность: они укрѣпили тамъ большїя бревна плывущаго лѣсу, дабы можно было чрезъ сїе знать мѣста опасныя. Впрочемъ во всѣ рукава рѣки Гангеса могутъ входить между мѣлями корабли съ грузомъ отъ пяти до шести сотъ бочекъ. Городъ Бенгалъ стоитъ на берегу рѣки, на мѣстѣ плодоносномъ и умѣреннаго климату. Тамъ нѣтъ недостатка ни въ какихъ житейскихъ удовольствїяхъ. Мануфактуры процвѣтаютъ; а неутомимое трудолюбїе жителей распространяетъ обилїе повсюду, и роскошь царствуетъ во всѣхъ состоянїяхъ. Отсюду-то получаемъ мы самую лучшую Индѣйскую кисею, дорогїе ковры, шитыя покрывала и множество другихъ матерїй. Голландской Директоръ живетъ здѣсь какъ Царь, и получаетъ отъ здѣшней коммерцїи, какъ для Компанїи, такъ и для себя, несчетную прибыль.

Жители той страны весьма ласковы и усердны къ иностранцамъ; сами предлагаютъ прїѣжжимъ свои услуги: но за то должно имъ платить дорого;

а сверхъ того они умѣютъ искусно воровать, и тѣмъ дѣлаютъ промыслъ свой выгоднѣе. Большая часть изъ нихъ собою статны; ревнивости почти совсѣмъ не знаютъ, и нимало не оскорбляются, когда иностранцы шутятъ съ ихъ женами слишкомъ вольно, даже передъ ихъ глазами. Богатые держатъ при себѣ множество невольниковъ, которыхъ имѣютъ право продавать: потому что бѣдные сами, идучи къ нимъ въ неволю по охотѣ, даютъ имъ неограниченную власть надъ собою, даже и надъ своею жизнїю. У нихъ есть обычай, даже у самыхъ бѣдныхъ, продавать своихъ дѣтей и даже женъ своихъ, какъ скоро найдутъ къ тому случай. Женщины тамъ такъ легко родятъ, что спустя четверть часа послѣ родовъ, принимаются опять за свои домашнїя работы. Авторъ — кажется онъ не можетъ довольно ими нахвалиться — присовокупляетъ, что онѣ столько любятъ чистоту, что въ семъ случаѣ превосходятъ и Европеекъ.

Всѣ народы, живущїе на берегахъ Гангеса, почитаютъ сїю рѣку священною; они купаются въ ней цѣлыми семействами по шести разъ на день, думая, что она имѣетъ силу очищать и тѣло и душу; даже большая часть

изъ нихъ умирая завѣщаютъ бросить себя въ сїю рѣку. —

Во время пребыванїя ихъ на Гангесѣ, продолжавшагося цѣлой мѣсяцъ, Лестра получилъ позволенїе выходить на берегъ и прогуливаться, съ тѣмъ однако, чтобы всякой день ввечеру возвращаться на корабль. Онъ ходилъ обыкновенно въ деревню, называемую Барнагоръ, гдѣ часто размышлялъ, не воспользоваться ли ему симъ удобнымъ случаемъ, получить свободу бѣгствомъ. Но что было бы съ нимъ въ такой странѣ, которую онъ мало зналъ, и притомъ не имѣя надежды присоединиться къ Французской эскадрѣ? —

Какъ скоро Голландскїе корабли получили приказъ къ отъѣзду, то Бенгальской Директоръ далъ повелѣнїе Капитану, собрать всѣхъ Французовъ, и возложить на нихъ тягостныя работы на пути въ Батавїю. Нашъ Авторъ посаженъ на корабль *Лосдюнъ*, коего Капитанъ былъ человѣкъ честной — „рѣдкое явленїе, замѣчаетъ Ав-„торъ, на корабляхъ Голландскихъ! „ — Сей Офицеръ зналъ по Французски, имѣвъ случай научиться сему языку въ Бордо. Онъ призвалъ къ себѣ четырнадцать плѣнниковъ, доставшихся на его часть; извинялся передъ ними, что

долженъ будетъ, въ сходственность повелѣнїй своихъ начальниковъ, дѣлать видъ строгости въ поступкахъ своихъ съ ними, дабы сею наружностїю обмануть прочїй экипажъ: но въ самомъ дѣлѣ увѣрялъ ихъ въ своемъ соболѣзнованїи о ихъ нещастномъ жребїи, и обѣщалъ облегчить ихъ судьбу. И дѣйствительно онъ велѣлъ дать имъ, кромѣ обыкновенной пищи, нѣкоторое количество водки и три туши соленья. Сей великодушной поступокъ весьма утѣшилъ Французовъ, и позволилъ имъ надѣяться перемѣны своего нещастнаго жребїя. Цѣлые восемь дней надобно было плыть отъ Онгли до устья рѣки Гангеса, хотя корабль буксировали двѣ длинныя барки, называемыя шелингами. Извилины рѣки, и разсѣянныя по ней мѣли, дѣлаютъ плаванїе чрезвычайно опаснымъ. Корабль Лосдюнъ къ своему нещастїю испыталъ сїе.

Онъ прибылъ уже благополучно къ устью рѣки, и только ждалъ попутнаго вѣтру, чтобы пуститься въ море, какъ вдругъ, 17 го Сентября 1672 года, поднялся совсѣмъ противной вѣтеръ, и не смотря на всю осторожность матросовъ, бросилъ корабль на мѣль. Въ семъ нещастномъ положенїи

предстояли имЪ двѣ опасности: одна кораблекрушенїе, а другая нападенїе со стороны АнгличанЪ, которые показались около сихЪ береговЪ сЪ четырмя кораблями, и могли бы напасть на ГолландцовЪ. И такЪ КапитанЪ немедленно подалЪ извѣстїе о своемЪ нещастїи Директору Онглїйской конторы, которой тотчасЪ послалЪ кЪ нему на помощь фрегатЪ о 36 пушкахЪ подЪ командою ФандерЪ - Кама, человѣка незнавшаго ни чести, ни правды. Сїя помощь нѣсколько ободрила Голландцовъ, но ЛосдюнЪ погибЪ невозвратно. ПриливЪ и огромные валы подняли его выше сажени и опрокинули на мѣль сЪ такою силою, что самыя крѣпкїя мачты и борты отЪ того изломались. КапитанЪ вЪ отчаянїи много разЪ кричалЪ: спасайся, кто можетЪ, спасайся немедленно! — Это произвело общее смятенїе: всякой хотѣлЪ броситься вЪ большую барку, которую еще не успѣли спустить на море. Голландцы толкали плѣнныхЪ, и говорили, чтобы оставить ихЪ погибнуть вмѣстѣ сЪ другими невольниками, которыхЪ множество куплено вЪ Бенгалѣ. Но КапитанЪ противился такому безчеловѣчїю, и приказалЪ ФранцузамЪ тотчасЪ жаловаться себѣ, естьли кто окажется

непослушенъ его воли даже до послѣдней минуты. Даже онъ велѣлъ Отцу Вильгельму отправлять долгъ своего званія. Сей добродѣтельный Капуцинъ далъ разрѣшеніе всѣмъ, которые хотѣли его принять, не смотря на безпрестанныя насмѣшки Голландскихъ матросовъ, кои старались столкнуть его въ море, крича прочимъ Французамъ, что теперь имъ можно умереть, и что самъ духовникъ покажетъ имъ дорогу. Такимъ образомъ ихъ жестокосердіе превышало и самую опасность. Между тѣмъ они находились въ такой крайности, что маркитантъ, бывшій на томъ кораблѣ, не смѣлъ войти въ свою каюту, взять оттуда мѣшки съ золотомъ, и хотя уговаривалъ другихъ принять къ себѣ сей драгоцѣнный залогъ, однако никто изъ экипажа не отважился на очевидную погибель. Капитанъ приказалъ осмотрѣть корабль, и видя, что онъ скоро разобьется въ куски, объявилъ о томъ всему экипажу. Тщетно просилъ онъ помощи нѣсколькими пушечными выстрѣлами у одного бота, находившагося отъ нихъ за полмили: противной вѣтръ препятствовалъ ему къ нимъ приближиться. Тогда маркитантъ бросился въ большую барку съ двумя кормчими, и взявши

саблю, хотѣлъ удержать прочихъ, чтобъ они за нимъ не послѣдовали. Лестра сошелъ тудаже съ отцемъ Вильгельмомъ и другими Французами. Оказалось въ баркѣ слишкомъ много людей; ибо ихъ числомъ было до ста десяти человѣкъ. Самъ Капитанъ послѣдній сѣлъ въ свою шлюпку съ двадцатью пятью человѣками, и самыми искусными пловцами, намѣреваясь плыть къ боту, куда всѣхъ ихъ несъ вѣтеръ; но кажется, что они потонули.

Въ семъ кораблекрушеніи ничто столько не возбуждало жалости, какъ погибель около ста молодыхъ невольниковъ обоего пола, кои всѣ были отъ 18 до 20 лѣтъ, не старѣе. Большая часть дѣвицъ были одѣты чисто по Бенгальски, съ длинными покрывалами разнаго цвѣту, съ ожерельями, браслетами и въ прическѣ довольно красивой. Сіи нещастные закрывши лице и соединя свои мольбы съ мольбами юношей, призывавшихъ на помощь своихъ боговъ, всѣ бросились въ море, кромѣ семерыхъ только юношей, которые взобрались на мачтовой коробъ; и съ помощію досокъ, служившихъ имъ вмѣсто веселъ, достигли одного острова на рѣкѣ Гангесѣ: они провели пять дней и пять ночей, бывши игралищемъ волнъ, безъ

всякой пищи, кромѣ малаго количества сарачинскаго пшена, которое взялъ съ собою одинъ изъ нихъ въ мѣшокъ, повѣсивши его къ себѣ на шею.

Изъ числа сихъ молодыхъ людей, бывшихъ жертвою бѣдственной судьбы, отличались больше всѣхъ одинъ юноша и одна дѣвица, коихъ исторію раскaзываетъ Авторъ съ удовольствіемъ. Они превосходили всѣхъ прочихъ умомъ и красотою; духовникъ того корабля, купившій ихъ на свой коштъ, замѣтилъ въ нихъ больше вѣжливости и скромности, нежели сколько обыкновенно видѣть можно въ людяхъ ихъ состоянія. Юноша былъ не болѣе осьмнадцати, а дѣвица не болѣе пятнадцати лѣтъ. Они любили другъ друга. Родители ихъ, продавши обоихъ, по варварскому обыкновенію той земли, старались продать ихъ вмѣстѣ одному хозяину, чтобы по крайней мѣрѣ разлукою не усугубить ихъ нещастія. Когда въ самой уже крайности отворили темницы невольникамъ, и когда всѣ прочіе, видя себя безъ помощи, изъявляли свое отчаяніе крикомъ и воплями: тогда сіи двое любовниковъ другъ друга утѣшали нѣжными разговорами, и съ чувствительностію говорили послѣднее: *прости*! Казалось, что они боль-

ше занимались тою надеждою, что будутъ соединены въ другой жизни, какъ то учатъ ихъ Брамины, нежели заботились о своемъ спасенiи. Однако видя, что большая часть ихъ соотечественниковъ бросились вплавь, а другiе удачно взобрались на мачты, и они подумали, что можетъ быть найдутъ свое спасенiе, послѣдуя примѣру сихъ послѣднихъ. Любовникъ выбралъ, на чемъ бы ему удобнѣе держать свою любовницу; помогъ ей туда взобраться, и они оба щастливо приплыли къ острову, откуда Голландцы не имѣли ни времени, ни возможности ихъ взять.

Въ слѣдующiй день, когда вѣтеръ перемѣнился, приближились къ землѣ, гдѣ Лестра и другiе имѣли позволенiе сойти на берегъ и ожидать корабля, естьли какой отправится въ Батавiю. Они остановились на нѣсколько дней въ одной небольшой деревнѣ. Отецъ Вильгельмъ, прогуливаясь однажды по улицамъ, остановленъ былъ однимъ Португальцомъ, которой поцѣловалъ у него руку и платье, и просилъ весьма учтиво, зайти къ себѣ въ домъ. Лестра прохаживался тогда вмѣстѣ съ духовникомъ, и былъ также приглашенъ. Ихъ обоихъ угощали такъ хорошо, какъ они того не надѣялись. Португалецъ былъ

Офицеръ своей націи: онъ увѣдомилъ ихъ, что объявлена война между Франціею, Англіею и Голландіею, что и побудило Епископа Геліополисскаго, во время его поѣздки въ Королевство Сіамское, куда вело его усердіе къ распространенію вѣры, удалиться въ Белльфоръ. Тотчасъ отецъ Вильгельмъ изъявилъ усерднѣйшее свое желаніе видѣть сего Прелата. Португальской Офицеръ, желая удовлетворить ему въ семъ намѣреніи, далъ ему ботъ и проводника, чтобы ночью переплыть Гангесъ. Онъ имѣлъ удовольствіе въ Белльфоръ видѣть того, кого желалъ.

Корабль, по имени Ліонъ-ружъ, нагрузившись богатыми товарами въ конторѣ Онглійской, принялъ къ себѣ плѣнныхъ Французовъ, и привезъ ихъ въ Батавію 6 го Генваря слѣдующаго года. Изъ Бенгала до сего города не больше шести миль, но переѣздъ весьма труденъ. Съ ними поступали жестоко во все время ихъ долгаго плаванія. Прибывши въ центръ Голландскаго могущества, они не только не нашли облегченія въ тягостной своей судьбѣ: но еще бѣдствіе ихъ едва ли не умножилось. Ихъ всѣхъ собрали, и ассигновали самую бѣдную сумму на ихъ содержаніе, а именно, восемь грошей

на два дня, что составитъ 18 денье на день. Потомъ раздѣлили ихъ по разнымъ кораблямъ, находившихся въ гавани, въ каждой по пятнадцати человѣкъ, гдѣ заставили ихъ дѣлать всякія работы, приличныя однимъ матросамъ. Однако больныхъ отправили въ городскую гошпиталь. Авторъ, снискавши дружество своего новаго Капитана, получилъ позволеніе, ходить въ городъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ всякой вечеръ возвращаться на корабль, и платить солдату, которому поручено было провожать его всюду и не терять изъ виду. Къ щастію ему удалось спасти столько денегъ, что онъ могъ дѣлать такія издержки, и притомъ содержать себя честно.

Описаніе Батавіи, здѣланное имъ, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, кромѣ того, что уже извѣстно изъ описаній другихъ Голландскихъ путешественниковъ. Онъ замѣчаетъ, что Генералъ Губернаторъ воинской и коммерческой назывался Массюеръ; что онъ принялъ себѣ титулъ Короля Восточной Индіи, вмѣсто обыкновеннаго титула, и что великолѣпіе его Двора соотвѣтствовали сему сану. Онъ былъ тогда семидесяти лѣтъ, что однако не помѣшало ему жениться на

одной молодой женщинѣ, лѣтъ въ шестнадцать или осьмнадцать, которую Авторъ видѣлъ ѣхавшую по улицамъ, въ сопровожденіи гвардіи сорока человѣкъ конныхъ: она показалась ему такъ прекрасна, такъ пріятна, что онъ не видалъ никогда прекраснѣе. Въ слѣдующій годъ умерла родами.

Въ сіе-то время его пребыванія въ Батавіи, Авторъ имѣлъ удовольствіе видѣть вдову умершаго Дворянина Бретонскаго, коего приключенія читали мы выше. Она жила у одного Португальскаго купца, издавна основавшаго свое жилище въ Батавіи. Лестра увѣдомилъ ее о смерти ея мужа, а отъ ней узналъ продолженіе ея приключеній со времени отъѣзду ея изъ Сурата. Хотя горесть и продолжительныя поѣздки много ее перемѣнили, однако она все еще оставалась прекрасна, и по словамъ Лестры, могла возбудить любовь въ сердцѣ чувствительномъ. Голландской Капитанъ не одинъ тронутъ былъ ея прелестями: но чтобы остаться вѣрною своему супругу, она никогда не хотѣла любить никого другаго. По пріѣздѣ своемъ въ Батавію, она нашла доступъ къ Губернаторшѣ, которая взяла ее изъ гошпитали, и доставила средства жить честно и безнужно. Ав-

торъ столько плѣнился ея бесѣдою, что не пропускалъ ни одного дня, не видавъ ее. —

Между тѣмъ Авторъ сдѣлался боленъ: это принудило его прибѣгнуть въ гошпиталь, и сїе даже причтено ему было въ милость. Его привезли туда подъ протекцїею Капитана; но содержали такъ же дурно, какъ и прочихъ плѣнныхъ Французовъ и Англичанъ, подверженныхъ той же участи. Всѣ они тѣмъ болѣе не довольны были худымъ ихъ содержанїемъ, что видѣли, какъ хорошо содержатъ больныхъ Голландцевъ. Два лѣкаря гошпитальскїе знали Французской языкъ: однако имъ не позволено было говорить съ плѣнными тайно; единственная ихъ отрада состояла въ томъ, что нѣкоторые Индѣйцы приходили къ решеткамъ ихъ оконъ, и продавали имъ плоды и рыбу; но и симъ должны они были дѣлиться съ караульными. Состоянїе ихъ дѣлалось почти несносно отъ множества больныхъ и нестерпимаго жару; почему они просили у Губернатора позволенїя, выходить иногда на чистой воздухъ, и купаться въ каналѣ, находившемся подлѣ самой стѣны. Долго просили они сей милости, и получили ее наконецъ; однако позволено было выхо-

дить только по утрамъ и ввечеру, да и то не болѣе осьми плѣннымъ каждой разъ. Но скоро лишились они и сей милости, когда Губернаторъ увѣдомился о нѣкоторыхъ безразсудныхъ поступкахъ, замѣченныхъ между плѣнными. Тогда многїе Французы, будучи доведены до отчаянїя сею жестокостїю, искали способу вытти изъ своей темницы, обманувши караульныхъ.

Разсмотрѣвши положенїе мѣста, самые смѣлые изъ нихъ сдѣлали отверстїе въ стѣнѣ, подъ кроватью, и въ числѣ двадцати человѣкъ убѣжали въ слѣдующую ночь. Они щастливо прибыли въ Бантамъ, городъ отстоящїй отъ Батавїи не далѣе четырнадцати миль. Тамъ остались въ безопасности, ибо Король былъ непрїятель Голландцевъ, и притомъ Французы имѣли тамъ свою контору. А чтобы побѣгъ ихъ былъ тѣмъ скрытнѣе, то прочїе товарищи напоили главнаго начальника надъ карауломъ, и тѣмъ споспѣшествовали безопаснѣйшему бѣгству. Но сїе самое послужило оставшимся къ большему нещастїю: ибо какъ скоро бѣгство ихъ обнаружилось, то смотритель за караульными былъ строго наказанъ; почему съ того времени сталъ надзирать надъ прочими гораздо неусыпнѣе.

Однако и сїя гроза утихла со временемъ; они опять сдѣлались довольно свободны, и готовы были отважиться на вторичное покушенїе, рѣшившись всѣ вмѣстѣ бѣжать. Въ одну ночь сдѣлали себѣ другое отверстїе, которое проходило въ каналъ, проведенный подъ гошпиталью. Это казалось имъ самою безопасною дорогою; двадцать пять человѣкъ изъ нихъ уже вышли, какъ вдругъ караульные разбужены были шумомъ. Лестра и прочїе, которые не успѣли еще бѣжать, тотчасъ бросились на свои постели и притворились спящими; а между тѣмъ ихъ товарищи, проплывши каналъ вплавь, остановились въ высокой травѣ и дожидались прочихъ.

Между тѣмъ тотъ же часъ разнеслось повсюду, что нѣкоторые бѣжали; караульные тотчасъ вышли съ факелами и скоро нашли ихъ въ томъ убѣжищѣ. Съ нихъ сорвали платье, немилосердо били, и нагихъ повели въ темницы. Большая часть изъ нихъ имѣли съ собою деньги, которыя и достались Голландцамъ. На другой день оказали имъ ту милость, отвели въ гошпиталь; но всѣ они были избиты отъ побоевъ и изнурены отъ трудовъ. Сїе нещастїе не воспрепятствовало нѣко-

торымъ изъ нихъ учинить третье покушеніе; но и сіе осталось неудачно.

Генералъ Массюеръ, будучи раздраженъ столькими безразсудными предпріятіями, призвалъ къ себѣ главныхъ Офицеровъ Французскихъ. Онъ спрашивалъ ихъ, что понуждаетъ ихъ къ такому отчаянному начинанію: обѣщалъ, что будутъ поступать съ ними лучше. Но когда ему отвѣчали, что ни за что въ свѣтѣ не могутъ отказаться отъ природнаго желанія, быть свободными; то онъ раздражился симъ отвѣтомъ; приказалъ отвести ихъ назадъ въ темницу, и нѣсколько времени кормить сарачинскимъ пшеномъ и водою.

Авторъ не сомнѣвается, что Генералъ, въ отмщеніе за такое упорство, велѣлъ посадить четырнадцать человѣкъ Французовъ на корабль, нагруженный известью и камнями, отправлявшійся къ Мысу Доброй Надежды, и далъ повелѣніе, употребить сихъ плѣнниковъ къ крѣпостнымъ работамъ. Сей корабль разбился о мѣль за тридцать миль отъ Мыса. По случаю берегъ былъ не далеко, и Французы спаслись, иные вплавь, а иные на доскахъ; но они вошли въ страшные лѣса, гдѣ было множество дикихъ звѣрей, и жизнь ихъ находилась въ большей опа-

сности, нежели каковой они избѣгли. Иные изъ нихъ были растерзаны, а другіе спаслись на деревахъ, гдѣ ужасъ и голодъ ввергли ихъ въ новую опасность. Одинъ Голландецъ спасъ своего сына отъ потопленія, держа его на плечахъ: но онъ не могъ спасти его отъ звѣрей, которые при его глазахъ пожрали нещастнаго. Лѣкарь, съ корабля Фениксa, убитъ слономъ. Наконецъ изъ четырнадцати Французовъ осталось только *восьмеро*, которые пришли къ Мысу Доброй Надежды. Тамъ поступали съ ними гораздо лучше, нежели они надѣялись. Губернаторъ того Мыса отрекся употребить ихъ къ работамъ невольническимъ, и рѣшился отослать ихъ назадъ въ Батавію.

Ихъ плѣнъ, равно какъ и прочихъ Французовъ, продолжался даже до конца 1674 года. Ихъ оставалось еще девяносто восемь человѣкъ. Генералъ Массюеръ, отправляя въ Амстердамъ флотъ изъ семи кораблей состоявшій, посадилъ ихъ, раздѣливши поровну на каждой корабль. Сей флотъ вышелъ изъ рейды Батавской 17 го Ноября. Онъ прибылъ 15 го Февраля 1675 года къ Мысу Доброй Надежды, и во все это время не видали ни одного дня дурнаго. Голландскіе Капитаны не позволи-

ли своимъ плѣнникамъ сходить на берегъ, боясь, чтобь они не высмотрѣли укрѣпленій. Не задолго передъ тѣмъ пріѣхалъ на сей Мысъ новой Губернаторъ, которой, между прочими узаконеніями, запретилъ подъ смертною казнію, рѣзаться ножами. Нѣкоторые матросы съ флота нарушили сей законъ, и спаслись на корабли; тщетно искали ихъ, дабы предать на казнь. Губернаторъ, раздражась противъ всѣхъ экипажей, которые хотѣли укрыть преступниковъ отъ заслуженнаго наказанія, запретилъ Колонійцамъ снабжать флотъ водою и съѣстными припасами. Три дня сіе повелѣніе было исполняемо со всею строгостію, и въ сіе время всѣ на флотѣ терпѣли великую нужду, особенно же плѣнные Французы, которыхъ осудили погибнуть отъ голода и жажды. Наконецъ выдали виновныхъ, и въ тоже время возстановлено изобиліе во всемъ.

Остальное ихъ мореплаваніе не имѣетъ ничего достойнаго замѣчанія. Можно только упомянуть, какимъ ужасомъ поражены были Голландцы, услышавъ отъ одного Англійскаго корабля, встрѣтившагося съ ними около мѣлей Терре-Невскихъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ видны были въ семъ

море двѣ Французскія эскадры. Адмиралъ, по имени Корнелій Фоконьеръ, не могъ скрыть своего страха; его жена, возвращавшаяся съ нимъ изъ Тонкина, упала въ обморокъ при первомъ извѣстіи о томъ отъ Англичанъ. Больше всего боялись они лишиться великихъ своихъ богатствъ, собранныхъ ими въ Индіи коммерціею. Всѣ Голландскіе матросы стали опять поступать жестоко съ плѣнниками, и грозили свергнуть ихъ въ море, какъ скоро къ своему нещастію встрѣтятся съ Французскою арміею. Лестра и его товарищи, находившіеся на Адмиральскомъ кораблѣ въ числѣ четырнадцати человѣкъ, молили Бога, чтобы встрѣтиться съ кораблями своей націи. Они уже рѣшились защищаться, какъ скоро Голландцы захотѣли бы ихъ погубить; даже согласились уже между собою, чтобы бросить огонь въ пороховой магазинъ. Съ другой стороны надѣялись, что сраженіе съ двумя эскадрами доставитъ имъ случай вознаградить съ выгодою всѣ свои убытки. Голландской Адмиралъ имѣлъ столько богатствъ, что для сего одного они бы отважились на такое покушеніе. Надежда ихъ увеличилась, когда они услышали крикъ съ мачты: корабль! корабль! и ихъ ра-

дость была стольkоже велика, сколько ужасЪ Голландцевъ. Но когда приблизились на пушечный выстрѣлЪ, то увидѣли, что то было корсарское судно Голландское, шедшее съ острововЪ АмериканскихЪ; оно съ покорностію отдало честь Адмиралу пушечными выстрѣлами. —

АвторЪ потерялЪ во время сего плаванія одного изЪ товарищей, бывшаго соучастникомЪ общей ихЪ судьбы; онЪ соединенЪ былЪ съ нимЪ тѣсными узами дружбы. Не только онЪ изображаетЪ свою горесть о сей потери, какЪ человѣкЪ чувствительный: но и исчисляетЪ достоинства своего друга, коего онЪ столь справедливо оплакивалЪ. *СентЪ-АлбертЪ*, такЪ онЪ его называетЪ, соединялЪ вЪ себѣ, при благороднѣйшей физіогноміи, всѣ превосходныя качества прекрасной души. ОнЪ не зналЪ ни отца своего, ни матери. ВЪ отрочествѣ своемЪ провелЪ нѣсколько лѣтЪ вЪ училищѣ, откуда вышелЪ съ горести, слыша о себѣ, какЪ публично говорили, что онЪ незаконной сынЪ, и что мать его родила два или три года спустя послѣ смерти своего мужа, убитаго вЪ бою. Нѣкоторой СовѣтникЪ Парижскаго Парламента, платившій до того времени за его содер-

жанїе, призвалъ его къ себѣ, и объявилъ ему, что какъ его родители не извѣстны, и не оставили ему никакого имѣнїя, то послѣднее средство къ его прокормленїю, итти къ нему въ лакеи. Сентъ-Албертъ отвергъ сїе поносное предложенїе: онъ тотчасъ отъ него вышелъ, и видя себя безпомощна, вошелъ въ одну церковь, гдѣ съ благороднымъ видомъ просилъ милостыни у одной дамы, которая сжалившись на его состоянїе, взяла его къ себѣ въ карету. Навѣдавшись обстоятельнѣе о его нещастїи, тѣмъ болѣе ощутила къ нему сострадания. Она велѣла продолжать ему начатое ученїе, объявивши, что назначаетъ его къ духовному званїю. Скоро увидѣли, что его прилѣжанїе соотвѣтствовало тѣмъ надеждамъ, какїя имѣли о его талантахъ. Но окончавши курсъ ученїя, онъ почувствовалъ въ себѣ столь мало склонности къ духовному званїю, что боясь раздражить свою благодѣтельницу, принялъ намѣренїе оставить Парижъ, даже не простясь съ нею.

Намѣренїе его было итти въ Италїю, куда возникшїя въ Неаполѣ безпокойства привлекали многихъ молодыхъ людей, любящихъ новости. Въ Туринѣ недостало у него денегъ: онъ

написалъ къ тойже самой госпожѣ, отъ которой получалъ столько милостей; она ему не отвѣчала. Но когда отчаяніе начинало уже возраждать въ немъ мрачныя мысли, то онъ получилъ вспоможеніе, котораго не могъ никому приписать, кромѣ ей. Одинъ Французъ, слуга Посланника, ѣхавшаго тогда въ Римъ, пришелъ къ нему и сказалъ, что онъ имѣетъ приказаніе представить его своему Господину. Сентъ-Албертъ пошелъ съ своимъ проводникомъ, не распрашивая его ни мало. Посланникъ казался радъ, его увидя, и принялъ его къ себѣ въ свиту въ качествѣ дворянина; полученныя отъ него деньги, и та благосклонность, съ какою Посланникъ всегда съ нимъ обходился, довольно удостовѣряли, что онъ хорошо былъ рекомендованъ; но щастіе его не долго продолжалось: жена Посланникова его полюбила: это было причиною новаго для него бѣдствія; мужъ, примѣтя сію любовь, и воспылавъ ревностію, заключилъ бѣднаго Алберта въ темницу, въ которой онъ и остался даже до окончанія посольства. Послѣ сего вверженъ будучи снова въ бѣдность и безпомощное состояніе, пошелъ онъ въ Неаполь, гдѣ за нѣсколько передъ тѣмъ мѣсяцевъ занялся

Г. де Гизъ. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ Ишпанцами, и отвезенъ въ Ишпанїю вмѣстѣ съ другими плѣнниками. Проведши тамъ нѣсколько времени въ темницѣ, получилъ онъ позволенїе отправиться на кораблѣ въ Фландрїю. Жестокая болѣзнь принудила его остаться въ Брисселѣ, между тѣмъ какъ его товарищи возвратились во Францїю. Онъ писалъ нѣсколько писемъ къ извѣстной своей благодѣтельницѣ, которая столько пеклась о его воспитанїи, и которую онъ иногда почиталъ истинною своею матерью: но не получивъ никакого отвѣта, и не видя ни откуда себѣ помощи, принужденъ былъ прибѣгнуть въ гошпиталь.

Между прочими Госпожами, которыя прїѣжжали въ гошпитали Брисселькїя, для исполненїя своихъ благотворительныхъ желаний, была одна, тронувшаяся наиболѣе видомъ нещастнаго Сентъ-Алберта. Онъ сдѣлалъ на нее такое впечатлѣнїе, что съ перваго разу она учинила ему подаянїе пятьдесятъ ефимковъ, и послѣ не щадила ничего, для скорѣйшаго его выздоровленїя. Сїя привязанность скоро перемѣнилась въ сильную страсть, когда она увидѣла въ немъ прекраснаго молодаго человѣка, съ благородною физїогномїею,

отличавшагося зрѣлымъ и просвѣщеннымъ разсудкомъ, умѣвшаго говорить обо всемъ съ удивительною прїятностїю, и во всѣхъ своихъ поступкахъ, во всѣхъ прїемахъ обнаруживавшаго благородной характеръ. Она пожертвовала всѣмъ любви: обнаруживши ему свою страсть, и боясь его потерять, рѣшилась тайно съ нимъ обвѣнчаться.

Но разсудивши, что ея тайный супругъ не можетъ долго въ Бриссель играть роль Французскаго Господина, вышедшаго изъ темницы Ишпанской, какъ то онъ объявлялъ себя выходя изъ гошпитали: она отправилась съ нимъ въ Мадритъ, гдѣ ея фамилїя была весьма знатная. Наконецъ бракъ ихъ открылся, и съ того времени тысяча опасностей его окружали. Многократно предпринимали убить его или отравить ядомъ. Онъ много получалъ ранъ, но его мужество всегда служило ему обороною, и сохраняло его жизнь. Завистливые его враги, утомившись наконецъ послѣ тщетныхъ покушенїй на его погибель, расторгли напослѣдокъ узы брака силою своей важности, и не опустили случая погубить его. Онъ посаженъ на корабль, отправлявшїйся въ Индїю, коего Капитану приказано было оставить его на какомъ нибудь

пустомъ островѣ. На дорогѣ поднялась жестокая буря, и въ сіе-то время Божіяго гнѣва Капитанъ перемѣнилъ свое жестокое намѣреніе и даровалъ Сентъ-Албергу жизнь и вольность. Много еще бѣдствій испыталъ сей нещастный, гонимый рокомъ, даже до пятидесятилѣтняго возраста; находясь въ службѣ Голландцевъ, и получивши позволеніе возвратиться въ Европу, умеръ Христіанскою смертію въ объятіяхъ своего друга, Лестры. —

Но обратимся къ нашему флоту. — Всѣ Французы, посланные на ономъ, прибыли благополучно въ Тексель, откуда отвезены на длинной баркѣ въ Амстердамъ. Директоры Индѣйской Компаніи любопытствовали ихъ видѣть, а дабы изгладить изъ ихъ памяти претерпѣнныя ими бѣдствія, дали каждому изъ нихъ по восьми червонцевъ съ пашпортами до Дюнкирхена. Лестра, излѣчившись отъ своей страсти къ путешествіямъ, ни о чемъ столько не думалъ, какъ возвратиться въ свой домъ, куда и прибылъ перваго Августа 1675 года.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Гангесъ*, великая и славная рѣка въ Индостанѣ, течетъ ближе всѣхъ къ востоку сей обширной страны. Источникъ свой имѣетъ въ горахъ, примыкающихся съ Юга къ Малому Тибету. Въ теченіи своемъ съ Сѣвера на Югъ, проходитъ многія царства. Ея вода весьма легка и здорова: великій Моголъ не пьетъ другой воды.

Сравниваютъ рѣку Гангесъ съ Ниломъ; и подлинно, она имѣетъ съ нимъ великое сходство, частію потому, что и въ ней, какъ и въ Нилѣ, водятся крокодилы; частію же потому, что ея разливы бываютъ періодическіе въ извѣстное время года, особливо въ Королевствѣ Бенгальскомъ, въ которомъ илъ, оставляемый сею рѣкою, дѣлаетъ землю весьма плодородною. Около сей рѣки есть множество болотъ, въ коихъ водятся крокодилы чрезмѣрной величины. Новѣйшіе путешественники повѣствуютъ, что иные пойманные тамъ крокодилы были длиною въ шестьдесятъ футовъ, вмѣстѣ и съ хвостомъ, которой обыкновенно бываетъ столькоже великъ, какъ и все прочее тѣло. Индѣйцы, идолопоклонники, имѣютъ весьма

великое уваженіе къ рѣкѣ Гангесу: они думаютъ, что его воды имѣютъ силу очищать совершенно грѣхи. Будучи больны, они усильно просятъ, чтобъ умереть имъ на берегахъ, или въ волнахъ сей рѣки.

Въ пескѣ Гангеса находятъ крупинки золота и драгоцѣнные камни. Сія рѣка впадаетъ двумя устьями въ заливъ Бенгальской, близъ города Шатигана.

XIV.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

О кораблекрушеніи Ишпанскаго фрегата у береговъ Новой - Ишпаніи, между островомъ дель - Каніо и Гаванью ла Калдера, на Южномъ морѣ, въ 1678 году, — Изданное въ свѣтъ Ліонелемъ Ваферомъ (*).

Ліонель Ваферъ, Англійской лѣкарь, былъ спутникомъ Вильгельма Дампіера, знаменитѣйшаго путешественника, почитавшагося въ свое время однимъ изъ мореплавателей искуснѣйшихъ и опытнѣйшихъ. Ваферъ сопровождалъ его въ экспедиціи, предпринятой въ 1680 году одною Компаніею Англійскихъ Корсаровъ (Флибустійцевъ), состоявшею изъ трехъ или четырехъ сотъ человѣкъ, когда они объѣжжали Даріенской перешеекъ и грабили города

(*) Славнымъ путешественникомъ XVII го вѣка. Онъ сообщилъ свѣту весьма любопытное и вѣрное описаніе перешейка Даріенскаго, которой онъ проѣжжалъ два раза. Сія страна была прежде него весьма мало извѣстна.

и жилища Ишпанскія, какія только имъ попадались. Ваферъ былъ также съ нимъ при взятіи города Сентъ-Маріи, и при тѣхъ различныхъ набѣгахъ, которые подробно описываетъ Ренгроссъ въ четвертой части изданной имъ исторіи Буканейцовъ.

Мы не будемъ слѣдовать за Ваферомъ во всѣ экспедиціи, въ которыхъ онъ бывалъ, и которыя описаны въ исторіи похожденій Дампіеровыхъ: а только сообщимъ здѣсь повѣствованіе о кораблекрушеніи Ишпанскаго фрегата, которое онъ помѣстилъ въ извѣстіяхъ о своихъ путешествіяхъ. Обстоятельства сего приключенія способны занять вниманіе Читателя и достойны его любопытства. —

Ваферъ, наскучивши бродящею жизнію, какую онъ велъ съ 1677 года, рѣшился основать свое жилище въ Виргиніи; но возродившіяся тамъ возмущенія заставили его возвратиться въ Англію, куда онъ и прибылъ въ 1690 году.

Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ своемъ въ Лондонъ, онъ встрѣтился въ семъ городѣ съ Капитаномъ одной Ишпанской тартаны, взятой однимъ Англійскимъ кораблемъ у береговъ Карѳагены въ Америкѣ, и приведенной въ

островъ Зондской, одинъ изъ острововъ Самбалойскихъ, на берегу перешейка Дарїенскаго, между Карѳагеною и Порто-Бело, въ Сѣверномъ морѣ Сѣверной Америки. Сїи острова служили сборнымъ мѣстомъ для Флибустїйцевъ, и были весьма способны для починки кораблей, когда они крейсировали около береговъ Ишпанскаго владычества, въ концѣ седмагонадесятъ вѣка. Вафферъ, при своемъ проѣздѣ у Дарїенскаго перешейка, видѣлъ тамъ сего Ишпанскаго Капитана, и заключилъ съ нимъ тогда тѣсную дружбу; также вылѣчилъ его отъ опасной раны. Сей Капитанъ былъ храбръ, просвѣщенъ, и весьма хорошо говорилъ по Англїйски. Корсаръ, взявшїй его въ плѣнъ, отвезъ его послѣ въ Лондонъ, надѣясь получить за выкупъ его знатную сумму: ибо онъ слышалъ, что его фамилїя была одна изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ въ Лимѣ. Онъ находился еще въ Лондонѣ и въ то время, когда Вафферъ возвратился въ Англїю, нетерпѣливо ожидая присылки положенной за выкупъ его суммы. —

„Мы весьма были ради увидѣвшись „опять въ Лондонѣ, говоритъ Вафферъ „съ обыкновенною своею простотою: мы „разговаривали о своихъ путешествї-„яхъ; казалось, что онъ находилъ удо-

„вольствїе слушая меня: по крайней
„мѣрѣ скажу про себя, что мнѣ весь-
„ма было прїятно слышать его повѣ-
„ствованїя. Между прочимъ онъ рас-
„казалъ мнѣ, какъ претерпѣлъ корабле-
„крушенїе возлѣ гавани Калдерской,
„въ 1678 году. Сїе повѣствованїе по-
„казалось мнѣ столько любопытно, что
„я просилъ его сообщить мнѣ оное на
„письмѣ. Онѣ не отказалъ мнѣ въ сей
„услугѣ. Я думаю, что Публика не
„будетъ не довольна тѣмъ, естьли я ей
„также сообщу оное.„

Послушаемъ самаго Ишпанскаго Капитана, какъ онъ повѣствуетъ о своемъ кораблекрушенїи; Ваферъ приводитъ собственныя его слова.

„Я выѣхалъ изъ Лимы, столичнаго города въ Перу, въ 1678 году, и отправился въ Каллао, гдѣ долженъ былъ сѣсть на фрегатъ, порученный въ мою команду. Грузъ его состоялъ въ мукѣ, плодахъ, великомъ числѣ ящиковъ съ конфектами, сухими и жидкими: все сїе отправляемо было въ Панаму, куда мы и прибыли благополучно шестаго Мая, за два дня до Великаго Поста; оттуда отправился я съ находившимися на моемъ фрегатѣ пассажирами въ Калдеру, гавань въ Новой Ишпанїи, лежащую въ провинцїи Ко-

ста Рика, въ Епископствѣ Никарагуайскомъ: тамъ нужно мнѣ было взять нѣкоторые товары. Мы пустились въ море 10 го Мая, и думали, что по крайней мѣрѣ въ девять дней прїѣдемъ въ Калдеру, какъ то обыкновенно случается; но въ пятнадцатой уже день принуждены были стать на якорѣ у устья рѣки Манглареса, истекающей изъ Ширики, высокой горы, славной своими золотыми рудниками. Тутъ я сошелъ на берегъ съ нѣкоторыми изъ своего экипажу, чтобы запастись провизїею, въ которой мы начинали уже терпѣть недостатокъ. Всѣ были въ томъ согласны, что не нужно брать запасу больше, какъ на восемь дней, ибо переѣздъ оставался весьма малъ; но для всякаго случая я взялъ на свой отчетъ на цѣлой мѣсяцъ. Сїя провизїя состояла въ теленкахъ, свиньяхъ, дичи, сарачинскомъ пшенѣ и нѣкоторыхъ плодахъ.

„Пустившись опять въ море, мы боролись съ волнами цѣлые восемь дней, которыхъ, по нашему вычисленїю, было бы довольно для прїѣзду въ ту гавань, куда мы ѣхали. Въ девятой день, въ четыре часа вечера, поднялась жестокая буря: мы не въ состоянїи были ей противиться, и какъ ею,

такъ и сильнымъ приливомъ пригнаны къ берегу, усѣянному подводными камнями; и естьли бы подались впередъ еще на одинъ ружейный выстрѣлъ, то бы наше судно несумнѣнно разбито было въ мѣлкіе куски, и мы бы всѣ погибли, ибо не было на семъ берегу ни одного мѣста безъ скалъ. Дабы освободиться отъ сей крайней опасности, мы спустили въ море шлюпку, и силились воротить фрегатъ въ открытое море, при помощи осьми самыхъ сильныхъ гребцовъ. Наконецъ помогли намъ усильнѣйшие наши труды; мы успѣли въ нашемъ намѣреніи. Непогода и та трудная работа, которую мы подняли, дабы избѣжать сей очевидной опасности, совершенно истощили наши силы; отъ того мы сдѣлались такъ неосторожны и оплошны, что около полуночи наше судно, по нерадѣнію караульныхъ, прошло мимо подводныхъ камней, задѣвши за нихъ съ такою силою, что всѣ порты на лѣвомъ бортѣ корабля разбились.

„Услышавши трескъ, мы почитали себя погибшими, думая, что киль сломленъ. Темнота ночи препятствовала намъ тогда же въ томъ удостовѣриться. Это повергло насъ въ страшное безпокойство, въ которомъ и провели мы

остатокъ ночи; между тѣмъ буря прошла. Къ щастiю, когда наступилъ день, мы узнали, что страхъ нашъ былъ неоснователенъ. Вѣтръ казался намъ попутнымъ: я велѣлъ распустить парусы; но онъ не долго продолжался, ибо въ слѣдующiе четыре дня перемѣнялся больше шести разъ. Наконецъ долго кружившись по морю, увидѣли мы опять устье той рѣки, у которой недавно запасались вновь провизiею.

„Въ иное время этотъ случай привелъ бы всѣхъ въ уныние; но тогда всѣ пассажиры радовались ему, ибо у нихъ недоставало пищи, и они уже около дня довольствовались тою малою подачею, которую я имъ удѣлялъ изъ моей собственной провизiи. И такъ надобно было въ другой разъ сходить на берегъ. Пассажиры, боясь подвергнуться подобному случаю, запаслись на пятнадцать дней провизiею того же рода, какъ и прежде; также взяли съ собою много платановыхъ плодовъ, которые весьма прiятны, когда созрѣютъ; а будучи изжарены на горячемъ пеплѣ, сiи плоды служатъ вмѣсто хлѣба въ нужное время, и также не противны. Что касается до меня, то я опять взялъ провизiи на цѣлой мѣсяцъ, же-

лая лучше имѣть ея съ излишкомъ, нежели терпѣть недостатокъ.

„Наконецъ мы опять пустились плыть, и направили путь къ краю мыса Борика; но проплывши отъ него очень недалеко, остановлены были совершеннымъ безвѣтріемъ, которое задержало насъ въ томъ мѣстѣ двадцать два дня; потомъ по захожденіи солнца повѣялъ тихой вѣтерокъ, и мы во всю ночь плыли весьма благополучно; но противные морскіе потоки отбили насъ назадъ въ одинъ часъ болѣе, нежели сколько удалось намъ податься впередъ въ шесть часовъ. Какъ скоро наступилъ день, то караульный, стерегшій на мачтовомъ коробѣ, съ великою радостію закричалъ: земля! земля! Но когда сдѣлалось яснѣе, то всякой узналъ, что это тотъ самой край мыса Борика, откуда мы поплыли при наступленіи ночи: это привело насъ въ отчаяніе.

„Но какъ нечѣмъ было пособить сему нещастію, то мы старались утѣшаться, занимаясь различными упражненіями; иные рыбною ловлею, другіе чтеніемъ; а иныя купались въ морѣ. Въ семъ печальномъ состояніи, проводили мы большую часть времени, разговаривая другъ съ другомъ о нашемъ

нещастіи: то жаловались на оное безмѣрно, то опять не могли удержаться, чтобъ не смѣяться странному ходу нашей участи. Во время такого продолжительнаго безвѣтрія начинали оскудѣвать наши съѣстные припасы, и для того мы принуждены были въ третій разъ сходить на землю. Я уговаривалъ всѣхъ спутниковъ, возвратиться назадъ въ Панаму; но кормчій и прочіе морскіе служители увѣряли, что въ четыре или пять дней мы удобно достигнемъ Калдеры, естьли только вѣтеръ хотя мало будетъ намъ благопріятствовать. Должно было уступить ихъ мнѣнію. И такъ мы запаслись вновь провизіею у устья рѣки Ширики, взявши оной на сей разъ больше, нежели сколько брали прежде. Послѣ чего пустившись опять въ море, послѣ осьмидневнаго плаванія, увидѣли островъ Дель Каньо. Матросы ласкались надеждою, что въ два дня мы будемъ въ гаванѣ Калдерской, столь давно нами желанной.

„Но какъ часто обманываются люди въ своихъ расположеніяхъ! Случилось, что вдругъ ясная погода перемѣнилась въ пасмурную: небо помрачилось. При захожденіи солнца кормчій велѣлъ опустить парусы, страшась

бури, которую онъ предусматривалъ по небольшой тучѣ, приближавшейся къ намъ. Не успѣла она стать надъ нами, какъ вдругъ, распространясь во всѣ стороны и разверзши свои нѣдра, пролила рѣки дождя: громъ и молнія наводили ужасъ и на самыхъ неустрашимыхъ. Безпрерывное почти сверканіе молніи служило намъ страшнымъ факеломъ, и освѣщало нашъ путь, такъ что мы удобно могли дѣлать свои маневры. Наконецъ утомившись отъ безмѣрной работы и не будучи уже въ состояніи управлять нашимъ судномъ, оставили его на произволъ вѣтровъ и волнъ.

„При наступленіи дня буря утихла; но какъ все еще было пасмурно, и прежнее облако еще насъ покрывало, то мы не могли обѣщать себѣ хорошей погоды. Кормчій сдѣлалъ опытъ, не можетъ ли узнать, на какой высотѣ мы тогда находились; но сколько ни дѣлалъ наблюденій, ничего вѣрнаго не могъ вычислить, даже по догадкамъ. Я призвалъ его къ себѣ, и спрашивалъ, не лучше ли намъ искать какого нибудь безопаснаго мѣста на берегу, дабы защитить себя отъ вѣтру и приливу, и тамъ дожидаться хорошей погоды, нежели блуждать по волнующемуся

морю на случай, и даже подвергаться опасности, быть вновь застижену бурею, которая наконецъ можетъ причинить намъ погибель. Бѣднякъ, со слезами на глазахъ, отвѣчалъ мнѣ, что безъ сомнѣнія его грѣхи причиною такого нещастнаго нашего плаванія, и что онъ не знаетъ, что начать: ибо матросы не хотятъ его слушаться. Я велѣлъ ихъ призвать; допросилъ всѣхъ, и они отвѣчали, что мы конечно не далеко отъ Калдерской гавани, и естьли бы небо выяснилось, то бы всѣ въ томъ удостовѣрились.

„Въ такой надеждѣ мы продолжали крейсировать то съ той, то съ другой стороны на той же самой высотѣ, чрезъ цѣлые пять дней. Шестой день былъ ясной, какого мы давно ожидали; кормчій дѣлалъ свои наблюденія по солнцу и компасу: онъ увѣрялъ насъ, что мы точно не болѣе десяти миль отстоимъ отъ гавани, и скоро увидимъ землю. Тотчасъ мы распустили всѣ парусы. Но не смотря на то, плыли до самой ночи не видя земли. На другой день поутру онъ также стоялъ въ своемъ мнѣніи, и уже въ полдень усмотрѣлъ высокія горы. Но примѣчая ихъ внимательнѣе, сказалъ намъ съ великимъ смущеніемъ, что это горы Ши-

рикскія, къ которымъ морскіе потоки отнесли насъ еще разъ.

„Не можно вообразить, какъ поражены были всѣ пассажиры симъ непріятнымъ извѣстіемъ. Они проклинали кормчаго и меня, и мы съ трудомъ могли ихъ успокоить. Я предлагалъ имъ въ другой разъ, возвратиться въ Панаму, куда бы мы могли пріѣхать въ пять дней; но сіи пассажиры, изъ коихъ большая часть по важнымъ дѣламъ ѣхали въ провинцію Коста-Рику, представляли мнѣ, что намъ не должно отчаяваться; что стоитъ только отдохнуть дней пять или шесть въ семъ мѣстѣ, которое не смотря на множество комаровъ, впрочемъ довольно пріятно; а послѣ можемъ мы продолжать плаваніе съ большимъ успѣхомъ. Кормчій, держась ихъ же мнѣнія, смѣло и упорно клялся, что прежде пяти дней пріѣдемъ въ гавань Калдерскую; иначе же онъ сожжетъ всѣ свои книги. Я согласился, и мы въ четвертой разъ остановились у Ширики. Тутъ пробыли шесть дней, и въ сіе время отдыхали и ѣли множество померанцевъ, горькихъ и сладкихъ, которыхъ находили на покатости горы. Потомъ запаслись снова провизіею, пустились опять плыть, и это уже

былъ восемьдесять первой день по отъѣздѣ нашемъ изъ Панамы.

„На другой день повѣялъ такой благопріятной вѣтеръ, что съ помощію нѣкоторыхъ только парусовъ, по нашему вычисленію, мы проплыли гораздо болѣе, нежели когда либо во все время нашего плаванія; но въ слѣдующій день небо опять покрылось облаками, вѣтеръ утихъ, и наше веселіе гораздо уменьшилось, когда мы примѣтили въ двенадцатой уже день, что весьма не много совершили пути: противные морскіе потоки всякой разъ уносили насъ ночью назадъ такъ далеко, сколько днемъ подвигались мы впередъ. Между тѣмъ вся наша провизія истощилась, а мы уже удалились отъ Ширики, и нѣгдѣ было запастись ею вновь. Наконецъ мы дошли до такой крайности, что при совершенномъ недостаткѣ въ пищѣ принуждены были раздѣлить поравну малое количество сарачинскаго пшена, оставшееся въ корытахъ, и бывшее прежде пищею свиней. Когдажъ и это было съѣдено, то надобно было изжарить старую мою тощую собаку, которая до сего времени весьма меня утѣшала. Весь экипажъ съ жадностію бро-

сился на этотъ худой кусокъ, и не могъ довольно имъ насытиться.

„Въ слѣдующій день приготовили новое кушанье изъ воловьей кожи, которая до того времени служила постелью для моей собаки, а теперь, по причинѣ ея смерти, сдѣлалась не нужною мобелью: ее варили очень долго на сильномъ огнѣ, пока наконецъ она превратилась въ нѣкоторой родъ черной пюри, весьма непріятной и для взора, и для вкуса; но это ни мало насъ не отвратило, и мы ѣли ее съ такимъ аппетитомъ, какъ будто жиле, приготовленное изъ самаго лучшаго мяса. Въ тотъ же день одинъ матросъ открылъ свой сундукъ, и вынулъ изъ него два платана, которые онъ тамъ берегъ: одинъ изъ нихъ съѣлъ самъ вмѣстѣ съ кожею и шелухою, а другой тайно подарилъ мнѣ, прося, чтобъ я отдалъ ему только шелуху; какъ скоро онъ ее получилъ, тотчасъ сожралъ съ алчностію, боясь, чтобъ кто у него не отнялъ. У насъ было много вина, и отъ неумѣреннаго употребленія онаго нашъ фрегатъ плохо былъ управляемъ.

„Видя, что главные матросы, а особливо кормчій, не знали что дѣлать, и приходили въ отчаяніе по причинѣ столькихъ неудачъ, нимало уже не хва-

стаясь своимъ искусствомъ, которое они прежде безмѣрно превозносили, я призывалъ ихъ къ себѣ порознь; утѣшалъ и ободрялъ ихъ самыми лестными выраженіями. Мнѣ не трудно было на сей разъ склонить ихъ къ тому, чтобы искать землю въ какой нибудь сторонѣ; они сами столько того желали, что естьли бы удалось намъ найти земли, населенныя дикими Американцами, непримиримѣйшими врагами всѣхъ Ишпанцевъ, то бы они съ радостію къ нимъ пристали, дабы избавиться отъ той жестокой крайности, въ какой мы тогда находились. Нѣкоторые изъ насъ караулили цѣлую ночь, и старались усмотрѣть какую нибудь гору, которая бы показала намъ, куда направить путь.

„На разсвѣтѣ, къ неожидаемому для насъ благополучію, услышали мы крикъ: корабль! корабль! Сей голосъ поразилъ всѣхъ такою радостію, что мы, забывши принести благодареніе Богу за даруемое намъ спасеніе, вдругъ вмѣстѣ стали кричать: „Сюда! сюда! „подымай парусы! опусти эшотъ! влѣ-„зай скорѣй!„ Наконецъ сдѣлавши всѣ знаки, какіе обыкновенно подаютъ съ одного корабля другому, когда хотятъ соединиться, мы приближились къ ко-

раблю. Капитанъ того судна, Мексиканецъ, былъ мнѣ знакомъ: какъ скоро онъ услышалъ, что я командую фрегатомъ; тотчасъ велѣлъ спустить въ море ботъ, и прїѣхалъ ко мнѣ предложить свои услуги. Послѣ первыхъ привѣтствїй онъ объявилъ мнѣ, что мы находимся близъ острова дель Каньо или Собачьяго, у южнаго берега Американскаго перешейка, у краю Провинцїи Коста-Рика, въ Южномъ морѣ; сей островъ находится не далѣе мили разстоянїемъ отъ твердой земли, подъ 8мъ градусомъ, 35 минутою Сѣверной широты, и есть необитаемъ. Мы рѣшились пристать къ нему вмѣстѣ, и тамъ отдохнуть.

„Какъ скоро Донъ Людовикъ де Леньяресъ (это было имя Капитана Мексиканскаго) узналъ о той крайней нуждѣ, какую мы терпѣли; тотчасъ велѣлъ привезти къ намъ на фрегатъ дичи, хлѣба, плодовъ и всякой другой пищи, способной возстановить истощенныя наши силы и привести въ забвенїе худой вкусъ старой моей собаки и ея постели. Наконецъ мы сошли на островъ, гдѣ обѣдали въ прохладной тѣни платановъ, ростшихъ на берегу прекраснаго ручейка, изливающаго свои воды за нѣсколько сотъ ша-

говъ оттуда въ море. Судно донъ Людовика нагружено было единственно съѣстными припасами, плодами и другою провизїею, которую должно было продать въ Панамѣ. И такъ мои пассажиры и матросы съ моего фрегата могли выбирать себѣ, что имъ было угодно за деньги: они взяли себѣ запасу только на четыре дня, будучи сами въ себѣ обнадежены, что въ два или три дня прїѣдутъ въ Калдеру. Что касается до меня, то донъ Людовикъ безденежно снабдилъ меня дичью всякаго роду, плодами, сухарями, вареньями, шоколатомъ и другими лакомствами; и сколько я ни намогался за все сїе заплатить, однако онъ никакъ на то не согласился, говоря, что я воздамъ ему когда нибудь тѣмъ же.

„Остатокъ дня проводили мы на семъ прїятномъ островѣ съ великимъ удовольствїемъ. При наступленїи ночи всякой пошелъ на свое судно, только одинъ донъ Людовикъ хотѣлъ переночевать на моемъ. Онъ услаждалъ меня несказанно не только веселыми своими поступками и разговорами, но также и прїятнымъ пѣнїемъ, ибо умѣлъ управлять голосомъ весьма искусно и сладко. Но какъ намъ не льзя было остаться на всегда вмѣстѣ, то мы и принужде-

ны были разлучиться на другой день; что мы и исполнили въ десять часовъ утра послѣ многократныхъ объятій и тысячныхъ увѣреній въ дружбѣ и готовности къ услугамъ.

„Оба корабля отправились каждой своимъ путемъ. Мое судно плыло такъ благополучно, что на другой же день, въ семь часовъ вечера, увидѣли мы давно желанную гавань, которая до тѣхъ поръ, казалось, не хотѣла являться нашимъ глазамъ. Весь экипажъ былъ въ несказанномъ веселіи; никто не могъ умѣрить своей радости. Я съ своей стороны столько былъ восхищенъ, что подарилъ матросамъ четвертную бочку вина, что составляло вѣсомъ около 90 фунтовъ, да столько же подарилъ имъ одинъ Генуезской купецъ, бывшей на фрегатѣ. Матросы были въ наилучшемъ расположеніи, употребить въ пользу сей подарокъ столько для нихъ вкусной: сдѣлали опытъ тотъ же часъ, и нашедши вино весьма вкуснымъ, начали празднество Бахусово. Начальникъ ихъ, кормчій, ободрялъ всѣхъ своимъ примѣромъ. Всѣ такъ исправно принялись за дѣло, что поджигая одинъ другаго, въ радости сердца весьма въ короткое время опорожни-

ли обѣ бочки. Но каково было у нихъ въ головѣ, о томъ спрашивать нѣчего.

„Генуезской купецъ, боясь, чтобы корабельные служители не забыли своей должности, и производили маневры надлежащимъ образомъ, вздумалъ для предосторожности стать между кормчимъ и тѣмъ служителемъ, которой правилъ рулемъ подъ командою кормчаго; ибо купецъ замѣтилъ, что кормчій, будучи довольно пьянъ, растянувшись на своихъ креслахъ, правилъ на бумъ, какъ будто находился въ виду извѣстной гавани. И такъ купецъ сталъ между ими въ равномъ разстояніи, чтобы повторять приказанія кормчаго, и такъ сказать, переносить его голосъ къ служителю. Эта лишняя предосторожность была причиною нашей погибели; ибо кормчій закричалъ служителю, правившему рулемъ: noroueste, al noroueste (*Сѣверозападъ*, *къ Сѣверозападу*)! какъ то и дѣйствительно намъ должно было держаться этой дороги, чтобы войти въ гавань Калдерскую; но Гунуезской купецъ, будучи заиковатъ, и говоря плохо по Ишпански, вмѣсто того, чтобы сказать al noroueste, какъ то приказывалъ кормчій, кричалъ заикаясь: al nornoroueste (*къ Сѣверо-сѣверозападу*); слѣдовательно сдѣлалъ совсѣмъ

другое направленіе. Управлявшій рулемъ, слыша сей голосъ, и думая, что это приказъ кормчаго, несомнительно направилъ путь къ Сѣверо-сѣверозападу; отъ чего фрегатъ удалился отъ порту, а приближился къ берегу.

„Между тѣмъ настала ночь: пассажиры и я спали съ великою беззаботностію; но въ два часа послѣ полуночи пробуженъ я былъ вдругъ шумомъ волнъ, разбивавшихся съ стремительностію о каменные утесы. „Что такое, „кормчій! кричалъ я. Развѣ мы хо„димъ уже въ гавань?„ Нѣсколько разъ долженъ я былъ повторить этотъ вопросъ, пока нашъ кормчій, вышедши изъ пьяной своей сонливости, поднялся со стула, чтобы осмотрѣть нашу дорогу. Но съ какимъ ужасомъ увидѣлъ онъ, что судно правимо совсѣмъ въ другую сторону, и бѣжитъ къ одной скалѣ, которую до того времени едва можно было отличить, по причинѣ ужасной темноты, распространенной отъ тѣни съ одной высокой горы, покрытой деревьями. Кормчій тотчасъ закричалъ; поворота назадъ! Но это уже было поздо, и почти въ тужъ самую минуту наше судно, гонимое стремительнымъ вѣтромъ и приливомъ, ударилось о подводную скалу съ такою

силою, что одинъ бокъ его разбился. Огромной валъ, ударившійся объ утесъ, и отразившійся назадъ, вошелъ сквозь отверстіе въ кормовую каюту, и всю ее наводнилъ.

„Тогда на всемъ суднѣ слышны были одни вопли и крики. Рыданіе и отчаяніе заступило мѣсто криковъ, веселія и восхищенія, раздававшихся незадолго передъ тѣмъ за пиршествомъ Бахусовымъ. Ничего не льзя сравнить съ тѣмъ смятеніемъ и тревогою, какая тогда повсюду царствовала: иные, проснувшись внезапно, кричали также, какъ и другіе, будучи еще полусонны, и не зная сами для чего. Шумъ, тьма, вопли: все умножало общій ужасъ. А что было всего плачевнѣе, то мы всѣ ясно видѣли, что мы погибаемъ, и никто не могъ сказать, какимъ страннымъ случаемъ мы, готовы уже будучи войти въ гавань, должны будемъ погрузиться въ безднѣ моря: я самъ также мало то зналъ, какъ и другіе. Въ такомъ ужасѣ и общемъ смятеніи находясь, одни стояли на колѣняхъ, и возсылали мольбы къ Небу о своемъ избавленіи; другіе сложа руки испрашивали Божіяго милосердія; иные даже открывали громкимъ голосомъ самыя тайныя свои прегрѣшенія,

„Что касается до меня, то я среди сихъ стенаній и воплей сохранялъ въ себѣ хладнокровіе, свойственное моему характеру, котораго я къ моему щастію никогда не теряю, въ какой бы опасности ни находился. Видя, что они всѣ погибаютъ, потому что никто не принималъ нужныхъ мѣръ въ той крайности, въ какой мы находились, я сталъ ободрять сихъ нещастныхъ, и уговаривалъ ихъ, трудиться всѣми мѣрами, какъ бы имъ спастися. Тотчасъ приказалъ срубить мачты, и схватиться за доски, бревна и другія вещи, которыя могли бы насъ держать на водѣ, и съ помощію коихъ могли бы мы вплавь достигнуть берега, способнаго къ нашему спасенію. Потомъ приказалъ я бросить въ море все то, что своею тяжестію обременяло корабль и пособляло тонуть ему скорѣе. Съ сими предосторожностями и съ помощію насосовъ, отдалилъ я кораблекрушеніе до ранней зари.

„Но болѣе всего послужилъ намъ къ спасенію тотъ совѣтъ, которой я имъ далъ; а именно, я велѣлъ имъ взять длинныя веревки, и одному держаться за одинъ конецъ, другому за другой. Сія предосторожность спасла жизнь многимъ; ибо когда наконецъ фрегатъ,

раскрывшись со всѣхъ сторонъ, сталъ погружаться въ море, и уже насосы намъ не помогали: то всѣ принуждены были броситься вплавь, и на бревнахъ и доскахъ силились достигнуть берега: тогда часто случалось, что тотъ, кто прежде присталъ къ землѣ, тащилъ за собою и своего товарища, державшагося за другой конецъ веревки, когда даже сей послѣднiй готовъ уже былъ утонуть. Такимъ способомъ и я вытащилъ за собою *кормчаго*, хотя онъ того и не стоилъ. Почти всѣ мы избавились отъ сей опасности, выключая пятерыхъ или шестерыхъ, кои съ великою силою увлечены были стремительностiю волнъ, и разбиты или о подводные камни, или о самой корабль.

„Спустя нѣсколько часовъ послѣ кораблекрушенiя, сдѣлался отливъ, и нашъ фрегатъ остался почти на сушѣ, такъ что мы удобно могли вынуть изъ него все и перетащить на землю. Мы почти ничего не потеряли; ибо намъ удалось даже собрать большую часть тѣхъ вещей, которыя я велѣлъ бросить въ море. Принесши благодаренiе Богу за сохраненiе нашей жизни, стали мы жечь свое судно, чтобы достать изъ него желѣзо, которое мы и собрали въ одно мѣсто на берегу, гдѣ также поло-

жили всѣ наши пожитки и провизію подъ густыми и частыми деревьями, гдѣ можно имъ было оставаться всегда въ тѣни и въ защитѣ отъ зною солнечнаго.

„А какъ не было нашего намѣренія остаться здѣсь надолго; то я уговаривалъ своихъ товарищей, чтобъ они выбрали кого нибудь начальникомъ надъ всѣми (*), представляя имъ, что безъ того между нами будетъ одинъ безпорядокъ и замѣшательство. Они всѣ просили меня единогласно и весьма усильно, принять на себя сіе попеченіе, на что я и согласился. Воспользовавшись немедленно своимъ правомъ, раздѣлилъ я свою команду на три отряда; одинъ послалъ искать воды, въ которой мы имѣли крайнюю нужду; другой отправилъ добывать провизіи; ибо та, которую мы достали съ кора-

---

(*) Какъ скоро корабль потонетъ, или разобьется, то послѣ сего кораблекрушенія Капитанъ лишается уже права своего командовать прочими: всякое различіе и подчиненность, соблюдаемая на кораблѣ, тотчасъ перестаетъ, и все то, что изъ остатковъ корабельныхъ выбрасывается на берегъ, почитается для всѣхъ общимъ.

бля, вся вымокла и не годилась въ пищу; третій отрядъ долженъ былъ рекогносцировать ту землю, и развѣдать, нѣтъ ли тамъ какихъ жилищь: ибо кормчій утверждалъ, что мы находимся за три или за четыре мили отъ Калдеры. Первой отрядъ скоро возвратился, и принесъ прекрасной прѣсной воды, которую онъ нашелъ по близости оттуда. Второй возвратился нѣсколько минутъ послѣ съ дикими плодами довольно невкусными, съ черепашьими яйцами, и притомъ посыланные объявили, что видѣли они ежа и куръ Никарагуанскихъ, называемыхъ у насъ обыкновенно Индѣйскими курами.

„Радуясь сему открытію, я послалъ опять набрать больше воды и черепашьихъ яицъ. На семъ берегу было такое невѣроятное множество сихъ яицъ, что во всякой песчаной землѣ находили ихъ сша два или три. Мы ѣли ихъ съ великимъ аппетитомъ, не смотря на то, что у нихъ вкусъ и запахъ былъ нѣсколько гниловатой и какъ будто болотистой.

„Остатокъ дня провели мы, строя себѣ небольшія бесѣдки изъ пальмовыхъ вѣтвей. При захожденіи солнечномъ увидѣли свой третій отрядъ возвращающійся; радовались заблаговременно,

думая, что они конечно нашли какія нибудь жилища. Но они объявили намъ, что встрѣтили на пути большую рѣку, весьма глубокую и быструю, въ которой притомъ водится множество крокодиловъ, такъ что имъ не возможно было ее переѣхать. Я сдѣлалъ имъ выговоръ, что такое препятствіе могло ихъ остановить: ибо имъ стоило только нарубить лѣсу, сдѣлать себѣ плотъ, и на немъ переѣхать черезъ рѣку. Опасаясь, чтобъ они и въ другой разъ не сдѣлали подобной глупости, я рѣшился самъ итти съ ними на слѣдующій день.

„На другой день, поручивши одному изъ оставшихся начальство надъ прочими, разстались мы съ ними; и я объявилъ имъ, что естьли они черезъ недѣлю не получатъ обо мнѣ извѣстія, то оставили бы сіе мѣсто, и шли бы по моимъ слѣдамъ искать щастія; но остерегались бы удаляться отъ берегу. — Вотъ въ какомъ нарядѣ я отправился: на мнѣ были шаровары изъ шитаго атласу, гораздо шире обыкновеннаго нижняго платья, носимаго Ишпанцами, камзолъ бѣлой съ галуномъ изъ Неапольскаго золота, съ такими же петлицами и пуговицами, а сверху казакъ (родъ плаща короткаго) бархатной

перловаго цвѣту съ висячими руками; шляпа бѣлая бобровая; два пистолета и два штыка въ поясѣ; въ кошелькѣ было у меня сто пистолей и часы. Сверхъ того въ рукѣ несъ я шпагу, и къ шарфу привязана была цѣль съ моего ружья съ патронами пороху и пулей. Ружье мое несъ одинъ матросъ; оно было самая лучшая вещь изъ всего того, что мы съ собой имѣли: ибо не только могло служить намъ защитою, но и притомъ всѣ мы полагали въ немъ *единственную надежду* къ нашему прокормленїю. Прочїе, кромѣ шпагъ, несли топоръ, веревку, ножъ, огниво съ кремнемъ, сталью, трутомъ и сѣрными спичками.

„Часа два продолжали мы путь по дорогѣ песчаной и весьма тяжелой, пока пришли къ рѣкѣ, которую назвали крокодиловою, хотя правду сказать, въ ней было не такъ много сихъ животныхъ, какъ намъ возвѣстили первые посыльные. Намѣреваясь черезъ нее переправиться, рѣшились мы итти по берегу вверхъ рѣки до перваго лѣску, гдѣ бы можно намъ было срубить лѣсу для плотовъ. За двѣ мили оттуда нашли мы рощу; вырубили лѣсу; взяли его на плеча, сколько намъ нужно было; воротились тою же дорогою на-

задъ внизъ рѣки даже до того мѣста; которое мы прежде оставили: ибо намъ не хотѣлось отдаляться отъ берегу; въ той надеждѣ, что мы, по словамъ кормчаго, достигнемъ гавани Калдерской.

„Сдѣлавши себѣ плотъ, сколько можно было лучше, съ помощію топоровъ и веревокъ, мы осмѣлились пуститься на немъ черезъ рѣку, которая была чрезвычайно быстра. На плоту сдѣлали для меня нѣкоторой родъ лавочки изъ тростнику; я вошелъ на него первой, взявши у своего оруженосца ружье. Кормчій сталъ на одномъ концѣ, а на другомъ матросъ здоровой и крѣпкой: у каждаго изъ нихъ былъ длинной шестъ и по два весла. А какъ всѣмъ намъ никакъ не льзя было стать на плоту, ибо мы боялись; что онъ потонетъ: то и раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна осталась на берегу рѣки и должна была ожидать возвращенія плота; къ нему только привязали длинную веревку, за тѣмъ, чтобы оставшіеся могли притащить его назадъ, какъ скоро мы первые переѣдемъ. Такимъ образомъ переправились всѣ черезъ рѣку. Мы опять взяли съ собою веревки; надѣясь, что онѣ намъ еще будутъ нужны, а я при-

казалъ бросить въ воду лѣсъ плота, чтобы отнять у своихъ товарищей всю надежду возвратиться назадъ, пока мы не найдемъ какого нибудь жилища, и не узнаемъ, находимся ли на острову, или на твердой землѣ. Еще около шести миль прошли мы далѣе, потомъ переправились черезъ другую рѣку точно такимъ же образомъ, какъ и черезъ первую.

„Когда солнце склонялось уже къ западу, то мы пришли на равнину довольно пространную, гдѣ и остановились, будучи всѣ чрезвычайно утомлены. Я больше другихъ усталъ, ибо какъ мы шли по мѣстамъ мокрымъ и болотистымъ, то мои башмаки такъ размокли, что кожа на нихъ чрезвычайно разбухла и растянулась; притомъ же вошедшій въ нихъ песокъ весьма меня безпокоилъ. И для того я ихъ бросилъ имѣя отъ нихъ больше досады, нежели пользы.

„Между тѣмъ, какъ мы смотрѣли во всѣ стороны и искали глазами возвышеннаго мѣста, гдѣ бы намъ расположиться и провести ночь, мы услышали нѣкоторой шумъ по близости отъ одного стараго засохлаго дерева, у котораго пень былъ дупловатой. Мы приближились къ нему, желая узнать при-

чину, и увидѣли вылѣзающую изъ дупла толстую ящерицу, которую жители сей земли называютъ игуаною. Это животное на взглядъ самое мерзкое, какое только сотворила Природа, но за то мясо его весьма вкусно, и очень походитъ на цыпленка. Кормчій ударилъ ее топоромъ и разсѣкъ на двое. Такая находка весьма насъ порадовала, ибо намъ нужно было подкрѣпить свои силы, которыя отъ долгаго и труднаго пути, а еще болѣе отъ недостатку пищи, почти совсѣмъ истощились. Этой ящерицы было намъ слишкомъ довольно для хорошаго супу: ибо она была длиною въ три четверти аршина. Изжаривши ее на угольяхъ, мы поѣли, и послѣ уснули спокойно.

„На разсвѣтѣ слѣдующаго дня пошли мы опять въ путь. Въ шесть часовъ перешли гору весьма утесистую; потомъ шли черезъ лѣсъ заросшій колючимъ терновникомъ; намъ хотѣлось миновать мысъ, которой заставилъ бы насъ сдѣлать большой кругъ. Тутъ-то перенесъ я несказанныя трудности. Чулки у меня изорвались, а какъ я не привыкъ ходить босыми ногами, то въ скоромъ времени они покрылись рубцами и мозолями. Зло еще болѣе увеличилось, когда мы

вышедши изъ лѣсу, очутились на берегу моря; знойной песокъ, раскалившись отъ жару солнечнаго, столь несносно жегъ мои ноги, что на подошвахъ вскочили большіе пузыри величиною съ голубиное яйцо: эти пузыри лопнули, песокъ проникъ внутрь даже до живаго мяса, и произвелъ несносную боль. Всѣ мои товарищи сжалились надъ моимъ состояніемъ, и принудили меня остановиться на берегу ручейка, возлѣ котораго они сплели для меня сѣнь изъ вѣтвей: тутъ мы укрылись отъ зною солнечнаго, которой былъ тогда нестерпимъ.

„Между тѣмъ, какъ нѣкоторые изъ насъ тутъ отдыхали, другіе пошли не далеко оттуда въ ущелины горъ, до которыхъ доставали морскія волны, искать и собирать великое множество морскихъ улитокъ, коихъ жители сей страны называютъ Бургадосами, и питаются ими обыкновенно. Намъ надобно было только ихъ изжарить; мы бы весьма желали ихъ сварить, но у насъ не было никакого сосуда, во что бы ихъ положить; и такъ надобно было довольствоваться тѣмъ, что мы ихъ жарили на угольяхъ, и ѣли также съ аппетитомъ.

„Послѣ обѣда надобно было продолжать опять путь. Я также принужденъ былъ итти, не смотря на свои пузыри; мнѣ обвязали ноги, какъ можно было лучше, тряпками, и сдѣлали нѣкоторой родъ онучь, какія мы обыкновенно видимъ у нищихъ. Мы продолжали путь даже до захожденія солнечнаго, пока пришли на берега большаго озера, гдѣ облѣпило насъ такое множество комаровъ, что, не смотря на нашу усталость, намъ не можно было остановиться тутъ, и мы принуждены были для избѣжанія отъ нихъ итти даже до десяти часовъ ночи. Эту ночь провели мы съ великимъ безпокойствомъ, тѣмъ больше, что боялись нападенія дикихъ Индѣйцовъ: ибо видѣли свѣтъ сквозь деревья ближняго лѣсу; однако страхъ нашъ былъ неоснователенъ.

„На другой день, продолжая нашъ путь, мы пришли къ одному ручью на берегу котораго разведенъ былъ огонь и разбросано великое множество платановыхъ скорлупъ; изъ чего мы и заключили, что вблизи должны быть деревья платановыя; но тщетно искали ихъ повсюду, и потому догадывались, что сіи плоды принесены сюда изъ другаго мѣста. Около полу-

дня пришли мы къ большой рѣкѣ, коей берега покрыты были древними лѣсами, распространявшими пріятную тѣнь. Сильный голодъ заставилъ насъ кинуть сѣть, и намъ удалось поймать трехъ большихъ рыбъ, которыхъ мы изжарили. Черезъ рѣку переправились обыкновеннымъ образомъ на плоту, и продолжали путь до другой рѣки, гораздо большей, на берегу которой провели ночь и спали: одинъ изъ насъ былъ караульнымъ, ибо мы боялись нападенія Индѣйцовъ.

„*При* наступившемъ днѣ мы увидѣли около себя множество пальмовыхъ деревъ, съ которыхъ срубили нѣсколько вѣтвей, и ѣли ихъ внутренность, хотя она не имѣла почти никакого вкуса, и очень похожа была вкусомъ на восковую свѣчу. Нѣсколько поодаль, нашли мы нѣкоторой родъ плодовъ, цвѣтомъ похожихъ на шелковицу, а величиною съ абрикозъ. Жители называютъ ихъ икакосами. Они вкусомъ кисло-сладковаты, и весьма пріятны. Мы принялись за нихъ охотнѣе, нежели за внутренности пальмовыхъ вѣтвей. Послѣ чего воротились опять къ морскому берегу, прошедши лѣсъ и гору. Тутъ увидѣли множество морскихъ раковъ, и заранѣе уже радовались вку-

сному обѣду, которой хотѣли приготовить: однако весьма ошиблись въ нашемъ чаяніи. Прыгуны такъ искусно владѣли кривыми своими лапами, что самые проворные изъ насъ не могли поймать ихъ больше четырехъ. Но за то увидѣли мы великое множество попугаевъ на ближнихъ деревьяхъ; я тотчасъ принялся за свое ружье, которое до сихъ поръ было безъ употребленія, и убилъ шестерыхъ, кои намъ весьма пригодились. Этотъ родъ попугаевъ называется papegai; мясо ихъ правда черно и жестко, однако довольно пріятно; когда они молоды, и слѣдовательно нѣжнѣе, то это Царской кусокъ. Продолжая итти далѣе, достигли мы нѣкотораго мыса, гдѣ хотѣли провести ночь, и нашли тамъ довольно плодовъ называемыхъ икакосами. Спѣлые ѣли мы сырые, а прочіе пекли.

„Слѣдующій день былъ уже пятой, какъ мы предприняли путь. Еще двѣ рѣки переплыли на плотахъ, и не находили никакой пищи даже до шести часовъ вечера: тогда я убилъ павлина. Онъ прилетѣлъ, къ нашему щастію, и сѣлъ на вершинѣ того дерева, подъ которымъ я отдыхалъ. Это былъ Королевской обѣдъ, и мы до сихъ поръ не имѣли лучшаго куска. На другой день

пришли мы къ пустому шалашу, въ которомъ нашли множество зрѣлыхъ платановъ. Половину изъ нихъ съѣли, а другую взяли съ собою на случай нужды, правда не безъ страха, чтобы кто не засталъ насъ при семъ воровствѣ, или послѣ не погнался бы за нами въ слѣдъ; но къ щастїю мы никого не видали. Продолжая итти до ночи, пришли къ рѣкѣ, на берегу которой провели ночь, поужинавши унесенныхъ платановъ. Хотя мы много ихъ ѣли въ *этотъ день, и хотя эта пища* весьма нездорова, потому что она слишкомъ прохладительна: однако къ нашему щастїю никто изъ насъ не занемогъ.

„Въ слѣдующїй день четверо изъ нашей компанїи пошли за двѣ мили оттуда на гору, искать лѣсу для построенїя плоту, на которомъ бы намъ переправиться черезъ рѣку; остался я одинъ съ товарищемъ. Почти не въ состоянии былъ держаться на ногахъ. Однако не смотря на то, должно мнѣ было встать спустя минуту послѣ того, какъ они ушли; щастливая находка стоила сего труда: шаговъ за пятьдесять отъ меня сѣло на деревѣ цѣлое стадо дикихъ голубей. Я почти на четверенькахъ подползъ подъ дерево,

частію отъ усталости, частію потому, что боялся ихъ спугнуть.

„Небо благословило мой трудъ; мнѣ удалось однимъ выстрѣломъ дробью убить осьмнадцать; и мои товарищи, возвратившись назадъ, очень удивились, нашедши у насъ пирушку совсѣмъ неожиданную. Въ великой радости они и забыли то, что къ полному веселію нѣтъ у нихъ вина. Финики, принесенные ими изъ лѣсу, служили намъ вмѣсто хлѣба.

„Послѣ сего вкуснаго обѣда пустились мы опять въ дорогу; я собралъ всю свою бодрость и слѣдовалъ за прочими, сколько мнѣ позволяли мои силы; но прошедши нѣсколько часовъ, и не будучи никакъ въ состояніи держаться на больныхъ моихъ ногахъ, я просилъ товарищей своихъ оставить меня въ семъ мѣстѣ и продолжать путь безъ меня, представляя имъ, что несправедливо было бы, для одна́го человѣка погибать многимъ; впрочемъ обѣщалъ имъ, какъ скоро я укрѣплюсь на ногахъ, то поспѣшу за ними, сколько могу; заклиналъ ихъ, что естьли найдутъ они какое нибудь жилище Ишпанцевъ, то бы воротились ко мнѣ; а естьли сія страна пуста и необитаема, то бы они поступали такъ,

какъ лучше разсудятъ; болѣеже всего совѣтовалъ имъ сохранять всегда доброе согласїе и единодушїе.

„Не льзя себѣ представить, сколько тронули сїи слова участниковъ въ моемъ бѣдствїи; они не могли удержаться отъ слезъ; всѣ единогласно противились моему намѣренїю; клялись, что не оставятъ меня, хотя бы должно имъ было подвергнуть жизнь свою опасности; наконецъ предложили, нести меня на плечахъ. Я отвергъ сїе предложенїе, говоря, *что это будетъ* для нихъ тягостно и замедлитъ ихъ путь; прибавилъ также, что время для нихъ дорого, и нужно имъ какъ можно поспѣшнѣе исполнить свое намѣренїе, достигнуть гавани Калдерской. Но всѣ мои представленїя не помогли; они упорно стояли въ своемъ мнѣнїи, и я принужденъ былъ наконецъ уступить. Съ сердечнымъ веселїемъ взяли они на себя сїю тягость, и попеременно несли меня даже до семи часовъ вечера.

„Тутъ они остановились, какъ для отдохновенїя, такъ и для того, чтобъ утолить голодъ, а особливо жажду. Къ щастїю нашли тѣхъ самыхъ улитокъ, которыя извѣстны подъ именемъ бургадосовъ; мы ихъ изжарили на угольяхъ. Но этого было еще недо-

вольно: усталость и солнечной зной, которой палилъ насъ во весь тотъ день, истощилъ совершенно наши силы; горло у насъ пересохло, а прѣсной воды не было, чтобы прохладить нестерпимой жаръ. Къ щастiю, прошедши далѣе около мили, увидѣли мы прекраснѣйшую рѣку. На берегахъ ея съ обѣихъ сторонъ росли высокiя платановыя деревья, коихъ вѣтви нависши на воду составляли прiятнѣйшую алею на такое разстоянiе, какое только можно было обьять взоромъ.

„Мы возблагодарили Бога за сiю добрую находку, и утолили жажду свою съ жадностiю; радость наша еще болѣе умножилась, когда кормчiй, осмотрѣвши прилѣжнѣе сiю страну, объявилъ намъ, что онъ узнаетъ это мѣсто, и что эта прекрасная рѣка, которой мы столько удивляемся, есть рѣка Святаго Антонiя. Онъ также увѣрялъ насъ, что за четыре мили отсюда есть богатое помѣстье, обилующее стадами, принадлежащее Алонзу Макотелѣ, гражданину города Эспарзы, что въ провинцiи Коста-рикѣ. Одинъ изъ нашей компанiи столько восхищенъ былъ симъ извѣстiемъ, что вынулъ свою записную книжку, и замѣтилъ этотъ щастливой день. Плоды сихъ высокихъ деревъ,

коихъ густотѣ вѣтвей и пріятной тѣни мы не могли довольно надивиться, служили намъ вмѣсто ужина въ сей день; а чтобы столъ нашъ сдѣлать изъ различныхъ блюдъ, то мы иные ѣли сырые, иные жареные, а иные печеные. Послѣ чего переправились черезъ рѣку на плоту, и какъ ночь настала, то мы уснули гораздо спокойнѣе, нежели въ прежнія ночи.

„На другой день, трое изъ нашихъ товарищей отправлены въ помѣстье Макотелы; а я съ двумя другими оставался на мѣстѣ во весь этотъ день и въ слѣдующій; питались мы раками, которыхъ ловили въ рѣкѣ. Товарищи мои были тотъ Генуезской купецъ, о которомъ я прежде говорилъ, и еще одинъ духовникъ изъ Мерси. Сей послѣдній долженъ былъ въ ночь на другой день стоять караульнымъ, между тѣмъ какъ мы спали, изъ предосторожности, чтобы кто нечаянно на насъ не напалъ. Но нашъ караульный, привыкши лучше отправлять свои церковныя обязанности, нежели воинскія, заснулъ также, какъ и мы. Между тѣмъ въ одиннадцать часовъ ночи вдругъ пробудился я, услыша нѣкоторой голосъ, и какъ мнѣ казалось произносящій мое имя. Я кликалъ караульнаго,

думая отъ него навѣдаться; но какъ не было отъ него ни гласа, ни послушанія, то я приподнялся, и въ тоже время явственно услышалъ, что меня кличутъ, хотя издали.

„Тотчасъ я разбудилъ обоихъ моихъ товарищей: спустя минуту увидѣли мы на рѣкѣ большой плотъ, и на немъ больше двадцати человѣкъ. Начальникомъ ихъ былъ донъ *Доминго де Шаваррія*, родомъ изъ Наварры, священникъ города Эспарзы. Трое наши посланные въ помѣстье Макотелы, встрѣтили его тамъ, и сказали ему, въ какомъ *состояніи* остались мы на берегу рѣки Св. Антонія, гдѣ мы ожидали ихъ возвращенія. Сей доброй священникъ, тронутый сожалѣніемъ, пошелъ къ намъ на помощь съ разною пищею для подкрѣпленія нашихъ силъ. Онъ навѣдался о мѣстѣ, гдѣ насъ найти, и немедленно поѣхалъ со всѣми своими домашними, съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ и со всякою провизіею, какую могъ собрать. Узнавши, кто онъ и съ какимъ намѣреніемъ пришелъ къ намъ; я бѣжалъ обнять его, какъ скоро сошелъ онъ на берегъ, изъявляя ему ту живѣйшую признательность, какую чувствовало мое тронутое сердце. Радость двухъ моихъ товарищей была

не меньше моей: мы всѣ видѣли, что наконецъ избавились отъ опасности погибнуть голодомъ или отъ дикихъ Индѣйцевъ; всѣ видѣли, что тутъ кончились наши бѣдствія. Великодушный Донъ Доминго и его компанія были также крайне рады.

„А какъ ни время, ни мѣсто не было способно для долговременной бесѣды, то мы всѣ переправились на плоту черезъ рѣку. На другомъ берегу всѣ сѣли на лошадей, кромѣ меня: ибо больныя мои ноги и слабость во всемъ тѣлѣ того не позволяла; и такъ посадили меня въ носилки или лучше сказать въ висячую люльку, какія въ великомъ употребленіи во всѣхъ сихъ западныхъ странахъ. Шестеро Индѣйцевъ, люди крѣпкіе и сильные, несли меня на плечахъ, попарно перемѣняясь; и самые лучшіе лошаки не могли бы везти проворнѣе. Такимъ образомъ не задолго до разсвѣту прибыли мы въ помѣстье Макотелы, гдѣ и отдохнули нѣсколько времени; потомъ отправились опять въ путь, и пріѣхали въ *Эспарзу*. Мѣстоположеніе сего города обворожительное: стоитъ онъ на небольшомъ возвышеніи; не очень пространенъ; въ немъ только одинъ приходъ и два монастыря.

„Меня принесли въ домъ Дона Доминго, гдѣ я нашелъ трехъ своихъ товарищей, отправленныхъ нами прежде.

„Первое наше старанїе, по прибытїи въ сїе убѣжище, было, воздать искреннее благодаренїе Богу за его святой промыслъ; второе, послать курьера въ Кароагенъ, столичной городъ провинцїи Коста-Рики, и увѣдомить о моемъ прїѣздѣ въ Эспарзу Дона Жуана де Салинаса, Губернатора и Генерала той провинцїи, Кавалера Ордена Калатравскаго. Я познакомился съ нимъ въ Лимѣ, гдѣ мы заключили между собою тѣсную дружбу. Курьеръ съ такимъ усердїемъ исполнилъ возложенную коммисїю, что черезъ сутки послѣ его отъѣзда увидѣлъ я самаго Губернатора, входящаго въ мою комнату. Послѣ первыхъ привѣтствїй, я раскazалъ ему всѣ обстоятельства и слѣдствїя нашего кораблекрушенїя. Тотчасъ по моей прозьбѣ онъ отправилъ фрегатъ, чтобы взять оставшихся соучастниковъ моего нещастїя, которые конечно пришли въ унынїе ожидая насъ такъ долго.

„Посланные, взявши всѣ потребныя освѣдомленїя о высотѣ и мѣстѣ, гдѣ искать оставленныхъ, отправились туда немедленно; но черезъ два дня воз-

вращились назадъ и объявили, что не нашли никого. Однако мы стали сомнѣваться, довольно ли они обратили вниманія на тѣ примѣты, какія имъ были сообщены; и для того Донъ Жуанъ де Салинасъ отправилъ другое судно, и далъ приказъ экипажу сойти на берегъ и употребить всѣ возможные способы къ развѣдыванію о моихъ товарищахъ. Они, прибывши къ назначенному мѣсту, сошли на берегъ; но какъ тамъ ничего не видали, то Капитанъ отрядилъ самыхъ *проворнѣйшихъ* изъ матросовъ и отправилъ ихъ во всѣ стороны дѣлать розыски. Они обходили больше двухъ миль, удаляясь на право и на лѣво, но не находили ничего. Наконецъ видя, что ихъ старанія безуспѣшны, возвращались назадъ къ судну, отдать отчетъ въ своемъ поискѣ.

„Приближаясь уже къ баркѣ, одинъ изъ нихъ увидѣлъ на песчаной равнинѣ большую кучу листьевъ, и ему показалось, что она навалена тамъ не безъ намѣренія. Онъ вздумалъ разгребать ее ногою, и нашедши подъ ней нѣкоторыя платья, желѣзныя инструменты, ящики, кипы товаровъ, пришелъ въ крайнее удивленіе: ни онъ, ни его товарищи не могли понять, за чѣмъ

сїи вещи тутъ оставлены. Подумавши о томъ нѣсколько времени, рѣшились они взять ихъ всѣхъ къ себѣ на судно; послѣ чего возвратились назадъ и отдали намъ отчетъ въ исполненїи возложеннаго на нихъ дѣла. Всѣ въ Эспарзѣ, а наконецъ и я самъ, стали думать, что дикїе напали на моихъ товарищей, и увели ихъ въ свои жилища: я уже отчаялся ихъ когда нибудь видѣть.

„Спустя четыре дня послѣ того; случилось мнѣ вмѣстѣ съ Губернаторомъ обѣдать у священника; въ то самое время прискакалъ верховой, и съ великимъ ужасомъ объявилъ намъ, что между лѣсомъ и моремъ видѣлъ онъ сильную армїю Англїйскую. Страхъ его былъ убѣдительнѣе самыхъ словъ; тотчасъ всѣ поднялись, побѣжали бить вездѣ тревогу: ибо всѣ жители въ городѣ были худо вооружены, а еще хуже знали дисциплину, почему и были бы не въ состоянїи сдѣлать упорнаго сопротивленїя. Губернаторъ сѣлъ на лошадь, я также слѣдовалъ за нимъ; чтобы помочь ему дѣлать всѣ нужныя распоряженїя, не смотря на то, что я самъ еще не оправился. Шумъ и волненїе умножалось болѣе и болѣе. Со всѣхъ сторонъ прибѣгали вѣстники, и

говорили, что непрїятель приближается.

„Донъ Жуанъ и я выѣхали изъ города, желая сами въ томъ удостовѣриться; но не успѣли мы сдѣлать пятидесяти шаговъ, какъ увидѣли бѣдную толпу моихъ товарищей, которые одни могли столько всѣхъ напугать, что почли ихъ страшною Англїйскою армїею. Жители сихъ береговъ столько *страшатся* Англїйскихъ Корсаровъ (Флигустїйцевъ), что самая малость можетъ привести ихъ въ крайнее безпокойство: сей самой страхъ былъ причиною, что они пятьдесятъ человѣкъ утомленныхъ и безоружныхъ сочли за сильную непрїятельскую армїю. Я много смѣялся ихъ пустому ужасу, узнавши тому причину, и радовался чрезвычайно видя соучастниковъ моего нещастїя, избѣгнувшихъ той опасности, какой я страшился въ разсужденїи ихъ. Распрашивая о томъ, что съ ними случилось послѣ нашей разлуки, узналъ отъ нихъ, что они дожидались меня еще три дни послѣ сроку, и видя, что я не возвращаюсь, рѣшились искать щастїя своего послѣдуя моему совѣту; они шли вдоль по берегу, почти по моимъ слѣдамъ, и пи-

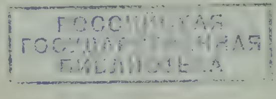
тались почти тѣми же способами, какими и я.

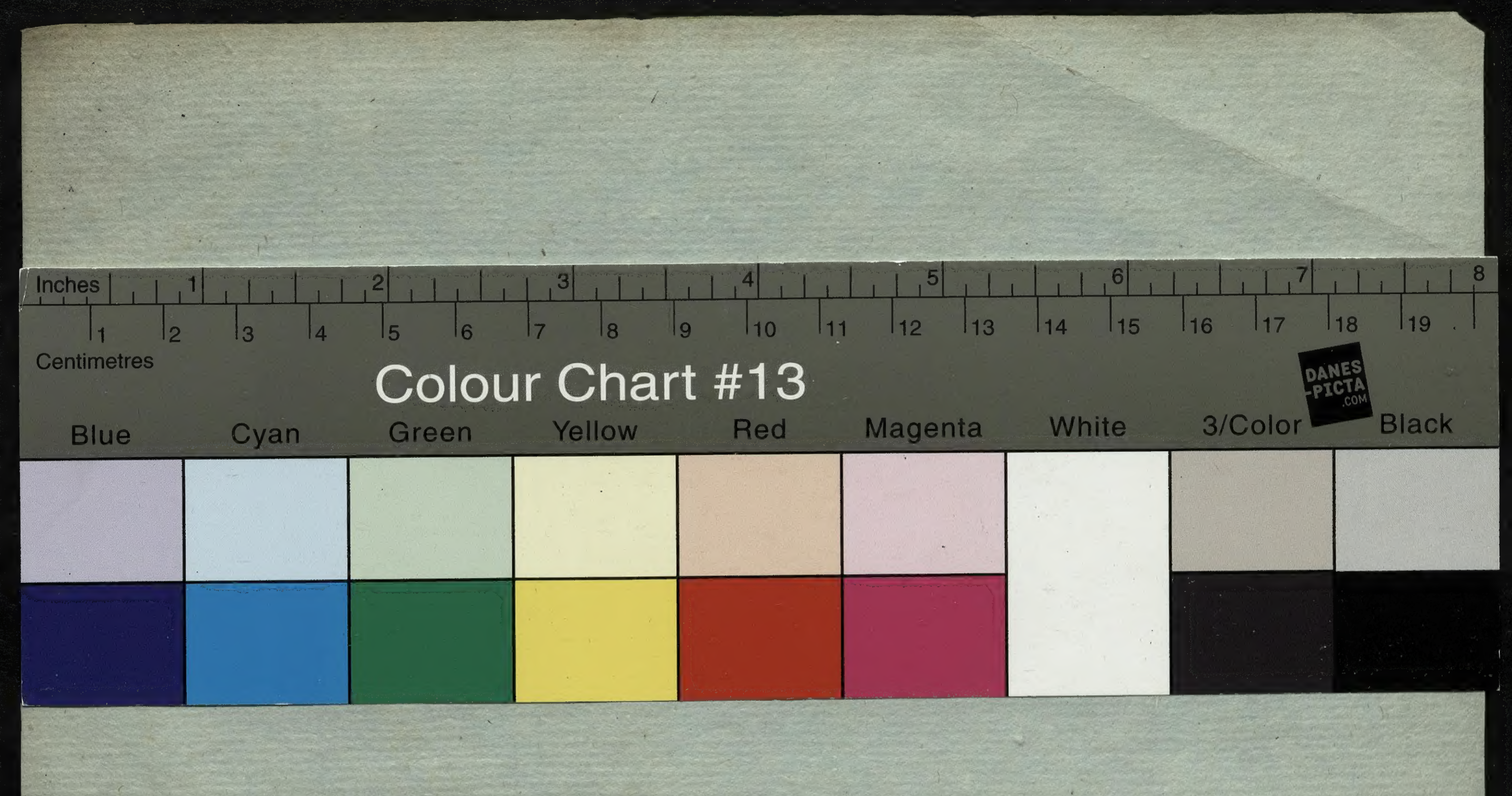
„Около мѣсяца пробылъ я еще въ Эспарзѣ, откуда выѣхалъ наконецъ съ хорошими проводниками, будучи весьма доволенъ дружескимъ прiемомъ и угощенiемъ гостепрiимнаго Дона Доминга, и взявши рекомендательныя письма отъ Донъ Жуана де Салинаса къ Вицерою Новой Ишпанiи, бывшему его родственнику.„

Конецъ второй Части.

Inches
Centimetres
Colour Chart #13
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black
DANES-PICTA.COM

